ДБ
20
Т67
ТРИ
ВЕКА
-3-
М. 1912.

ТРИ ВЕКА.

DB
20
T67

ТРИ ВѢКА.

РОССІЯ ОТЪ СМУТЫ ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ В. В. КАЛАША

ТОМЪ III.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

3 Л13

ВЪ ИЗДАНІИ ПРИМУТЪ УЧАСТІЕ:

проф. Д. И. Багалѣй, проф. М. М. Богословскій, С. К. Богоявленскій, В. Н. Бочкаревъ, Н. Л. Бродскій, акад. А. Н. Веселовскій, Л. И. Гальберштадтъ, пр.-доц. Ю. В. Готье, Н. В. Давыдовъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, В. П. Дроздовъ, Д. А. Жариновъ, пр.-доц. А. И. Заозерскій, проф. Н. Ѳ. Каптеревъ, А. А. Кизеветтеръ, проф. М. К. Любавскій, В. В. Нечаевъ, Н. М. Никольскій, проф. И. Х. Озеровъ, В. И. Пичета, проф. С. Ѳ. Платоновъ, пр.-доц. М. А. Поліевктовъ, И. И. Поповъ, пр.-доц. А. Е. Прѣсняковъ, проф. С. В. Рождественскій, П. Н. Сакулинъ, К. В. Сивковъ, И. М. Соловьевъ, В. Н. Сторожевъ, пр.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, В. Я. Улановъ, Д. И. Успенскій, В. Е. Чешихинъ-Вѣтринскій и др.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
495687

Типографія Т-ва И. Д. СЫТИНА. Пятницкая улица, свой домъ.
Москва. — 1912.

XVIII

ВЕКА.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА.

XVII вѣкъ и реформа Петра Великаго.

Петръ Великій унаслѣдовалъ отъ предшественниковъ направляющія реформу силы, ясно опредѣлившійся планъ реформы и частичные опыты ея осуществленія, а главное—уже сложившееся сознательное отношеніе къ реформѣ части русскаго общества, давшаго активныхъ сотрудниковъ Петру. Въ этомъ отношеніи переходъ отъ царствованія и политики дѣда, отца и брата Петра къ реформамъ послѣдняго былъ вполнѣ естественнымъ и необходимымъ, какъ разные фазисы одного и того же процесса. Уже въ XVII в. ясно опредѣлились тѣ международныя отношенія, мирныя и военныя, которыя имѣли рѣшительное вліяніе на событія и реформы Петровскаго времени. Объединенная подъ властью московскихъ государей великорусская народность при предшественникахъ Петра достигла своихъ національныхъ границъ, которыя далеко не совпали съ границами естественно-географическими, экономическими и, если можно такъ выразиться, вѣроисповѣдными Округленіе границъ русскаго государства въ этихъ отношеніяхъ и составило, уже начиная съ эпохи обоихъ Грозныхъ Ивановъ, въ теченіе всего Московскаго періода, сознательную задачу московской дипломатіи. Выдвигаются вопросы дальне-восточный (сибирскій), крымско-турецкій, малороссійскій, балтійскій и другіе менѣе важные (какъ, напримѣръ, кавказско-персидскій). Изъ нихъ нѣкоторые были почти ликвидированы (малороссійскій), другіе же были опредѣленно поставлены и напряженно разрабатывались, когда вступилъ на престолъ Петръ I. Самыми важными изъ нихъ были два—вопросъ крымскій и балтійскій. Лучшіе руководители московской ди-

пломатіи вполнѣ подготовили теоретически и практически разрѣшеніе этихъ вопросовъ,—уяснили себѣ степень важности и возможности разрѣшенія каждаго изъ нихъ.

Уже Иванъ Грозный понялъ безцѣльность завоеванія Крыма, который отдѣлялся отъ Россіи необъятной полосой незаселенной степи, дѣлавшей почти неразрѣшимою эту задачу, въ чемъ печально убѣдилась царевна Софья послѣ того, когда ея фаворитъ кн. В. В. Голицынъ оставилъ въ степяхъ двѣ громадныя арміи. При этихъ условіяхъ даже успѣшное завоеваніе хищника въ его гнѣздѣ не сдѣлало бы этого гнѣзда прочнымъ пріобрѣтеніемъ Россіи, но зато поставило бы послѣднюю въ плотную съ такимъ грознымъ и могучимъ сосѣдомъ, какъ султанъ турецкій, сюзеренъ Крыма. Независимый татарскій Крымъ былъ хотя и колючимъ, но все же достаточнымъ буферомъ между Москвою и Стамбуломъ. Въ рѣшеніи крымскаго вопроса уже старая династія нашла медленное, но раціональное средство. Приближеніе къ Черноморью шло путемъ земледѣльческой и военной колонизаціи, не только защищавшей центръ отъ хищниковъ, но удовлетворявшей нуждамъ народнаго хозяйства и побѣждавшей пустую степь, какъ главное препятствіе къ Черному морю, что относительно было достигнуто только при Екатеринѣ II. Азовскіе походы Петра I были не столько попыткой ускореннаго разрѣшенія этого вопроса, сколько пробой западно-европейскаго оружія на азіатскомъ театрѣ войны. Прутскій походъ съ его печальнымъ финаломъ разсѣялъ у Петра Великаго всякія иллюзіи на этотъ счетъ и оправдалъ осторожную постановку вопроса его предшественниковъ.

Зато Петръ ни на шагъ не отступилъ отъ традиціи въ балтійскомъ вопросѣ, сущность котораго, задачи и средства его разрѣшенія были во всей полнотѣ разработаны Допетровской дипломатіей. Берега Балтійскаго моря казались естественною западной границей Московскаго царства для Ивана Грознаго и Бориса Годунова такъ же, какъ для Ординъ-Нащокина, лучшаго дипломата царя Алексѣя. Впрочемъ, не одно стремленіе къ доведенію границъ государства до естественныхъ предѣловъ влекло Москву къ Балтійскимъ берегамъ, но также цѣли культурно-экономическаго характера—потребность народнаго хозяйства въ открытомъ торговомъ пути въ Западную Европу и потребность государства и общества въ культурномъ общеніи съ Западомъ. Послѣдняя задача послужила casus'омъ belli для Ивана III въ борьбѣ съ Ливоніей. Пріобрѣтеніе „морскихъ пристанищъ“ въ Ливоніи въ торговыхъ цѣляхъ сдѣлалось лозунгомъ дипломатіи царя Алексѣя, при которомъ значительно упростилось разрѣшеніе балтійскаго вопроса. Раньше стремленіе Россіи къ Балтійскому морю вызывало дружный отпоръ не только со стороны тѣхъ государствъ, которыя должны были поплатиться своими владѣніями при осуществленіи стремленій Россіи; противились послѣднимъ и тѣ, которымъ выгодно было въ торговомъ отношеніи держать Россію подальше отъ

свободнаго выхода въ торговый міръ. Но въ царствованіе Михаила и Алексѣя политическая конъюнктура измѣнилась въ пользу Россіи. Швеція жестоко разгромила Польшу, отнявши у послѣдней рядъ владѣній по балтійскому побережью. Лифляндія, служившая когда-то яблокомъ раздора между Москвою и Польшей, не досталась ни той, ни другой, а попала въ руки Швеціи, которая черезъ то нажила себѣ двухъ непримиримыхъ враговъ въ лицѣ Польши и Россіи, которыя къ тому же разрѣшеніемъ малороссійскаго вопроса на время прекратили между собою „семейный споръ“. Такимъ образомъ на пути Россіи къ балтійскимъ берегамъ теперь стояла одна Швеція, враждебная Польшѣ и другимъ сосѣдямъ. На этой комбинаціи международных отношеній строилъ Ординъ-Нащокинъ свой планъ сложной коалиціи противъ Швеціи для отнятія у нея Ливоніи, и Петру оставалось только осуществить планы знаменитаго министра царя Алексѣя.

Клаверъ. Князь Голицынъ подноситъ Петру I ключи взятаго имъ Нотебурга (1702).

XVII вѣкъ, подготовившій для Петра балтійскій вопросъ во всемъ его объемѣ, выяснилъ для него и вопросъ о наиболѣе пригодныхъ средствахъ борьбы съ Западомъ. Предшественники Петра Великаго на горькомъ опытѣ убѣдились въ несостоятельности громоздкихъ ополченій помѣщиковъ въ борьбѣ съ западными войсками новаго строя. И уже правительство царя Михаила тысячами приглашаетъ иноземныхъ кондотьеровъ на подмогу своимъ инвалидным ополченіямъ въ борьбѣ съ войсками, обученными „огненному бою“. Позорная капитуляція подъ Смоленскомъ въ 1634 году отбила у москвичей охоту надѣяться на наемниковъ, но не разочаровала въ силѣ новаго строя, и отъ системы найма иноземныхъ „регементовъ“ правительство перешло къ обученію своихъ воиновъ „огненному бою“, при содѣйствіи иноземныхъ инструкторовъ. Сначала полки эти были смѣшанными: къ иноземцамъ подпускались русскіе, чтобы „нашего государства люди то ремесло переняли“. Въ 1632 г. въ русскомъ войскѣ было иноземнаго строя 9.500 чел., изъ которыхъ 6.500 чел. было русскихъ, а остальные — ино-

странцы. Послѣ смоленской капитуляціи русскій элементъ быстро усиливался не только за счетъ рядовыхъ, но и офицеровъ изъ иноземцевъ. Войска эти по своей организаціи ближе стояли къ регулярнымъ войскамъ, чѣмъ къ помѣстнымъ ополченіямъ. Они разбивались на солдатскіе (пѣшіе) полки и рейтарскіе и драгунскіе-конные. Содержались они не съ помѣстій, а получали жалованье, производили постоянное ученіе „строю и огненному бою“, жили въ городѣ на постоѣ въ обывательскихъ домахъ, и домой отпускались въ мирное время на рабочую пору только тѣ изъ нихъ, которыхъ родина отстояла не дальше 300 верстъ отъ мѣста постоя полка. Это уже ярко опредѣлившійся типъ регулярной арміи, которую Петръ Великій превратилъ въ постоянную и единственную, если не считать иррегулярныхъ казацкихъ войскъ.

Принимая во вниманіе, что въ 1681 г. по „росписи разнымъ людямъ“ полковъ иностраннаго строя было уже 63, численностью до 90 тысячъ, мы поймемъ значеніе наслѣдства военныхъ реформъ XVII вѣка для Петра Великаго.

И въ рѣшеніи завести флотъ Петръ I не былъ новаторомъ. Съ помыслами о заведеніи „морскихъ пристанищъ“ у царя Алексѣя и его совѣтниковъ была неразрывна мысль о своемъ флотѣ. Завести послѣдній пытались даже раньше пріобрѣтенія гаваней. Въ 1662 г. московскій посолъ велъ переговоры съ курляндскимъ канцлеромъ о заведеніи въ курляндскихъ гаваняхъ русскаго флота. Въ 1669 г. приглашенные изъ Голландіи корабельные мастера выстроили первый русскій корабль „Орелъ“, который и спустили въ Каспійское море; но уже въ слѣдующемъ году этотъ первенецъ русскаго флота былъ сожженъ Разинымъ. Если XVII вѣкъ не оставилъ Петру флота и не́ шелъ дальше помышленій и жалкой пробы въ этомъ отношеніи, то объясняется это, какъ видимъ, не отсутствіемъ сознательныхъ стремленій, а простымъ недостаткомъ гаваней. Пріобрѣтеніе послѣднихъ было для Петра побужденіемъ къ заведенію военнаго и торговаго флота, такъ сказать, очередной задачей, сознательно поставленной въ XVII вѣкѣ предшественниками Петра. XVII же вѣкъ указалъ Петру и на способы разрѣшенія финансовыхъ затрудненій, которыя были сопряжены, главнымъ образомъ, съ военными расходами, напрягавшими платежныя силы страны въ XVII в. до чрезвычайной степени. Посошная подать, раскладывавшаяся на крупныя земельныя единицы, оказалась невыгодною для казны и разорительною для слабѣйшихъ тяглецовъ, благодаря ускользанію отъ тягла плательщиковъ, скучивавшихся на однѣхъ сохахъ, какъ единицахъ обложенія. Финансовыя затрудненія, остро почувствовавшіяся вслѣдствіе Смуты, вызвали правительство новой династіи къ реформѣ системы податнаго обложенія. Чтобъ уловить производителя труда и капитала, перенесли податное обложеніе съ земли на хозяйственно-трудовую единицу,—дворъ, который менѣе

удобенъ для „избыванія государевыхъ податей“, чѣмъ обширная соха. Но и дворъ оказался слишкомъ растяжимымъ понятіемъ, подъ сѣнью котораго можно было укрыться отъ государственнаго тягла путемъ внесенія въ эту единицу нѣсколькихъ дворовъ (посредствомъ огораживанія сосѣднихъ дворовъ однимъ заборомъ). Вслѣдствіе этого не добирала казна и разорялись слабѣйшіе податные элементы отъ неравномѣрнаго распредѣленія тягла. Нужно было въ цѣляхъ фиска отыскать еще болѣе дробную единицу обложенія народнаго хозяйства, въ которую нельзя было бы спрятаться отъ тягла. Таковою была признана ревизская душа, какъ податная единица обложенія. Вводя подушную подать, Петръ Великій только сдѣлалъ послѣдній шагъ на томъ пути, по которому шли его предшественники въ борьбѣ съ избываніемъ отъ государственныхъ податей. XVII же вѣкъ упредилъ Петра и по части привлеченія къ государеву тяглу нетяглаго населенія. Извѣстенъ маневръ землевладѣльцевъ въ XVII в. обсчитывать казну въ свою пользу путемъ приложенія къ земледѣльческому тяглу несвободнаго труда холоповъ, не тянувшихъ государственнаго тягла. Въ отвѣтъ правительство объявило дворы земледѣльцевъ-холоповъ („задворныхъ людей“) тяглыми наряду съ крестьянскими дворами. Петръ, переведшій тягло съ тяглаго двора на тяглую душу, вполнѣ послѣдовательно обложилъ податью холоповъ безъ различія ихъ занятія—во дворѣ ли господскомъ, на господской пашнѣ или на крестьянскомъ хозяйствѣ. Поставленные рядомъ съ крестьянами въ тягловомъ отношеніи, холопы были уравнены съ ними и въ гражданскихъ правахъ; но это сближеніе холоповъ съ крестьянами въ податномъ и правовомъ отношеніи было послѣднимъ шагомъ на долгомъ пути приближенія крестьянъ къ холопскому состоянію. На языкѣ Петра быть свободнымъ значило стать тяглецомъ наравнѣ съ свободными, но не значило свободно располагать своею личностью, независимо отъ господина-землевладѣльца. Въ этомъ долженъ былъ сознаться Петръ Великій, когда писалъ: „Продажу людей пресѣчь; а если нельзя ужъ совсѣмъ, то продавать

Шапка Петра Великаго.
(Оружейная палата).

ужъ цѣлыми семьями, а не порознь, какъ скотъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится".

Прямымъ преемникомъ законодательной и бытовой практики въ XVII в. былъ Петръ Великій и въ вопросѣ о служиломъ землевладѣніи. Сліяніе юридической природы вотчины и помѣстья при Петрѣ далеко не было „изящнѣйшимъ благодѣяніемъ" Петра дворянству, а простымъ узакоеніемъ сложившагося уже къ тому времени факта. Въ теченіе всего XVII в. и особенно второй его половины процессъ сліянія помѣстья съ вотчиною происходитъ безостановочно: помѣстье сначала обычнымъ путемъ переходитъ отъ служилаго человѣка къ его сыну или другому родственнику, пока, наконецъ, законъ не превращаетъ этого явленія въ норму. Вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно расширяются права помѣщика распоряжаться помѣстьемъ, какъ вотчиной. Положенныя въ Уложеніи препоны въ этомъ отношеніи быстро падаютъ во второй половинѣ XVII в., и помѣщикъ начинаетъ мѣнять, давать въ приданое, закладывать, сдавать и даже продавать помѣстье, какъ свою вотчинную собственность, при молчаливомъ попустительствѣ или даже утвержденіи закона. Въ этомъ отношеніи законъ 23 марта 1714 г. о единонаслѣдіи только санкціонировалъ уже сложившіеся порядки, не внося въ нихъ ничего новаго. Ново здѣсь было только то, что превращеніе условнаго помѣстнаго владѣнія въ безусловную вотчинную собственность придало послѣдней нѣкоторую условность, а именно запрета дробленія между наслѣдниками. Съ другой стороны, превращеніе условнаго владѣнія помѣстьемъ въ постоянную собственность стало основаніемъ для превращенія наслѣдственной дворянской службы въ постоянную не только съ превращеннаго въ вотчину помѣстья, но и съ вотчины. Это былъ настолько же логически вытекавшій изъ практики XVII в. выводъ, насколько актъ справедливости и удовлетворенія военныхъ запросовъ времени.

Но не одни только способы эксплуатаціи народнаго труда и использованія соціально-хозяйственныхъ отношеній въ государственныхъ интересахъ завѣщалъ XVII вѣкъ времени Петра I. Не въ однѣхъ публицистическихъ идеяхъ, но и въ практической дѣятельности этого вѣка ясно намѣтилось стремленіе поднять искусственными „заморскими" мѣрами народное хозяйство и производительныя силы страны. Котошихинъ съ горечью отмѣчаетъ отсутствіе въ Московскомъ государствѣ прочныхъ гарантій для иноземцевъ въ ихъ предпринимательской торговой и промышленной дѣятельности, что отбиваетъ у нихъ всякую охоту вкладывать свои капиталы въ разработку естественныхъ, втунѣ лежащихъ, богатствъ страны. Еще опредѣленнѣе ставятъ вопросъ о развитіи отечественной промышленности Юр. Крижаничъ и Ординъ-Нащокинъ.

Необходимость заставляла отъ словъ переходить къ дѣлу. Заведеніе войскъ, наученныхъ „огненному бою", ребромъ поставило вопросъ о выра-

Рѣпинъ. Великій полководецъ.

боткѣ ружей, пушекъ, ядеръ на русскихъ заводахъ, такъ какъ выписываніе всего этого изъ-за границы обременяло казну чрезвычайными издержками; но оружейные заводы на Руси могли развиваться только при условіи развитія горно-заводской промышленности. И уже правительство царя Михаила рѣшительно приступило къ организаціи горнаго и чугуннолитейнаго дѣла. Въ 1626 г. начинаютъ приглашать съ Запада „рудознатцевъ“, которые „своимъ ремесломъ и разумомъ знаютъ и умѣютъ находить руду золотую и серебряную, и мѣдную, и дорогое каменье и мѣста знаютъ такія“.

Съ этого времени, особенно въ царствованіе Алексѣя Михайловича, рѣдкое посольство за границу не получаетъ порученія подыскать „знатныхъ мастеровъ“ въ литейномъ, пушечномъ, бархатномъ, канительномъ, стекляномъ и т. д. дѣлахъ. Привлекаются не только носители техническаго знанія, но и капиталы Западной Европы. Въ 1632 г. компанія голландскихъ купцовъ получила концессію на устройство чугунно-литейнаго завода близъ Тулы для приготовленія желѣза, оружія и снарядовъ. Черезъ двѣнадцать лѣтъ такую же концессію на 20 лѣтъ получаетъ компанія гамбургскихъ купцовъ. Близъ Нѣмецкой слободы находилось три завода — желѣзоплавильный, стеклянный и бумажный. Если вѣрить Невиллю, доходы отъ однихъ желѣзныхъ рудниковъ въ XVII в. приближались къ 50 тысячамъ рублей. Заводы эти несли двойную службу: не только обслуживали военныя нужды государства, но и удовлетворяли требованіямъ правительства, „чтобы нашего государства люди того ремесла переняли“. Такъ XVII в. подготовлялъ почву и трудовыя руки для обширной фабричной и заводской промышленности, которая пышнымъ цвѣтомъ распустилась въ царствованіе Петра, благодаря его рѣшительному покровительственному отношенію къ этому дѣлу. То обстоятельство, что во главѣ многихъ фабрикъ и заводовъ Петровскаго времени стояли уже русскіе люди, вкладывавшіе иногда въ промышленность капиталы и труды на свой рискъ и страхъ, пользуясь русскими же мастерами и рабочими, было возможнымъ, несомнѣнно, только благодаря опытамъ фабрично-заводской дѣятельности въ XVII в.

Нельзя сказать, чтобы Петръ Великій въ своихъ усиліяхъ развить торговлю въ Россіи и поставить на ноги русскій торговый классъ, безсильный предъ западной конкуренціей, разрывалъ съ прошлымъ и шелъ по непроторенным путямъ. Упомянутый уже нами знаменитый министръ царя Алексѣя Ординъ-Нащокинъ попытался объединить разные слои русскаго купечества г. Пскова на началахъ компанейской солидарности въ торговлѣ съ иноземцами, сдѣлалъ попытку дать самоуправленіе посадскимъ людямъ и мечталъ даже выдѣлить управленіе купечествомъ въ спеціальное вѣдомство — „Приказъ купецкихъ дѣлъ“. Петровскія торговыя компаніи, Бурмистрская палата и частью Магистраты далеко не стоятъ въ одинокомъ своеобразіи отъ этихъ попытокъ XVII в. Это не значитъ, конечно, что Петръ Великій въ своей

Коцебу. Битва подъ Лѣснымъ (1708).

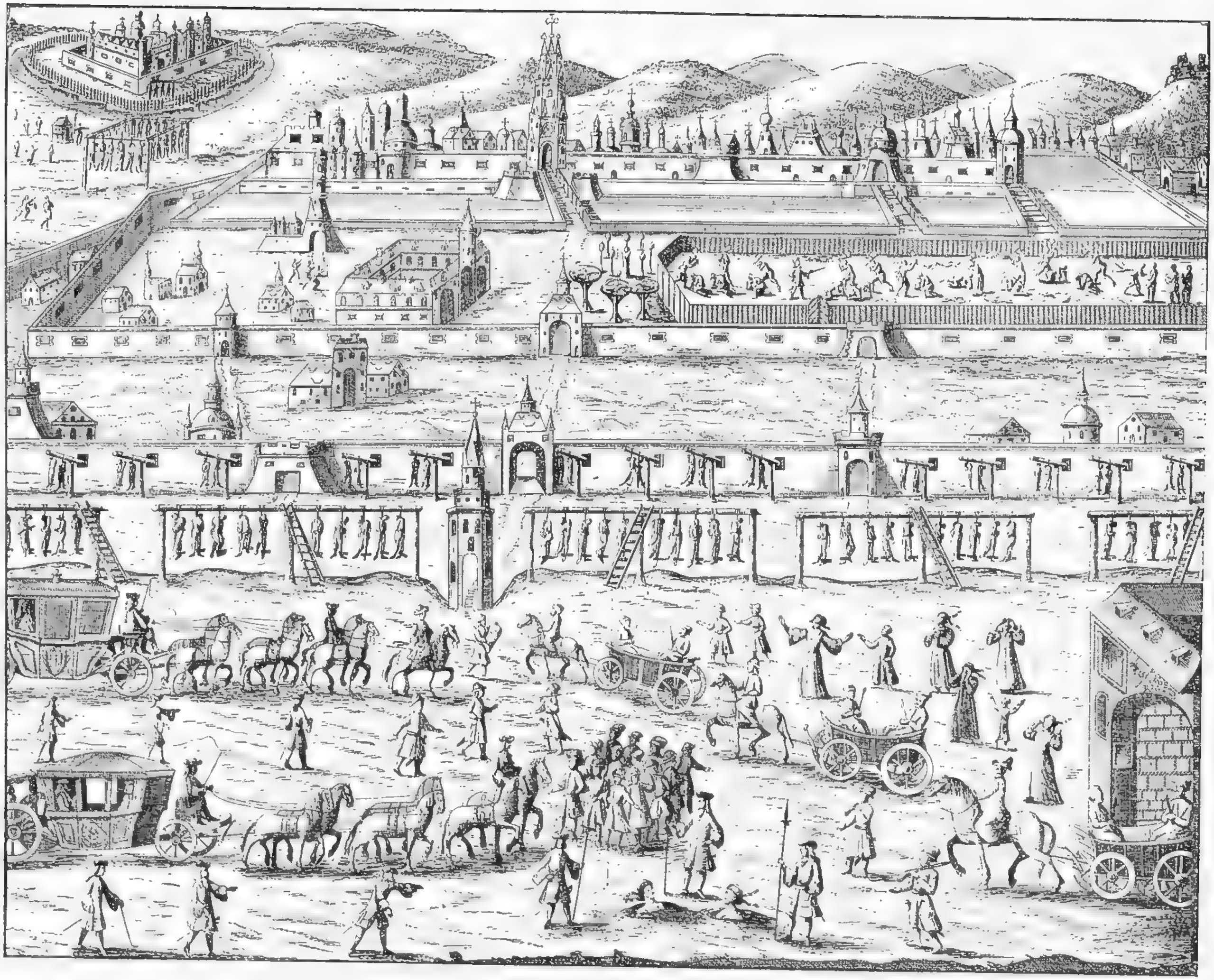
PETRUS ALEXEWITZ
Tsarevitz Magnus Dux Moscovia

дѣятельности копировалъ въ широкомъ масштабѣ опыты Ордина-Нащокина, — у нихъ обоихъ былъ общій оригиналъ — „примѣръ сторонних чужихъ земель“, но это значитъ только, что дѣла Петра назрѣли уже при его предшественникахъ и выливались въ проектахъ и формахъ, которые диктовались внутреннею необходимостью и вліяніемъ сношеній съ Западомъ. Если мы обратимся къ организаціи управленія, то и здѣсь находимъ такую же преемственную связь реформъ Петра Великаго съ измѣненіями въ области управленія въ XVII в.

Таковъ прежде всего переходъ Боярской думы въ Сенатъ. Боярская дума и по своему составу, и по компетенціи стала анахронизмомъ уже при Алексѣѣ Михайловичѣ и Ѳедорѣ Алексѣевичѣ. Боярство, какъ классъ, разрушилось; дума наполняется разнородными дѣльцами, которымъ уже какъ-то не къ лицу стало вспоминать про „отечество“. Отмѣна мѣстничества была формальной отходной надъ старымъ родовитымъ боярствомъ, пользовавшимся Боярской думой, какъ проводникомъ своихъ интересовъ. Съ другой стороны, установившееся въ XVII в. на практикѣ право постановлять окончательныя рѣшенія лишь по уполномочію отъ государя, по словамъ проф. Дьяконова, „низводило думу съ мѣста, сей ранѣе принадлежавшаго въ составѣ законодательной власти, и единственнымъ источникомъ послѣдней становился тотъ, отъ кого дума получала свои полномочія, т.-е. государь. Для преобразованія такой думы въ Сенатъ Петру Великому оставалось сдѣлать немногое“.

То же можно сказать и объ отношеніи Петровскихъ коллегій къ приказамъ. Основной принципъ организаціи коллегій — распредѣленіе управленія между учрежденіями съ болѣе сосредоточеннымъ и систематическимъ раздѣленіемъ вѣдомствъ, былъ только завершеніемъ того процесса, который замѣтно сказывался на безсистемныхъ, но проявлявшихъ одну и ту же тенденцію измѣненіяхъ въ центрально-областномъ управленіи при царяхъ Алексѣѣ и Ѳедорѣ Алексѣевичѣ. Уже къ половинѣ XVII в. замѣтно усиливается самостоятельность приказовъ, которые получаютъ право вершить въ окончательной инстанціи множество мелкихъ дѣлъ, ранѣе обязательно доходившихъ до верховной власти. Съ другой стороны, замѣтно стягивается къ большему единству управленіе, раздробленное между полусотней приказовъ, перекрещивавшихся по своимъ вѣдомствамъ. Во второй половинѣ XVII в. приказы сокращаются, и управленіе сосредоточивается путемъ сліянія въ вѣдомствѣ одного приказа нѣсколькихъ болѣе мелкихъ или посредствомъ подчиненія одному лицу нѣсколькихъ самостоятельныхъ приказовъ. Образовавшіяся такимъ путемъ крупныя вѣдомства и послужили прототипами Петровскихъ коллегій.

Подобный же процессъ происходилъ въ XVII в. и въ областномъ управленіи. Непрерывное военное положеніе, въ какомъ находилась Россія послѣ



Корбъ

Казни стрѣльцовъ въ 1698 г.

Смуты, усилило власть воеводъ, которая поглотила мѣстное самоуправленіе и его органы; тѣ же военныя потребности привели правительство первыхъ трехъ Романовыхъ къ образованію крупныхъ военныхъ округовъ, разрядовъ, въ которыхъ одному окружному воеводѣ были подчинены самостоятельные уѣздные воеводы. Такихъ разрядовъ, если считать и проектированные въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича новые 3 округа, насчитывалось до 10: они-то и легли почти цѣликомъ въ основаніе дѣленія Россіи на губерніи при Петрѣ I.

Реформа церковная также не разрывала съ подготовленными въ XVI и XVII вв. процессами въ этой области.

Подчиненіе церкви государству явно обнаружилось уже въ XVI в. Патріархъ Никонъ былъ послѣдней вспышкой не столько свободнаго духа церкви, сколько отчаянной попытки установить равновѣсіе между свѣтскимъ и духовнымъ главою народа. Но дѣло Никона было проиграно вдвойнѣ, поскольку на этомъ дѣлѣ для свѣтской власти выяснились опасность превращать патріарховъ въ „собинныхъ друзей“ и паденіе ихъ авторитета въ глазахъ паствы, главнымъ образомъ, въ связи съ неудачнымъ исправленіемъ книгъ и ярко проявленнымъ стремленіемъ „смиренномудренно беречь своего клобука“. Въ то же время западное просвѣтительное вліяніе XVII в. породило въ самомъ духовенствѣ теченіе, представители котораго были готовы слиться съ дѣломъ Петра не только за страхъ, но и за совѣсть. Все это вмѣстѣ взятое и сдѣлало возможнымъ для Петра всенародно обратить церковную іерархію въ орудіе своей власти, т.-е. придать уже сложившемуся факту соотвѣтствующую ему внѣшность.

Все, что мы говорили раньше о западномъ вліяніи, о значеніи Нѣмецкой слободы, о просвѣтительныхъ теченіяхъ въ русскомъ обществѣ XVII в. [1]),— все это въ связи съ только что сказаннымъ подтверждаетъ, что Петровскія реформы, ихъ программа, средства и, наконецъ, самъ Петръ и его сотрудники являются въ значительной степени продуктомъ западныхъ вліяній XVII вѣка. Извѣстно вліяніе Нѣмецкой слободы на развитіе въ Петрѣ Великомъ „западничества“, давшаго окраску всей его дѣятельности. Нечего и говорить, что Нѣмецкая слобода была дѣтищемъ не Петра, а предшествующихъ Петру царствованій. Не безынтересно отмѣтить, что большинство иностранныхъ терминовъ, которые ввелъ Петръ въ номенклатуру своего официальнаго языка, какъ оказывается, были у насъ въ употребленіи уже въ XVII в. Въ До-петровскомъ „Лексиконѣ вокабуламъ новымъ“ встрѣчаются слѣдующія слова: „Генералъ, графъ, канцлеръ, капитанъ, квартирмейстеръ, компанія, маіоръ, натура, профосъ, региментъ, рота, ротмистръ, секретарь,

---

[1]) См. въ I вып. мою статью: „Западное вліяніе“.

сержантъ, солдатъ, фальшивый, фортуна, фронтъ, танцы, квадратъ, фельдфебель, фурьеръ“, и другія [1]).

Несомнѣнно также и то, что уже въ XVII в., благодаря указаннымъ процессамъ, носившимъ на себѣ печать несомнѣннаго западнаго вліянія, въ народныхъ массахъ создалась вполнѣ подготовленная среда для сознательнаго воспріятія большинства Петровскихъ реформъ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ Посошковъ, который совершенно самостоятельно составлялъ проекты разныхъ реформъ въ то время, когда онѣ вырабатывались въ недоступныхъ Посошкову кабинетахъ сотрудниковъ Петра. Усвоеніе и выраженіе Посошковымъ началъ меркантилизма въ самыхъ ясныхъ его положеніяхъ говоритъ только за то, что практическія сношенія съ Западомъ въ XVII в. разсѣяли и въ этомъ отношеніи среди русскихъ сѣмена, собрать которыя въ самостоятельную систему уже не представлялось труднымъ для недюжиннаго ума.

Но отъ XVII вѣка Петръ I унаслѣдовалъ не только зачатки и подготовительныя силы и средства своихъ реформъ: тогда же уже сложилась и оппозиція реформаторской дѣятельности Петра I. Мятежи казацкіе, стрѣлецкіе, крестьянскіе, городскіе, принимавшіе въ XVII в. внѣшнюю форму протеста то противъ церковныхъ нововведеній, то противъ гнета соціальныхъ и податныхъ отношеній, то противъ злоупотребленій фаворитовъ-бояръ, въ сущности исходили и питались прямо или косвенно изъ одного источника— непосильной тягости военныхъ повинностей, государственныхъ налоговъ и крѣпостного гнета. Сплы эти, сливающія въ общій потокъ недовольства разные угнетенные и оттѣсненные элементы, стали еще могущественнѣе проявляться въ тяжкія времена Петра Великаго, и уже по одному этому оппозиція должна была во время Петра проявляться въ еще большихъ размѣрахъ, становясь отчасти подъ старыя знамена или выдвигая новые лозунги, не столько выражающіе настоящіе стимулы, сколько бьющія въ глаза излишества и причуды реформаціоннаго курса.

Но Петръ, унаслѣдовавшій отъ предшественниковъ оппозицію, въ большинствѣ случаевъ усвоилъ и старые пріемы борьбы съ нею. Жестокость, съ которою Петръ обрушивался на своихъ „внутреннихъ“ враговъ и которая отталкивающе дѣйствуетъ на насъ въ обликѣ Петра, — мрачное наслѣдіе той атмосферы, которой дышалъ юный Петръ. Жестокости застѣночныхъ расправъ, лобныхъ экзекуцій, торговыхъ казней и количество побитыхъ и изуродованныхъ гилевщиковъ во времена царя „тишайшаго“ едва ли превзойдены заплечныхъ дѣлъ мастерами времени Петра. Правда, Петръ I, по нетерпѣливости, часто вырывалъ топоръ у палача, какъ и весло у рулевого,

---

[1]) Н. А. Смирновъ. „Западное вліяніе на русскій языкъ“. 12—13 стр.

и начиналъ самолично работать... Но даже и отъ „тишайшаго“ царя иногда вѣяло не меньшею жестокостью, чѣмъ отъ запальчивыхъ звѣрствъ его сына.

Мы видимъ такимъ образомъ, какъ свѣтъ и тѣни XVII в. незамѣтно перешли въ эпоху Петра Великаго, безъ рѣзкихъ колебаній и съ исчерпывающей полнотой оттѣнковъ. Давно миновало то время, когда отношеніе реформъ Петра къ XVII в. представляли такъ, какъ это выразилъ поэтъ:

Россія тьмой была покрыта много лѣтъ...
Богъ рекъ: «Да будетъ Петръ»—и бысть въ Россіи свѣтъ...

В. Улановъ.

Медаль на рожденіе Петра Великаго.

Петръ Великій.

(Опытъ харектеристики).

Петръ Великій, первое дитя царя Алексѣя Михайловича отъ его второго брака съ Натальей Кирилловной Нарышкиной, родился 30 мая 1672 года. На четвертомъ году онъ осиротѣлъ, такъ какъ царь Алексѣй умеръ въ январѣ 1676 года. Петръ остался на попеченіи матери, царицы Натальи. Первоначальное воспитаніе, какое онъ получилъ, ничѣмъ не отличалось отъ воспитанія, вообще дававшагося древнерусскимъ царевичамъ. На пятомъ году его стали учить грамотѣ, и для этого обученія былъ приглашенъ дьякъ изъ Приказа большого прихода, министерства финансовъ по-нашему, человѣкъ искусный въ книжномъ чтеніи, тихій и небражникъ, Никита Моисеевъ сынъ Зотовъ. Разъ совершенно неожиданно для него Зотова вызвали изъ-за работы въ приказѣ и привели во дворецъ въ пріемную царя. Вскорѣ вышелъ царскій спальникъ и спросилъ, кто здѣсь Никита Зотовъ, чтобы вести его къ самому царю. Отъ страха Зотовъ пришелъ въ безпамятство. „Отстоявшись“, придя въ себя, онъ вошелъ въ царскій кабинетъ, и здѣсь въ присутствіи царя ему произведенъ былъ экзаменъ

въ чтеніи, который онъ съ успѣхомъ выдержалъ, а затѣмъ ему было объявлено его новое назначеніе. По древне-русскому обычаю отслужили молебенъ, и учитель, поклонившись своему ученику въ ноги, посадилъ его за азбуку. Покончивъ съ азбукой, онъ прошелъ съ нимъ Часословъ, Псалтырь и Евангеліе, въ чемъ и заключалось первоначальное обученіе въ древней Руси. Впрочемъ, Зотовъ умѣлъ разнообразить свои уроки. Мальчикъ оказался живымъ, бойкимъ и замѣчательно любознательнымъ, засыпалъ учителя вопросами. Удовлетворяя эту любознательность, Зотовъ сталъ ему показывать и объяснять „куншты“ — картинки съ изображеніемъ городовъ, крѣпостей, кораблей, сраженій, оружія и т. д. Такія картинки приготовлялись иконописцами, состоявшими при дворѣ въ вѣдомствѣ Оружейной палаты. Такъ шло обученіе до десятилѣтняго возраста. Весной 1682 года разыгрались въ Москвѣ событія, вызвавшія крутой переломъ въ воспитаніи Петра.

Въ апрѣлѣ этого же года скончался царь Ѳедоръ, и Петръ былъ избранъ царемъ помимо старшаго брата царевича Ивана Алексѣевича (отъ Милославской), котораго признали неспособнымъ къ правленію. Партія родственниковъ первой жены царя Алексѣя — Милославскихъ, руководимая энергичной и даровитой царевной Софьей, возмутила въ защиту правъ обойденнаго царевича московскихъ стрѣльцовъ. 15-го мая стрѣльцы собрались въ Кремль къ Красному крыльцу и сбросили съ крыльца на копья нѣсколькихъ представителей партіи Нарышкиныхъ и въ томъ числѣ боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, любимца царя Алексѣя, у котораго въ дѣтствѣ воспитывалась царица Наталья. Царями были признаны теперь оба брата, а Софья провозглашена правительницей государства. Десятилѣтній Петръ присутствовалъ при этой сценѣ на Красномъ крыльцѣ и былъ спокоенъ. Однако она не прошла для него безслѣдно. Для него не было ничего впослѣдствіи ненавистнѣе стрѣльца. Онъ потому такъ и ненавидѣлъ древне-русскую бороду, что она напоминала ему стрѣльца. Стрѣльцы, державшіеся раскола, стояли за старину. Можетъ-быть, и старина сдѣлалась для Петра такъ ненавистна потому, что связывалась въ его представленіи съ ея ревнителемъ и защитникомъ, стрѣльцомъ, сбрасывавшимъ на копья его родныхъ и близкихъ.

Событія весны 1682 года принудили царицу Наталью, уступившую мѣсто Софьѣ, удалиться съ дѣтьми въ подмосковное село Преображенское, любимую лѣтнюю резиденцію царя Алексѣя. Учебныя занятія Петра были прерваны, остановившись такимъ образомъ на одной грамотности. Онъ остался безъ внимательнаго призора. Скучая сидѣть въ теремѣ возлѣ печальной матери, онъ выбѣжалъ на улицу села Преображенскаго, гдѣ нашелъ себѣ общество дѣтей придворныхъ конюховъ и лакеевъ. Изъ этой веселой компаніи царь устроилъ два потѣшныхъ полка, съ которыми и игралъ въ военныя игры, совершая походы въ окрестностяхъ села Преображенскаго. Въ то же время онъ пристрастился и къ кораблю. Въ амбарѣ села Измай-

Таннауэръ
(Дангауэръ).

Петръ Великій въ гробу.

(Академія Художествъ.)

Τανηθλίβω .Πλημμ΄ρ βδανλκίιν βρ τ΄ββθγ. (Δηλαδή πίνω χλιαρό νερό)

лова, неподалеку отъ Преображенскаго, среди разнаго хлама, оставшагося послѣ дѣда Никиты Ивановича Романова, Петръ нашелъ ботикъ заграничной постройки. Призванный нѣмецъ объяснилъ ему, какъ этотъ ботикъ ходитъ на парусахъ не только по вѣтру, но и противъ вѣтра. Съ тѣхъ поръ страсть къ кораблю и мореплаванію захватываетъ Петра. Яуза, гдѣ онъ плавалъ на

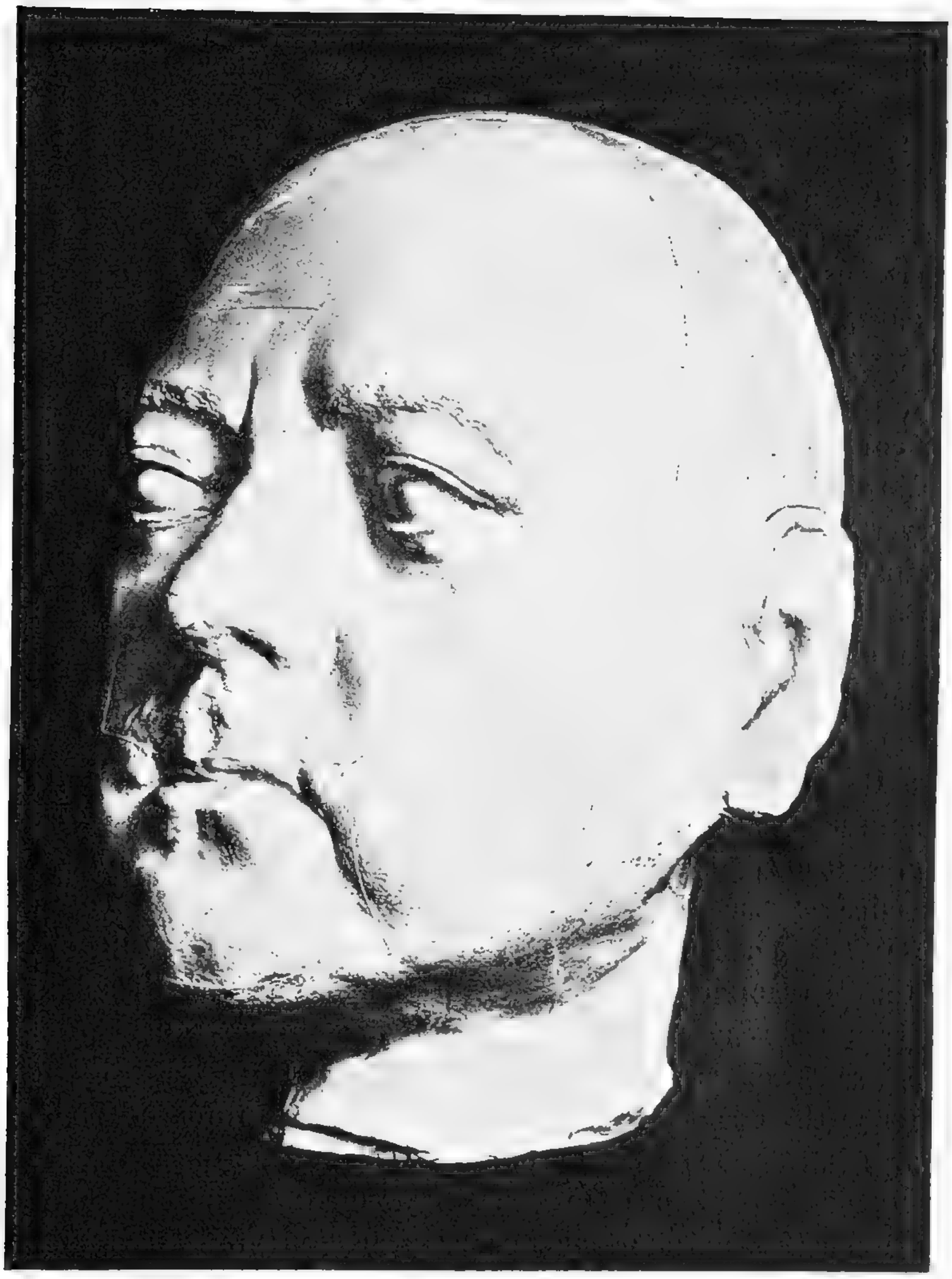
Петръ Великій. „Корень россійскихъ государей".

ботикѣ, стала ему тѣсна. Заведены были корабли на Переяславскомъ озерѣ, а въ 1693 году царь выпросился у матери въ Архангельскъ, гдѣ впервые увидѣлъ настоящее море.

Эти игры, которымъ предавался Петръ на свободѣ въ Преображенскомъ, снаряженіе и обученіе потѣшныхъ полковъ, постройка корабликовъ и упра-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
495687

вленіе ими—вызывали много вопросовъ, разрѣшить которые не умѣли придворные русскіе люди, и за разрѣшеніемъ которыхъ приходилось вызывать то того, то другого нѣмца изъ сосѣдней съ Преображенскимъ Нѣмецкой слободы. Петръ заинтересовался слободой, сдѣлался тамъ частымъ гостемъ, своимъ человѣкомъ, съ удовольствіемъ пировалъ съ иноземными офицерами, купцами и мастерами, жившими въ слободѣ, и танцовалъ съ нѣмками на свадьбахъ, на которыя его запросто приглашали. Нѣмецкая слобода въ Москвѣ, гдѣ жили иностранцы, пріѣзжавшіе въ Москву на службу или по торговымъ дѣламъ, была какъ бы маленькимъ уголкомъ Европы, занесеннымъ въ дикую Московію, подобно тому, какъ въ азіатскихъ большихъ городахъ непремѣнно существуютъ европейскіе кварталы. Въ слободѣ завязались у него дружескія связи и романическія привязанности. Слобода дала ему толчокъ и къ наукѣ. Познакомившись со свѣдущими иностранцами, Петръ понялъ свою отсталость и снова, на этотъ разъ уже по собственной охотѣ, сѣлъ за книгу, прилежно сталъ изучать математическія науки: ариѳметику, геометрію, артиллерію и фортификацію подъ руководствомъ Франца Тиммермана, который былъ вызванъ во дворецъ, чтобы объяснить царю употребленіе астролябіи. Въ слободѣ Петръ впервые познакомился съ Европой. Съ захватывающимъ интересомъ слушалъ онъ разсказы своихъ иностранныхъ друзей о чудесахъ западнаго міра. Въ немъ загорѣлось желаніе самому поближе познакомиться съ этими чудесами, самому повидать, какъ живутъ образованные люди на Западѣ, и вотъ въ 1697 году совершилось небывалое дѣло, поразившее современниковъ: царь уѣхалъ за границу. Снаряжено было большое посольство къ разнымъ западнымъ государямъ, во главѣ котораго сталъ ближайшій другъ Петра въ годы его юности иностранецъ Францъ Лефортъ, знакомецъ царя по Нѣмецкой слободѣ. Къ посольству примкнулъ и самъ Петръ инкогнито, подъ именемъ Петра Михайлова. Петръ ѣхалъ за границу учиться и прежде всего выучиться корабельному дѣлу. Въ то время двѣ державы славились своими флотами: Голландія и Англія. Въ этихъ странахъ и оставался Петръ подолгу. Пріѣхавъ въ Голландію, онъ поселился сначала въ маленькомъ городкѣ Саардамѣ, чтобы работать на тамошней верфи. Но вскорѣ жители Саардама узнали, что русскій плотникъ Петръ, master Piter, какъ его стали называть, не простой плотникъ, а царь московскій. Въ самомъ дѣлѣ, выдаетъ себя за плотника, а купилъ буеръ (лодку) за нѣсколько сотъ гульденовъ. За царемъ стала ходитъ неотвязчивая, надоѣдливая толпа любопытныхъ. Однажды Петръ былъ такъ раздраженъ глупой физіономіей нѣкоего саардамца Марцена, который протискивался сквозь толпу и всюду лѣзъ за нимъ, что не удержался и далъ ему пощечину. „Марценъ пожалованъ въ рыцари“, воскликнули въ толпѣ, и прозваніе рыцаря навсегда осталось за Марценомъ. Встрѣтивъ помѣху въ Саардамѣ, Петръ перебрался въ Амстердамъ: благодаря его величинѣ и многолюдству,



Маска Петра Великаго.

тамъ можно было оставаться неузнаннымъ. Здѣсь онъ работалъ на верфяхъ Остъ-индской компаніи. Въ свободные отъ работы часы онъ плавалъ по морю, посѣщалъ фабрики, заводы, мастерскія, музеи, собранія рѣдкостей, воспитательные дома, госпитали, побывалъ и на астропомической обсерваторіи, всѣмъ живо интересовался, обо всемъ разспрашивалъ и заставлялъ давать себѣ объясненія,—словомъ, прилежно и внимательно учился. Такую же жизнь велъ онъ затѣмъ и въ Англіи, куда перебрался, пробывъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ въ Амстердамѣ, чтобы у англійскихъ инженеровъ поучиться теоріи кораблестроенія, практику котораго онъ хорошо усвоилъ въ

Голландіи. Заграничное путешествіе было какъ бы высшей школой въ образованіи, пройденномъ Петромъ, если считать уроки Зотова начальной, а занятія съ Тиммерманомъ средней. Но подобно тому, какъ его первоначальное обученіе было прервано стрѣлецкимъ бунтомъ 1682 года, новый стрѣлецкій мятежъ, вспыхнувшій въ Россіи въ отсутствіе Петра, заставилъ его прервать курсъ высшей школы и поспѣшить въ Россію. Опять передъ нимъ стоялъ ненавистный съ дѣтства образъ стрѣльца-бунтаря, защитника старины, опять мѣшалъ ему учиться.

Насъ не удивитъ послѣ этого жестокость, съ которой царь, пріѣхавъ въ Москву, расправился со стрѣльцами. Стрѣлецкое войско было уничтожено, нѣсколько сотъ стрѣльцовъ было казнено. Пробѣлы прерваннаго образованія Петръ восполнялъ потомъ въ теченіе всей жизни. Онъ и подъ старость сохранилъ ту же жажду къ знанію, ту же неутолимую любознательность, съ какою засыпалъ вопросами Никиту Зотова въ дѣтской комнатѣ Кремлевскаго дворца. На своей печати, которой онъ запечатывалъ отправляемыя имъ изъ-за границы письма, Петръ вырѣзалъ девизъ: „Азъ есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую“. Этому девизу царь и остался вѣренъ до конца своихъ дней.

Петръ Великій! Кто не слыхалъ о немъ многочисленныхъ разсказовъ?! Вѣдь первыя свѣдѣнія о царѣ-преобразователѣ мы получаемъ еще въ дѣтствѣ. Какъ только произнесено это имя, передъ нами возникаетъ хорошо знакомый образъ: высокая могучая фигура съ орлинымъ взоромъ, съ крупными чертами лица, которыя искажались иногда нервными судорожными конвульсіями—слѣдствіе кровавой сцены, пережитой на Красномъ крыльцѣ въ десятилѣтнемъ возрастѣ. Надъ всякой толпой, какъ бы велика она ни была, царь замѣтно выдавался, будучи безъ малаго въ сажень ростомъ. Когда на свѣтлый праздникъ онъ христосовался, а этотъ обычай онъ строго соблюдалъ, у него заболѣвала обыкновенно спина, потомъ что къ каждому, кто къ нему подходилъ, онъ долженъ былъ непремѣнно нагибаться. Когда онъ шелъ пѣшкомъ, обыкновенно размахивая при этомъ руками, онъ дѣлалъ такіе крупные шаги, что спутнику, его сопровождавшему, приходилось бѣжать рядомъ съ нимъ рысью. Царь отличался огромной физической силой, былъ богатырь въ буквальномъ смыслѣ слова: выковывалъ безъ труда желѣзную полосу въ нѣсколько пудовъ вѣсомъ и легко могъ разогнуть подкову. Когда онъ хотѣлъ кого-нибудь похвалить и дружески потрепать по плечу, то удостоившійся этой царской милости не радъ былъ и похвалѣ, потому что ему приходилось чуть не кричать отъ боли. Тѣ же крупныя черты и въ его нравственномъ складѣ. Его нравственная природа способна была къ широкимъ розмахамъ въ ту и другую сторону, въ положительную и въ отрицательную. Петръ способенъ былъ на благородный подвигъ самопожертвованія. Онъ и погибъ отъ такого подвига. Глубокой осенью 1724 года онъ безъ

Рѣпинъ. Петръ Великій.

раздумья бросился въ ледяную воду, чтобы спасать лодку съ тонувшими матросами, при чемъ жестоко простудился и заплатилъ жизнью за спасенье матросовъ. Онъ не могъ вынести опыта надъ ласточкой, посаженной подъ колоколъ воздушнаго насоса, производимаго придворнымъ докторомъ Арескинымъ. Когда воздухъ изъ-подъ колокола былъ вытянутъ настолько, что птичка зашаталась и затрепетала крыльями, царь сказалъ Арескину: „Полно, не отнимай жизни у твари безвредной, она не разбойникъ“, и выпустилъ птицу. Въ то же время онъ могъ совершенно спокойно смотрѣть на самыя жестокія пытки и казни, которымъ подвергались тѣ, кого онъ считалъ врагами своего дѣла. Расправляясь съ взбунтовавшимися стрѣльцами, онъ собственноручно отрубилъ головы нѣсколькимъ изъ нихъ. Онъ былъ способенъ трудиться безъ-устали, но также и гулять безъ всякой сдержки. Онъ былъ способенъ предаваться разгулу, описаніе котораго превосходитъ всякую мѣру воображенія, на празднествахъ по случаю спуска новаго корабля, когда гости напивались до того, что ихъ выносили замертво, а иные и совсѣмъ отдавали Богу душу, или на собраніяхъ всепьянѣйшаго и всешутѣйшаго собора, собиравшагося подъ предсѣдательствомъ князя-папы, его старшаго учителя Н. М Зотова, при чемъ самъ Петръ, выступавшій въ роли протодьякона, оказывался неистощимымъ въ изобрѣтательности, сочиняя разныя процессіи и торжества для собора. То князя-папу должны нести на тронѣ 12 плѣшивыхъ кардиналовъ, а папа, снабженный особымъ молоткомъ, долженъ во время движенія процессіи стукать этихъ кардиналовъ по головамъ, то князь-папа долженъ переправляться черезъ Неву въ просторномъ чану, наполненномъ пивомъ, плавая по пиву на небольшемъ плотикѣ, при чемъ Петръ, въ концѣ-концовъ, все-таки не удержится и столкнетъ князя-папу въ пиво, давъ ему купанье. Непомѣрное знакомство съ „Ивашкою Хмельницкимъ“, какъ называлъ Петръ вино, рано разстроило его здоровье. Онъ приходилъ въ дурное расположеніе духа, становился раздражителенъ и тяжелъ для окружающихъ. Но онъ привлекалъ къ себѣ сердца своей правдивостью и любовью къ правдѣ. За правдивое признаніе онъ готовъ былъ простить всякій поступокъ. Неплюевъ, одинъ изъ молодыхъ людей, которые были отправлены для обученія за границу, вернувшись и сдавши экзаменъ, назначенъ былъ работать вмѣстѣ съ царемъ на верфи. Разъ, пропировавъ наканунѣ въ гостяхъ, онъ опоздалъ на работу, пришелъ уже послѣ государя, и до такой степени испугался, что хотѣлъ уже бѣжать и сказаться больнымъ, но потомъ рѣшилъ говорить всю правду. „А я, мой другъ, ужъ здѣсь“, сказалъ ему Петръ. „Виноватъ, государь, — отвѣчалъ Неплюевъ, — вчера былъ въ гостяхъ и долго засидѣлся и оттого опоздалъ“. — „Спасибо, малый, — сказалъ ему Петръ, — что говоришь правду; Богъ проститъ, кто Богу не грѣшенъ, кто бабѣ не внукъ?!“ Царь не терпѣлъ неправды. Разъ въ его присутствіи одинъ иноземный офицеръ разоврался о сраженіяхъ, въ ко-

Петръ Великій. По гравюрѣ Кнеллера (1698 г.).

торыхъ онъ бывалъ, и о подвигахъ, которые совершилъ. Петръ слушалъ, слушалъ его, потомъ плюнулъ ему въ лицо и отошелъ въ сторону.

Сломивъ силу Швеціи, Петръ сдѣлался однимъ изъ самыхъ могущественныхъ государей Европы. Но при этомъ онъ умѣлъ сохранить простоту въ образѣ жизни. Онъ былъ очень бережливъ въ государственныхъ средствахъ и разсчетливъ въ своихъ и впервые внесъ строгое различіе между тѣми и другими. Расходы на содержаніе двора убавились при немъ вчетверо (15%—4%) сравнительно съ прежними ихъ размѣрами. Онъ обыкновенно ходилъ въ поношенномъ кафтанѣ, сшитомъ изъ русскаго сукна, въ стоптанныхъ башмакахъ и чулкахъ, заштопанныхъ Екатериной. Ѣздилъ, по свидѣтельству очевидцевъ-иностранцевъ, на такихъ плохихъ лошадяхъ, на которыхъ согласился бы ѣхать не всякій столичный обыватель, обыкновенно въ одноколкѣ, одинъ или въ сопровожденіи денщика. Царь не выносилъ просторныхъ залъ. Когда онъ былъ во Франціи въ 1717 году, ему отвели

помѣщеніе во дворцѣ, но его комнаты оказались для него такъ высоки, что онъ приказалъ натянуть въ нихъ потолокъ изъ парусины. Въ Петербургѣ онъ построилъ себѣ два дворца: лѣтній и зимній, настолько маленькіе, что въ нихъ не могли вмѣщаться приглашенные гости, и болѣе важныя торжества происходили въ зданіи Сената и въ обширномъ дворцѣ князя Меншикова, а лѣтомъ собранія при дворѣ происходили на открытомъ воздухѣ въ Лѣтнемъ саду.

По простотѣ, съ которой царь себя держалъ, онъ вовсе не походилъ на своихъ предшественниковъ. Тѣ были окружены религіозной обстановкой. Народъ видалъ ихъ рѣдко, во время торжественныхъ выходовъ, когда царя въ золотой одеждѣ церковнаго покроя вели подъ руки подъ звонъ кремлевскихъ колоколовъ въ одинъ изъ соборовъ. Теперь носитель верховной власти сталъ появляться передъ народомъ въ странномъ видѣ, въ голландской матросской курткѣ на корабельной мачтѣ, съ трубкою въ зубахъ. Для него не было ничего стѣснительнѣе придворнаго этикета. Для торжественныхъ придворныхъ церемоній у него была заведена особая должность князя-кесаря, много лѣтъ занимаемая кн. Ромодановскимъ, который и долженъ былъ носить знаки императорскаго достоинства. Въ августѣ 1723 года надо было дать пріемъ персидскому послу. Съ Персіей только что былъ заключенъ миръ, и вообще посла восточной державы нельзя было принять запросто. Въ ожиданіи посла императоръ, одѣтый въ парадный красный кафтанъ, вышитый серебромъ и опушенный собольимъ мѣхомъ, ходилъ большими шагами по комнатѣ, прилегающей къ тронной залѣ, страшно волновался и приводилъ въ смущеніе императрицу. Заслышавъ шаги посла, онъ перешелъ въ тронную залу и занялъ мѣсто на тронѣ въ торжественной позѣ, держа подъ мышкой треугольную шляпу. Онъ сильно потѣлъ и отъ волненія часто нюхалъ табакъ, когда посолъ произносилъ длинную высокопарную рѣчь и когда онъ затѣмъ по восточному обычаю поползъ по ступенямъ трона, чтобы поцѣловать руку императора. Съ большимъ облегченіемъ онъ вздохнулъ и выбѣжалъ изъ тронной залы, какъ только эта утомившая его церемонія кончилась. На разныхъ торжествахъ Петръ занималъ первое попавшееся мѣсто, обыкновенно въ концѣ стола, при чемъ наиболѣе любимыми его собесѣдниками были иностранные мастера и купцы. Въ царѣ Петрѣ таился простой рабочій. Съ необыкновенной легкостью Петръ постигалъ и усваивалъ каждое мастерство и вездѣ, гдѣ онъ ни бывалъ, а изъѣздилъ онъ вдоль и поперекъ всю Россію, онъ оставилъ предметы, имъ самимъ сработанные. Онъ гордился мозолями на рукахъ. „Видишь, братецъ, я и царь,—говорилъ Петръ Неплюеву,—да у меня на рукахъ мозоли, а все оттого—показать вамъ примѣръ и хотя бы подъ старость видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству“. Простой рабочій съ необыкновенной легкостью обнаруживался въ немъ, въ какой бы обстановкѣ царь ни находился. Разъ на одной великосвѣтской свадьбѣ, когда гостямъ показалось, что въ залѣ,

Рябушкинъ. Потѣшные Петра Великаго въ кружалѣ. Третьяковская галлерея.

назначенной для танцевъ, слишкомъ жарко, хотѣли открыть окно, но они оказались заколоченными снаружи; царь потребовалъ топоръ и самъ сталъ отбивать раму, но окна оказались заколоченными такъ крѣпко, что ему пришлось провозиться съ ними болѣе получасу. Онъ не разъ выбѣгалъ на улицу, чтобы осмотрѣть окно снаружи и, наконецъ, добился своего—открылъ окно, вернулся къ гостямъ и принялъ участіе въ танцахъ, до которыхъ былъ большой охотникъ. Онъ могъ трудиться неутомимо, притомъ на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ, то съ топоромъ плотника, то съ перомъ историка въ рукахъ,—свойство, которое дало поэту поводъ сказать о немъ: „то академикъ, то герой, то мореплаватель, то плотникъ, онъ всеобъемлющей душой на тронѣ вѣчный былъ работникъ“. Этому царю-работнику выпало на долю переработать Россію.

Шкиперское платье Петра Великаго.
(Оружейная палата).

Царь перерабатывалъ Россію не безъ общей политической мысли. Правда, онъ, дѣлецъ и практикъ по преимуществу, былъ чуждъ отвлеченнымъ теоріямъ. Но то, что было практическаго въ политическихъ взглядахъ его времени, онъ хорошо усвоилъ. Перемѣнчивость намѣреній и плановъ въ преобразовательной дѣятельности, выразившаяся въ отрывочныхъ и часто противорѣчивыхъ указахъ, одинъ за другимъ выходившихъ изъ-подъ его пера, не показываетъ еще отсутствія политическаго идеала: она является лишь признакомъ страстныхъ порывовъ въ стремленіи къ нему. Вдохновленный идеаломъ, Петръ хватается то за одно, то за другое средство, которое кажется ему ведущимъ къ достиженію идеала; разочаровываясь въ результатахъ, бросаетъ начатое, мѣняетъ его на другое средство, которымъ увлекается со всею горячностью своей пылкой натуры. Но во всей этой кипучей дѣятельности, во всей этой быстрой смѣнѣ намѣреній и начинаній ясно видно одно стремленіе, одинъ политическій идеалъ. Онъ становится все яснѣе по мѣрѣ развитія самого Петра, по мѣрѣ его все болѣе широкаго знакомства съ западно-европейскимъ міромъ,—знакомства, которое началось съ поѣздокъ въ Нѣмецкую слободу и окончилось посѣщеніемъ важнѣйшихъ государствъ Европы, кото-

рое началось съ приглашенія нѣмецкаго плотника Тиммермана и кончилось сношеніями съ однимъ изъ самыхъ великихъ мыслителей того времени—Лейбницемъ, которое началось съ вопросовъ о томъ, какъ дѣйствовать астролябіей и пускать на парусахъ игрушечные ботики, и привело къ изученіямъ государственныхъ учрежденій Европы. Этой завѣтной цѣлью, этимъ идеаломъ Петра была Россія, какъ европейское государство.

Чтобы понять, что Петръ подразумѣвалъ подъ европейскимъ государствомъ, надо вспомнить ту политическую обстановку, въ которой онъ жилъ, какъ политическую дѣятельность того времени, такъ и политическія идеи той эпохи. Мы замѣчаемъ всегда взаимодѣйствіе между дѣйствительностью и идеями. Съ одной стороны, политическая философія осмысливаетъ то, что сложилось въ дѣйствительности, съ другой—сама дѣйствительность слѣдуетъ правиламъ, установленнымъ политической философіей. Къ XVII вѣку вездѣ въ Европѣ на мѣстѣ феодальныхъ дробленій возникаетъ государство съ абсолютной, неограниченной властью. Въ то время появляется и политическая философія, которая даетъ теоретическое обоснованіе этому государству съ абсолютной верховной властью. Это былъ вѣкъ блестящаго расцвѣта политической мысли, когда на философскомъ горизонтѣ свѣтятъ звѣзды первой величины: Гроцій, Пуффендорфъ, Гоббсъ, Локкъ и другія мелкія, которыя теперь уже забыты. Это было время господства раціонализма въ политической философіи, который сводилъ все къ разуму и все пытался объяснить изъ разумныхъ началъ. Это было время договорной теоріи происхожденія государствъ. Люди первоначально живутъ въ естественномъ состояніи, какъ говоритъ Гоббсъ, одинъ изъ представителей этой мысли, но отъ этого происходитъ зло, начинается борьба всѣхъ противъ всѣхъ, и вотъ, въ цѣляхъ общаго блага, въ цѣляхъ прекращенія этой борьбы, люди заключаютъ между собой договоръ, которымъ образуется государство. Люди соглашаются договоромъ учредить верховную власть, въ пользу которой они отказываются каждый отъ своей самостоятельности, и всѣ свои права переносятъ на эту верховную власть, которая такимъ образомъ является абсолютной. По ученію Гоббса, верховная власть въ государствѣ не подлежитъ ничьему контролю, она выше закона, такъ какъ она служитъ источникомъ закона. Только верховной власти принадлежитъ право сужденія, только верховная власть обладаетъ всѣми свойствами для достиженія истины, только верховная власть не можетъ ошибиться въ выборѣ между сужденіями. Такова теорія государства, возникшая въ XVII вѣкѣ.

Политическая дѣйствительность много усвоила изъ этой теоріи и пыталась осуществить ее на дѣлѣ. Вотъ почему верховная власть въ XVII и XVIII вв. играетъ такую выдающуюся роль, получаетъ такое огромное значеніе. Какъ говоритъ Токвиль, она становится для подданныхъ на мѣсто Провидѣнія, она окружаетъ ихъ всеобъемлющей опекой: она даетъ подданнымъ

не только безопасность, не только завѣдуетъ внѣшней обороной, не только учреждаетъ правосудіе, она также насаждаетъ промышленность путемъ финансовыхъ субсидій и подробныхъ предписаній, регулирующихъ всѣ мелочи экономическаго производства. Она заботится также о здоровьѣ подданныхъ, слѣдитъ за ихъ нравственностью, она выбираетъ для нихъ религію, вмѣшиваясь такимъ образомъ даже въ интимную сторону жизни подданныхъ. Въ XVI вѣкѣ, дѣйствительно, былъ установленъ такой политическій принципъ: государь опредѣляетъ религію для своего государства, а подданные обязаны повиноваться верховной власти. Наивысшаго значенія въ такомъ смыслѣ верховная власть достигаетъ въ XVIII вѣкѣ, въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма, когда на европейскихъ тронахъ являются монархи-философы, а у этихъ троновъ становятся министры, проводящіе философскія аксіомы въ жизни.

Петръ — отецъ отечества.
(По гравюрѣ Аникопи и Вагнера).

Вотъ та политическая дѣйствительность и тѣ идеи, въ средѣ которыхъ пришлось дѣйствовать Петру. Онъ, конечно, не былъ теоретическимъ мыслителемъ, отвлеченныя теоріи ему не давались, онъ съ трудомъ ихъ усваивалъ. Но, обладая живымъ, любознательнымъ и проницательнымъ умомъ, онъ не могъ не присмотрѣться во время своихъ странствованій по Европѣ къ западно-европейской политической дѣйствительности и не могъ остаться глухъ къ западно-европейскимъ политическимъ идеямъ. Вѣдь идеи имѣютъ свойство какъ бы носиться въ воздухѣ и заражать собою хоть немного воспріимчивые умы. Петръ, разумѣется, не оставилъ послѣ себя цѣльной и стройной системы, но онъ весь былъ пропитанъ политическими идеями своего времени. Правда, отвлеченное въ этихъ идеяхъ не давалось ему. Будучи практическимъ дѣльцомъ по преимуществу, онъ не занимался теоріей происхожденія государства, но то, что было практическаго въ этихъ идеяхъ, онъ хорошо усвоилъ. Онъ очень ясно выразилъ свой взглядъ на общее благо, какъ на цѣль государства, и на верховную власть, какъ на средство, ведущее къ этой цѣли.

Въ своей отвѣтной рѣчи на торжествѣ 22 октября 1721 г. онъ, указывая на предстоящія послѣ войны задачи правительственной дѣятельности,

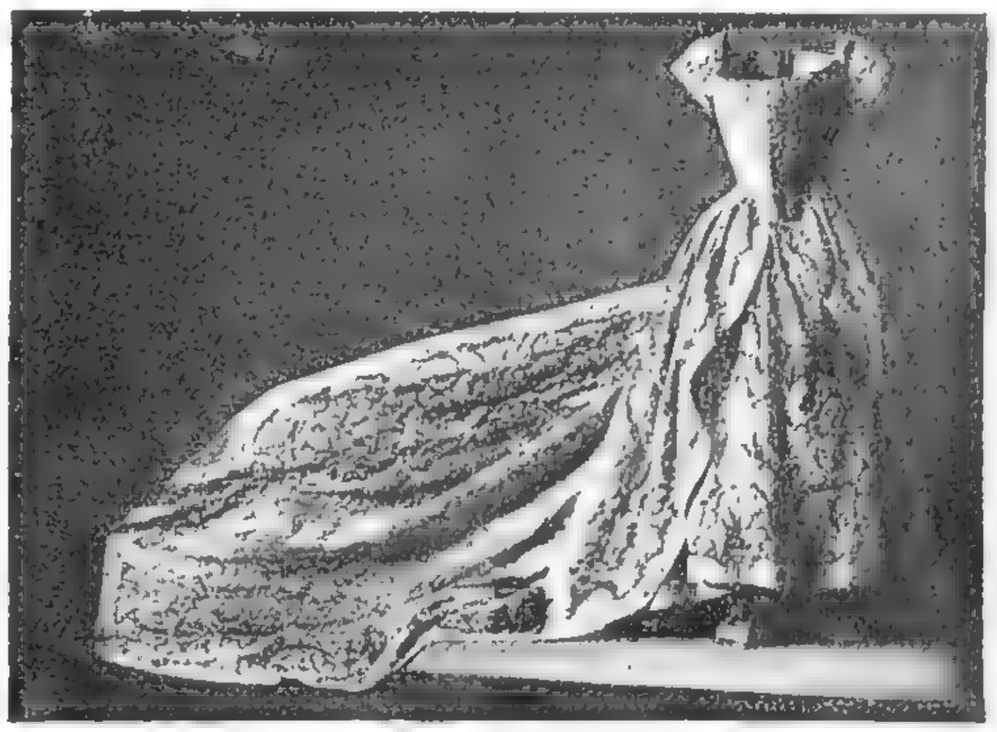
между прочимъ, замѣтилъ, что теперь, когда окончилась война, его задачей является „трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ“. Этими словами онъ выражаетъ ту же мысль, какую проводили и философы.

При немъ верховная власть, какъ средство для достиженія этой цѣли, получаетъ новое значеніе. Она становится болѣе отвлеченной: люди XVII в. смотрѣли на верховную власть слишкомъ конкретно. Они отожествляли государство съ личностью государя, для нихъ эти два понятія были неразрывны. Московское государство XVII в. есть еще вотчина, населенная разнаго рода крѣпостными, а государь—вотчинникъ этой вотчины, хозяинъ въ этомъ большомъ хозяйствѣ. При Петрѣ эти два понятія: государство и государь расчленяются и становятся отдѣльными, и верховная власть теряетъ эти вотчинныя свойства: она становится государственнымъ учрежденіемъ, съ характеромъ строго государственнаго, а не частнаго права.

Императрица Екатерина I.
(Оружейная палата).

Перемѣна въ положеніи верховной власти выражалась не только въ этихъ внѣшнихъ формахъ, она сказывалась также и въ самомъ законодательствѣ. Законодательство Петра Великаго отличается отъ законодательства предыдущаго времени двумя чертами. Первое отличіе его состоитъ въ томъ, что оно является всеобъемлющимъ, оно касается всѣхъ сторонъ жизни подданнаго. Судебники и Уложеніе Алексѣя Михайловича содержатъ, главнымъ образомъ, процессуальное право; матеріальнаго права въ нихъ очень немного. Государство XVI и XVII вв. ставитъ себѣ немногія задачи: оно беретъ на себя внѣшнюю оборону, обезпечиваетъ внутреннюю безопасность и собираетъ средства для этихъ двухъ цѣлей. Въ этомъ и заключается его дѣятельность; оно почти не вмѣшивается ни въ общественную, ни въ частную жизнь подданныхъ. Для людей того времени въ законодательствѣ не было нужды, у нихъ была сила, на которую они всегда опирались, и этой силой былъ обычай. Московское государство жило обычаемъ, судьи судили въ приказахъ, опиравшихся на обычаи, обычай руководилъ и частной жизнью человѣка: въ сомнительныхъ случаяхъ онъ справлялся съ тѣмъ, какъ ука-

зывалъ обычай, какъ повелось отъ предковъ. „Такъ повелось“, и этой ссылки было достаточно, чтобы устранить всѣ сомнѣнія и прекратить всякое колебаніе. „Такъ не повелось“, и иногда никакими казнями и пытками нельзя было сломить упорство, поддерживаемое этимъ основаніемъ. Въ XVIII в. на мѣсто обычая поставленъ разумъ, который объявляетъ обычаю безпощадную войну, который стремится изгнать его изъ всѣхъ сферъ, который всю жизнь перестраиваетъ на новый ладъ. Отсюда ясно, что законъ, основанный на разумѣ, долженъ былъ опредѣлить всѣ мельчайшія подробности не только общественной жизни, но и частной. И вотъ законодательство Петра, какъ законодательство всѣхъ европейскихъ государствъ того времени, охватываетъ жизнь подданныхъ рѣшительно со всѣхъ сторонъ. Правительство окружаетъ подданныхъ всеобъемлющимъ попеченіемъ: оно предписываетъ, какъ строить города, какъ строить дома въ городахъ и деревняхъ, но не ограничивается постройкой жилищъ, а шагаетъ за его стѣны и опредѣляетъ весь обиходъ частной жизни; оно указываетъ, какой внѣшній обликъ и какую одежду долженъ носить подданный, напримѣръ, одни должны брить бороду и носить нѣмецкое платье, другимъ — раскольникамъ — предписывалось носить длинныя бороды и русское платье.



Коронаціонное платье Екатерины I.
(Оружейная палата).

Такимъ образомъ, законодательство предписывало внѣшнее обличіе и одежду подданныхъ, но оно предписывало также и тѣ науки, которымъ подданные должны были учиться. Дальше оно не ограничивалось тѣмъ, что брало на себя обученіе, оно завѣдывало также и увеселеніями. Тогда у государства не было средствъ для устройства общественныхъ увеселеній, поэтому оно вмѣшивалось въ частныя увеселенія, напримѣръ, былъ изданъ указъ объ устройствѣ ассамблей, подробно опредѣляющій, какъ долженъ былъ держать себя хозяинъ, чѣмъ занимать гостей, въ которомъ часу начинать, въ которомъ кончать и т. п. Мало того, что государство вмѣшивалось въ то, какъ люди должны веселиться, оно указывало также, какъ они должны лѣчиться. Петръ самъ пользовался за границей водами, надо было открыть такія и въ Россіи, и вотъ былъ открытъ желѣзистый источникъ въ Олонецкомъ краю, вода котораго была объявлена цѣлительной. Тотчасъ былъ изданъ подробный регламентъ о томъ, какъ надо было пользоваться этими водами. Если больному

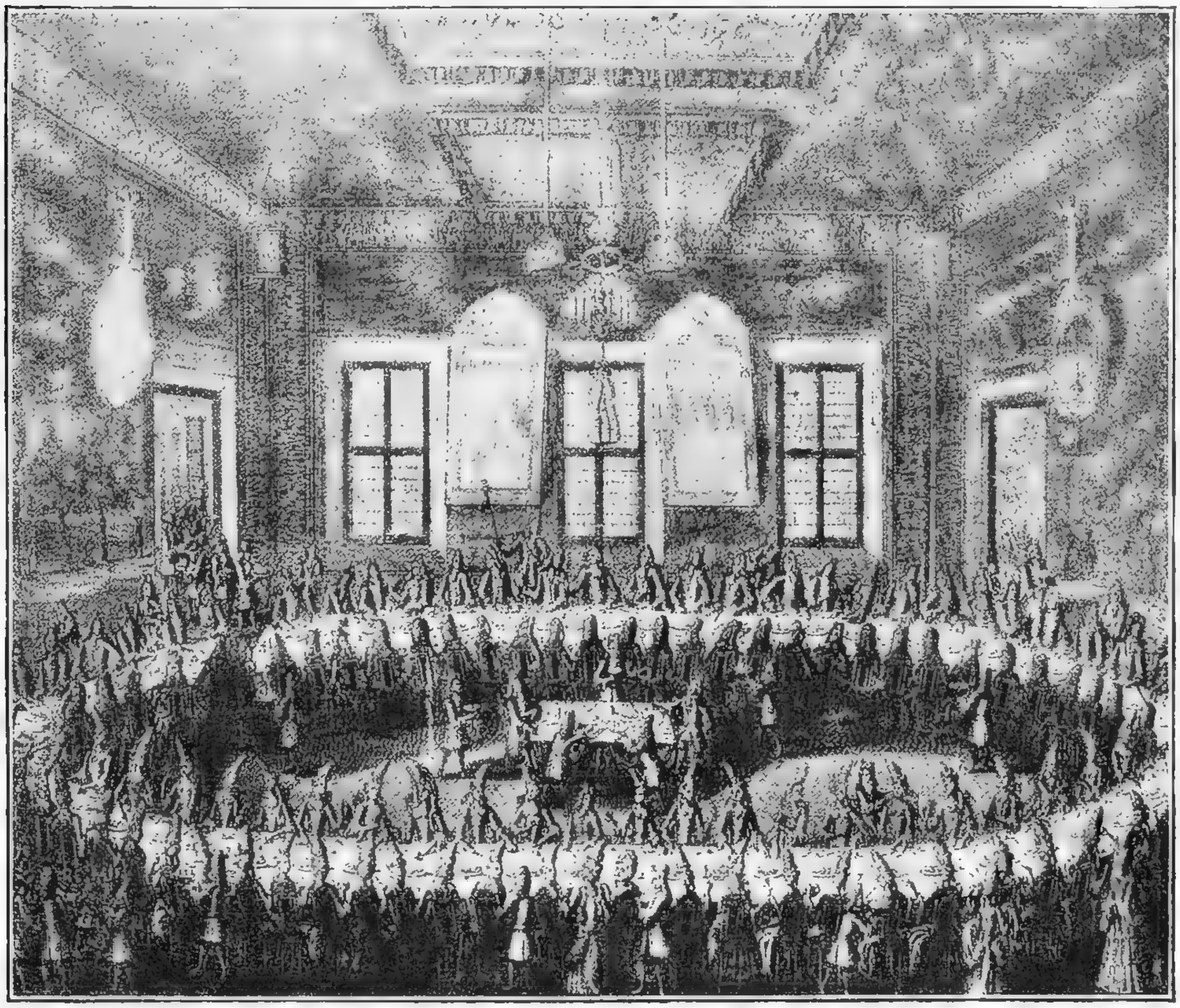
случалось умереть, то и на такой случай были изданы правила: въ какихъ гробахъ хоронить, какъ ставить на могилѣ памятникъ и т. п.

Словомъ, всѣ рѣшительно шаги подданнаго были строго опредѣлены закономъ: подданные все должны дѣлать по указу, все должно быть „указнымъ“, какъ тогда выражались: жилища должны быть построены по указному плану, обитатели должны одѣваться въ указное платье, указнымъ образомъ должны были веселиться, указнымъ наукамъ учиться и указнымъ образомъ лѣчиться, указнымъ образомъ хорониться и указнымъ порядкомъ лежать въ могилѣ, очистивъ предварительно душу покаяніемъ въ указные сроки. Государство заботится даже о загробной жизни, наблюдая за тѣмъ, чтобы подданные ежегодно исповѣдывались и причащались. Оно не стѣснялось даже предписывать правила поведенія для тѣхъ церковныхъ іерарховъ, которые облечены были особенною благодатью Святаго Духа: вышелъ законъ о томъ, какъ должны были держать себя архіереи во время службы— „упражняться въ богомысліи и постороннихъ докладовъ не принимать“.

Такимъ образомъ, законодательство охватило подданнаго со всѣхъ сторонъ его жизни и окружало его всеобъемлющей и самой тщательной опекой. Этотъ всеобъемлющій характеръ законодательства Петра — одна его черта. Вторая черта — это тѣ средства, которыя имѣетъ въ виду законодатель для исполненія своихъ законовъ. До Петра извѣстно было одно средство — угрозы и наказаніе: законодатель дѣйствовалъ, какъ суровый педагогъ, рука котораго постоянно вооружена кнутомъ и плетью. Откройте Уложеніе, на каждомъ шагу вы увидите тамъ слова: „а буде которые люди учнутъ дѣлати то-то и то-то, и тѣхъ людей казнить безъ всякаго милосердія“, или „бить нещадно“. Законодательство Петра также не скупится на угрозы, но оно разсчитываетъ и на другіе способы исполненія своихъ законовъ: оно стремится повліять на разумъ подданнаго. Вотъ почему Петръ приводитъ къ каждому своему закону мотивы, при чемъ эта мотивировка разрастается иногда въ цѣлые политическіе и естественно-научные трактаты. Петръ стремится прежде всего подѣйствовать на разсудокъ подданнаго и только въ случаѣ неуспѣха обращается къ угрозѣ. Въ каждомъ изъ его указовъ непремѣнно встрѣчаемъ союзъ „понеже“, которымъ начинается мотивировка закона. Эта неважная часть рѣчи — союзъ „понеже“ — знаменуетъ собою очень важный моментъ въ развитіи русской личности. Вмѣстѣ съ отмѣной обычая писаться уменьшительными именами и земныхъ поклоновъ при встрѣчѣ съ государемъ, появленіе этой частицы въ текстѣ законовъ показываетъ новыя отношенія, въ которыя верховная власть стремится стать къ управляемому обществу, разсчитывая на сознательное, разумное исполненіе закона, ради его разумныхъ цѣлей, а не на рабское подчиненіе изъ-за страха плети. Когда Петръ пишетъ указъ, онъ непремѣнно резонируетъ. Иногда мотивировка указовъ разра-

Корбъ. Торжество водоосвященія въ 1699 г.

стается въ цѣлыя поученія, въ которыхъ излагаются политическія, юридическія и даже естественно-научныя теоріи. Приведу примѣры этого законодательства. Петръ не разъ издавалъ указъ о томъ, чтобы никто не обращался съ просьбами лично къ государю, не подавъ прошенія въ установленныхъ учрежденіяхъ и не пройдя всѣхъ инстанцій. Вотъ какъ начинается одинъ изъ такихъ указовъ: „Понеже челобитчики непрестанно е. и. в-ву докучаютъ о своихъ обидахъ, вездѣ, во всякихъ мѣстахъ, не дая покою; и хотя съ ихъ стороны легко разсудить можно, что всякому своя обида горька есть и несносна: но притомъ каждому разсудить же надлежитъ, что какое ихъ множество, а кому бьютъ челомъ, одна персона есть и та колькими воинскими и прочими несносными трудами объята, что всѣмъ извѣстно есть. И хотя бъ и такихъ трудовъ не было, возможно ли одному человѣку за такъ многими усмотрѣть? Во истину не точію человѣку, ниже ангелу, понеже и оные мѣстомъ описаны суть, ибо гдѣ присутствуетъ, тудѣ



Брачный пиръ Петра Великаго. (По гравюрѣ Зубова).

Шарлеманъ.

Петръ Великій въ домѣ Цыклера.

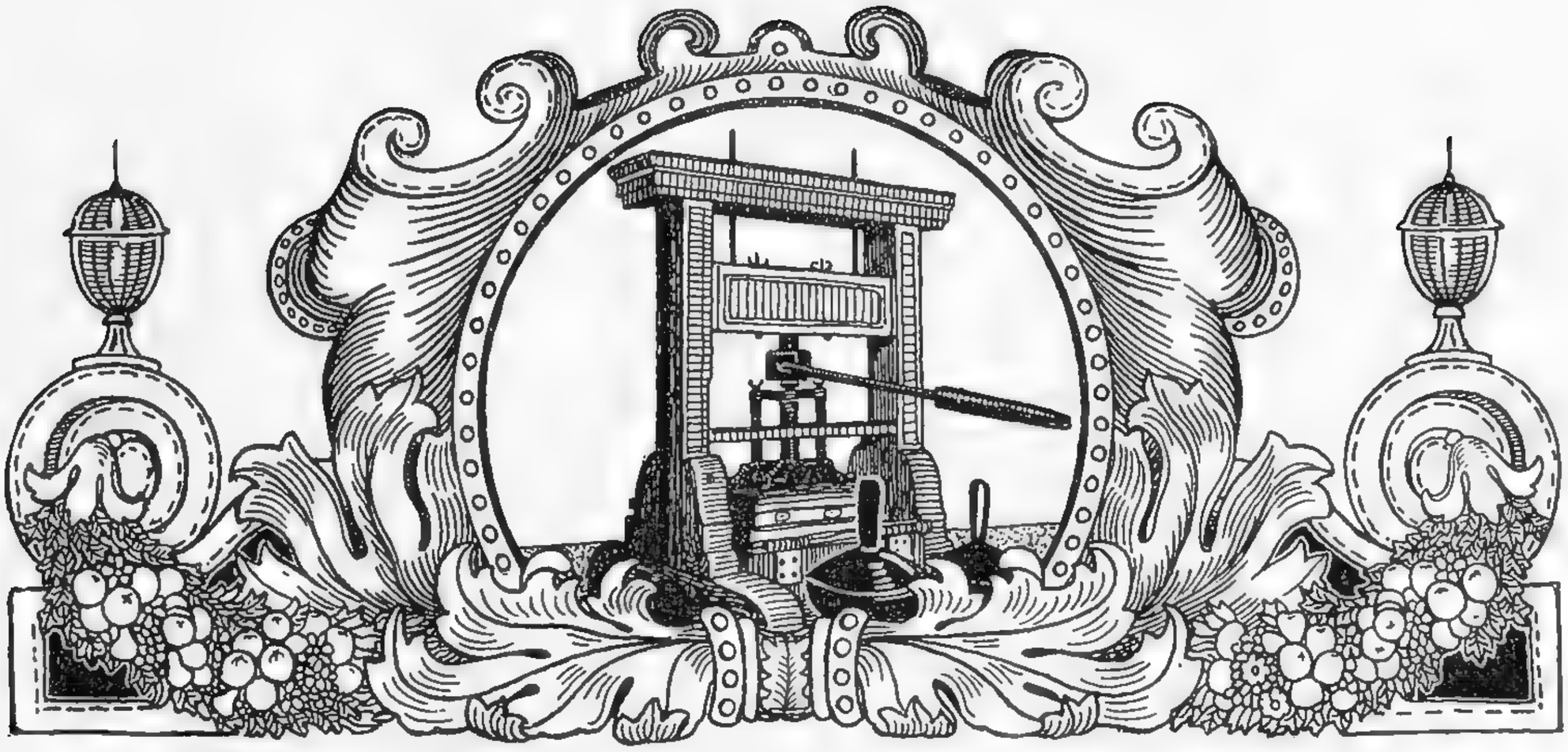
(Академія Художествъ.)

Шарлемань. Петръ Великій въ домѣ Пыжева. (Академія Художествъ.)

его нѣтъ“. Указъ о собираніи разнаго рода рѣдкостей мотивированъ такимъ образомъ: „Понеже извѣстно есть, что какъ въ человѣческой породѣ, такъ въ звѣрской и птичьей случается, что родятся монстра, то-есть уроды, которые всегда во всѣхъ государствахъ собираются для диковинки... но таятъ невѣжды, чая, что такіе уроды родятся отъ дѣйства дьявольскаго чрезъ вѣдовство и порчу, чему быть невозможно, ибо единъ Творецъ всея твари Богъ, а не дьяволъ, которому ни надъ какимъ созданіемъ власти нѣтъ“... Далѣе объясняются естественныя причины происхожденія такихъ человѣчьихъ, скотскихъ, звѣриныхъ и птичьихъ уродовъ.

Итакъ, Петръ былъ воодушевленъ идеаломъ „регулярнаго“ европейскаго государства. Подъ этими словами онъ подразумѣвалъ государство, цѣлью котораго должно быть общее благо людей, средствомъ для достиженія этой цѣли должна служить сама верховная власть, окружающая подданныхъ самой внимательной опекой. На себя Петръ смотритъ, какъ на учителя своего народа, — „нашъ народъ,—пишетъ онъ,—яко дѣти, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что явно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ — не все ли неволею сдѣлано, и уже за многое благодареніе слышится“ (П. С. З., № 4345). Эту обязанность учителя своего народа онъ доводилъ до высокой обязанности жертвовать за свой народъ своею жизнью. Извѣстны блестящія слова прусскаго короля, Фридриха II — „король есть первый слуга своего отечества“. Но когда Петръ Великій говоритъ въ письмѣ къ сыну: „Я за свое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю“, онъ высказываетъ ту же самую мысль, только не въ такихъ блестящихъ выраженіяхъ.

М. Богословскій.



Печатный станокъ Петра Великаго.

Петръ-писатель.

Когда Петръ В. въ 1724 г. редактировалъ переводъ книги Гохберга о сельскомъ и домашнемъ нѣмецкомъ хозяйствѣ, то, возвращая исправленный переводъ, далъ переводчикамъ такое наставленіе: „Понеже нѣмцы обыкли многими разсказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались, чего кромѣ самаго дѣла и краткаго предъ всякою вещью разговора переводить не надлежитъ; но и вышереченный разговоръ, чтобъ не праздной ради красоты и для вразумленія и наставленія о томъ чтущему было, чего ради о хлѣбопашествѣ трактатъ выправилъ (вычерня негодное) и для примѣра посылаю, дабы по сему книги переложены были безъ излишнихъ разсказовъ, которые время только тратятъ и чтущимъ охоту отъемлютъ“. Правилъ, изложенныхъ въ этомъ наставленіи, Петръ всегда держался самъ: все, написанное имъ самимъ, чрезвычайно кратко, сжато, но въ то же время ясно и опредѣленно. Сказавъ однажды своему кабинетъ-секретарю Макарову: „Надлежитъ законы и указы писать ясно, дабы ихъ не перетолковывали“, онъ и въ личной перепискѣ всегда слѣдовалъ этому правилу. Писалъ Петръ В. много, и, напримѣръ, одна его переписка, еще далеко не обработанная вполнѣ, обнп-

маетъ уже въ печатномъ видѣ нѣсколько томовъ [1]), а, кромѣ того, ему принадлежитъ громадное количество собственноручныхъ указовъ, реляцій, резолюцій, предисловій или заключеній къ различнымъ книгамъ, корректурныхъ поправокъ [2]) и т. п. И все это разнообразіе литературнаго матеріала объединено однимъ стилемъ, однимъ направленіемъ. По отношенію къ Петру какъ нельзя болѣе приложимо выраженіе: le style c'est l'homme; онъ весь тутъ, въ своихъ писаніяхъ: необыкновенно энергичный, вѣчно подвижный, порывистый, постоянно спѣшащій и торопящій другихъ, практикъ-дѣлецъ, не склонный къ общимъ разсужденіямъ, жадно хватающійся за все новое, мастеръ на всѣ руки. Все это и дало Тихонравову полное основаніе сказать [3]), что правильная оцѣнка литературы времени Петра невозможна „безъ того, кто стоялъ въ центрѣ ея, заправлялъ ею, кто самъ поправлялъ вѣдомости, церковныя службы, выбиралъ для перевода, писалъ программы для руководствъ, указывалъ идеи, которыя слѣдовало распространить посредствомъ печатнаго слова, т.-е. самого царя". „Взглянемъ, — говоритъ онъ, — хотя на ту литературу, которая развилась въ теченіе великой Сѣверной войны, — на проповѣди, школьныя драмы, объясненія тріумфальныхъ вратъ, издававшіяся для всенароднаго торжества, на первые опыты публицистики, даже ектеніи на супостатовъ, церковныя службы: какое единство мысли, направленія, даже образовъ! Чувствуешь, что сокровенныя нити всѣхъ этихъ произведеній сходятся въ твердыхъ рукахъ одного человѣка, глубоко убѣжденнаго въ правотѣ своего дѣла и не любящаго диссонансовъ".

I.

За свою жизнь Петръ написалъ нѣсколько тысячъ писемъ Нѣтъ ни одного сколько-нибудь важнаго событія его царствованія, которое бы не нашло себѣ мѣста въ его перепискѣ; у него, повидимому, была постоянная потребность дѣлиться всѣми новостями со своими отсутствующими сотрудниками, которыхъ онъ не хотѣлъ оставлять въ невѣдѣніи относительно себя и всего, происходящаго съ нимъ. Съ другой стороны, самъ первый слуга государства, онъ держалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити управленія, во все входилъ, всѣмъ руководилъ. Читая письма Петра, положительно удивляешься его необыкновенной памяти: какое громадное количество фактовъ, именъ, цифръ и т. п. онъ былъ способенъ удерживать въ своей головѣ! Въ какія мелочи хозяйственныхъ распоряженій онъ могъ входить: все онъ предусмотритъ, всему назначитъ цѣну, укажетъ точно количество необходимыхъ

---

[1]) См. „Письма и бумаги имп. Петра В.", т. I—V, Спб., 1887—1907 гг. „Сборникъ русскаго истор. общества", т. XI. „Письма русскихъ государей", ч. I. М., 1861 г.

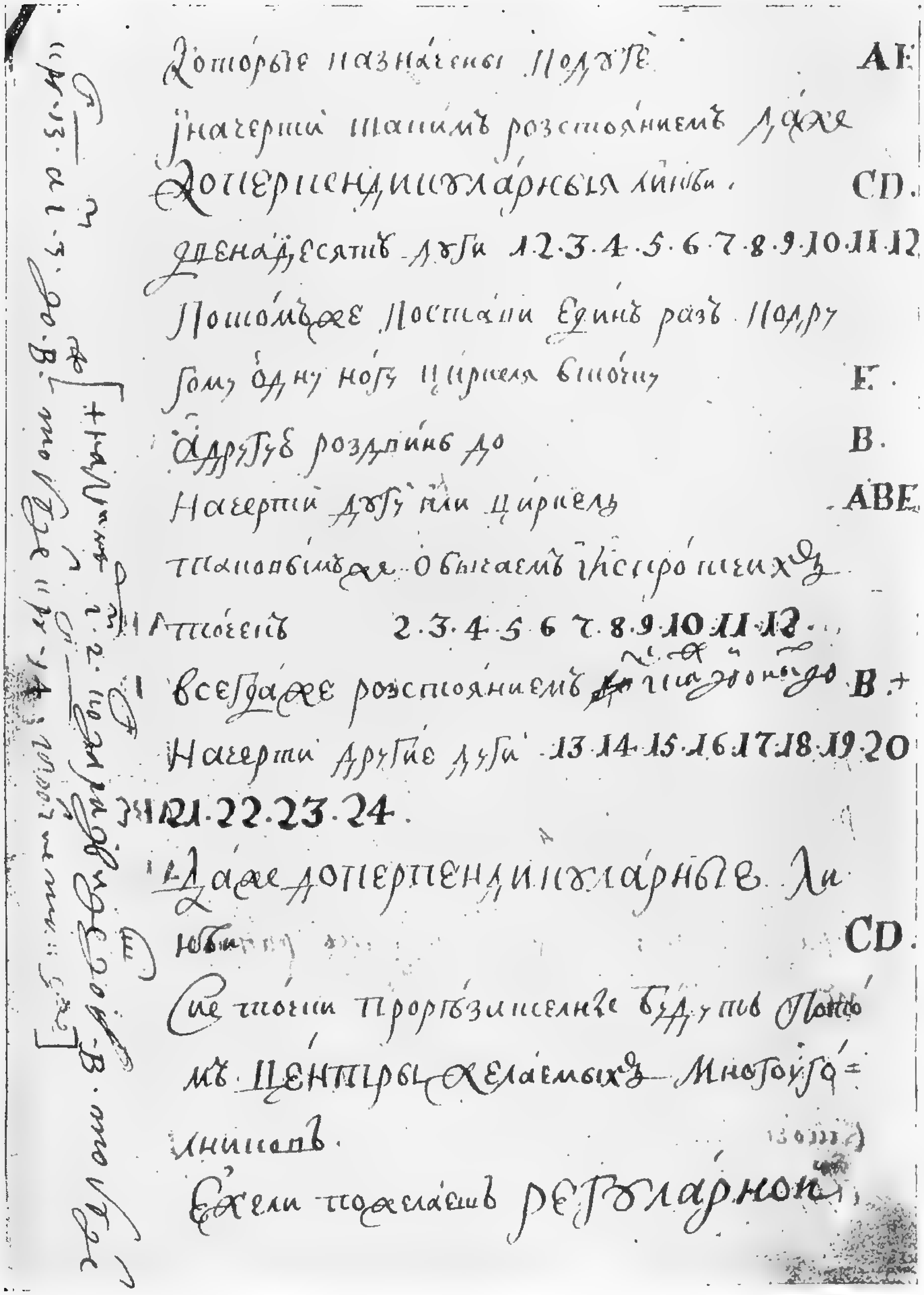
[2]) См. Пекарскій. „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В.", 2 т.

[3]) Сочиненія, т. I.

ружей или пудовъ муки! Отсюда масса писемъ Петра чисто дѣлового характера. Одно перечисленіе того, о чемъ Петръ писалъ своимъ корреспондентамъ, заняло бы нѣсколько страницъ, поэтому мы ограничимся лишь указаніемъ извѣстнаго преобладанія темъ въ различныя эпохи его царствованія, поскольку объ этомъ можно судить по приведеннымъ пока въ извѣстность письмамъ Преобразователя.

До 1700 г. главное вниманіе Петра было обращено на югъ, къ Азову и Азовскому морю, всѣ стремленія были направлены на устройство флота. Эти вопросы и составляютъ главное содержаніе его писемъ до 1700 г. О заграничномъ путешествіи 1697—98 гг. (которому велся особый „юрналъ“) писемъ мало—по крайней мѣрѣ, до насъ ихъ мало дошло, и изъ нихъ мы немного можемъ узнать о его жизни за границей; главное вниманіе въ нихъ удѣляется вопросамъ судостроенія. Съ 1700 г. вся энергія Петра, всѣ его силы были обращены на борьбу со Швеціей; перипетіи этой борьбы и составляютъ главное содержаніе его писемъ, начиная съ этого года; первые годы его немало озабочивалъ и флотъ, но по мѣрѣ того, какъ Петръ укрѣплялся на берегахъ Балтійскаго моря, а война становилась все болѣе сухопутной, заботы о флотѣ отступаютъ на второй планъ передъ заботами объ устройствѣ сухопутнаго войска. Одновременно съ этимъ Петръ въ своихъ письмахъ руководитъ всѣми дипломатическими сношеніями и все чаще и чаще затрагиваетъ вопросы финансовые (главнымъ образомъ, въ письмахъ къ Курбатову). Въ послѣдніе годы войны, когда исходъ ея былъ уже въ сущности предрѣшенъ, вниманіе Петра все болѣе и болѣе привлекаютъ вопросы внутренняго управленія. Въ связи съ заботами Петра о флотѣ, арміи и внутреннемъ управленіи стояли заботы о вызовѣ изъ-за границы мастеровъ по разнымъ спеціальностямъ, и цѣлый рядъ его писемъ къ русскимъ и западно-европейскимъ корреспондентамъ посвященъ именно этому вопросу. Но при всемъ этомъ Петръ находилъ время и возможность писать о разведеніи клубники въ Азовѣ, о высылкѣ цвѣтовъ, огородныхъ сѣмянъ и китайскихъ печей въ Петербургъ, объ устройствѣ фонтановъ, о предстоящемъ затменіи и необходимости разъяснить его значеніе народу, о незначительныхъ путевыхъ впечатлѣніяхъ и т. д. Какая для всего этого нужна трудоспособность, какая память, какая работа нервовъ!

Всѣ письма Петра носятъ на себѣ отпечатокъ дѣлового характера ихъ автора; такъ, Петръ прежде всего въ письмахъ указываетъ, когда чьи письма онъ получилъ, а потомъ немедленно переходитъ къ дѣлу, которое въ данный моментъ его занимаетъ или требуетъ разрѣшенія; въ концѣ письма Петръ обязательно дѣлаетъ помѣтку относительно того, когда и гдѣ данное письмо написано. Сообщая о своихъ дѣлахъ или отдавая распоряженія, Петръ обнаруживаетъ въ своихъ письмахъ много техническихъ знаній во всѣхъ областяхъ жизни. Прежде всего онъ главнокомандующій всей арміей и фло-


Которые назначены подуге AE
іначертиши такимъ розстояниемъ даже
до перпендикулярныя линіи. CD.
дванадесять дуги 1.2.3.4.5.6.7.8.9.10.11.12.
Потомъже постави единъ разъ подру
гому одну ногу циркеля в точку E.
а другую розд[в]инь до B.
Начерти дугу или циркель ABE.
[illegible] обычаемъ [illegible]
точекъ 2.3.4.5.6.7.8.9.10.11.12.
всегдаже розстояниемъ [illegible] B.
Начерти другие дуги 13.14.15.16.17.18.19.20.
21.22.23.24.
Даже до перпендикулярные ли
нии CD.
Сие точки прорезанные будуть потомъ центры желаемыхъ многоуго
лниковъ.
Еже ли пожелаешь регулярной

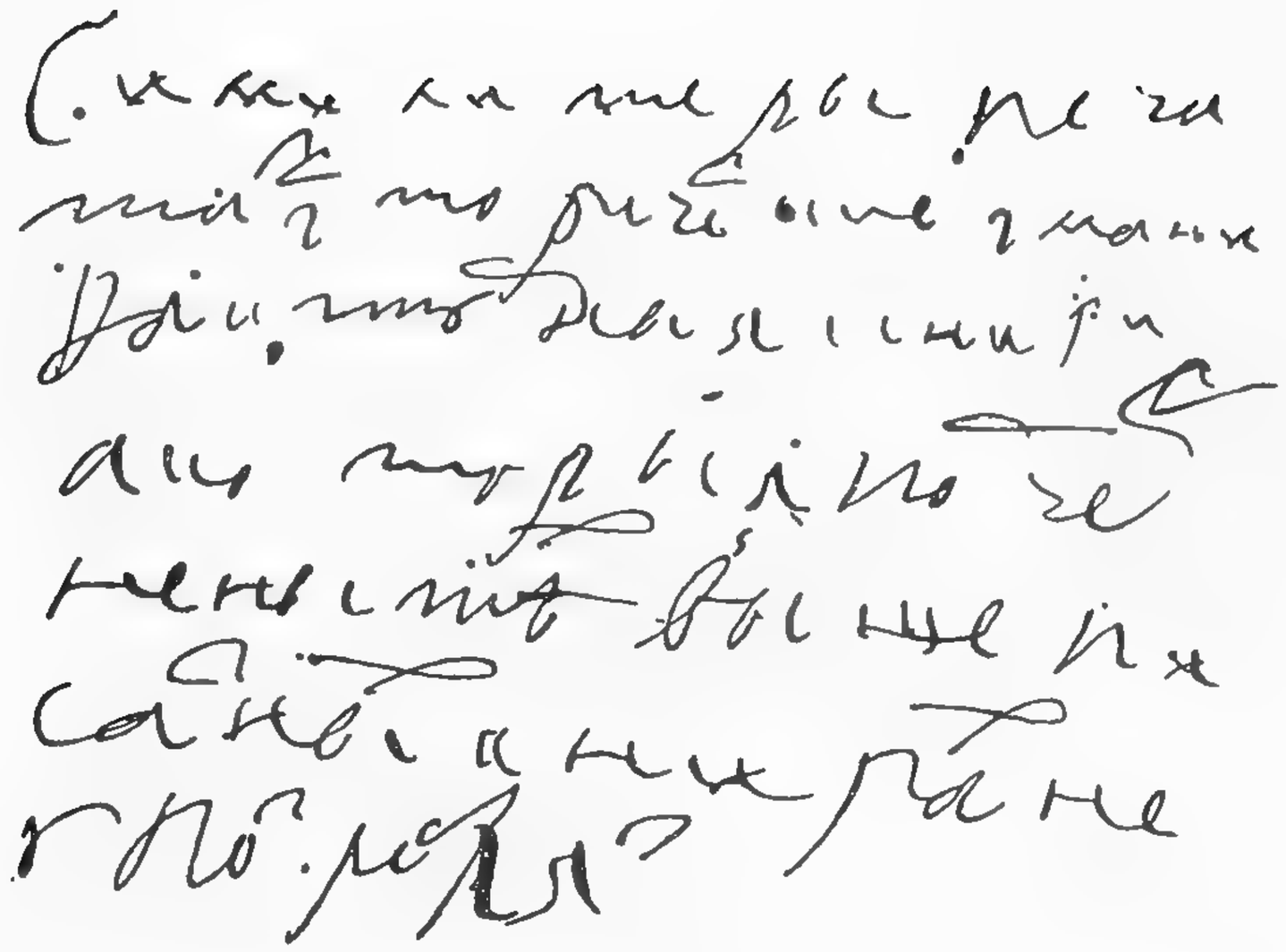
Геометрія съ поправками Петра Великаго.

(Синодальная типографія).

томъ, хотя и носитъ очень скромные чины; письма Петра наглядно показываютъ, какъ прекрасно онъ зналъ карту Россіи, которую онъ самъ изъѣздилъ вдоль и поперекъ; весь ходъ кампаніи въ его рукахъ. онъ все знаетъ и всѣмъ руководитъ. Онъ входитъ во всѣ подробности военнаго дѣла, много заботится о солдатахъ; въ нѣкоторыхъ письмахъ онъ проводитъ мысль о томъ, что солдатъ не долженъ быть простымъ орудіемъ въ рукахъ командира—изъ него надо сдѣлать сознательнаго защитника своего отечества, который готовъ пожертвовать для него всѣмъ, а для этого надо поднять нравственное достоинство солдата. Эта мысль нашла потомъ свое выраженіе, напримѣръ, въ Морскомъ уставѣ.

Но въ то же время на Петрѣ лежала и вся тяжесть внутренняго управленія; въ какія мелочи онъ тутъ входилъ и какія знанія обнаруживалъ, показываетъ, напримѣръ, его инструкція Лефорту, Головину и Возницыну (въ мартѣ 1697 г.) о наймѣ мастеровъ за границей и о всевозможныхъ покупкахъ; въ его наставленіяхъ виденъ опытный и бережливый хозяинъ. Петръ не любилъ общихъ разсужденій, и потому не затрагивалъ въ своихъ письмахъ общихъ вопросовъ; лишь въ немногихъ письмахъ къ сыну онъ касается, напримѣръ, общихъ политическихъ вопросовъ, высказывая при этомъ свою любимую мысль о томъ, что государь есть первый слуга государства. Дѣлецъ и практикъ, Петръ ставилъ себѣ всегда ближайшую, очередную задачу и къ достиженію ея стремился со всей свойственной ему энергіей, но онъ какъ будто мало заглядывалъ въ будущее, не загадывалъ о немъ; поэтому въ письмахъ Петра мы не найдемъ плана Сѣверной войны или проекта внутреннихъ реформъ. Для Петра была ясна конечная цѣль войны—„ногою твердой стать при морѣ“, но онъ не забѣгалъ впередъ, не строилъ плановъ и сложныхъ комбинацій; въ зависимости отъ хода дѣлъ онъ или мѣнялъ планъ ближайшихъ дѣйствій или подыскивалъ средства для его сохраненія, но, повторяемъ, планъ кампаніи вырабатывался имъ, судя по письмамъ, самое большее на нѣсколько мѣсяцевъ впередъ. Петръ не былъ полководцемъ-теоретикомъ, не писалъ трактатовъ на военныя темы, а рѣшалъ очередныя стратегическія задачи, и, напримѣръ, его „Разсужденіе о флотѣ“, въ сущности, вовсе не „разсужденіе“, а инструкція. Также по частямъ онъ перестраивалъ и внутреннее управленіе: его письма и указы касаются частныхъ вопросовъ, въ нихъ мы не встрѣтимъ какого-либо „плана“ государственныхъ преобразованій.

Петръ въ своихъ письмахъ никогда не измѣняетъ основной своей манерѣ—краткости (большинство писемъ въ нѣсколько строкъ), ясности и дѣловитости тона: пишетъ ли онъ о пораженіи, извѣщаетъ ли о побѣдѣ, вездѣ онъ остается вѣренъ себѣ; въ письмахъ перваго рода нѣтъ и признаковъ какого-либо уныній, и за краткимъ извѣщеніемъ о постигшемъ несчастіи сейчасъ же слѣдуетъ какое-либо очередное распоряженіе или просьба



Автографъ Петра Великаго.

о присылкѣ чего-либо; въ письмахъ второго рода мы не встрѣтимъ ни хвастливости, ни заносчивости, въ нихъ нѣтъ фальшиваго, приподнятаго тона, которымъ часто грѣшатъ письма подобнаго рода. Доказательствомъ этого служатъ, съ одной стороны, напримѣръ, письма Петра отъ 30 ноября и 5 декабря 1700 г., писанныя по поводу Нарвскаго пораженія, а съ другой— письма отъ 27 іюня 1709 г. о Полтавской побѣдѣ. И несчастія, и побѣды Петръ приписывалъ волѣ Бога, а потому и не ропталъ, и не хвалился. Составляя, напримѣръ, 16 августа 1724 г. программу для торжества Ништадтскаго мира, Петръ писалъ [1]): „Надлежитъ въ первомъ стихѣ помянуть о побѣдахъ, а потомъ силу писать о всемъ праздникѣ слѣдующую: 1) неискусство наше во всѣхъ дѣлахъ. 2) А наипаче въ начатіи войны, которую, не вѣдая противныхъ силы и своего состоянія, начали, какъ слѣпые. 3) Бывшіе непріятели всегда не только въ словахъ, но и въ исторіяхъ писали, дабы никогда не протягать войны, дабы не научить тѣмъ насъ. 4) Какія имѣли внутреннія замѣшанія, также и дѣла сына моего, такожь и Турковъ подвигли на насъ. 5) Всѣ прочіе народы политику имѣютъ, дабы балансъ въ силахъ держать межь сосѣдовъ, а особливо, чтобы насъ не допускать до свѣта разума, во всѣхъ дѣлахъ, а наипаче въ вопискихъ; но то въ дѣло не произвели, но яко бы закрыто было сіе предъ ихъ очесами. Сіе по-истинѣ чудо Божіе; тутъ возможно видѣть, что всѣ умы человѣческіе ничто есть противъ

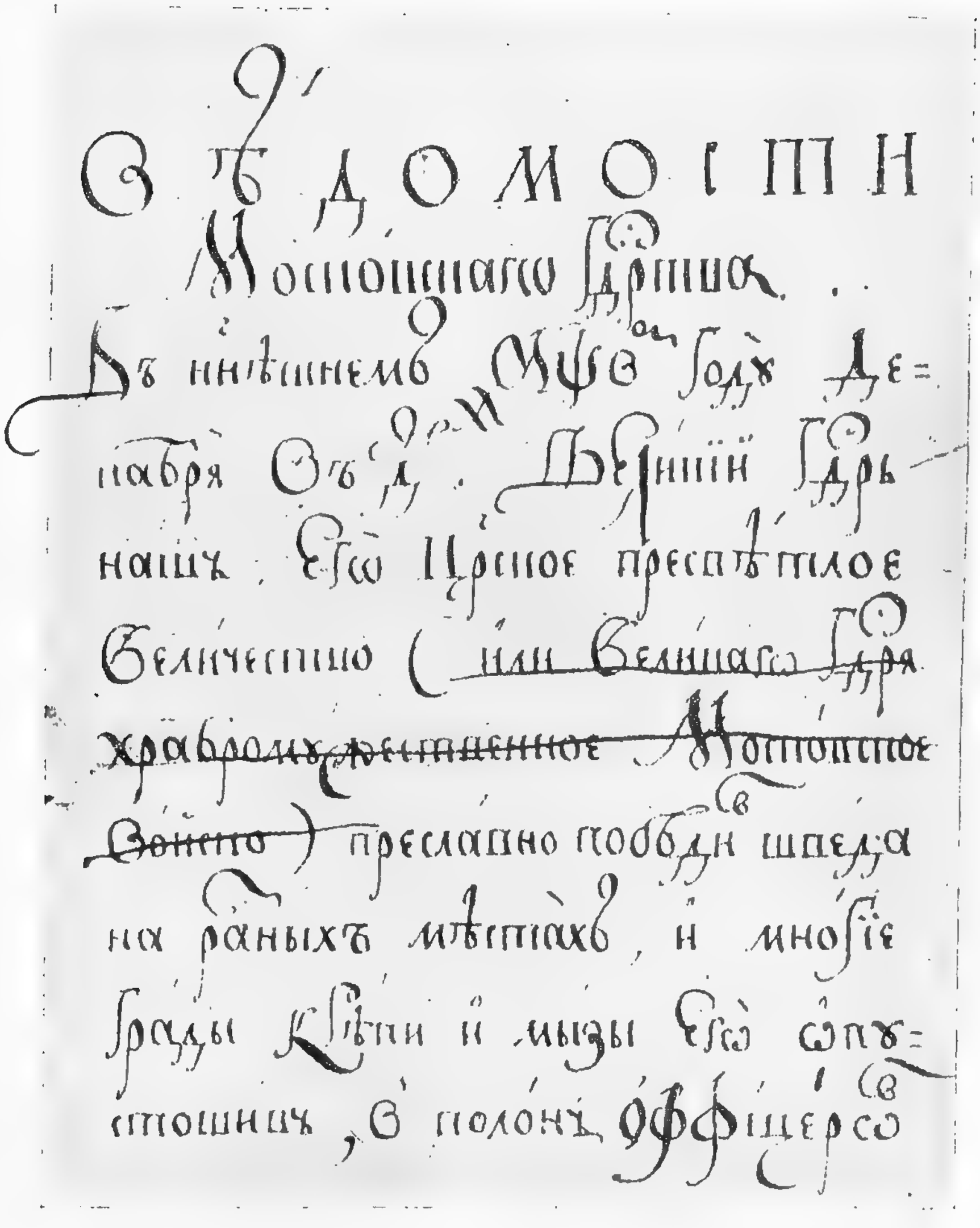
[1]) Вездѣ мы сохраняемъ орѳографію подлинниковъ.

воли Божіей. Сіе пространно развести надлежитъ, а сенсу довольно“. Это религіозное чувство Петра не покидало его и въ моменты личныхъ несчастій, при чемъ и о послѣднихъ онъ писалъ такъ же просто и кратко, какъ и о дѣлахъ государственныхъ. Сообщая, напримѣръ, Ѳ. М. Апраксину о смерти матери, онъ писалъ ему 29 января 1694 г.: „Бѣду свою и послѣднюю печаль глухо (курсивъ нашъ) объявляю, о которой писать рука моя не можетъ, купно же и сердце. Обаче воспоминая апостола Павла, „яко не скорбѣти о таковыхъ“, и Ездры, „еже не возвратити день, иже мимо иде“, сія вся, елико возможно, аще и выше ума и живота моего (о чемъ и самъ подлинно видалъ), аще поелику возможно, разсуждаю, яко всемогущему Богу и вся по волѣ своей творящу (вѣроятно, пропущено: „такъ угодно“). Аминь. По сихъ, яко Ной, отъ бѣды мало отдохнувъ и о невозвратномъ оставя, о живомъ пишу... I. Посылаю Никласа да Яна для строенія малаго корабля“... и т. д. Такіе быстрые переходы отъ одной темы къ другой, отъ одного настроенія къ другому вообще характерны для писемъ Петра: начатыя въ сухомъ, официальномъ тонѣ, они часто становятся въ концѣ дружескими и шутливыми; спокойная въ началѣ рѣчь вдругъ заканчивается какой-либо гнѣвной тирадой. Тутъ сказывалась живая, экспансивная натура царя, который не бывалъ долго во власти одного настроенія, одного чувства.

Не забывавшій за личными несчастіями дѣлъ государственныхъ и потому „глухо“ сообщавшій о нихъ своимъ друзьямъ, Петръ не обнаруживалъ склонности къ пространнымъ душевнымъ изліяніямъ и по поводу ихъ несчастій. Такъ, тому же Апраксину онъ писалъ 21 октября 1702 г. по поводу смерти его жены лишь слѣдующее (да и то въ концѣ дѣлового письма): „Пожалуй, государь Ѳедоръ Матвѣевичъ, не сокруши себя въ такой своей печали; уповай на Бога. Что же дѣлать? И здѣсь такіе печали живутъ, что жены мрутъ и стригутца“. Но это не обозначало черствости Петра (ея нѣтъ и въ приведенныхъ строкахъ): онъ только всегда личные интересы—свои и чужіе—приносилъ въ жертву общимъ интересамъ, а потому послѣднимъ удѣлялъ больше вниманія, чѣмъ первымъ; какъ человѣкъ практическаго склада, онъ больше думалъ о живыхъ, чѣмъ о мертвыхъ. Друзья Петра знали это, и тѣмъ больше цѣнили всякое малѣйшее проявленіе вниманія къ ихъ личнымъ дѣламъ со стороны царя.

Простой въ личныхъ отношеніяхъ, Петръ былъ очень простъ и въ перепискѣ. Читая ее, не чувствуешь, что это царь пишетъ къ своему подданному; получается впечатлѣніе, что переписку ведутъ обыкновенные люди, занятые однимъ большимъ и важнымъ дѣломъ, которое стоитъ у нихъ на первомъ планѣ. Эта простота сказывается какъ въ общемъ тонѣ и характерѣ писемъ, такъ и въ ихъ внѣшнемъ обликѣ. „На подписяхъ,—писалъ однажды Петръ Апраксину,—пожалуй, пишите просто, также и въ письмахъ, безъ великаго“; въ другой разъ онъ упрекалъ Апраксина за то, что тотъ писалъ „съ зѣль-

Шебуевъ. Подвигъ купца Иголкина. Музей Александра III.



Рукописный текстъ „Вѣдомостей“, перваго пробнаго номера (1702 г.).

(Синодальная типографія).

ными чинами, чего не люблю, а тебѣ можно знать, для того, что ты нашей компаніи, какъ писать“. Обращенія Петра въ заголовкахъ писемъ очень кратки и просты: Her, Мудеръ, Sür, Grotvader, господинъ, генералъ, Her Admiral и т. п. Лишь въ письмахъ къ родственникамъ онъ бывалъ пространнѣе въ обращеніяхъ: „Многомышленная тетка и матка (такъ онъ называлъ Екатерину), здравствуйте!“ или „Катеринушка, другъ мой, здравствуй“, да въ письмахъ къ Меньшикову обычныя сухія, офиціальныя обращенія замѣняются такими, какъ „меінъ герценкинъ“ (съ надписью иногда на конвертѣ: „отдать Алексаше“), „меінъ липъсте фринътъ“ и т. п.

Петръ рѣдко измѣнялъ основному тону своихъ писемъ—дѣловитому, простому, но въ то же время и нѣсколько сухому. Лишь въ немногія минуты отдыха онъ позволялъ себѣ повеселиться, и тогда письма, написанныя въ эти моменты, полны юмора и остроумія—хотя и грубаго. Такъ, напримѣръ, 24 марта 1706 г. Петръ писалъ Меньшикову изъ Петербурга: „Сего дни по обѣдни первое были въ вашемъ дому и разговѣлись, и паки при скончаніи сего дня паки скончали веселіе въ вашемъ дому. Воистинно, слава Богу, веселы, но наше веселіе безъ ілп отъ васъ, яко брашно безъ соли.—Лизетъ Даниловна (любимая собака Петра), лапку приложа, челомъ бьетъ. Къ сему же приписались: Смиренный Мисаилъ Казанскій и Свіяжскій... Протодіаконъ Петръ“ и т. д. Въ ноябрѣ того же года послѣ извѣстія о Калишской побѣдѣ онъ писалъ Меньшикову: „Уже сей третій день, какъ празднуемъ и нынѣ станемъ въ вашемъ домѣ обѣдать и про ваше здоровье пить; мочно знать и по письму... Писано въ вашемъ домѣ, принося жертву Бахусу довольную, а душею Бога славя“. Юмористическая нота звучитъ иногда и въ письмахъ Петра объ одержанныхъ имъ побѣдахъ. Такъ, въ одномъ изъ писемъ онъ сообщаетъ, что прибывшая артиллерія будетъ отдавать шведамъ „контръ-визитъ“; женѣ онъ въ августѣ 1708 г. писалъ: „Правда, что я, какъ сталъ служить, такой ігърушки не видалъ; однакожъ, сей танецъ въ очахъ горячаго Карлуса ізрядно стонцовали; однакожь больше въсѣхъ попотѣлъ нашъ полкъ“; въ сентябрѣ 1722 г. Петръ прислалъ изъ Дербента сенату шутливую реляцію; въ ней сообщалось, напримѣръ, что во время слѣдованія изъ Астрахани корпуса подъ начальствомъ генералъ-маіора Кропотова „дорогою все видѣли смирно, и отъ владѣльцевъ горскихъ принимаемы пріятно лицомъ (а сія пріятность ихъ была съ такой ихъ воли, какъ проповѣдь о Божествѣ Христовѣ реченное, что намъ и тебѣ Іисусѣ Сынѣ Бога живаго)“. Непріятель атаковалъ въ первый разъ 19 августа, „которому гостю зѣло были рады (а особливо робята, которые свисту не слыхали) и, принявъ, проводили его кавалерію и третьею частію пѣхоты до его жилища, отдавая контръ-визитъ, и побывъ тамъ для увеселенія ихъ сдѣлали изъ всего его владѣнія фейерверкъ для утѣхи имъ (а именно: сожжено въ одномъ его мѣстечкѣ, гдѣ онъ жилъ, съ 500 дворовъ, кромѣ другихъ деревень, которыхъ по сторонамъ

сожгли 6)“... Зато въ моментъ гнѣва Петръ былъ грозенъ и грубъ; всякое неповиновеніе или нарушеніе приказа вызывало жестокую кару съ его стороны. Письма отразили и эту черту его характера. Дуракъ, дурость, плутъ, скотъ—вотъ обычныя слова въ письмахъ, написанныхъ въ состояніи гнѣва; „смотри, шеею заплатишь“—вотъ обычная угроза въ нихъ. Въ письмѣ къ кесарю кн. Ромодановскому отъ 22 декабря 1699 г. онъ сдѣлалъ такую приписку: „Звѣрь! Долго ль тебѣ людѣй жечь? І сюды раненыя отъ васъ приехали. Перестань знатца с'Ывшкою [1]): быть отъ него роже драной“, а Мусину-Пушкину 18 іюня 1707 г. онъ писалъ: „Зѣло удивляюсь тебѣ, понеже я чаялъ, что есть умъ въ васъ, а нынѣ какъ вижу, что скота глупѣе“. Но гнѣвомъ своимъ Петръ преслѣдовалъ не личныхъ враговъ, а нарушителей общаго блага; чувство личной мести ему было чуждо. Въ этомъ отношеніи характеренъ совѣтъ, который Петръ далъ кн. В. В. Долгорукову въ письмѣ отъ 7 мая 1708 г. по поводу Булавинскаго бунта: „Еще вамъ зело надлежитъ во осмотрѣніи имѣть и съ тѣми, которые воровству Булавина не пристали, или хотя и приставали, да повинную принесли, чтобъ съ оными зело ласково поступать, дабы (какъ есть простой народъ) они того не помнили, что ты станешь мстить смерть брата своего [2]), что уже и нынѣ не безъ молвы межъ нихъ, чтобъ тѣмъ пущево чего не учинить“...

Что касается грубости Петра, то она проявляется не только въ письмахъ, вышедшихъ изъ-подъ его пера въ минуту гнѣва; мы найдемъ ее и въ другихъ письмахъ, но только эта грубость иного рода— это грубость чувствъ, грубость всѣхъ житейскихъ отношеній; она ясно выступаетъ, напримѣръ, въ его письмахъ къ женѣ. Онъ касается въ нихъ такихъ интимныхъ вопросовъ жизни и касается такъ грубо, что такія выраженія въ письмахъ, какъ: „Довольно у матки быть і одной тетки, а другую зачемъ чортъ принесъ“ или (письмо изъ-за границы отъ 19 сентября 1711 г.) „А мы, славу Богу, здоровы, только съ воды (Петръ лѣчился на водахъ) брюхо одуло, для того такъ поятъ, какъ лошадей“—кажутся вполнѣ литературными оборотами.

По своему построенію рѣчь Петра въ его письмахъ по большей части очень проста, но иногда онъ разнообразитъ ее пословицами—русскими и иностранными, или какими-нибудь образными выраженіями; въ нихъ, правда, нѣтъ поэзіи (какъ нѣтъ ея и во всемъ, что вышло изъ-подъ пера Преобразователя), но зато много силы и мѣткости. Въ этомъ нельзя отказать, напримѣръ, такимъ выраженіямъ: „Увязъ шведъ въ Польшѣ“, „Борисъ Петровичъ (Шереметевъ) въ Лифляндахъ гостилъ изрядно довольно“, „въѣхать въ ротъ непріятелю“, „Сею доброю вѣдомостію [3]) (что уже крѣпъкая падушка Санктъ-

---

1) Тутъ игра словъ: «знаться съ Ивашкой, т.-е. съ Хмельницкимъ»—значитъ быть подъ хмелемъ, пить водку.

2) Братъ кн. Долгорукова былъ убитъ въ 1708 г. на Дону, въ походѣ противъ Булавина и Некрасова.

3) О взятіи Выборга.

Питербурху устроена чрезъ помошь Божью) вамъ поздравъляю“. Иногда онъ прибѣгаетъ къ игрѣ словъ: „знаться съ Ивашко Хмельницкимъ“, „Нарву, которою 4 года нарывала, нынѣ, слава Богу, прорвало“ и т. п. Но вообще оборотовъ витіеватой, тѣмъ болѣе церковной рѣчи въ письмахъ Петра мы найдемъ немного. Онъ дѣлаетъ, правда, иногда цитаты изъ священнаго писанія (онѣ попадаются иногда въ письмахъ шутливаго характера), но лишь въ немногихъ письмахъ къ патріарху Адріану можно отмѣтить наличность нѣсколько напыщеннаго, торжественнаго тона; въ этомъ случаѣ онъ, повидимому, считался съ личностью адресата, и дѣлалъ уступку старинѣ. Но вообще значительной разницы въ слогѣ его писемъ въ зависимости отъ личности адресата незамѣтно.

Языкъ писемъ Петра носитъ на себѣ слѣды сильнаго вліянія Запада. Сближеніе съ Западной Европой, начавшееся у насъ еще до Петра и быстро двинувшееся впередъ при немъ, его личныя путешествія за границу, близкое знакомство съ иностранцами, жившими въ Россіи,—все это ввело въ языкъ Петра много иностранныхъ словъ: голландскихъ, нѣмецкихъ, польскихъ, шведскихъ, французскихъ и проч. Конечно, многія слова были необходимостью, такъ какъ обозначали понятія, незнакомыя еще Россіи, и потому не имѣвшія соотвѣтствующихъ русскихъ словъ; таковы хотя бы слова, относящіяся къ морскому и сухопутному военному дѣлу. Безъ нихъ, конечно, языкъ Петровской эпохи обойтись не могъ. Но Петръ часто прибѣгалъ къ иностраннымъ словамъ безъ всякой необходимости: онъ, напримѣръ, никогда не писалъ: „одержана побѣда“, а „одержана викътория“; вмѣсто словъ: сраженіе, отвѣтъ, величіе и т. п. онъ употреблялъ „баталия“, „респонсъ“ или „антвортенъ“, „моестатъ“; довольно часто онъ употреблялъ имена римскихъ и греческихъ боговъ, иностранныя слова передѣлывалъ на русскій ладъ и проч. Но не видно, чтобы онъ дѣлалъ это нарочно и даже сознательно, повидимому, это выходило какъ-то стихійно; Петръ бралъ первыя попавшіяся слова, если они были къ мѣсту, и дѣйствительно, часто прибѣгая къ иностраннымъ словамъ, онъ не избѣгалъ церковно-славянскихъ и народныхъ, русскихъ; такіе слова и обороты, какъ: „чаю“, „нѣтчикъ“, „побей челомъ“, „азъ“, „рещи“, „паки“, „вяще“, „точию“, „животы отписывать“, „прибирать солдатъ“ и т. п.—встрѣчаются у него сплошь и рядомъ. Какъ справедливо говоритъ А. Н. Пыпинъ [1]), „кипучая натура Петра требовала прямого дѣла: чтобы назвать вещь, выразить мысль, онъ не терялъ времени на пріисканіе словъ, бралъ первое, русское или иностранное (какъ онъ мало придавалъ значенія національности своихъ сотрудниковъ, прибавимъ мы, всякій находилъ у него мѣсто, если дѣлалъ дѣло), писалъ всегда кратко и реально, и часто чрезвычайно мѣтко: въ его писаніяхъ найдется много словъ иностран-

---

[1]) Исторія литературы, т. III, стр. 271.

ныхъ, но много также яркихъ образчиковъ народной рѣчи". Что касается количества иностранныхъ словъ въ письмахъ Петра, то при имѣющихся теперь данныхъ (пока не приведена въ порядокъ вся переписка Петра) нельзя сказать, увеличивалось оно съ теченіемъ времени или нѣтъ, но тотъ матеріалъ, который находится въ нашемъ распоряженіи, позволяетъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно; по крайней мѣрѣ незамѣтно увеличеніе количества словъ общаго характера.

Отразила на себѣ характеръ Петра и орѳографія его писемъ. Не изучивши ея въ дѣтствѣ, онъ не имѣлъ потомъ возможности и времени изучить ее и, повидимому, мало придавалъ ей значенія; лишь бы мысль была выражена точно и понятно, а орѳографія — дѣло второстепенное. Одни и тѣ же слова пишутся Петромъ различно: „зѣло" и „зело", „провиантъ" и „провиянтъ", „ѣхать" и „езда" и т. д.; въ однихъ случаяхъ въ предложномъ падежѣ един. ч. ставится на концѣ *ъ*, а въ другихъ не ставится: „по дѣле" и „о выходѣ", „по вѣсне" и „о хлѣбѣ" и т. д.; во многихъ словахъ Петръ, по остроумному выраженію проф. Ключевскаго, „то и дѣло между двумя согласными подозрѣваетъ

Русская азбука съ поправками Петра Великаго.

букву ѕ“, при чемъ онъ ставитъ ее даже въ словахъ иностранныхъ; такъ онъ писалъ: „упъровълять“, въстретпоъ“, „оакъция“, „орпнътъ“ и т. п., но иногда слова того же корня пишутся имъ и безъ этой буквы; кромѣ того, онъ иногда совершенно напрасно „подозрѣваетъ“ въ словахъ букву ѣ, и потому пишетъ: ѣя, линѣя и т. д.; многія слова онъ писалъ по выговору, иностранныя слова — русскими буквами (образцы были приведены выше). Факсимиле, воспроизводящія письма Петра, показываютъ, что писалъ онъ быстро, небрежно, иногда не раздѣляя словъ, во многихъ словахъ пропущены буквы; почеркъ крупный, размашистый. чувствуется большая торопливость, когда слова не поспѣваютъ за мыслью, и Петръ, дѣйствительно, постоянно торопился и торопилъ другихъ, постоянно требуя въ письмахъ отъ своихъ „птенцовъ“ быстроты и рѣшительности.

Таковъ въ общихъ чертахъ Петръ, какъ писатель, въ его личной перепискѣ.

II.

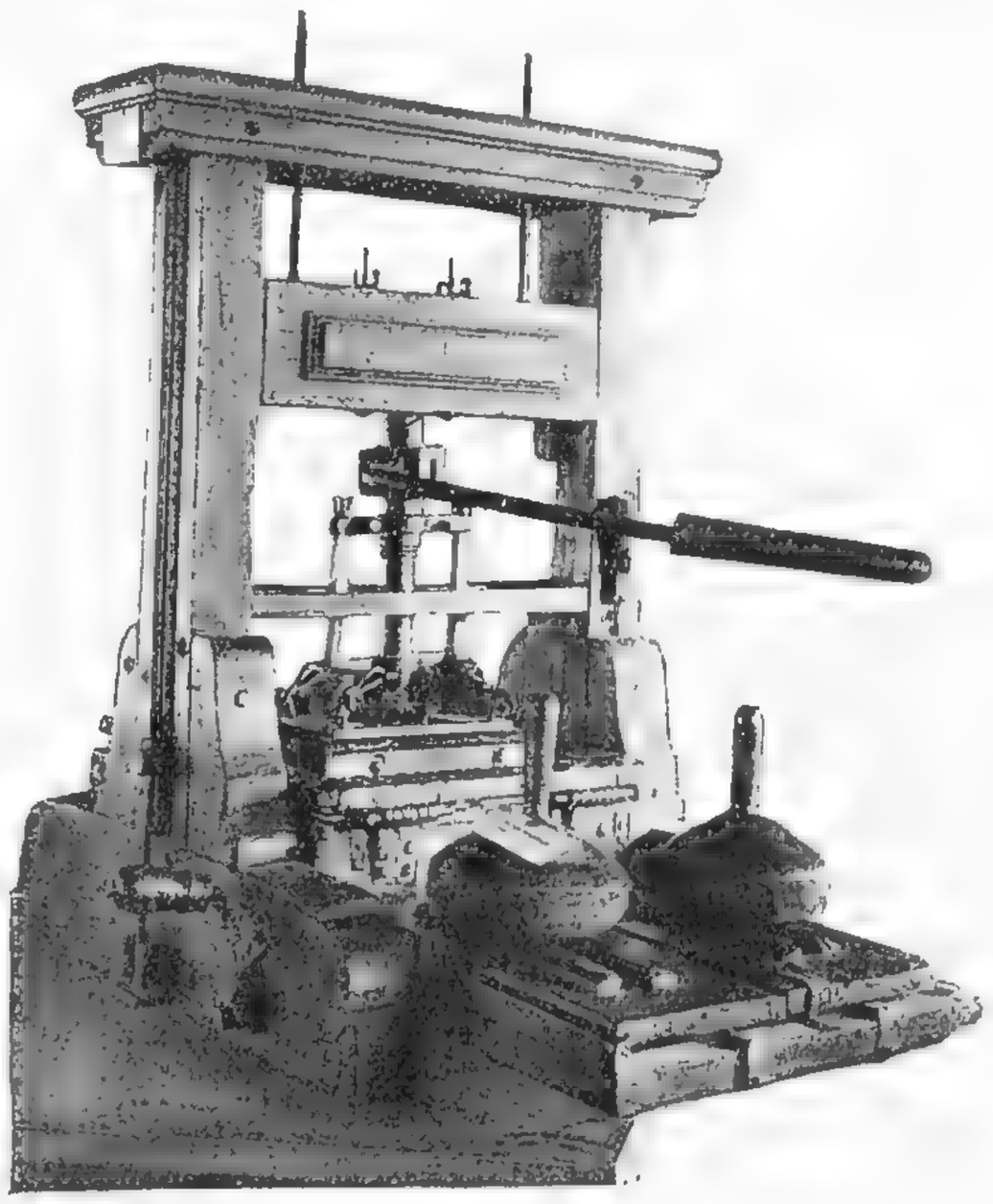
Но говоря о Петрѣ, какъ писателѣ, надо имѣть въ виду, помимо его переписки, и то, что хотя онъ не написалъ ни одной ученой книги, но многія сочиненія (книги), вышедшія при немъ, носятъ на себѣ печать работы Преобразователя, и дѣятельность Петра-редактора была настолько важна и разностороння, что безъ разсмотрѣнія ея его характеристика, какъ писателя, была бы далеко не полна. Изъ массы оригинальныхъ русскихъ книгъ, вышедшихъ при участіи Петра, мы выдѣлимъ, прежде всего, книги историческаго и духовнаго содержанія, которыми онъ особенно интересовался.

Петра рано стали занимать вопросы исторіи, и онъ уже въ 1708 г. далъ черезъ Мусина-Пушкина порученіе Поликарпову написать русскую исторію отъ начала царствованія Василія III до послѣдняго времени. Для образца Поликарповъ долженъ былъ составить исторію первыхъ пяти лѣтъ въ двухъ редакціяхъ: краткой и пространной. Въ 1712 г., напоминая Поликарпову объ этомъ порученіи, Мусинъ-Пушкинъ писалъ ему: „понеже его царское величество желаетъ вѣдать Россійскаго государства исторію, и о семъ первѣе трудиться надобно, а не о началѣ свѣта и другихъ государствъ, понеже о семъ много писано. И того ради надобно тебѣ изъ русскихъ лѣтописцевъ выбирать и приводить въ согласіе“. Такимъ образомъ, Поликарпову была поставлена вполнѣ ясная цѣль и указаны источники работы. Но трудъ Поликарпова, представленный въ 1715 г., не удовлетворилъ Петра.

Еще до представленія труда Поликарпова, въ 1713 г, Петръ, какъ свидѣтельствуетъ Устряловъ [1]), „пересмотрѣвъ, исправивъ и дополнивъ под-

[1]) „Объ историческихъ трудахъ Петра В.“. Актъ въ Спб. университетѣ въ 1845 г.

робностями журналы осады крѣпостей и реляцiи замѣчательныхъ сраженiй отъ покоренiя Нотебурга до битвы при Гангудѣ", приказалъ ихъ напечатать подъ названiемъ „Марсовой книги". Одинъ изъ „юрналовъ", которые легли въ основу этой книги, именно „Юрналъ или поденная роспись, что подъ крѣпостью Нарвою чинилось 1704 году", написанъ былъ весь рукою Петра В., а другiе—правлены имъ. Но такъ какъ въ „Марсовой книгѣ" говорилось почти исключительно объ однѣхъ побѣдахъ, не указывалось начало войны, не выяснялся ея общiй ходъ и т. д., то Петръ задумалъ черезъ 2 года болѣе обширное сочиненiе по иному плану. „Написать о войнѣ, какъ зачалась, и о правахъ по случаяхъ, какъ и кѣмъ дѣлана", записалъ онъ въ 1715 году. За работу по этому плану взялись Шафировъ и Прокоповичъ. Первый написалъ большое разсужденiе о причинахъ войны со Швецiей, въ которомъ оправдывалъ Россiю и Петра. „Есть въ его сочиненiи,—говоритъ Устряловъ,—и краснорѣчивыя страницы, замѣтныя величественной простотой изложенiя, исполненныя сильнаго, благороднаго чувства къ достоинству и чести Россiи: онѣ принадлежатъ самому Петру"—это Устряловъ подтверждаетъ ссылкой на черновыя бумаги Петра. Кромѣ того, къ труду Шафирова Петръ написалъ „заключенiе къ читателю", въ которомъ проводилъ мысль о необходимости довести войну до конца и не мириться до полнаго завоеванiя Балтiйскаго моря, такъ какъ, не добившись теперь своего, мы будемъ вынуждены потомъ воевать снова. Проредактировавъ книгу Шафирова, Петръ напечаталъ ее. Но сочиненiемъ Θеофана Прокоповича, писавшаго исторiю его царствованiя, Петръ былъ не доволенъ: Прокоповичъ говорилъ почти исключительно о войнѣ, сдѣлалъ много ошибокъ и пропусковъ, слишкомъ льстилъ и хвалилъ. Въ виду этого Петръ приказалъ кабинетъ - секретарю Макарову собирать матерiалы: подлинные журналы походовъ, донесенiя и т. п. Послѣ, въ 1721 г., Петръ назначилъ даже одинъ день въ недѣлю (субботу) именно для занятiя исторiей. За



Печатный станокъ Петра Великаго.
(Синодальная типографiя).

3½ мѣсяца до смерти онъ писалъ: „Вписать въ гисторію, въ которое время какія вещи для войны и прочихъ художествъ и по какой причинѣ или принужденію зачаты, напримѣръ, ружье, для того, что не стали (шведы) пропускать, такожъ и о прочихъ“. Такимъ образомъ, повидимому, онъ хотѣлъ съ военной исторіей соединить и исторію внутреннюю. Это намѣреніе еще яснѣе высказано имъ въ одной записи 1722 г.: „Вписать въ гисторію, что въ сію войну сдѣлано, какихъ тогда распорядковъ земскихъ и воинскихъ, обоихъ путей регламентовъ (т.-е. сухопутныхъ и морскихъ) и духовныхъ; такожъ строенія фортецъ, гавановъ, флотовъ корабельнаго и галернаго, и мануфактуръ всякихъ, и строенія въ Петербурхѣ и на Котлинѣ, и въ прочихъ мѣстахъ“. Къ исторіи, написанной по такому широкому плану, по мысли Петра, должны были быть приложены всѣ документы, акты и т. п. Въ исполненіе этихъ желаній Петра Макаровъ затребовалъ отъ разныхъ лицъ (даже отъ плѣнныхъ шведовъ) множество свѣдѣній и справокъ, которыя до насъ дошли, но справиться съ поставленной ему задачей—составленіемъ исторіи—не могъ. Петръ, вернувшись изъ Персидскаго похода, передѣлалъ всю рукопись Макарова: „всѣ выраженія велерѣчивыя, въ особенности относившіяся къ особѣ его, исключилъ, обороты растянутые сжалъ; нескладныя фразы исправилъ“, добавилъ много подробностей (Устряловъ). Но онъ не удовлетворился ни этой редакціей, ни нѣсколькими послѣдующими. Исправленія и вставки Петра показываютъ, что онъ не хотѣлъ скрывать неудачъ, ошибокъ и потерь. О Нарвскомъ сраженіи онъ писалъ, напримѣръ, что эта битва была „яко младенческое играніе, а искусства ниже вида; разбитое войско пошло въ свои границы въ конфузіи, полки можно было собрать только въ Новгородѣ; несчастіе было такъ велико, что оно казалось гнѣвомъ Божіимъ, и вся надежда поправить его, повидимому, исчезла“. Не замалчивалась и неудача на Прутѣ: „Зашли въ землю, гдѣ полки ни единаго сухаря не имѣли, къ тому же и о непріятелѣ слишкомъ легко разсуждали; со всѣхъ сторонъ были окружены, нельзя было ни ретироваться, ни стоять на мѣстѣ; пришло до того, или выиграть, или умереть, и если бы турки послушали совѣта короля шведскаго, тобъ крайнюю бѣду принесло. Одно милосердіе Божіе избавило отъ такого отчаяннаго случая“. Силы враговъ Петръ исчислялъ очень осторожно: на вопросъ Макарова, сколько было шведовъ при Нарвѣ, онъ написалъ въ докладѣ: „подлинно неизвѣстно, понеже ихъ офицеры послѣ недавно сказывали, иные 12,000, иные больше, а иные только 8,000“. О своемъ участіи въ войнѣ Петръ говорилъ очень скромно. Слова Макарова, что въ битвѣ подъ Полтавой „государь свою храбрость, великодушіе и воинское искусство, не опасаясь никакъ страха своей высокой особѣ, въ вышнемъ градусѣ показалъ“, онъ замѣнилъ такими: „за людей и отечество, не щадя своей особы, поступалъ, какъ доброму приводцу надлежитъ“.

Венеціановъ.

Петръ Великій.

(Мѣщанское училище въ Москвѣ.)

Венедиктов.

Петр Великий.

(Эрмитажное здание в Москве.)

Затѣмъ въ 1722 г. Петръ поручалъ сенатскому оберъ-прокурору Григорію Скорнякову-Писареву составить какой-то лѣтописецъ, а въ 1723 г. нѣсколько разъ приказывалъ работать надъ русской исторіей барону Гюйссену. Въ связи со всѣмъ этимъ стоятъ распоряженія Петра губернаторамъ и духовному вѣдомству о томъ, чтобы „во всѣхъ монастыряхъ и епархіяхъ, и соборахъ прежнія жалованныя грамоты и другія куріозныя письма оригинальныя, также и историческія рукописныя и печатныя книги пересмотрѣть и переписать... и тѣ переписныя книги прислать въ сенатъ“.

Петръ придавалъ важное значеніе также религіознымъ вопросамъ; будучи человѣкомъ вѣрующимъ, онъ разорвалъ во многомъ со старивой и былъ чуждъ религіозной исключительности. Съ другой стороны, врагъ ханжества и лицемѣрія, Петръ приложилъ много усилій къ тому, чтобы сдѣлать религіозную истину доступной народу въ чистомъ, невзвращенномъ видѣ. Отсюда его участіе въ изданіи книгъ религіознаго содержанія. Такъ, напримѣръ, въ 1720 г. по его приказанію было издано для народнаго употребленія „первое ученіе отрокомъ, въ неи же буквы и слоги; также краткое толкованіе законнаго десятисловія, молитвы Господней, символа вѣры и девяти блаженствъ“. Въ 1723 г. велѣно было читать эту книгу Великимъ постомъ въ церквахъ, вмѣсто твореній Ефрема Сирина и Соборника. Кромѣ того, Петръ думалъ еще о составленіи Катихизиса, о чемъ онъ отправилъ 19 апрѣля 1724 г. собственноручную записку въ Синодъ: „Святѣйшій Синодъ! Понеже я разговорами давно пробуждалъ, а нынѣ письменно, дабы краткія поученія людямъ сдѣлать (понеже ученыхъ проповѣдниковъ зѣло мало имѣемъ), также сдѣлать книгу, гдѣ изъяснить: что непремѣнный законъ Божій, и что совѣты, и что преданія отеческія, и что вещи среднія, и что только для чину и обряду сдѣлано, и что непремѣнное, и что ко времени и случаю примѣнялось, дабы знать могли, что въ каковой силѣ имѣть.—О первыхъ кажется мнѣ, чтобъ просто написать такъ, чтобъ и поселянинъ зналъ, или на-двое: поселяномъ простяе, а въ городахъ покраснвѣе для сладости слышащихъ, какъ вамъ удобнѣе покажется. Въ которыхъ бы наставленіяхъ—что есть прямой путь? истолкованъ былъ, а особливо Вѣру, Надежду и Любовь: и о первой, и о послѣдней зѣло мало знаютъ и не прямо что и знаютъ; а о средней и не слыхали, понеже всю надежду кладутъ на пѣніе церковное, постъ и поклоны и прочее тому подобное, въ нихъ же строеніе церквей, свѣчи и ладонъ. О страданіи Христовомъ толкуютъ только за одинъ первородный грѣхъ, а спасенія дѣлами своими получатъ, какъ вышеписано.—О второмъ же, чтобы книгу сочинить, мнѣ кажется, не лучше-ль оную катехизисомъ, къ тому и прочія вещи послѣдовательно, что въ церкви обрѣтается, внесть съ пространнымъ толкомъ; такожъ приложить: когда, и отъ кого, и чего ради въ церковь что внесено“.

Затѣмъ въ 1722 г. Петръ поручаетъ Кантемиру написать книгу о магометанской религіи, а для „Духовнаго регламента“ самъ редактируетъ предисловіе и присягу для членовъ Синода, при чемъ въ манифестѣ 9 февраля 1721 г. объ установленіи Синода ему принадлежитъ наиболѣе сильное возраженіе сторонникамъ патріаршества: онъ писалъ, что Синодъ лучше „соборнаго правительства, понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ къ тому жъ не наслѣдственная власть, чего ради вящше не брегутъ“. Для борьбы съ суевѣріемъ и ханжествомъ онъ хотѣлъ издать книгу противъ ханжей, и самъ составилъ программу, въ которой, указавъ порознь грѣхи противъ каждой заповѣди, вывелъ заключеніе, что всѣми заповѣдями осуждается лицемѣріе, хотя оно не въ одной изъ нихъ не названо по имени, и развиваетъ эту мысль въ примѣненіи къ каждой заповѣди. По этой программѣ Ѳеофанъ Прокоповичъ составилъ задуманную Петромъ книгу о блаженствахъ, которая толковала 10 заповѣдей и имѣла цѣлью бороться противъ тогдашнихъ изувѣровъ, выясняя сущность христіанской вѣры. Прочитавъ эту книгу, Петръ писалъ изъ Астрахани 13 іюля 1722 г.: „Книгу о блаженствахъ я всю челъ, которая зѣло изрядна и прямой путь христіанскій. Только надлежитъ предисловіе сдѣлать, въ которомъ розныя наши толкованія неправыя ханжевскія всѣ выяснить, дабы читающій перво свой порокъ узналъ, и потомъ пользу и прямую и истинную. Такожъ въ концѣ силу всей книги зѣло короткую выпискою безъ толку (понеже оный уже выше писанъ) положить, дабы могъ на память оное имѣть, понеже всей книги на память не возможно имѣть, и сочиня сіе не печатать до возвращенія нашего; такожъ и того, что хотѣли исправить въ исповѣдяхъ“... Въ исполненіе этого желанія Петра къ книгѣ было добавлено „краткое собраніе изъ книги сея, ради удобнѣйшаго припамятованія учиненное“. Относительно предисловія къ этой книгѣ Петръ написалъ слѣдующее: „Впереди печатать: понеже многія пути спасенія не вѣдаютъ и званіе свое ни во что ставятъ, но еще и суетѣ всего міра, а не точію божію опредѣленію приписуютъ, что и пословица есть, кто пострижется, говорятъ: работалъ земному царю, а нынѣ пошелъ работать небесному. Къ тому же, ханжи толкуютъ разно: иные, ежели не покинешь міра и не будешь чернецъ—нѣсть спасенія; иные: надобно по вся дни всю службу церковную слушать, или и по двѣ или и по три обѣдни на день. Иные, когда кому въ путь ѣхать, напередъ голоса въ два ли три и болѣе выговариваютъ церковную службу напередъ, или многіе поклоны и правилы, оставя врученное имъ дѣло или домоправленіе, дѣлаютъ, полагаютъ въ томъ спасеніе“.

Въ чемъ Петръ видѣлъ сущность христіанской жизни, объ этомъ свидѣтельствуетъ еще его записка о монашествѣ, къ которому онъ относился неблагосклонно; разсмотрѣвъ происхожденіе монашества и его значеніе, Петръ говорилъ, что монахи большею частью тунеядцы, и что корень всему

злу—праздность. „Прилежать ли же разумѣнію Божественнаго писанія и ученія?“ спрашиваетъ онъ. „Всячески нѣтъ. А что говорятъ: молятся, то и всѣ молятся, и сію оговорку отвергаетъ Василій святой. Что же прибыло обществу отъ сего? Воистину токмо старая пословица: ни Богу, ни людямъ, понеже большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣности, дабы даромъ хлѣбъ ѣсть“.

Наконецъ, Петръ редактировалъ текстъ церковной службы по поводу празднованія Ништадтскаго мира; по указаніямъ царя въ нее были вставлены Гавріиломъ Бужинскимъ цѣлыя фразы и пѣсни, а кромѣ того, онъ сдѣлалъ много другихъ поправокъ, которыя клонились къ тому, чтобы сократить растянутость текста и исключить рѣзкія выходки по адресу побѣжденныхъ; такъ, напримѣръ, противъ словъ: „отрините гордость, свѣяне (шведы), и не злобствуйте россіаномъ: Богъ бо ихъ заступникъ“, Петръ написалъ: „отставить“.

Петръ Великій. Съ гравюры Аллара (1721).

III.

Таково было участіе Петра въ составленіи и изданіи оригинальныхъ русскихъ сочиненій по историческимъ и религіознымъ вопросамъ. Въ то же время при его участіи выходятъ произведенія и другого, очень разнообразнаго содержанія. Въ 1703 г. Петръ редактировалъ книгу: „Торжественныя врата“, которая объясняла аллегорическія картины, изображенныя на воротахъ, устроенныхъ въ Москвѣ въ 1703 г. по случаю побѣдъ этого года.

Въ 1707 г. онъ приказалъ напечатать новымъ гражданскимъ шрифтомъ азбуку и самъ исправлялъ ее. Въ 1716 г. онъ собственноручно написалъ „Воинскій сухопутный уставъ“, при чемъ въ его распоряженіи были, повидимому, уставы французскій, англійскій, датскій и шведскій. Въ манифестѣ, который предшествовалъ уставу, Петръ историческими примѣрами доказывалъ необходимость регулярныхъ войскъ: хорошо обученныя войска у насъ одерживали побѣды, напримѣръ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, наоборотъ, необученныя войска, напримѣръ, при Азовѣ и Нарвѣ, терпѣли пораженія. „Того ради,—говорилось въ манифестѣ,—будучи въ семъ дѣлѣ самовидцы обоимъ, за благо изобрѣли сію книгу воинскій уставъ учинить, дабы всякій чинъ зналъ свою должность и обязанъ былъ своимъ знаніемъ и невѣдѣніемъ не отговаривался. Еже черезъ собственный нашъ трудъ собрано и умножено“. И вообще надо сказать (на это указываютъ и другіе приведенные выше примѣры), Петръ всегда старался печатнымъ путемъ объяснить обществу цѣль и сущность принимаемыхъ имъ мѣръ. Затѣмъ въ 1718 г. Петръ пишетъ часть объявленія, „какимъ образомъ асамблеи отправлять надлежитъ“, давъ начало и первые три пункта (всего ихъ 7), а въ слѣдующемъ году редактируетъ „объявленіе о лѣчительныхъ водахъ, сысканныхъ на Олонцѣ“ и пишетъ къ нему указъ. Въ 1721 г. онъ составилъ и напечаталъ „табель о рангахъ“ по французскимъ, прусскимъ, шведскимъ, англійскимъ и датскимъ источникамъ, при чемъ имъ было сдѣлано такое примѣчаніе (въ февралѣ этого года): „сіе не публиковать и не печатать до сентября мѣсяца, дабы еще осмотрѣться, ежели что перемѣнить, прибавить или убавить, о чемъ надлежитъ въ сенатѣ во время сеи отсрочки думать: такъ ли быть всѣмъ чинамъ или которые перемѣнить и какъ? И свое мнѣніе къ сентябрю изготовить, а особливо о тѣхъ чинахъ, которые отъ ранга генерала-маіора и ниже; также и о ихъ жалованьѣ, кому какое надлежитъ, противъ ли ранга служивыхъ, которые съ кѣмъ въ одномъ классѣ, и меньше, такожъ свое мнѣніе на письмѣ изготовить“. Это примѣчаніе показываетъ, насколько Петръ былъ остороженъ и осмотрителенъ, какъ законодатель.

Одновременно съ работой надъ „табелью“ Петръ цѣлый мѣсяцъ провелъ надъ составленіемъ портового и адмиралтейскаго регламентовъ, отведя на это 4 дня въ недѣлю и занимаясь иногда по 14 часовъ въ сутки. Затѣмъ, когда Петръ издалъ въ 1722 г. указъ о престолонаслѣдіи, то по его порученію была написана „правда воли монаршей“ для объясненія мотивовъ принятаго имъ рѣшенія, а въ слѣдующемъ году онъ самъ написалъ сигналъ для парусной флотиліи и манифестъ о коронованіи Екатерины.

Вотъ наиболѣе важнѣйшія сочиненія на русскомъ языкѣ, вышедшія при ближайшемъ участіи Преобразователя или даже имъ единолично написанныя. Среди написаннаго самимъ Петромъ мы не найдемъ сочиненій

историческаго, богословскаго, философскаго или какого-нибудь другого общаго содержанія—ни времени, ни знаній для такихъ сочиненій у Петра не было; инструкція, уставъ, объявленіе—вотъ заголовки тѣхъ произведеній, которыя вышли изъ-подъ пера царя-работника, тутъ онъ чувствовалъ себя на твердой почвѣ, былъ во всеоружіи разнообразныхъ практическихъ свѣдѣній. Но не написавши самъ ни одного ученаго трактата, Петръ В. понималъ ихъ пользу и значеніе, и потому принималъ чрезвычайно дѣятельное участіе въ ихъ сочиненіи. Такъ какъ оригинальныхъ книгъ на русскомъ языкѣ было мало, то онъ постоянно дѣлалъ распоряженія о переводѣ различныхъ сочиненій съ иностранныхъ языковъ, принимая въ ихъ редактированіи самое близкое участіе.

IV.

Какія требованія онъ предъявлялъ къ переводу и переводчикамъ, отчасти уже видно изъ его наставленія, проведеннаго въ началѣ статьи. Дополнимъ его взгляды на эти вопросы лишь слѣдующимъ. 25 февраля 1709 г. онъ писалъ Зотову о его переводѣ книги Блонделя: „Господинъ Зотовъ! Книгу о фортификаціи Манира Блонделева, которую вы переводили, мы оную прочли и разговоры (т.-е. discours) зѣло хорошо и внятно переведены, но какъ учить оной фортификаціи дѣлать? также въ табелѣ не именовано, руты ли, или рауты? то зѣло темно и не понятно переведено, который листъ переправя, вклеили въ книгу, а старый вырѣзанъ. Притомъ же посылаемъ, гдѣ сами увидите погрѣшеніе и невѣроятность, и того ради надлежитъ вамъ въ той книжкѣ, которую нынѣ переводите, остерегаться въ томъ, дабы внятнѣе перевесть и не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ, но точію сіи выразумѣвъ, на свой языкъ ужъ такъ писать, какъ внятнѣе“. Какія серьезныя требованія Петръ предъявлялъ къ переводчикамъ, это видно изъ его указа 23 января 1724 г.: „Для перевода книгъ зѣло нужны переводчики, а особливо для художественныхъ (подъ „художествами“ Петръ разумѣлъ математическія, медицинскія, военныя и другія науки или знанія), понеже никакой переводчикъ, не умѣя того художества, о которомъ переводитъ, перевесть то не можетъ; того ради заранѣе сіе дѣлать надобно такимъ образомъ: которые умѣютъ языки, а художествъ не умѣютъ, тѣхъ отдать учиться художествамъ; а которые умѣютъ художества, а языку не умѣютъ, тѣхъ послать учиться языкамъ, и чтобъ всѣ изъ русскихъ или иноземцевъ, кои или здѣсь родились, или зѣло малы пріѣхали, и нашъ языкъ, какъ природный, знаютъ, понеже на свой языкъ всегда легче переводить, нежели съ своего на чужой“. Благодаря такимъ заботамъ царя, переводы книгъ по его указамъ дѣлались очень тщательно, съ предисло-

віями и всякими поясненіями. Насколько при этомъ Петръ уважалъ подлинникъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій случай. Когда Гавріилъ Бужинскій представилъ царю свой переводъ книги Пуффендорфа „Введеніе въ исторію“, то Петръ тотчасъ же началъ его перелистывать съ явнымъ намѣреніемъ отыскать тамъ какое-то мѣсто. Не находя его, государь съ гнѣвомъ обратился къ переводчику: „Глупецъ, что я тебѣ приказывалъ сдѣлать съ этою книгой?“—„Перевести“, отвѣчалъ тотъ. „Развѣ это переведено,—возразилъ царь, указывая на статью о Россіи, изъ которой былъ выпущенъ при переводѣ приговоръ Пуффендорфа о русскихъ, не совсѣмъ лестный для національнаго самолюбія.—Тотчасъ поди,—прибавилъ Петръ,—и сдѣлай, что я тебѣ приказалъ, и переведи книгу вездѣ такъ, какъ она въ подлинникѣ есть“.

Однако, не слѣдуетъ думать, что Петръ В. предоставилъ своимъ подданнымъ полную свободу печати. Придавая большое значеніе печати, онъ принималъ мѣры къ тому, чтобы она не стала средствомъ оппозиціи ему. Поэтому, съ одной стороны, напримѣръ, сообщая 26 февраля 1706 г. Головину о пораженіи саксонцевъ шведами, при чемъ погибло немало русскихъ, онъ писалъ: „Вышереченное несчастие (паче же ізмѣну (Паткуля) своему королю) изволь объявить всѣмъ, но гораздо полехче, ібо уже тайна быть не можетъ, а подлинно не большимъ (т.-е. немногимъ) персонамъ“; а съ другой стороны, монахамъ онъ запрещаетъ въ 1722 г. вести переписку безъ разрѣшенія настоятеля, и велѣно было отбирать у нихъ въ кельяхъ чернила и бумагу, для писанія же отводить особое мѣсто въ трапезной,—очевидно, послѣ отмѣны патріаршества Петръ опасался оппозиціи именно со стороны монаховъ. Въ связи съ этимъ стоятъ распоряженія 1720—21 гг. По первому изъ нихъ вольныя типографіи въ Кіевѣ и Черниговѣ подчинялись предварительной цензурѣ духовной коллегіи, а второе гласило: „Аще кто о чемъ богословское письмо сочинитъ, и тое бъ не печатать, но первое презентовать въ коллегіумъ. А коллегіумъ разсмотрѣть должно, нѣтъ ли каковаго въ письмѣ ономъ прегрѣшенія, ученію православному противнаго“. Когда противъ реформъ Петра стали появляться „пасквили“, то авторовъ ихъ разыскивали и сурово наказывали. Затѣмъ въ 1721 г. былъ изданъ указъ, по которому нужно было: „книги харатейныя и старопечатныя, у кого явились и впредь по извѣту явятся въ продажѣ, какъ въ книжномъ ряду, такъ и въ домахъ,—оныя всѣ взять къ церковнымъ дѣламъ и отослать на печатный дворъ, а вмѣсто тѣхъ дать тѣмъ людямъ съ печатнаго двора новоисправленныя“. Владѣльцы такихъ книгъ должны были дать подписку — „какъ харатейныхъ, такъ и старопечатныхъ книгъ не продавать и въ домахъ у себя не держать. А у кого и какія именно харатейныя и старопечатныя книги взяты будутъ, а потомъ въ правительствующій сенатъ прислать доношеніе немедленно“.

Количество книгъ, переведенныхъ по приказамъ Петра съ иностранныхъ языковъ, было весьма значительно, а содержаніе ихъ было очень разнообразно. По словамъ Пекарскаго, „переводы по приказаніямъ Петра у насъ извѣстны отъ дѣтскихъ почти его лѣтъ“, и онъ указываетъ, что уже въ 1685 г. была переведена по его приказу книга „художества огненная и разныя воинскія орудія ко всякимъ городовымъ приступамъ и къ оборонѣ приличныя“. Потомъ число этихъ переводовъ съ каждымъ годомъ все увеличивалось. Переводились книги, преимущественно касающіяся военнаго, сухопутнаго и морского дѣла, а также книги по разнымъ прикладнымъ наукамъ, но было переведено немало книгъ историческихъ, политическихъ, религіозныхъ, географическихъ и т. п. Назовемъ лишь нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы показать, насколько было разнообразно ихъ содержаніе: „Дружескіе разговоры Еразма ротердамскаго“, „Исторія Курція объ Александрѣ“, „Исторія о Кромвелѣ“, „О изобрѣтателяхъ вещей“, „О должности человѣка и гражданина“ Пуффендорфа, „Архитектура цивильная“, „Лексиконъ Универсалисъ“, „Исторія Юлія Цесаря“, „Галландская грамматика“, „Географія“ Гибнера, „Пріклады, како пішутся компліменты“, „Аполлодора грамматика аѳинельскаго бібліотека или о богахъ“ и т. д. Какъ видимъ, дѣйствительно, содержаніе переводныхъ сочиненій было очень разнообразно, какъ разнообразны были интересы самого Петра и потребности руководимаго имъ общества. Но что характерно—среди переведенныхъ по приказу Петра книгъ мы почти не найдемъ произведеній поэтической литературы; вся личность Петра, всѣ его интересы, вся его дѣятельность слия-

Петръ Великій. Съ портр. Моора (1717).

комъ были прозапчны, чтобы въ нихъ было какое-нибудь мѣсто поэзіи. Петръ и поэзія—это понятія совершенно противорѣчащія. Зато среди этихъ книгъ нѣтъ сочиненій незначительнаго содержанія. Петръ умѣлъ выбрать для перевода не только наиболѣе нужную книгу, но и наиболѣе цѣнную, у него былъ на это вѣрный и мѣткій глазъ. Цѣнность переводовъ еще увеличивалась отъ того, что Петръ, придавая большое значеніе наглядности, снабжалъ переводимыя книги иллюстраціями и чертежами. Заботился онъ также и о внѣшности книгъ, ихъ печати и переплетахъ.

V.

Изъ всего сказаннаго видно, какое значеніе Петръ придавалъ печатному слову. Онъ видѣлъ въ немъ могучее средство пропаганды своихъ идей, но также и средство защиты. Доказательствомъ послѣдняго служатъ его старанія оправдаться путемъ печати передъ Европой въ дѣлѣ царевича Алексѣя. Такъ, „Манифестъ“ и „Объявленіе“ по этому дѣлу были вскорѣ же переведены на иностранные языки, и Петръ всячески старался „черезъ своихъ пословъ распространять въ Европѣ составленные по дѣлу царевича документы“ (Пекарскій). Кромѣ того, для оправданія дѣйствій царя, тамъ издавались брошюры.

Что же касается взгляда Петра на печать, какъ на оружіе пропаганды своихъ идей, то наиболѣе ярко онъ сказался въ фактѣ появленія по его почину первой русской газеты, и дѣятельность царя-редактора и сотрудника газеты заслуживаетъ того, чтобы сказать о ней нѣсколько словъ.

„Вѣдомости“ [1]) стали выходить съ начала 1703 г. Въ нихъ сообщалось о событіяхъ на театрѣ войны, о флотѣ, о расширеніи русской торговли, объ открытіи заводовъ и фабрикъ и т. п., а, съ другой стороны, о событіяхъ въ Западной Европѣ: войнахъ, народныхъ бѣдствіяхъ, о погодѣ и проч. Петръ самъ держалъ корректуру перваго номера „Вѣдомостей“, и потомъ онѣ велись по его постояннымъ указаніямъ. Языкъ ихъ былъ очень своеобразенъ и разнообразенъ, какъ вообще языкъ всей Петровской эпохи и самого Петра. Что касается ихъ внѣшности, то она была очень скромна: небольшая осьмушка, почти безъ полей, или съ очень небольшими, мелкій, сбитый шрифтъ, небрежная печать—„во всемъ,—по словамъ современнаго намъ ихъ редактора,—виденъ духъ Преобразователя,—бережливаго, предпочитавшаго содержаніе внѣшности и требовавшаго во всемъ—быстроты“. По словамъ Неустроева, самъ Петръ обозначалъ карандашомъ для перевода и помѣщенія въ русской газетѣ мѣста изъ голландскихъ газетъ. Въ сомни-

---

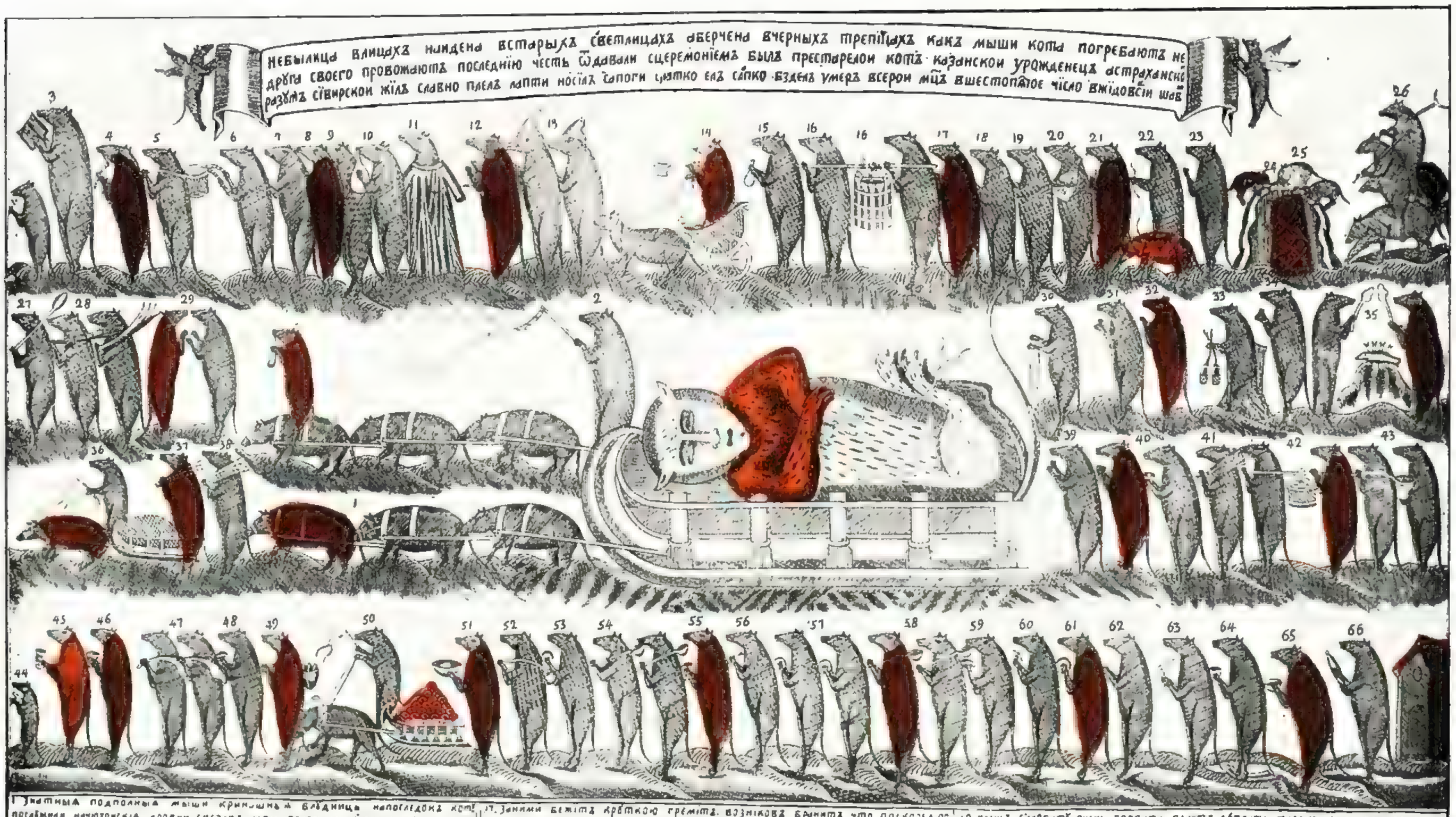
[1]) См. изданіе Москов. Синод. типографіи подъ ред. Погорѣлова.

Какъ мыши кота хоронили. Старинная лубочная картина.

Собраніе Ровинскаго. (Румянцевскій музей.)

Собрание Воинского. (Рукописный текст.)

Клад найден конца хорошим. Смышленая уборщица ребенка.



1 Знатныя подполья мыши крысиныя бляднца напогледокЪ котЪ
поставляя начюрскія дровни свѣзовЪ лопы полотеи хотятЪ печалЪ своюЪ
утолять якоть всовіной амі утопіЪ 2 напослязЪ сидятЪ кѣчерЪ изновозю
кѣчи з збачюго старов крыш помнятЪ котЪ обсерю збрызг поподіе воіпЪ
вѣетЪ малые свизгомЪ прибѣжятЪ 4 исабѣяла мышка изметеная лѣки вЪ
забши свѣрель влапки умело играетЪ котЪ прискакатЪ 5 изрядкои мышЪ по
рче тащитЪ бѣгетЪ скорчЪ.Ъ позади бѣжитЪ истаганки самоя погонкЪ бѣгЪ
вбѣгетЪ походЪ бѣдетЪ. 7 дерівіскаЪ мышЪ гарнъ всвірелъ играетЪ надѣтъ
знаетЪ в вбалалкѣ играетЪ напомнки котЪ гостеи собіраѣЪ 9 гренко здомі
избогово домЪ пѣнкЪ богпобѣгетЪ поги котЪ добрѣю жѣль возвішаетЪ 10 мышЪ
татарская арінко томЪ нагрываетЪ ввалынкѣ и мышЪ изЪдани вѣнтЪ гарЪ
фане надѣчи горко плачѣЪ вамо впысатокѣ плашетЪ 12 мышЪ ізѣли ѣдятЪ двоі
ты повѣа 13 мыши ермаки надѣвши колпаки 14 ѡбозныхЪ домовЪ изобышЪ
питіяхЪ погребовЪ сидятЪ манижка мышЪ водяноскіе модцы обавлаетЪ
весельа вкорце. 15. урвіско бритною гремѣЪ пірідатЪ бранятЪ что ікоро бѣ
гѣтЪ істарыхЪ нездѣтЪ дромыя изгарецкія мыши надѣлЪ занѣли бѣгетЪ ібм
ши чюхонки ѣдовы тащатЪ мерзлова мококо ушатЪ дѣтошюи зголодѣ нетЪ
ѣзходѣ бѣгятЪ наконецъ само гоѣ ритЪ лучше бы а умно сідѣлЪ дома

17. Занѣми бѣжитЪ крѣткою гремітЪ. возніковЪ бранятЪ что поскоряе по
спѣшая свѣсѣлемЪ кота поминаіте. подмелкихЪ ѡкмелаіте. 18 мышЪ несетЪ
сканицы вина адрѣгов назакѣскѣ пратаря вина. 19 стара подновіскоя из
шЪ мясо затанѣи зопогга трепещ всамо наігрываетЪ вскрипицѣ 21. мышЪ ох
тенно переѣденка несетЪ ранѣнова мышѣнка 22 гіѣлкая мышЪ сіно ведетЪ нубо
свінкѣ 23. дрѣгов крыша говоріть ади начью бѣ вітЪ 24 мышЪ голодна всѣма
непровориъ полога вЪамЪ говітЪ погорле 25. манінкіа мыжи пищатЪ вонЪ ее
тащатЪ 26. мыши дворцыхЪ мышеи насѣвѣ бѣзѣтЪ іпрогонова нѣбѣретЪ. 27.
мыша кѣрать несетЪ лапты амЪ копати 28 мышЪ сметаои одрѣгов свѣтло
попѣтЪ занѣтаютЪ всами посторонамЪ поскокдЪ 29 мыши истарѣкон пото
тарки лепечтыцезорецкіе мышЪ накостыхЪ ходітЪ пріесетЪ унотЪ нетокЪ
тЪ 31 сибірскіа мышки шіры ідѣтЪ унотЪ править морщины 32 мышЪ чюрно
бѣдЪ сабрію кота подровни взвалю чѣтвою ящы. котѣ пірездавяе 33 мыжи
сідячи напеть подбѣгаетЪ третіи день блатпт обѣбаетЪ 34 мышЪ арко озно
бяа лапки 35 мыши нарока ічучіаи дракѣ 36 коломінскаа ідятЪ наѣлаѣЪ ве
зетЪ работЪ котѣ наговаѣ 37 мышЪ цыганка несетЪ покрівъ кота цыновіЪ 38
мышЪ багабошъ несетЪ рагошкѣ 39 ідѣчи мышЪ крюкатЪ занѣ нюхаетЪ

40 мышЪ сѣрбатЪ очень горбата вѣлятЪ собратъ тарелки сама подносить по
чарке горелки 41 мыши оломки одне несетЪ солонкѣ дрѣгов снопъ соломки 42
мыши корлки несетЪ лошки іпарѣки 43 мыши ложки несетЪ вики данюти 44. ма
шя манѣки моѣки несетЪ кастюки дачерки 45 мышЪ перша несетЪ перѣшѣ 46 мышЪ
несетЪ тарѣкана печѣнова одрѣгов чѣпкѣ точеновоѣ 47 мыши пешнаті несетЪ
вбшиньа мешкомъ 48 мышЪ споданки старѣе несетЪ хлѣбе крюкѣ 49 мышЪ
смѣлѣе несетЪ сытны вадрине 50 мышЪ счюхонки ланны везетЪ полны со
ни вадыѣ 51 мышЪ ошѣбно рыю несетЪ тарѣкои рывы 52 мышЪ шошеро не
сетЪ сигн есть дапатно сидя 53 мышЪ пелена несетЪ адро колено пиво ро
згребѣ 54 мыши спокровки несетЪ морковни подклѣпки 55 мыши ізрятЪ несетЪ
кобылѣ во молоко крінѣ 56 потокъ мышонокЪ дермитЪ вспокоѣ іромѣкЪ налича
ет вкрѣшкѣ обмочи 57 мыши сватки набѣрим аіцѣ вспѣкѣ 58 новогородки не
сетЪ поклѣпки всяковрдіки 59 мышЪ медѣсла обѣлелѣ кисла 60 мышЪ молодкѣ в
лапкоѣ звлятЪ пироги есть сладко 61 мышЪ для змѣяѣ несетЪ тертово тавѣ 62
мышЪ зоветЪ гостеи погодѣ носіеи 63 мышЪ ссвшеон горки после стола из
рошТЪ корки 64 мышЪ бѣжитЪ нелыжахЪ после посадЪ полѣжитЪ 65 мышЪ говоро
кЪ добры поварокЪ начѣчники ваши бѣлѣ вмелон тарелки трѣтЪ 66 послѣднѣ
мышЪ добрѣа пірожица горадѣ пѣчь пірогы ісідомъ для змѣяѣ ходітЪ сналон

тельныхъ случаяхъ обращались къ царю, и потому на поляхъ рукописей, предназначенныхъ для набора, часто встрѣчается помѣтка: „доложить“. Большая часть матеріала нашей первой газеты черпалась изъ иностранныхъ источниковъ; оригинальныхъ статей и извѣстій было мало. Кто ихъ давалъ? Большинство русскихъ извѣстій въ „Вѣдомостяхъ“ представляли собой письма или донесенія—самого Петра и его сподвижниковъ. Такъ, напримѣръ, до 1709 г. Петръ велъ оживленную переписку съ польскимъ королемъ, и въ „Вѣдомостяхъ“ было много извѣстій изъ Польши, сокращается эта переписка—и извѣстій становится меньше. Затѣмъ Петръ иногда посылалъ извѣщеніе о какомъ-либо событіи разнымъ лицамъ въ одномъ и томъ же видѣ (примѣровъ такихъ писемъ можно было бы привести много), и вотъ такія извѣщенія часто попадали въ газету, что доказывается сличеніемъ нѣкоторыхъ №№ съ письмами; кромѣ того, въ „Вѣдомости“ попали, напримѣръ, нѣкоторыя письма Петра къ царевичу Алексѣю и Екатеринѣ. Иногда печатались донесенія пословъ и т. п. Г. Погорѣловъ даже утверждаетъ, что „почти половина оригинальныхъ, непереводныхъ статей принадлежала самому Петру или возникла по его настоянію“. Цензура, о существованіи которой при Петрѣ было сказано выше, коснулась и „Вѣдомостей“, и извѣстія о неудачахъ или пораженіяхъ скрывались и въ нихъ не попадали.

Такова была дѣятельность Петра-писателя: участникъ обширной переписки, редакторъ русскихъ и переводныхъ книгъ, авторъ многочисленныхъ уставовъ, табелей и манифестовъ, наконецъ, основатель, редакторъ и сотрудникъ первой русской газеты — во всемъ этомъ онъ сумѣлъ проявить свою самобытную, сильную и даровитую натуру. Петръ-писатель оставилъ въ нашей литературѣ, въ исторіи нашего просвѣщенія не меньшій слѣдъ, чѣмъ Петръ-полководецъ въ исторіи войнъ первой четверти XVIII вѣка.

К. Сивковъ.

Оппозиція Петру Великому.

«Идимъ мы всѣ, какъ великій нашъ монархъ трудитъ себя, да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію немного: онъ на гору только самъ-десятъ тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ“...

Такъ учитывалъ вдумчивый современникъ Петра Великаго П. Т. Посошковъ отношеніе къ реформамъ Петра современнаго ему русскаго народа.

Эта оцѣнка, несомнѣнно, преувеличена. При такомъ соотношеніи поддерживающихъ и противодѣйствующихъ силъ дѣло Петра было бы невозможно; да и выясненное значеніе XVII в. въ дѣлѣ подготовки Петровскихъ реформъ, а также сознательное и безкорыстное отношеніе къ реформамъ со стороны множества современниковъ Петра въ качествѣ ея частичныхъ прожектеровъ, проводниковъ, пропагандистовъ и защитниковъ, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что дѣло Петра отвѣчало живымъ запросамъ времени и опиралось на поддержку значительной части русскаго общества, значительной не столько своимъ количествомъ, сколько сознательнымъ, активнымъ отношеніемъ къ дѣламъ вооруженнаго неограниченной властью реформатора, что при пассивномъ отношеніи неорганизованныхъ народныхъ массъ было силою, способною двинуть вверхъ инертные милліоны.

Но современному наблюдателю, въ родѣ Посошкова, приходилось учитывать соотношеніе созидающихъ и противодѣйствующихъ силъ не столько по

ихъ практическому удѣльному вѣсу, сколько по шумнымъ и страстнымъ возгласамъ одобрительнаго и протестующаго характера. Потому немудрено, что у наблюдателя складывалось впечатлѣніе, не говорящее о сочувствіи подавляющаго большинства, такъ какъ наиболѣе роптали и всегда ропщутъ на дѣло тѣ, кто несетъ на своихъ плечахъ его наибольшую тяжесть. Причислили ли этихъ „неключимыхъ работниковъ“ времени Петра къ той силѣ, которая „тянула подъ гору?“ А вѣдь эти-то незамѣтные труженики и составляли милліоны, движимые нуждами времени, которыя придавали приказамъ власти непреодолимую силу, даже въ случаяхъ недоброжелательнаго отношенія къ ней. Недоброжелательность эту Петръ Великій унаслѣдовалъ вмѣстѣ съ властью отъ своихъ предшественниковъ. Разорительныя войны, непосильное тягло, вмѣстѣ съ прогрессировавшимъ сословнымъ закрѣпощеніемъ и разнузданной бюрократіей были основными силами, будившими въ XVII в. недовольство, проявлявшееся въ протестахъ и мятежахъ.

Силы эти съ воцареніемъ Петра проявлялись еще въ бо́льшихъ размѣрахъ. Немудрено, что и оппозиція XVII в. не только не ослабѣла, но усилилась притокомъ новыхъ союзниковъ, въ зависимости отъ тягловыхъ факторовъ, но, главнымъ образомъ, отъ своеобразія цѣлей, средствъ, пріемовъ введенія Петровскихъ реформъ.

Немногіе сознательно раздѣляли стремленіе Петра жертвовать всѣмъ въ настоящемъ ради благъ далекаго будущаго; заурядные труженики жизни рѣдко имѣютъ досугъ и побужденія находить оправданіе своихъ невзгодъ и тяжелыхъ переживаній въ философскомъ заглядываніи въ счастливыя возможности будущаго, которое принадлежитъ другимъ.

Еще менѣе понимали современники Петра необходимость непосильныхъ жертвъ во имя такихъ цѣнностей, которыя являлись отрицаніемъ всего того, что по традиціи привыкъ чтить русскій человѣкъ за добрую „пошлину“, ставшую тѣмъ болѣе дорогою, чѣмъ бо́льшая опасность грозила ей со стороны новыхъ вѣяній, пропитанныхъ, въ глазахъ москвича, ядомъ душевредной латинской заразы. Эта именно чужебоязнь, до болѣзненности взвинченная уже въ XVII в. западнымъ вліяніемъ и неудачной реформой Никона, и придала общій тонъ оппозиціи, выступавшей противъ Петра на самомъ дѣлѣ по разнымъ реальнымъ побужденіямъ. Только внимательно вслушиваясь въ рѣчи оппонентовъ Петра, мы въ однообразныхъ лозунгахъ можемъ отличить специфическіе оттѣнки, указывающіе на разнородные слои оппозиціи. И только всматриваясь въ характеръ реформаторскихъ пріемовъ Петра, мы постигаемъ, почему эти разнообразныя слагаемыя слились въ оппозиціонную сумму, почти однородную по своимъ лозунгамъ и проявленіямъ.

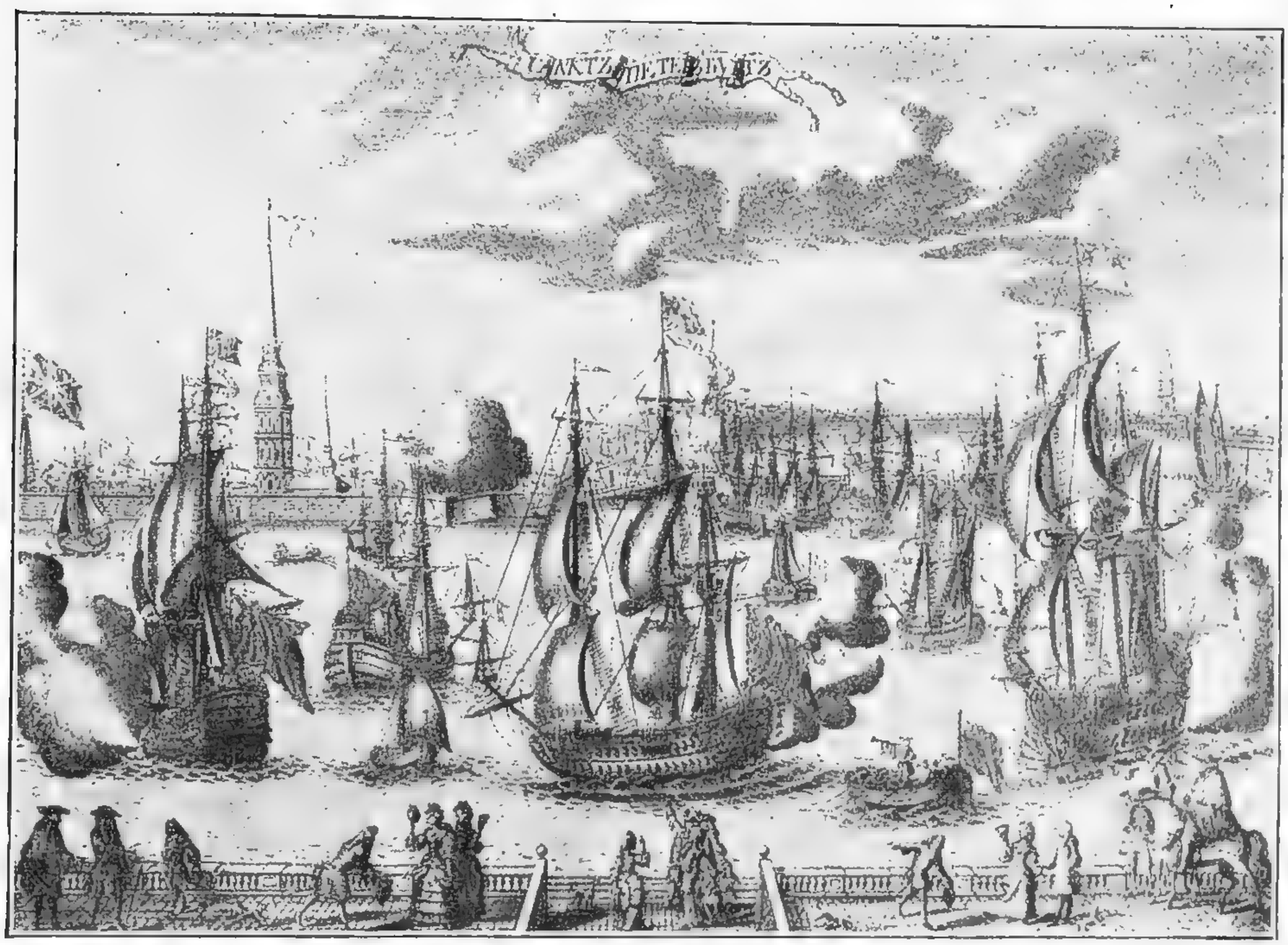
Самъ Петръ Великій всячески старался, сознательно и безсознательно, волновать Россію яркими потрясающими впечатлѣніями, возбуждать въ ней переживанія, не вкладывавшіяся въ традиціонный кругозоръ русскаго чело-

вѣка. Все замутилось въ вихрѣ Петровскихъ демонстрацій царскаго веселья и гнѣва, педагогическихъ выходокъ и дипломатическихъ „спектакулей“, происходившихъ „предъ всенародными очами всякихъ чиновъ людей“. Пышныя шествія царственныхъ особъ, торжественные церковные ходы, яркіе въѣзды иностранныхъ пословъ, свадебныя и погребальныя процессіи, какъ и кровавые акты, разыгрывавшіеся въ застѣнкахъ и на площадяхъ, — все это было знакомо русскимъ и въ свое время оставляло глубокіе слѣды не только въ памяти туземца, но и заѣзжаго иноземца; но все это не выходило изъ „чина“, къ которому привыкла исконная Русь. Публичныя же выступленія Петра Великаго носили всегда, съ точки зрѣнія москвича, какой-то „безчинный“ характеръ, потому что въ большинствѣ случаевъ были проникнуты тенденціозно-педагогическими замыслами Петра, который былъ столь же рѣшительнымъ и нетерпѣливымъ воспитателемъ общества, какъ хирургомъ, зубнымъ врачомъ и костюмеромъ. Въ своихъ красочныхъ выступленіяхъ предъ подданными Петръ не только торжествовалъ побѣды, веселился и каралъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ старался подчеркнуть превосходство вводимыхъ имъ новшествъ, заодно унизить противниковъ, кто бы они ни были, саркастически поиздѣваться надъ ненавистной старинои, забросать ее грязью, не стѣсняясь въ средствахъ и предметахъ осмѣянія, не считаясь съ чувствами участниковъ и зрителей своихъ педагогическихъ экспериментовъ— зрѣлищъ.

Чтобы понять народно-психологическія послѣдствія этихъ выступленій, мы приглашаемъ читателя на минуту проникнуться настроеніемъ русскаго человѣка, только что перешедшаго изъ Московіи XVII в. въ русское государство XVIII в. со всѣми общественными, политическими и религіозными навыками и предразсудками современниковъ „тишайшаго“ царя Алексѣя,— войти въ положеніе москвича, который и отъ царя требовалъ извѣстнаго „чина“ поведенія, зналъ толкъ въ церемоніяхъ и церемоніалѣ и убѣдился въ самозванствѣ Димитрія I, когда воочію увидѣлъ, что царь этотъ не „наслѣдуетъ предкамъ“ въ спаньѣ послѣ обѣда, запросто гуляетъ, водится съ поляками и проч.

Какимъ отступленіемъ отъ традиціоннаго чина долженъ былъ показаться русскимъ людямъ, введенный Петромъ, обычаи тріумфальныхъ празднованій побѣды въ родѣ той, которую описалъ Юстъ Юлъ, съ пальбои изъ орудій, съ музыкой иноземныхъ игрецовъ, съ языческими символами и чудодѣйственными фейерверками, съ комическимъ элементомъ изъ шутовъ и самоѣдовъ, ѣдущихъ на свиньяхъ, наконецъ, съ публичнымъ пьянствомъ, окончившимся эпилепсіей и разсѣченіемъ на куски невиннаго солдата, попавшагося подъ гнѣвный взоръ разнервничавшагося Петра?..

Тяжелыя мысли долженъ былъ навѣвать на степеннаго москвича полуязыческій тріумфъ Петра. Все поведеніе его обличало въ немъ „не настоя-



Санктъ-Петербургъ. (По гравюрѣ Зубова).

щаго“ царя. Эта жестокая расправа съ солдатомъ, это странное на глазахъ у всѣхъ подергиванье головы, лица, рукъ и ногъ... И это многіе учли, какъ явный показатель того, что Петръ — царь не настоящій: „Что онъ головой запрометываетъ и ногой запинается, и то, знамо, его нечистый духъ ломаетъ...“

Иного рода сцены разыгрывались предъ москвичами по манію Петра, сцены невиданной жестокости и безчиннаго участія въ нихъ самого государя. При розыскѣ стрѣлецкаго бунта самъ Петръ собственноручно рубилъ головы стрѣльцамъ и требовалъ отъ приближенныхъ того же: „кн. Ромодановскій отсѣкъ четыре головы стрѣлецкихъ; Голицынъ, по неумѣнью рубить, увеличилъ муки доставшагося ему несчастнаго; любимецъ Петра Алексашка (Меншиковъ) хвалился, что обезглавилъ 20 человѣкъ“.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что по Москвѣ пошли толки о ненормальной кровожадности Петра.

Еще болѣе необычнымп казались москвичамъ веселыя потѣхи Петра, обращавшія, въ концѣ-концовъ, сановитыхъ и родовитыхъ бояръ въ предметъ народнаго посмѣшища, да еще на глазахъ у иноземцевъ, когда ихъ вываливали изъ саней.

Иностранцу было „забавно видѣть“ это зрѣлище; злорадствовали, можетъ-быть, и нѣкоторые изъ москвичей; но каково-то было степеннымъ москвичамъ, привыкшимъ видѣть бояръ государя окруженными ореоломъ важности, горделивой позы и общественнаго преклоненія? Мы уже не говоримъ о самихъ сановникахъ, въ средѣ которыхъ были не одни „Алексашки да Лефортки“, пирожники и иноземные мастера, но и родовитые князья и бояре, предки которыхъ даже Грозному не позволяли „наносить поруху роду своему“.

Впрочемъ, Петръ „посягалъ“ не на одинъ ореолъ своихъ сановниковъ: многое святое въ глазахъ москвича обращалось Петромъ въ площадное посмѣшище.

Мы не говоримъ о скабрезныхъ и кощунственныхъ дѣяніяхъ „всепьянѣйшаго и сумасброднѣйшаго собора“, этой злѣйшей пародіи на нѣкоторые церковные обряды.

Они совершались среди „избраннаго“ общества, при накрѣпко закрытыхъ дверяхъ, рѣдко выливаясь на улицу Москвы въ видѣ шутовской процессіи, и могли считаться даже своеобразнымъ торжествомъ православія надъ осмѣяннымъ папежствомъ. Но Петръ рѣшилъ подвергнуть публичному позорищу и память объ упраздняемомъ патріаршествѣ.

Еще при жизни патріарха учитель Петра дьякъ Зотовъ послалъ кличку „патріарха Кокуйскаго“. Въ санѣ князь-папы и „всепьянѣйшаго патріарха“ выступалъ онъ въ шутовскихъ процессіяхъ въ одеждѣ патріарха и даже разсылалъ москвичамъ свои посланія, пародировавшія не только посланія патріарховъ, но и извѣстныя молитвы.

Этотъ же Зотовъ игралъ роль, высмѣиваемаго патріарха въ цѣломъ рядѣ комическихъ выступленій, на изобрѣтеніе которыхъ Петръ былъ неистощимъ. Зотовъ въ патріаршихъ одеждахъ садился на ряженую осломъ лошадь, а Петръ „держалъ стремя его коня, по примѣру нѣкоторыхъ царей Россійскихъ, при возсѣданіи патріарха на коня въ назначенные дни“ (въ извѣстной процессіи, изображающей „шествіе Христа въ Іерусалимъ на осляти“). Къ этой же цѣли публичнаго осмѣянія патріарха въ глазахъ москвичей клонилась справленная въ Москвѣ грандіозная свадьба всешутѣйшаго патріарха.

Наряду съ Зотовымъ въ патріаршемъ одѣяніи выступалъ кесарь Ромодановскій въ одеждѣ русскаго царя XVII вѣка. Нарядить перваго палача, ужасъ Москвы и всей Россіи, въ царскія одежды, которыя носили отецъ и дѣдъ Петра, и въ такомъ видѣ демонстрировать своихъ царственныхъ предковъ предъ москвичами не значило ли повергать зрителей въ недоумѣніе, чреватое самыми острыми чувствами протеста, самыми нелѣпыми объясненіями „безчинныхъ“ въ глазахъ москвича выходокъ царя?

Но не одни только публичныя издѣвательства Петра надъ всѣмъ, что исконно привыкъ благоговѣйно и чинно чтить москвичъ, вызывали въ послѣд-

немъ „недоумѣнные помыслы“, „скаредную брань“ и „неистовыя желанія“. Петръ въ своихъ „замыслахъ“ не любилъ останавливаться на полдорогѣ, и рѣшительнымъ законодательствомъ, съ строгими угрозами за нарушеніе его, проводилъ въ жизни тѣ мысли, какія проглядывали въ его уличныхъ „спектакуляхъ“ и частныхъ выходкахъ.

Больше всего, можетъ-быть, разошелся Петръ съ Москвою въ своихъ попыткахъ разрушить внѣшнюю рознь между русскими и нѣмцами, придать русскимъ такой видъ, чтобы западный иноземецъ чувствовалъ себя среди русскихъ не диковинкой, за которой ходятъ толпы зѣвакъ, а въ знакомой бытовой атмосферѣ. Но москвичъ видѣлъ въ своей бородѣ, кафтанѣ и воздержаніи отъ табака не только исконный, отъ предковъ унаслѣдованный образъ и подобіе, которое легко можно измѣнить по вкусу брадобрея или портного, но сливалъ съ ними вѣковѣчные завѣты святой старины, видѣлъ въ нихъ „мѣрило праведное“ своего православія и народности и непремѣнный признакъ своего церковнаго превосходства „надъ лютерами и прочими еретиками“. Петру извѣстно было именно такое воззрѣніе своего народа на свой внѣшній видъ, и это обстоятельство для него служило тѣмъ большимъ побужденіемъ переодѣть и причесать русскаго понѣмецки; разъ москвичъ преодолѣлъ себя и перелицевался, значитъ, онъ преодолѣлъ въ себѣ стараго человѣка, сдѣлалъ надлежащее усиліе надъ собою, чтобы стать достойнымъ подданнымъ своего повелителя, а кто по „замерзѣлому своему стыду“ или „упорству“ не сможетъ этого сдѣлать, и въ томъ можно видѣть одинъ только прибытокъ: лишняя статья дохода въ видѣ штрафныхъ денегъ, — авось, крупные штрафы и налоги заставятъ упрямца не мозолить государевы очи своими азіатскими костюмами и звѣроподобнымъ видомъ.

Такъ думалъ Петръ, когда сначала въ видѣ монаршей шутки обрѣзалъ собственноручно и при содѣйствіи шутовъ бороды и кафтаны, а потомъ издавалъ указы въ три дня выбриться и переодѣться всей Москвѣ, за исключеніемъ духовенства и пашенныхъ людей; въ этомъ же убѣжденіи находилъ онъ оправданіе своимъ указамъ брить въ съѣзжихъ избахъ русскія бороды, надѣвать рогн на головной уборъ женамъ бородачей, запрещать портнымъ шить и продавать русское платье, облагать бородачей штрафомъ отъ 30 до 100 р. и ссылать на каторгу тѣхъ купецкихъ людей, которые будутъ имѣть скобы и гвозди, которыми подбиваются русскіе сапоги.

Но народъ не понималъ цѣлей своего царственнаго костюмера, и въ лучшемъ случаѣ видѣлъ въ его распоряженіяхъ — заблужденіе человѣка, котораго „нѣмцы обошли“, а чаще всего издѣвательство надъ русскимъ и православнымъ, „печать антихриста“, стирающаго съ православныхъ образъ Божій.

Къ „прещеніямъ“ Стоглава о брадобритіи и вообще о „латинскихъ обычаяхъ“ присоединились еще и завѣты послѣдняго патріарха Адріана, который изощрялся въ своемъ пастырскомъ краснорѣчіи, громя брадобритіе такими филиппиками, какъ будто дѣло шло о борьбѣ ввѣренной ему церкви православной съ грознымъ врагомъ, разрушающимъ ея догматическія основы, каноническій строй и практическія средства спасенія паствы.

Впрочемъ, патріархъ еще при жизни своей прекратилъ эти филиппики, какъ только замѣтилъ, что онѣ могутъ стоить ему патріаршаго клобука; но не замолкло брошенное имъ въ паству осужденье брадобритія на понятномъ для ревнителей древняго православія языкѣ. Немудрено, что нѣкоторые изъ паствы оказались устойчивѣе своего пастыря и смотрѣли на его упражненія въ краснорѣчіи, какъ на завѣтъ послѣдняго первосвятителя „стоять до послѣдняго“ за русскую бороду и кафтанъ, какъ на явное осужденіе заморскихъ новшествъ, которыя должны были быть проникнуты духомъ еретичества такъ же, какъ длинная борода—духомъ иконописнаго православія. Немудрено, что у многихъ возгорѣлось желаніе обличить заблудшаго царственнаго „еретика“.

Передъ Рождествомъ 1704 г. подошелъ къ Красному крыльцу красильщикъ Андрей Ивановъ и закричалъ караулъ, объявивъ за собою „государево дѣло“ на самого государя: „Государево дѣло за мною,—говорилъ онъ кесарю Ромодановскому, — такое: пришелъ я извѣщать государю, что онъ разрушаетъ вѣру христіанскую: велитъ бороды брить, платье носить нѣмецкое и табакъ велитъ тянуть“.

„О брадобритіи, — говорилъ Ивановъ, — писано въ Уложеніи соборномъ (онъ намекалъ на Стоглавъ). А про платье написано: кто станетъ иноземное платье носить, тотъ будетъ проклятъ, а гдѣ про то написано, того не знаю, потому что грамотѣ не умѣю. А кто табакъ пьетъ, и тѣмъ людямъ въ старые годы носы рѣзывали. А на Москвѣ у него Андрея знакомцевъ никого нѣтъ и съ сказанными словами къ государю его никто не подсылывалъ—пришелъ онъ о томъ извѣщать собою, потому что и у нихъ посадскіе люди многіе бороды бреютъ, и нѣмецкое платье носятъ, и табакъ тянутъ—и потому для обличенія онъ, Андрей, и пришелъ, чтобъ государь велѣлъ то все перемѣнить. Кромѣ того, за нимъ Андреемъ иного государева дѣла нѣтъ“...

И это не былъ какой-нибудь раскольникъ-фанатикъ, а заурядный посадскій человѣкъ, повѣрившій, что если онъ и горѣ скажетъ съ присущею ему вѣрою въ правое дѣло: двинься!—и она двинется...

Мы не будемъ множить подобныхъ примѣровъ самоотверженнаго протеста москвичей противъ реформъ Петра Великаго. Скажемъ обще, что этого рода оппозиція, послѣ раскольничьей, была едва ли не самая многочисленная. И въ ней не надо видѣть только комическую сторону, такъ какъ борода и кафтанъ были для москвича тѣмъ же, чѣмъ для Петра парикъ и

Суриковъ.

Меншиковъ въ Березовѣ.

(Третьяковская галлерея.)

Сурикова.

Меншиков в Березов.

(Третьяковская галлерея.)

Букварь царевича Алексѣя Петровича. (Оружейная палата).

нѣмецкое платье; въ концѣ-концовъ, значкомъ, по которому бойцы отличаютъ враговъ отъ друзей въ смертельной борьбѣ,—знаменемъ, подъ которымъ скрывается цѣлый міръ дорогихъ переживаній, чувствъ и интересовъ высшаго и житейскаго порядка.

Петру „недосугъ было за великими потребами“ ждать, пока „замерзѣлые подданные“ добровольно перерядятся въ его форму, повѣривъ ему на слово, что его новое будетъ лучше добраго стараго его предковъ.

И онъ нетерпѣливо переливалъ новое вино въ старые мѣхи, не думая о послѣдствіяхъ. Подданнымъ мѣры государя казались „безчинными“ попраніемъ святой старины, незаслуженнымъ издѣвательствомъ надъ степенными и добросовѣстными въ своемъ вѣковѣчномъ поведеніи людьми; онѣ порождали бездну непониманія и подозрѣній, которыя обостряли взаимное раздраженіе, заставляли въ обыденныхъ и простыхъ вещахъ видѣть несуществующіе страхи, непростительныя преступленія. Произнесенное въ „шумствѣ“ (въ пьяномъ видѣ) неосторожное слово раздувалось усердными

застѣночныхъ дѣлъ мастерами въ цѣлое „государево дѣло“, захватывавшее десятки и сотни лицъ, имѣвшихъ несчастье быть въ какомъ-либо отношеніи къ „шумному“ болтуну, и рѣдкій счастливецъ не отвозился „въ убогихъ домы на Покровскомъ монастырѣ“, гдѣ находили себѣ послѣднее успокоеніе всѣ жертвы ненасытной любознательности кесаря Ромодановскаго (а по немъ—его сына И. Ѳ. Ромодановскаго, унаслѣдовавшаго отъ отца страшный Преображенскій застѣнокъ).

Оппозиція, въ свою очередь, сознательно и безсознательно, толковала вкривь и вкось дѣянія Петра, раздувая его странности въ апокалипсическія знаменія времени, входила съ легендарными сужденіями въ его личную жизнь, не стѣснялась сильной квалификаціей его семейныхъ отношеній,—и во всемъ старалась подчеркнуть „безчинность“ этого царя, ни чѣмъ не похожаго на своихъ предшественниковъ, которыхъ онъ такъ высмѣивалъ.

Петръ не отдѣлялся неприступными стѣнами отъ своихъ подданныхъ, подобно своимъ предшественникамъ: онъ всегда былъ на виду у своихъ подданныхъ такимъ, каковъ онъ былъ, со всѣми своими великими недостатками и достоинствами. И это давало оппозиціи много сильныхъ аргументовъ.

„Безчинной“ казалась ей въ православномъ царѣ его личная и семейная жизнь.

Градъ сатирическихъ картинокъ выставилъ на позорище семейную жизнь Петра, смущавшую русскаго человѣка. Изображеніе „Нѣмки верхомъ на старикѣ“, „Стараго нѣмца на колѣняхъ у молодой нѣмки“, „Молодой нѣмки, кормящей стараго нѣмца соской“, „Бабы-Яги съ плѣшивыми стариками“,—все это, по мнѣнію В. В. Стасова, имѣло связь съ разсказами, ходившими въ народѣ о слабости Петра къ шведской дѣвицѣ, къ „кухварочкѣ“, къ „чухонкѣ—адмиральшѣ Маланьѣ“; при чемъ во всѣхъ этихъ произведеніяхъ народнаго творчества Петръ изображается подъ башмакомъ у нѣмки, на картинкѣ „Какъ Баба-Яга дерется съ крокодиломъ“; по мнѣнію Ровинскаго, изображена немирная сторона жизни царственныхъ супруговъ. Застѣночныя рѣчи не оставляютъ сомнѣнія въ этомъ, что семейная жизнь Петра составляла большую тему для пересудовъ и умозаключеній „всякихъ чиновъ людей“.

Постепенно туманился въ глазахъ современниковъ образъ Петра, близкихъ ему людей и его дѣлъ. „Безчинность“ поведенія царя, столь непохожаго на своихъ предшественниковъ ни личнымъ поведеніемъ, ни занятіями, ни отношеніемъ къ церкви, вѣковѣчнымъ обычаямъ, къ роднѣ, эксцентричныя формы его забавъ и гнѣва,—все это поражало москвичей и вырывало цѣлую пропасть между властелиномъ и подчиненными. Москвичи не узнавали въ Петрѣ ни благовѣрнаго царя, ни русскаго человѣка, ни православнаго первенца русской церкви. Оппозиція не могла въ упоръ посмотрѣть на странныя дѣла Петра, не въ состояніи была умомъ обнять и освоить ихъ.

Нужны были искусственныя толкованія, привлеченіе къ дѣлу легендарныхъ и мистическихъ стеколъ, сквозь призму которыхъ православный москвичъ привыкъ воспринимать все, что выходило изъ его обыденнаго кругозора, что не вкладывалось въ узкія рамки повседневныхъ явленій общественной и политической жизни Москвы.

Царица Евдокія Ѳеодоровна (Лопухина).
(Собраніе Б. А. Лопухина).

И современники, очевидцы Петра и его дѣлъ, стали вѣрить фантазіи и создаваемымъ ею образамъ больше, чѣмъ реальнымъ впечатлѣніямъ. Послѣднія были дальше отъ московскаго міропониманія, чѣмъ апокалипсическія бредни и легендарныя гипотезы.

По возвращеніи Петра изъ-за границы все чаще и чаще въ рѣчахъ москвичей о Петрѣ сталъ проскальзывать взглядъ, что Петръ не похожъ на настоящаго царя, что его царственные предшественники такъ не поступали, что Петръ—царь не настоящій. Это, если можно такъ выразиться, ощущеніе чего-то чуждаго въ царѣ естественно вызвало потребность объяснить, почему русскій царь сталъ больше похожъ на нѣмецкаго мастера, чѣмъ на великаго государя, скорѣе выглядѣлъ „лютеромъ“ и „послѣдователемъ католическаго костела“, чѣмъ православнымъ христіаниномъ. И эта психологическая потребность разрѣшить загадку нашла себѣ удовлетвореніе въ двухъ распространеннѣйшихъ легендахъ, удовлетворявшихъ людей не одинаковыхъ по трезвости взгляда категорій. Оппозиціонеры съ болѣе реальными воззрѣніями приняли

легенду о томъ, что Петръ—не настоящій сынъ царя Алексѣя, а подмѣненный нѣмчинъ; люди съ мистическою настроенностью объясняли странности Петра тѣмъ, что онъ — новоявленный антихристъ. Были и такіе, которые преломляли свои удивленные взоры сквозь призму обѣихъ легендъ, объясняющихъ загадку Петра.

Мы сначала остановимся на выясненіи первой легенды. Она имѣла свои варіанты. Самымъ распространеннымъ изъ нихъ былъ разсказъ о подмѣнѣ ребенка царя Алексѣя Михайловича на нѣмчина, сына Лефорта. Одинъ монахъ разсказывалъ своему собесѣднику:

„Надъ нами царствуетъ нынѣ, — говорилъ онъ, — не нашъ государь Петръ Алексѣевичъ, но Лефортовъ сынъ. Блаженной памяти государь царь Алексѣй Михайловичъ говорилъ женѣ своей, царицѣ: „Ежели сына не родишь, то учиню тебѣ нѣкоторое озлобленіе“... И она, государыня, родила дщерь, а Лефортъ—сына, и за помянутымъ страхомъ, втайнѣ отъ царя, размѣнялись — и тотъ Лефортовъ сынъ и нынѣ царствуетъ!“ Этотъ разсказъ повторяли въ самыхъ отдаленныхъ и разнообразныхъ концахъ русской земли.

Другой варіантъ, оставляя сущность перваго, указываетъ только на другой моментъ подмѣны: не во время рожденія, а во время путешествія за границу нѣмцы замѣнили настоящаго Петра, сына Алексѣя Михайловича, нѣмчиномъ.

„Нашъ государь, — разсказывали въ народѣ, — пошелъ въ Стекъ-холмъ или, по другому варіанту, въ стекольное царство (Стокгольмъ), а тамъ его посадили въ заточеніе (по другимъ сказаніямъ — въ бочку); а этотъ, что нынѣ царствуетъ, не нашъ государь, Петръ Алексѣевичъ, а иной — нѣмчинъ“... Этотъ варіантъ, видимо, принадлежалъ русскимъ, которые помнили бойкаго сына, царя Алексѣя, разгуливавшаго со своими потѣшными по улицамъ Москвы. Несмотря на его любовь къ Нѣмецкой слободѣ, въ немъ все же москвичи не могли видѣть того отчужденія отъ всего русскаго и прямой ненависти къ Москвѣ, какія круто проявилъ возвратившійся изъ-за границы государь, отвергшій жену, залившій Москву кровью и съ мѣста въ карьеръ начавшій обстригать благочестивыя бороды и творить иныя издѣвательства надъ православными. И, правду сказать, моментъ для созданія легенды былъ самый подходящій, потому что со времени возвращенія Петра изъ путешествія поведеніе его, дѣйствительно, круто мѣняется.

Нельзя сказать, чтобы распространители этой легенды разсчитывали на довѣріе слушателей: они приводили очень убѣдительные аргументы ея истинности. Этой легендарной гипотезой объяснялись самыя непонятныя для москвича стороны поведенія царя, и въ томъ былъ секретъ ея популярности. Старица Платонида про его императорское величество говорила: „Онъ-де шведъ обмѣнной, потому догадывайся-де: дѣлаетъ Богу противно, противъ солнца крестятъ и свадьбы вѣнчаютъ, и образы пишутъ со швед-

скихъ персонъ, и посту не можетъ воздержать, и платье возлюбилъ шведское, и со шведами пьетъ и ѣстъ, и изъ ихъ королевства не выходитъ, и шведъ-де у него въ набольшихъ, а паче-де того догадывайся: онъ извелъ русскую царицу и отъ себя сослалъ въ ссылку въ монастырь, чтобы съ нею царевичевъ не было, и царевича-де Алексѣя Петровича извелъ — своими руками убилъ для того, чтобъ ему, царевичу, не царствовать, и взялъ-де за себя шведку, царицу Екатерину Алексѣевну, и та-де царица дѣтей не родитъ, и онъ-де, государь, сдѣлалъ указъ, чтобъ съ предбудущаго государя крестъ цѣловать и то-де крестъ цѣлуетъ за шведа, одноконечно-де станетъ царствовать шведъ, родственникъ или братъ царицы Екатерины Алексѣевны, и великій-де князь Петръ Алексѣевичъ (внукъ Петра) родился отъ шведки съ зубами“...

Царица Евдокія Ѳеодоровна (Лопухина).
Архив. Мин. Иностр. Дѣлъ.

Но для людей, привыкшихъ корень вещей и непонятныхъ явленій искать не на землѣ, хотя бы и въ стекольномъ царствѣ, а въ потусторонних сферахъ, образы которыхъ запечатлѣлись въ нездоровомъ творчествѣ благочестивой фантазіи,—для людей съ болѣе мистической настроенностью Петръ и его дѣла не вмѣщались въ легенду о нѣмецкомъ происхожденіи государя. Нѣмцы тоже люди, и безнаказанно бороть на Бога обыкновенному нѣмцу тоже не дано. Затѣмъ, такъ искусно „обойти“ русскій народъ и ближайшихъ къ трону лицъ, чтобъ они не замѣтили въ

нѣмцѣ Петрѣ отмѣннаго отъ государя человѣка,—тоже для простого смертнаго несбыточно. Дѣло здѣсь не простое. „Государь-то нашъ, что нынѣ на Москвѣ, Петръ Алексѣевичъ, не простъ человѣкъ, онъ антихристъ“...

Гдѣ и кто первымъ пустилъ эту гипотезу, уяснявшую необычныя дѣла, Петромъ вершенныя, неизвѣстно. Только мысль о Петрѣ-антихристѣ, какъ вѣтеръ, загуляла по русской равнинѣ: ее передавали другъ другу въ отдаленныхъ окраинахъ Сибири, Архангельской губерніи, на Украйнѣ такъ же, какъ и въ центрѣ. Гипотеза становилась тѣмъ болѣе вѣроятною и популярною, что въ дѣлахъ и поведеніи Петра такъ много было чертъ, напрашивавшихся на сравненіе съ страшнымъ образомъ народной фантазіи, питаемой чтеніемъ Апокалипсиса и подобныхъ ему твореній. Дѣла Петра могли привести въ сомнѣніе даже самаго трезваго человѣка, только не безразличнаго къ православію, которое для массы воплощалось въ часовняхъ, колоколахъ, въ формахъ перстосложенія и т. п. элементахъ практическаго проявленія религіозной мысли того времени. Противъ всѣхъ этихъ проявленій русскаго христіанства прямо или косвенно пошелъ Петръ. „Времена нынѣ пошли неудобоносимыя,—думалъ про себя православный.—Государь Бога гонитъ: мощи и школы рушитъ, часовни разбираетъ, колокола снимаетъ, куритъ, мясо ѣстъ и другимъ велитъ въ посты и среды съ пятницами; самъ правитъ безъ патріарха... Какой же онъ христіанинъ: гонитель христіанства,—стало-быть, „настали времена и воцарился антихристъ“...

Даже „инквизиторъ“, на обязанности котораго было вылавливать „противныя слова“, вразумлять и доносить,—и тотъ усомнился, слыша подобныя рѣчи.—„Нѣтъ, то не антихристъ,—успокаивалъ онъ собесѣдника для очистки совѣсти,—развѣ прѣдтеча антихриста“...

И если такъ „лукавилъ“ инквизиторъ, то что же долженъ былъ думать православный человѣкъ? Благочестивая фантазія заработала надъ сплетеніемъ мистическаго клубка изъ элементовъ дѣйствительности. „Хотѣлъ было антихристъ въ патріархи поставить кіевскаго митрополита,—по-своему объяснялъ монахъ Степанъ своему спутнику фактъ отмѣны патріаршества.—Вотъ и привели его въ соборную церковь ставить, а митрополитъ говоритъ: „Дай мнѣ, чтобъ были старопечатныя книги—и буду патріархомъ, а ежели не такъ,—не хочу“. А антихристъ-то, въ отвѣтъ на то, выхватилъ палашъ и замахнулся на митрополита, да какъ замахнулся, такъ и упалъ на него... Знатно, за то случилось съ нимъ это,—заключилъ Степанъ,—что онъ, антихристъ, не можетъ о святыхъ книгахъ слышать... благодать Божія за это и ушибла его (намекъ на нервныя судороги Петра). А поднялъ его Александръ Меншиковъ, и по поднятіи молвилъ антихристъ ко всѣмъ: „не будетъ вамъ патріарха!“...

„Антихристъ“ самъ сталъ патріархомъ: „Принялъ титулъ патріаршескій“ назвавшись отцомъ отечества. „Восхитилъ первенство Іисуса Христа“, на-

звавшись первымъ, ибо, замѣчаетъ составитель рукописи „Цвѣтника“, еще въ Апокалипсисѣ сказано: „азъ есмь альфа и омега, первый и послѣдній“, „у Бога восемь лѣтъ укралъ“ [1]), обличали Петра за его реформу календаря.

Разъ сливался Петръ въ нѣкоторыхъ чертахъ своихъ съ бредовымъ образомъ антихриста, то нетрудно было разъяснить и „озвѣрить“ такія его дѣла, которыя никакъ не подходили подъ Апокалипсисъ. Даже военные подвиги Петра дѣлались уликою противъ него. „Да онъ же-де государь непріятельскіе города беретъ боемъ, а иные лестью, и то-де по Писанію сбывается; и Царь-градъ онъ, государь, возьметъ“.

Войска Петра съ своеобразіемъ ихъ формы дали иллюстратору одного разсказа „о скончаніи міра“ живыя краски и сценки для наглядnаго выясненія стариннаго текста. „Передъ нами проходятъ солдаты въ кафтанахъ Петровской эпохи, съ подписью подъ рисунками изъ пророка Исаіи: „страну вашу чуждіи поядятъ“, такъ что не остается никакого сомнѣнія, кого надо подразумѣвать подъ „чуждими“; тѣ же петровскіе солдаты разстрѣливаютъ старцевъ, связанныхъ и облеченныхъ во власяницы, или сражаются съ казаками; у воротъ города человѣкъ въ красномъ кафтанѣ держитъ въ рукѣ развернутый свитокъ, рядомъ съ нимъ барабанщикъ бьетъ въ барабанъ— это приводятъ въ подданство антихристу; укрывшихся ведутъ къ нему насильно, отпавшіе знаменуются его печатью, вѣрные предаются на муку. Самъ антихристъ на нѣкоторыхъ рисункахъ изображенъ съ чертами лица, не оставляющими никакого сомнѣнія въ тожествѣ ихъ съ чертами императора Петра I.

(По стар. русск. гравюрѣ).

Это мистическое настроеніе, переходившее въ бредъ наяву, было въ это время, какъ въ большинствѣ случаевъ, только обратной стороной того непосильнаго нравственнаго и матеріальнаго гнета, который наложила на русское общество тяжелая рука желѣзнаго Петра. Люди, для которыхъ эта

1) Новое столѣтіе, по старому счисленію, начиналось съ 1692 г. 1 сентября, т.-е. на 8 лѣтъ раньше того, какъ стали его считать по новому календарю съ 1700 года.

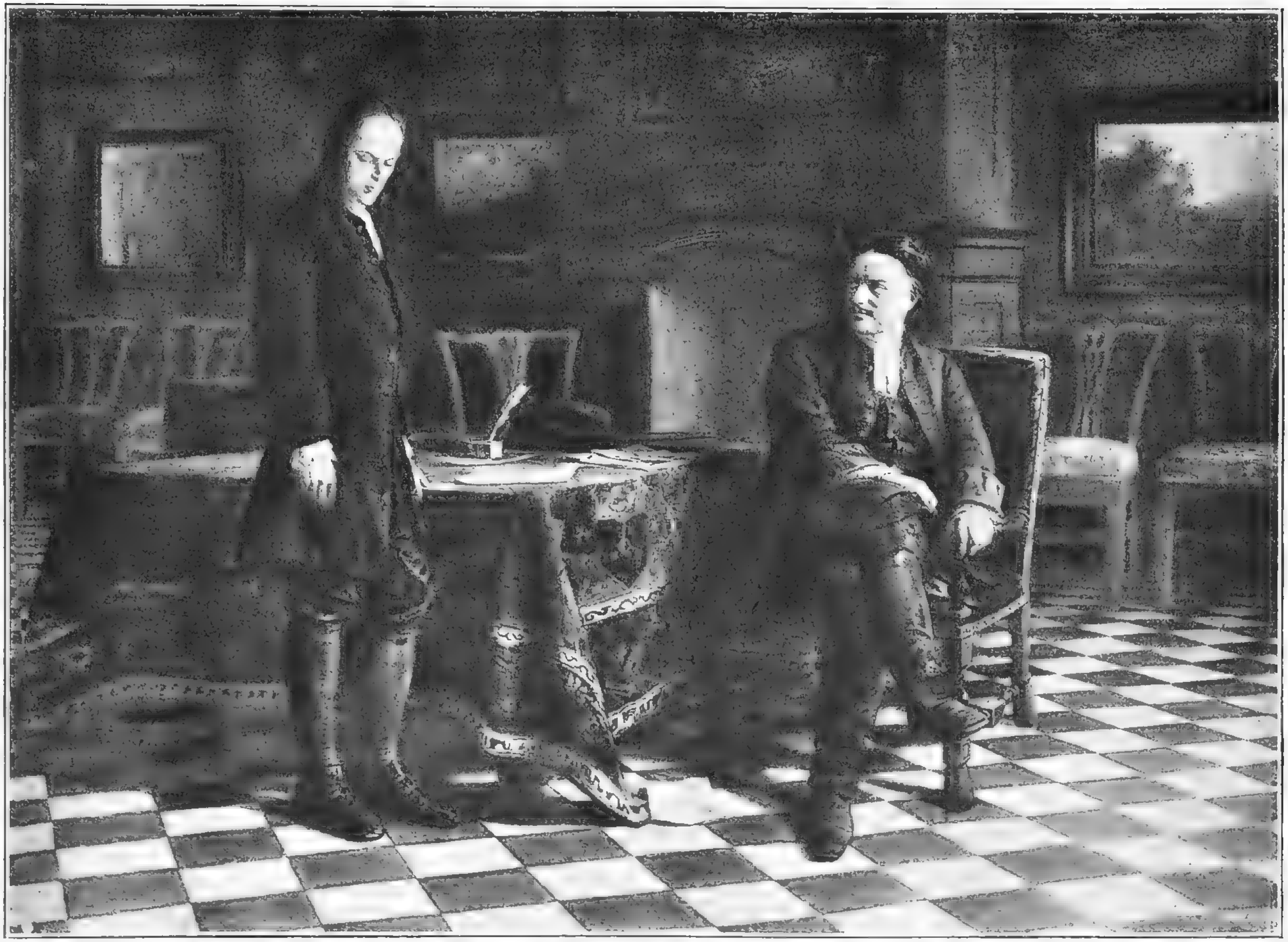
жизнь являлась безконечною юдолью печалей и огорченій, люди, не могшіе жить, подобно Петру, мыслью о благѣ народа и государства реальнаго будущаго, естественно, ожидали себѣ усладъ и отдыха только въ потустороннемъ мірѣ, и чѣмъ сильнѣе былъ гнетъ жизни, тѣмъ больше было желанія уходить въ міръ грезъ и видѣній, тѣмъ истеричнѣе были выходки противъ „гордаго князя міра сего“ со всѣми исходившими отъ него тягостями и оскорбленіями.

Но эта мистическая настроенность не носила созерцательнаго характера: образы апокалипсическаго бреда перемѣшивались съ впечатлѣніями тяжелой дѣйствительности тѣмъ болѣе, что у нашихъ ревнителей православія Петровскаго времени религіозныя представленія были грубо матеріальны. Тяжелой житейской дѣйствительностью съ ея „тягловыми мотивами“ проникнуты всѣ мистическія сужденія о Петрѣ.

Въ легенды, въ замысловатыя толкованія введенныхъ Петромъ новыхъ словъ обыкновенно вплетается и отзвукъ непосильно-тяжелой дѣйствительности. Называютъ ли царя антихристомъ, тутъ же говорятъ и объ антихристовыхъ слугахъ — грабителяхъ и разорителяхъ, которые, во исполненіе пророчества, „страну поѣдаютъ“. Указывая на небывалую раньше „безчинность“ поведенія царя-антихриста, прибавляютъ кстати: „нынѣ по городамъ вездѣ заставы, и нашего православнаго христіанина въ городѣ въ русскомъ платьѣ не пропускаютъ и бьютъ, и мучаютъ, и штрафы берутъ“. Въ самомъ иноземномъ титулѣ, поднесенномъ Петру Сенатомъ отъ имени народа, этотъ народъ видитъ созвучіе съ словомъ, характеризующимъ тяжести Петровскихъ повинностей: одинъ попъ на ектеніяхъ называлъ императора „имперетёромъ“. „Прямой императеръ, — пояснялъ онъ частнымъ образомъ,—немало онъ людей перетеръ“.

Непрерывныя войны Петра и требованіе отъ всѣхъ той или иной службы для этихъ войнъ, сопряженныя съ ними бѣдствія и лишенія вызывали громкій ропотъ, гулко отражавшійся въ Преображенскомъ застѣнкѣ.

При непосильной тяжести всякаго рода службъ и повинностей, взваленныхъ Петромъ на подданныхъ во имя незримаго блага будущаго, многими чувствовалась нравственная тяжесть безправія, отсутствіе всякаго уваженія, если не къ личности, то даже къ тому, что привыкла уважать эта личность, въ чемъ видѣлъ москвичъ издревле идеальную, если не практическую гарантію своихъ правъ на призракъ свободнаго обывательства. Мы не хотимъ сказать, что москвичъ раньше чувствовалъ подъ собой болѣе устойчивую правовую почву. Но раньше самое безправіе облекалось въ привычныя, традиціонныя формы, и эти формы были своеобразной гарантіей, ограждавшей личность (кривосудіе, произволъ воеводъ, укрощаемые поклонами и посулами и т. п.); теперь формы права и безправія стали удивительно подвижны, законы и указы, учрежденія и должности создавались въ такомъ



Ге. Допросъ царевича Алексѣя Петровича. Музей Александра III.

изобиліи, противорѣча другъ другу, что приспособиться къ нимъ привыкшему къ устойчивой старинѣ-пошлинѣ москвичу не было возможности. Кромѣ того, въ старину всѣ злоупотребленія москвичъ приписывалъ невѣрнымъ слугамъ царя; зато въ послѣднемъ онъ видѣлъ хотя и далекую, но все же прочную свою „надежду“, отъ которой можно было, при желаніи, добиться правды и защиты: вотъ только трудно приблизиться къ неіі практически. Зато хотя въ мечтахъ можно было успокоить себя мыслью, что правда съ земли не ушла. Въ лицѣ Петра эта послѣдняя „надежда — православный царь“ умирала въ душѣ москвича, такъ какъ теперь самыя большія тяжести и самыя чувствительныя оскорбленія исходили, на глазахъ у всѣхъ, отъ этого центра старыхъ надеждъ и мечтаніи.

Это чувство безправія и безвыходноіі тревоги, свойственной времени Петра, лучше всего выразилъ отставноіі дьякъ Докукинъ въ написанноіі имъ прокламаціи, которую онъ намѣревался прибить у церкви.

Шеръ. Отреченіе царевича Алексѣя Петровича. (Румянцевскій музей).

„Зрите, — обращалъ вниманіе ех-дьякъ своихъ сограждан, — зрите, како мы отъ завистца и губителя своего діавола древляго нашего супостата здѣсь живущи на земли отъ онаго Божественнаго дара многія отрѣзаемы и свободноіі жизни лишаемы, гонимы изъ дому въ домъ, изъ мѣста въ мѣсто, изъ града въ градъ, оскорбляемы, озлобляемы, домовъ и торговъ, земледѣльства такожде и рукодѣльства и всѣхъ своихъ прежнихъ промысловъ пачежъ и христіанскихъ добрыхъ дѣлъ и всякаго во благочестіи живущихъ состоянія и грацкихъ издревлеуставленныхъ законовъ лишились, о суетныхъ своихъ дѣлехъ въ лестныхъ ученіихъ обычай свой измѣнили, слова и званіи нашего славянскаго языка и платья перемѣнили, главы и брады брили, персоны свои ругательски обезчестили; нѣсть въ насъ вида и доброты и разнствія съ иновѣрными языки, рыбныя ловли и торговыя и завоцкія промыслы отняты многія и вездѣ бѣдами погружаемы, на правежехъ стоя отъ великихъ и несносныхъ податеіі и... оброковъ нала-

гаемыхъ, и многія отъ того умерщвляеми, домы и приходы запустѣли, святыя церкви обѣтщали, древодѣлей и каменосѣчцовъ отгнали, плинѳы на созиданіе святыхъ Божіихъ церквей и домовъ дѣлать заказали на воздухъ, пути намъ къ жизни не указали и сами себѣ тамошняго пути не сыскали, а пришельцевъ иновѣрныхъ языковъ щедро и благоутробно за сыновленіе себѣ воспріяли и всѣми благими ихъ наградили, а христіанъ бѣдныхъ бьючи на правежехъ и съ податей своихъ гладомъ поморили и до основанія всѣхъ разорили... Вельми сердце ми болитъ, видя опустошенія Новаго Іерусалима и людъ въ бѣдахъ явленъ нестерпимыми язвами“.

Эта-то „скорбь и туга“, составлявшая лейтъ-мотивъ въ общественныхъ переживаніяхъ славнаго царствованія Петра, и была почвой, питавшей легенды о личности Петра, легенды „продерзостныя“, потому что онѣ не были только страшными разсказами, удовлетворявшими благочестивой потребности, а носили агитаціонно-протестующій характеръ противъ дѣятельности Петра. Въ этихъ легендахъ степенный москвичъ почерпалъ оправданіе не только для своихъ „скаредныхъ браней“ и „неистовыхъ словъ“, но толчки и къ „продерзостнымъ“ дѣламъ противъ Петра, который былъ обмѣнный нѣмецъ, льстивый антихристъ, все, что угодно, но только не настоящій царь: значитъ противъ него все позволено. И многіе втихомолку „посягали“, но въ большинствѣ случаевъ съ „негодными средствами“. Вынимали „слѣдъ“ изъ-подъ ногъ государя, чтобъ превратить вынутую землю въ кровь: „сколь-де скоро на государевъ слѣдъ ту кровавую землю выльемъ, столь-де скоро онъ живота своего гонзнетъ“, думала одна москвичка. Другіе пытались достать волосъ государя, чтобъ сдѣлать его милостивымъ; третьи съ таіной радостью разсуждали объ его болѣзни и учитывали возможность скорой смерти; одинъ фанатикъ, по свидѣтельству Штелина, даже проникъ въ кабинетъ Петра съ „превеликимъ ножомъ“ съ цѣлью „зарѣзать“ Петра „за обиды своей братіи и нашей вѣры“...

Пусть все это были трусливыя желанія и жалкія „покушенія съ негодными средствами“. Но они были грознымъ симптомомъ той степени оппозиціонной ненависти, когда она, при благопріятныхъ условіяхъ, изъ единичныхъ переживаній переходитъ въ массовый взрывъ. Это массовое броженіе и зачалось въ Москвѣ вокругъ царевича Алексѣя Петровича, ставшаго знаменемъ и центромъ, въ которомъ стихійно стягивались недовольные, сливая съ дѣломъ царевича свое дѣло, съ его личнымъ протестомъ свое общественное недовольство. Въ дѣлѣ царевича Алексѣя ярче всего сказалась истина, что „благодать Божія и въ немощахъ совершается“. Алексѣй Петровичъ по натурѣ своей вовсе не былъ способенъ къ какимъ бы то ни было активнымъ геройскимъ выступленіямъ, да еще противъ такого соперника, какъ Петръ Великій; тѣмъ не менѣе доходившіе до него отклики народнаго

неудовольствія и въ его робкой душѣ породили смѣлыя желанія насильственно избавиться отъ „ненавистнаго тирана“ и уничтожить всѣ его „богомерзкія дѣла“.

Ненависть эта была продуктомъ сложныхъ семейныхъ и общественныхъ отношеній. Царевичъ Алексѣй до девяти лѣтъ находился подъ надзоромъ своей матери Евдокіи Лопухиной, которая сразу же разошлась съ Петромъ въ его западническихъ выступленіяхъ. Семейныя столкновенія, кончившіяся трагическимъ заточеніемъ царицы въ суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь, не могли не наложить на душу юнаго Алексѣя нѣкотораго предубѣжденія противъ отца и его дѣла. Лишившись матери, царевичъ не могъ привязаться къ отцу, который сдалъ его сначала на руки саксонскаго генерала Карловича, а затѣмъ послѣдовательно двумъ иноземцамъ — Нейгебауеру и барону Гюйссену (Huyssen), а самъ интересовался имъ, поскольку письменно или лично провѣрялъ успѣхи своего сына.

Убѣдившись по личному опыту, какъ трудно быть активнымъ правителемъ государства для человѣка, не получившаго въ свое время надлежащаго образованія, Петръ требовалъ отъ сына не только усерднаго, но и добровольнаго обученія разнымъ наукамъ и упражненіямъ, строго взыскивая за небрежность и лѣнь, упорное нежеланіе учиться, что, кажется, въ избыткѣ проявлялъ Алексѣй Петровичъ. Плохо было и то, что Петръ, разлучивши сына съ матерью, не сумѣлъ устранить ея вліянія на царевича, который тѣмъ больше склоненъ былъ поддаваться этому вліянію, что вліяніе это отвѣчало его природѣ и исходило отъ близкаго лица, невинно страдавшаго въ глазахъ царевича, по волѣ того самаго человѣка, который былъ такъ взыскателенъ къ слабостямъ сына и своимъ поведеніемъ вызывалъ столько нареканій у близкихъ царевичу лицъ.

Насильственнымъ и, можетъ-быть, непосильнымъ заданіямъ отца Алексѣй Петровичъ противопоставлялъ упорное нежеланіе работать. Невольное путешествіе за границу, невольная женитьба на нѣмецкой принцессѣ, невольное участіе въ военныхъ упражненіяхъ, — все это порождало то чувство охлажденія и ненависти, которое разрослось подъ вліяніемъ сторонниковъ матери въ сочувствіе къ насильственному устраненію отца и привело, какъ извѣстно, къ трагической развязкѣ.

Правда, нерѣшительность, трусость и физическое отвращеніе къ какому бы то ни было усилію воли заставили Алексѣя Петровича бѣжать отъ соблазна, на который толкали его окружающіе, и бѣгствомъ царевичъ погубилъ дѣло своихъ ближайшихъ друзей, какъ и дѣло активнаго выступленія инстинктивно тянувшей къ нему оппозиціи.

Трагическая смерть царевича Алексѣя, присужденнаго сановниками къ смертной казни, вызывала у современниковъ и позднѣйшихъ поколѣній разнорѣчивые слухи и догадки. Одни утверждали, что царевичъ умеръ послѣ

пытки, въ которой участвовалъ самъ Петръ; другіе предполагали смерть отъ волненія; официальная версія гласила, что царевичъ „отъ кровяного пострѣла умеръ“. Въ Русской Старинѣ [1]) было напечатано письмо капитана гвардіи Александра Румянцева къ Д. И. Титову, въ которомъ авторъ, признавая себя участникомъ убійства царевича, въ живой драматической формѣ описываетъ это событіе. Въ виду выдающагося интереса, какой представляетъ изъ себя это признаніе, мы приводимъ изъ него выдержки. „Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ,—пишетъ Румянцевъ,—да канцлеръ графъ Головкинъ, да тайный совѣтникъ графъ Петръ Толстой, да я ему (царевичу) то осужденіе прочитали. Едва же царевичъ о смертной казни услышалъ, то зѣло поблѣднѣлъ и пошатался, такъ что мы съ Толстымъ едва успѣли подъ руки схватить и тѣмъ отъ паденія долу избавить. Уложивъ царевича на кровать и наказавъ охраненіе его слугамъ да лѣкарю, мы отъѣхали къ его царскому величеству съ рапортомъ, что царевичъ приговоръ свой выслушалъ, и тутъ же Толстой, я, генералъ-поручикъ Бутурлинъ и лейбъ-гвардіи майоръ Ушаковъ тайное приказаніе получили, дабы съѣхаться къ его величеству во дворецъ въ 1-мъ часу пополуночи. Недоумѣвая, ради коея вины сіе секретное собраніе будетъ, я прибылъ къ назначенному времени во дворецъ и былъ введенъ отъ дворцоваго камергера во внутренніе покои и даже увидѣлъ царя сидяща и вельми горююща, а вокругъ его стояли: царица Екатерина Алексѣевна, Троицкій архимандритъ Ѳеодосій отъ Александровскаго монастыря, его же царь зѣло уважая за духовника и добраго совѣтодателя имѣяти, да Толстой, да Ушаковъ, а не было только Бутурлина, но и тотъ пріѣздомъ не замедлилъ. А какъ о нашемъ прибытіи царю оповѣстили, ибо ему за многими слезами едва ли видно самому было, то его величество всталъ и, подойдя къ блаженному Ѳеодосію, просплъ у него благословеніе, на что сей рекъ: „Царю благій, помысли мало, да не каяться будеши“. А царь сказалъ: „Злу, отче святый, мѣра грѣховъ его, и всякое милосердіе отъ сего часа въ тяжкій грѣхъ намъ будетъ, и предъ Богомъ, и предъ славнымъ царствомъ нашимъ. Благослови мя, владыко, на указъ зѣло тяжкій моему родительскому сердцу и моли всеблагого Бога, да проститъ мое окаянство“.

---

[1]) „Русск. Стар.“, 1905 г., августъ, 410—416 стр.

Въ письмѣ чувствуется неподдѣльная живость впечатлѣнія очевидца событія, которая, впрочемъ, не устраняетъ нѣкоторыхъ сомнѣній въ его подлинности. Прежде всего бросается въ глаза дата письма. 26 іюня царевичъ былъ задушенъ, а 27 Румянцевъ уже пишетъ своему благодѣтелю подробное донесеніе (семь страницъ печатнаго текста), очень большихъ размѣровъ и хорошо отдѣланнымъ языкомъ. Затѣмъ непонятна рѣшимость ввѣрить „тайну“ бумагѣ, когда авторъ могъ удовлетворить любопытство своего „благодѣтеля“ устно, тѣмъ болѣе, что Д. И. Титовъ, повидимому, жилъ въ Петербургѣ, иначе такъ скоро Румянцевъ не могъ бы получить отъ него запроса, еслибы Титовъ жилъ въ другомъ городѣ. Приходится пожалѣть, что редакція журнала, печатая этотъ интересный документъ, не сообщила, доставленъ ли ей онъ былъ въ подлинникѣ или копіи, какъ этотъ документъ попалъ въ руки А. А. Карасева и пр. Безъ этихъ указаній пользоваться письмомъ, какъ документомъ, мы не рѣшаемся и приводимъ его, какъ версію слуховъ о смерти царевича.

Петръ Великій.

Съ портрета И. Купецкаго (1711 г.).

Тогда Θеодосій, воздѣвъ руки, помолился и благословилъ царя, глаголя: „Да будетъ воля твоя, пресвѣтлый государь, твори, яко же пошлетъ ти на разумъ сердцевидецъ Богъ“. Тогда царь приблизился къ намъ, въ недоумѣніи о волѣ его стоящимъ, и сказалъ: „Слуги мои вѣрные, во многихъ обстоятельствахъ испытанные! Се часъ наступилъ, да великую мнѣ и государству моему услугу сдѣлать; оный зловредный Алексѣй, его же сыномъ и царевичемъ срамлюся нарицати, презрѣвъ клятву, предъ Богомъ данную, скрылъ отъ насъ большую часть своихъ преступленій и общенниковъ, имѣлъ въ умѣ, да сіи послѣдніи о другомъ разѣ ему въ скверномь умыслѣ на престолъ нашъ пригодятся, мы, праведно негодуя за такое нарушеніе клятвы, надъ нимъ судъ нарядили и тамо открыли многія и премногія злодѣянія, о коихъ намъ и въ помышленіе придти не могло. Судъ тотъ, якоже и вы всѣ вѣдаете, праведно творя и на многіе законы гражданскіе и отъ Св. писанія указуя, его царевича достойно къ понесенію смертной казни осудилъ... Не хощу поругать царскую кровь всенародною казнію; но да совершится сей предѣлъ тихо и неслышно, якобы его умрети отъ естества предназначеннаго смертію. Идите и исполните, тако бо хощетъ законный вашъ государь и изволяетъ Богъ, въ его же державѣ мы вси есмы!“

„Сіе глаголаше, царь новыя тучи исполнился, и аще бы не утѣшенія отъ царицы да не слова въ иноцѣхъ блаженнаго Θеодосія, толикѣ яко презельная горесть велій ущербъ его царскому здоровью приключила бы. Не вѣдано, въ кое время и коимъ способомъ мы изъ царскаго упокоя къ крѣпостнымъ воротамъ достигли, ибо великость и новизна сего диковиннаго казуса весь умъ мой обуяла, и долго бы я оттого въ память не пришелъ, когда бы Толстой напамятованіемъ объ исполненіи царскаго указа меня не возбудилъ.

„А какъ прошли мы въ великія сѣни, то стоящаго тутъ часового опознавши, ему Ушаковъ, яко отъ дежурства начальникъ дворцовыя стражи, отойти къ наружнымъ дверямъ приказалъ, яко бы стукъ оружія недугующему царевичу безпокойство творя, вредоносенъ быть можетъ... И такъ во всемъ домѣ осталося лишь насъ четверо да единый царевичъ, и то спящій, ибо все сіе сдѣлалось съ великимъ опасательствомъ, да его безвременно не разбудятъ. Тогда мы елико возможно тихо перешли темные упокои и съ таковымъ же предостереженіемъ дверь опочивальни царевичевой отверзли, яко мало была освѣщена отъ лампады, предъ образомъ горящей, и нашли мы царевича спяща, разметавши одежды, якобы отъ нѣкоего соннаго и страшнаго видѣнія, да еще по времени и стонуща. А-бы и вправду недуженъ вельми, такъ что и св. причастія того дня вечеромъ, по выслушаніи приговора, сподобился страхомъ, да не умретъ, не покаявшись во грѣсехъ; съ поры его здравіе далеко лучше стало и по словамъ лѣкарей къ совершенному выздоровленію надежду крѣпкую подавалъ. И нехотяще никто изъ насъ его

мирно покоя нарушати, промежъ собою судяще, не лучше ли да его во снѣ смерти предать, и тѣмъ отъ лютаго мученія избавити. Обаче совѣсть на душу налегла, да не умретъ безъ молитвы (!). Сіе помысливъ и укрѣпясь силами, Толстой его, царевича, тихо толкнулъ, сказавъ: „Ваше царское высочество, возстаните!“ Онъ же, открывъ очеса и недоумѣвая, что сіе есть, сиде на ложницѣ и смотряще на насъ, ничего же отъ замѣшательства вопрошая. Тогда Толстой, приступивъ къ нему поближе, сказалъ: „Государь царевичъ, по суду знатнѣйшихъ людей земли русской ты приговоренъ къ смертной казни за многія измѣны государю, родителю твоему, и отечеству. Се мы, по его царскаго величества указу, пришли къ тебѣ тотъ судъ исполнить, того ради молитвою и покаяніемъ приготовься къ твоему исходу, ибо время жизни твоей близь есть къ концу своему“.

„Едва царевичъ сіе услышалъ, какъ вопль великій поднялъ, призывая къ себѣ на помощь, но изъ того успѣха не возымѣвъ, началъ горько плакатися и глаголя: „Горе мнѣ бѣдному, горе мнѣ, отъ царскія крове рожденному, не лучше ли мнѣ родитися отъ послѣднѣйшаго подданнаго?“ Тогда Толстой, утѣшая царевича, сказалъ: „Государь яко отецъ простилъ тебѣ всѣ прегрѣшенія и будетъ молиться о душѣ твоей, но, яко монархъ, онъ измѣнъ твоихъ и клятвъ нарушенія простить не могъ, боясь, не въ кое злоключеніе отечество свое повергнетъ чрезъ то, того для отверги вопли и слезы, единыхъ бабъ свойство, и пріими удѣлъ свой, якоже подобаетъ мужу царскихъ кровь и сотвори послѣднюю молитву объ отпущеніи грѣховъ своихъ“. Но царевичъ того не слушалъ, а плакалъ и хулилъ его царское величество, нарекалъ дѣтоубійцей. А какъ увидѣли, что царевичъ молиться не хочетъ, то, взявъ его подъ руки, поставили на колѣни, и одинъ изъ насъ, кто же именно, отъ страха не упомню, говоритъ за нимъ: „Господи! въ руцѣ твои предаю духъ мой;“ онъ же не говори того, руками и ногами прямися и вырваться хотяще. Тогда той же, мню, яко Бутурлинъ, рекъ: „Господи! упокой душу раба твоего Алексѣя въ селеніи праведныхъ, презирая пре-

Принцесса Шарлотта, жена царевича Алексѣя Петровича. (Романовская галлерея).

грѣшенія его, яко человѣколюбецъ“. И съ симъ словомъ царевича на ложу спиною повалиши, и, взявъ отъ возглавія два пуховика, главу его накрыли, пригнетая, дондеже движенія рукъ и ногъ утихли и сердце битеся перестало, что сдѣлалося скоро, ради его тогдашней немощи, и что онъ тогда говорилъ, того никто разобрать не могъ, ибо отъ страха близкія смерти ему разума потрясенія сталося.

„А какъ то совершилося, мы паки уложили тѣло царевича, якобы спящаго, и, помоляся Богу о душѣ, тихо вышли“ [1]).

Дѣло царевича Алексѣя было раскрыто какъ разъ въ тотъ моментъ, когда оно изъ тѣснаго кольца окружавшихъ царевича лицъ стало пускать свои корни въ массу. Въ этомъ мы можемъ убѣдиться изъ тѣхъ заявленій подъ часъ фанатическаго сочувствія царевичу Алексѣю, какое неоднократно высказывалось въ обществѣ и смѣло повторялось въ застѣнкѣ.

Въ 1718 г. Петръ потребовалъ у подданныхъ отреченія отъ наслѣдника Алексѣя Петровича и присяги своему второму трехлѣтнему сыну (отъ Екатерины) Петру Петровичу. 2 марта Петръ I былъ въ церкви. Во время богослуженія передъ нимъ явился старикъ и подалъ ему бумаги. Петръ принялъ ихъ и развернулъ первую: это былъ печатный экземпляръ присяги царевичу Петру Петровичу и отреченіе отъ царевича Алексѣя Петровича. Подъ присягою, гдѣ слѣдовало быть подписи присягающаго, написано было крючковатымъ, но четкимъ крупнымъ почеркомъ:

„Святымъ пречестнымъ Евангелію и животворящему Христову Кресту поклоняюся и лобызаю нынѣ и всегда за избавленіе моихъ грѣховъ и за охраненіе отъ тяжкихъ моихъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ; а за неповинное отлученіе и изгнаніе всероссійскаго престола царскаго Богомъ хранимаго государя царевича Алексѣя Петровича христіанскою совѣстью и судомъ Божіимъ и пресвятымъ Евангеліемъ не клянусь и на томъ животворящаго Креста Христова не цѣлую и собственною своею рукою не подписуюсь; еще къ тому и прилагаю малоизбранное отъ богословской книги Назіанзина могущимъ вняти въ свидѣтельство изрядное, хотя за то и царской гнѣвъ на мя произзліется, буди въ томъ воля Господа Бога моего Іисуса Христа, по волѣ Его святой за истину азъ рабъ Христовъ Иларіонъ Докукинъ страдати готовъ. Аминь, аминь, аминь“.

Раскольники по-своему объясняли трагедію царевича, выражая ему сочувствіе: „Царь—не прямой царь, а антихристъ; приводилъ царевича въ свое состояніе, и онъ его не послушалъ, и за то его и убилъ“...

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось „дѣло царевича“, въ которомъ московская оппозиція нашла знамя для своего выступленія, еслибы оно не было во-время раскрыто.

---

[1]) Языкъ этого письма вызываетъ основательныя сомнѣнія. По всей вѣроятности, оно—позднѣйшая поддѣлка. Р е д.

Мясоѣдовъ. Сожженіе протопопа Аввакума.

(Академія Художествъ.)

Мясоедов. Сожжение протопопа Аввакума.

(Академия Художеств.)

Тотъ интересъ, который всецѣло захватилъ Петра при розыскѣ этого дѣла, та жестокость, которую онъ проявилъ къ его ближайшимъ и отдаленнѣйшимъ участникамъ, а равно и къ лицамъ, выражавшимъ участіе много позже уже несуществующему царевичу, показываютъ, что Петръ въ этомъ дѣлѣ видѣлъ для себя такую же опасность, какую ему удалось уже разъ подавить въ лицѣ стрѣльцовъ, этой первой организованной оппозиціи Москвы противъ Петра. Не безынтересно отмѣтить, что именно въ трагедіи царевича Алексѣя фиксировался въ народномъ сознаніи образъ борьбы стараго съ новымъ.

Самыми ярыми выразителями оппозиціоннаго настроенія Москвы къ дѣламъ Петра были большею частью, выражаясь тогдашнимъ языкомъ, „подлые люди“: солдатская жена и квартирохозяйка, попъ да фанатикъ-„раскольщикъ“, дьячокъ да капитанъ съ монашескими наклонностями, захудалый помѣщикъ да отставной дьякъ,—вотъ приблизительно тѣ чины и званія, которые больше всего доставляли матеріаловъ для заплечныхъ работъ преображенскихъ мастеровъ. Что они громче и энергичнѣе всего кричали,—это понятно: „подлые люди“ острѣе всего чувствовали на себѣ гнетъ Петра.

Но эти чины и званія не составляли еще всей Москвы, ея самой вліятельной части.

Мы не слышимъ въ Преображенскомъ застѣнкѣ авторитетнаго голоса стараго боярства, помѣстнаго служилаго дворянства и высшихъ чиновъ „учительскаго класса“. Было ли ихъ молчаніе знакомъ согласія? Далеко нѣтъ! Высшее духовенство, какъ и старое боярство, имѣло хорошій практическій взглядъ и политическій опытъ отъ времени Грознаго и стрѣлецкаго бунта при Софьѣ вплоть до розыскныхъ дѣлъ Соковнина съ Пушкинымъ и царевича Алексѣя. Во всякомъ случаѣ, положеніе этихъ чиновъ при Петрѣ было сравнительно настолько хорошо, чтобы не желать промѣнять его на виску въ Преображенскомъ Приказѣ.

Въ частности высшее духовенство уже въ лицѣ патр. Адріана научилось искусству смирно „жить изъ-за куска, беречь мантіи и клобука бѣлаго“, какъ говорили современники. Англійскимъ купцамъ, изъявившимъ опасеніе, не будетъ ли патріархъ сопротивляться табачной продажѣ, Петръ сказалъ: „Не безпокойтесь: патріархъ при мнѣ блюститель только вѣры, а не табачный надзиратель“. Да и вѣроблюстительство его было Петромъ укорочено. Передъ началомъ казни стрѣльцовъ патр. Адріанъ поднялъ икону и пошелъ въ Преображенское печаловаться за обреченныхъ. Завидѣвъ патріарха, Петръ закричалъ ему: „Къ чему эта икона? Развѣ твое дѣло приходить сюда? Убирайся скорѣй и поставь икону на свое мѣсто. Быть-можетъ, я побольше тебя почитаю Бога и Пресвятую Богородицу. Я исполняю свою обязанность и дѣлаю богоугодное дѣло, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ...“ Патріархъ послѣ этого навѣкъ замолкъ. Замолкли и другіе

іерархи, для которыхъ позорная казнь архіеп. ростовскаго Досиѳея была наглядным̈ъ урокомъ, что санъ не спасетъ ихъ отъ Петра. Іерархи и подручное им̈ъ духовенство, когда „не могло молчать“, выражали свое оппозиціонное настроеніе много-много въ туманных̈ъ проповѣдяхъ, въ родѣ той, какую произнесъ Стефанъ Яворскій, говоря рабскимъ языкомъ о верблюдѣ, мутящемъ воду, чтобъ не видѣть своего безобразія, да въ формѣ пассивнаго сопротивленія, какое, напр., духовенствомъ было проявлено по отношенію къ указу Петра объ учрежденіи цыфирных̈ъ школъ.

Старое родовитое боярство при Петрѣ раскололось: часть поступила на службу Петру и перемѣшалась между „новыми людьми“; другая часть молчаливо доживала свои дни, довольная тѣмъ, что Петръ рѣдко обращалъ на них̈ъ свое насмѣшливое вниманіе, хотя и не выпускалъ их̈ъ изъ сферы своего полицейскаго наблюденія. Указъ боярамъ строить себѣ дома въ Петербургѣ едва ли мотивировался исключительно желаніемъ скорѣе застроить любимый „Парадизъ“: Петръ любилъ однимъ выстрѣломъ убивать нѣсколькихъ зайцевъ. Но молчаніе родовитаго московскаго боярства не было сердечным̈ъ согласіемъ его съ дѣлами Петра. Процессъ царевича Алексѣя показалъ, какое тяготѣніе къ этому дѣлу имѣли нѣкоторые родовитые бояре (кн. Долгорукій и др.). Еще ярче их̈ъ оппозиціонное настроеніе сказалось при рѣшеніи вопроса, кому быть наслѣдникомъ Петра. Только рѣшительное заявленіе гвардейских̈ъ офицеровъ, что они „голову разобьютъ старым̈ъ боярамъ“, если они будутъ подавать голосъ противъ Екатерины, спасло ей тронъ.

Царевичъ Алексѣй Петровичъ.
(По гравюрѣ Люддена и Вортмана).

Тѣмъ не менѣе, учрежденіе Верховнаго тайнаго совѣта было явною уступкой оппозиціонному боярству, молчавшему, пока уста их̈ъ сковывалъ страхъ передъ желѣзною волею Петра. Этотъ страхъ чувствовался въ Керженских̈ъ скитахъ не менѣе ощутимо, чѣмъ въ боярскомъ теремѣ, за стѣной московскаго монастыря и „на верху“ въ царской семьѣ. Сестра Петра, Екатерина Алексѣевна, писала своей наперсницѣ, повѣренной по открытію кладовъ, когда дѣло объ их̈ъ кладоискательствѣ попало къ Ромодановскому: „Пуще всего писемъ чтобы не поминала (соучастница); для Бога, ты этих̈ъ словъ никому не сказывай, о чемъ писано.—Не вѣрь ни въ чемъ никому, ни родному...“ „О чемъ и спрашиваютъ, и въ чемъ нѣтъ свидѣтелей, такъ нечего и говорить, чтобъ моего имени не поминали, и такъ намъ горько и безъ того...“

Въ этомъ всеобщемъ страхѣ, который пережилъ своего носителя, и нужно искать разгадку той парализованности и нерѣшительности, какую проявляли враги Петра, чувствовавшіе себя и свой мозгъ въ щупальцахъ того спрута, который сидѣлъ сначала въ Преображенскомъ застѣнкѣ, въ видѣ Ромодановскихъ, а потомъ, сверхъ того, и въ тайной канцеляріи Петербурга въ лицѣ гр. Петра Андр. Толстого и его клевретовъ. Но этотъ страхъ не долго продолжался, и уже черезъ 10—13 лѣтъ обнаружилась цѣна того молчанія, которымъ напутствовали высшіе слои русскаго общества дѣла Петра Великаго. „Память Петра I,—писалъ Фоккеродтъ въ 1737 году,—въ почтеніи только у простоватыхъ и низшаго званія людей (имъ было плохо и послѣ Петра) да у солдатъ, особливо у гвардейцевъ, которые не могутъ еще позабыть того значенія и отличія, какими они пользовались въ его царствованіе. Прочіе хоть и дѣлаютъ ему пышныя похвалы въ общественныхъ бесѣдахъ, но если имѣешь счастье коротко познакомиться съ ними, снискать ихъ довѣренность, они поютъ уже другую пѣсню... Большинство ихъ не только взваливаетъ на него самыя гнусныя распутства и самыя ужасныя жестокости, но даже утверждаетъ, что онъ не настоящій сынъ царя Алексѣя.

Царица Евдокія Ѳеодоровна (Лопухина).
Изъ „Русской Исторіи“ (изд. „Міра“).

„Объ его храбрости и прочихъ, приписываемыхъ ему, качествахъ у нихъ совсѣмъ другое понятіе, нежели какое составили о томъ за границей, и большей части его дѣлъ они даютъ очень странныя, не слишкомъ-то для него почетныя причины. Всѣ его новыя распоряженія и учрежденія они умѣютъ превосходно обращать въ смѣшную сторону; кромѣ того, Петербургъ и флотъ въ ихъ глазахъ мерзость... Да и заведеніе правильнаго (регулярнаго) войска, считаемое всѣмъ свѣтомъ за величайшую пользу, доставленную царству Петромъ I, для нихъ безполезно и вредно; безполезно по ихъ твердой увѣренности, что только бы они сами сидѣли смирно и не мѣшались безъ надобности въ ссоры, а то никто не нападетъ на нихъ изъ сосѣдей и что, во всякомъ случаѣ, довольно съ нихъ и старыхъ военныхъ порядковъ для удаленія врага отъ своихъ предѣловъ; вредно потому, что считаютъ правильно обученное войско новыми узами, которыя вполнѣ подчиняютъ ихъ самовластному произволу государя, какъ бы ни былъ онъ несправедливъ и странепъ, лишаютъ ихъ всякаго покоя и удовольствія, какими они могли бы наслаждаться на родинѣ, и принуждаютъ

ихъ служить на воїнѣ, которая въ подобномъ случаѣ, по мнѣнію ихъ, великая бѣда, а для тѣхъ, которые служатъ тутъ по доброй волѣ, — большая глупость.

„Ихъ разсужденія объ этомъ предметѣ своеобразны. Если приведешь имъ на умъ примѣръ другихъ европейскихъ народовъ, у которыхъ дворянство ставитъ себѣ въ величайшую почесть отличаться военными заслугами, они отвѣчаютъ: „Много примѣровъ такого рода доказываютъ только то одно, что на свѣтѣ больше дураковъ, чѣмъ разсудительныхъ людей. Коли вы, чужеземцы, можете жить для себя, а со всѣмъ тѣмъ подвергаетесь изъ пустой чести потерѣ здоровья и жизни, и въ этомъ только и ставите такую честь, такъ покажите намъ разумную причину такого поведенія. Вотъ коли вы изъ нужды служите, тогда можно извинить васъ, да и пожалѣть. Богъ и природа поставили насъ въ гораздо выгоднѣйшія обстоятельства, только бы не мутили нашего благоденствія иноземныя затѣи. Земля наша такая обширная, а нивы такія плодородныя, что ни одному дворянину не съ чего голодать, сиди онъ только дома, да смотри за своимъ хозяйствомъ. Какъ ни маловато его имѣніе, хотя бы и самъ онъ долженъ былъ ходить за сохой, ему все же лучше, чѣмъ солдату. Ну, а кто мало-мальски зажиточенъ, тотъ пользуется всѣми утѣхами, какихъ можетъ желать съ разсудкомъ: вдоволь у него и пищи, и питья, одежи, челяди, повозокъ; тѣшится онъ, сколько душѣ угодно, охотой и всѣми другими забавами, какія бывали у его прадѣдовъ... Теперь послѣ того, какъ вы-то, иностранцы, внушили нашему государю такія правила, что войско слѣдуетъ держать всегда, въ мирную и военную пору, намъ ужъ нечего и помышлять о такомъ покоѣ... Только что замирились, думаютъ ужъ опять о новой войнѣ, у которой зачастую и причины то другой нѣтъ, кромѣ самолюбія государя, да еще его близкихъ слугъ. Въ угоду имъ не только разоряютъ не на животъ, а на смерть, нашихъ крестьянъ, да и мы-то сами должны служить, да и не такъ еще, какъ въ старину, пока идетъ война, а многіе годы къ ряду жить вдалекѣ отъ своихъ домовъ и семействъ, входить въ долги, между тѣмъ отдавать свои помѣстья въ варварскія руки нашихъ чиновниковъ, которые заурядъ такъ ихъ доймутъ, что, когда, наконецъ, придетъ такое благополучіе, что насъ по старости, али по болѣзни, уволятъ, намъ и всю жизнь не поправить своего хозяйства... Земля наша довольно велика, и потому распространять ее не для чего, а развѣ только населять. Завоеванія, сдѣланныя Петромъ I, не даютъ Россіи ничего такого, чего бы не имѣла она прежде, не умножаютъ и нашу казну, но еще стоятъ намъ гораздо дороже, чѣмъ приносятъ дохода. Они не прибавляютъ безопасности нашему царству, а еще впередъ, пожалуй, сдѣлаютъ то, что мы станемъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, мѣшаться въ чужія ссоры, и никогда не останемся въ барышахъ отъ того. Потому-то Петръ I навѣрное ужъ поступилъ бы гораздо умнѣе, еслибы милліоны людей, кото-

рыхъ стоили шведская война и основаніе Петербурга, оставилъ за сохою дома, гдѣ недостатокъ въ нихъ слишкомъ ощутителенъ. Старинные цари хоть и дѣлали завоеванія, да только такихъ земель, владѣніе которыми необходимо для царства, или откуда насъ безпокоили разбои. Кромѣ того, они давали намъ пользоваться плодами нашихъ трудовъ, поступали съ побѣжденными, какъ съ побѣжденными, дѣлили между дворянствомъ ихъ земли: а на мѣсто того ливонцы чуть у насъ на головахъ не пляшутъ и пользуются бо́льшими льготами, чѣмъ мы сами, такъ что изо всего этого завоеванія не выходитъ намъ никакой другой прибыли, кромѣ чести оберегать чужой народъ на свой счетъ да защищать его своею же кровью".

Эта испепеляющая критика дѣлъ Петра, принадлежащая, по всѣмъ видимостямъ, служилому помѣстному дворянству—„шляхетству", можетъ служить восполненіемъ того пробѣла, который у насъ невольно получился при характеристикѣ отношеній къ Петру разныхъ группъ оппозиціоннаго центра. Въ застѣночныхъ актахъ служилое дворянство не оставило своихъ слѣдовъ, можетъ быть, потому, что слишкомъ занято было петровскими маршами, а, можетъ, и потому, что военный регламентъ Петра научилъ „шляхетство" беречь свои головы и помѣстья не меньше, чѣмъ духовный регламентъ—беречь духовные клобуки и приходы...

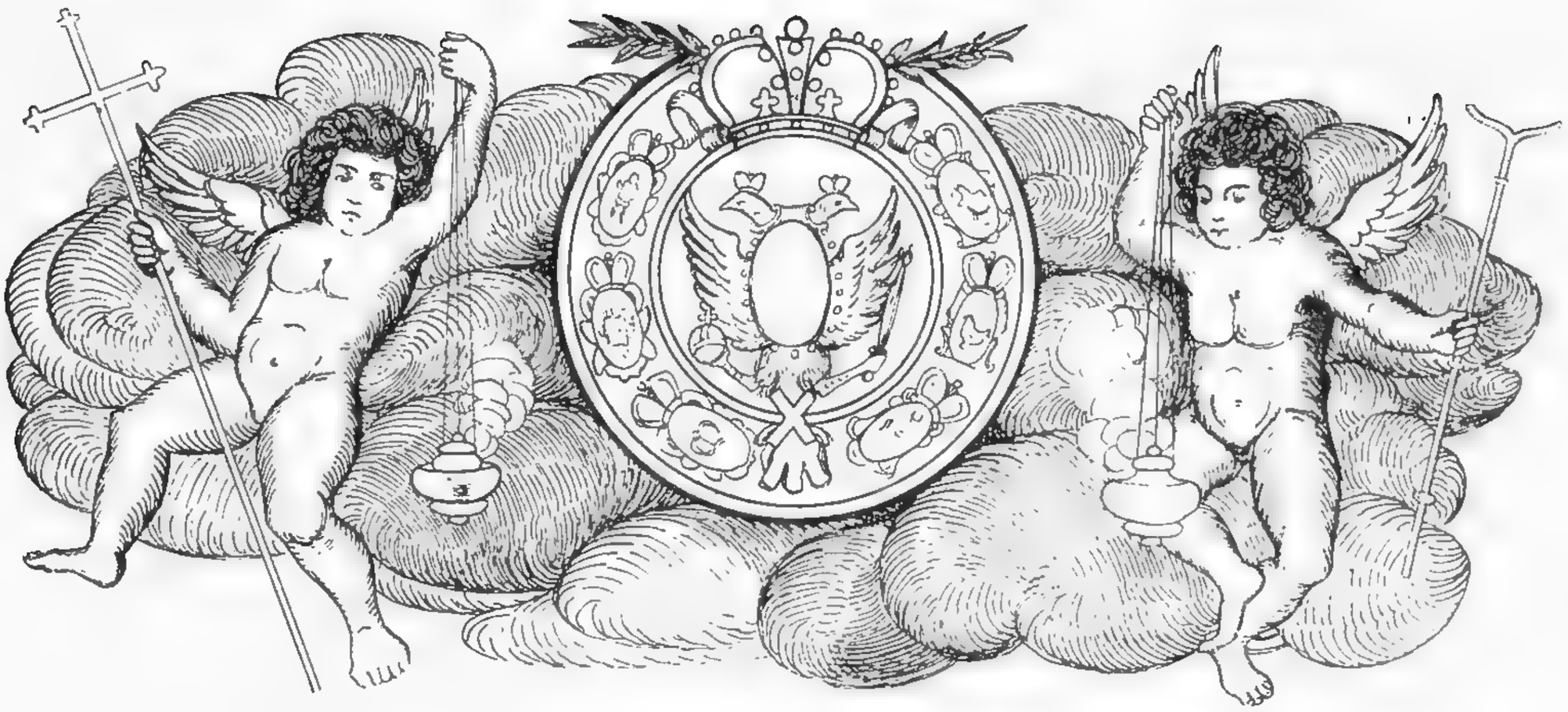
Съ не меньшею запальчивостью подводила итоги дѣяній Петра Великаго народная сатира, создавшая въ аллегорическомъ изображеніи „погребеніе кота мышами"—символическую оцѣнку кончившагося царствованія. Въ этомъ отношеніи народное творчество шло противъ Петра по стопамъ Петра, который при жизни былъ большой мастеръ изображать свои успѣхи и неудачи враговъ въ грубовато-наивныхъ, но общедоступныхъ аллегоріяхъ и эмблемахъ.

Безчисленное количество изданій, которое выдержала сатира-картинка „какъ мыши кота погребали", говоритъ за ея популярность и сочувствіе къ ней въ широкихъ демократическихъ слояхъ общества. Въ ея герояхъ трудно не узнать Петра, близкихъ къ нему лицъ, сотрудниковъ и „безчиннаго" ихъ поведенія, съ старо-московской точки зрѣнія. Царскій титулъ покойнаго „кота" ясно вскрывается въ его характеристикѣ: „котъ Казанскій, умъ Астраханскій, разумъ Сибирскій, усы, какъ у турка"... Въ сатирѣ точно вскрывается и день смерти Петра: „въ сѣрый (зимній) четвергъ въ шесто-пятое число" (Петръ скончался въ январѣ, въ четвергъ, въ шестомъ часу утра). Не безъ цѣли показываетъ сатира и знакомую народу „одноколку", обычный экипажъ покойнаго кота. Въ котовой вдовѣ, „чухонкѣ-адмиральшѣ Маланьѣ" нельзя не узнать Екатерину Первую. Демократическая сатира оцѣниваетъ въ дѣлахъ Петра не ту сторону, которая подверглась испепеляющей критикѣ дворянства, болѣе всего затронутаго государственными преобразованіями Петра. И въ этомъ можетъ-быть кроется одно изъ доказа-

тельствъ, что государственныя реформы Петра были согласованы съ коренными запросами народной жизни, и самая тяжесть ихъ была какъ бы въ привычномъ порядкѣ вещей. Но зато удостоилась удвоеннаго вниманія сатирическаго народнаго творчества другая сторона дѣяній Петра Великаго, — все то, что шло въ нихъ въ разрѣзъ съ старо-московскими бытовыми устоями, что казалось безсмысленнымъ новаторствомъ и въ корень расходилось съ привычными формами и проявленіями народной жизни. Брадобритіе, табакокуреніе, клеймленіе рекрутовъ-новобранцевъ, необычное введеніе музыки въ церковный обрядъ погребенія; принудительное плетеніе лаптей, всепьянѣйшій соборъ, засилье иноземцевъ и иноземщины,— все, чѣмъ своеобразна была окружавшая Петра атмосфера, бичуется въ колкой сатирѣ, какъ богомерзкое и безчинное поведеніе распутнаго Кота. Это какъ разъ та сторона Петровскихъ реформъ, которая больше всего бросалась въ глаза современнику и въ глазахъ послѣдующихъ поколѣній казалась ненужнымъ увлеченіемъ великаго дѣятеля на тронѣ.

Съ этой точки зрѣнія сатира „какъ мыши кота погребали“ является не только злобной ироніей надъ тяжелою дѣятельностью Петра, но и вполнѣ здоровой, нормальной оцѣнкой ея слабыхъ сторонъ, и въ то же время веселымъ итогомъ тѣхъ скорбныхъ рѣчей, которыя во время жизни Петра съ стономъ неслись съ трибуны современной Петру оппозиціи, изъ Преображенскаго застѣнка.

В. Улановъ.



„Птенцы Петровы“.

I.

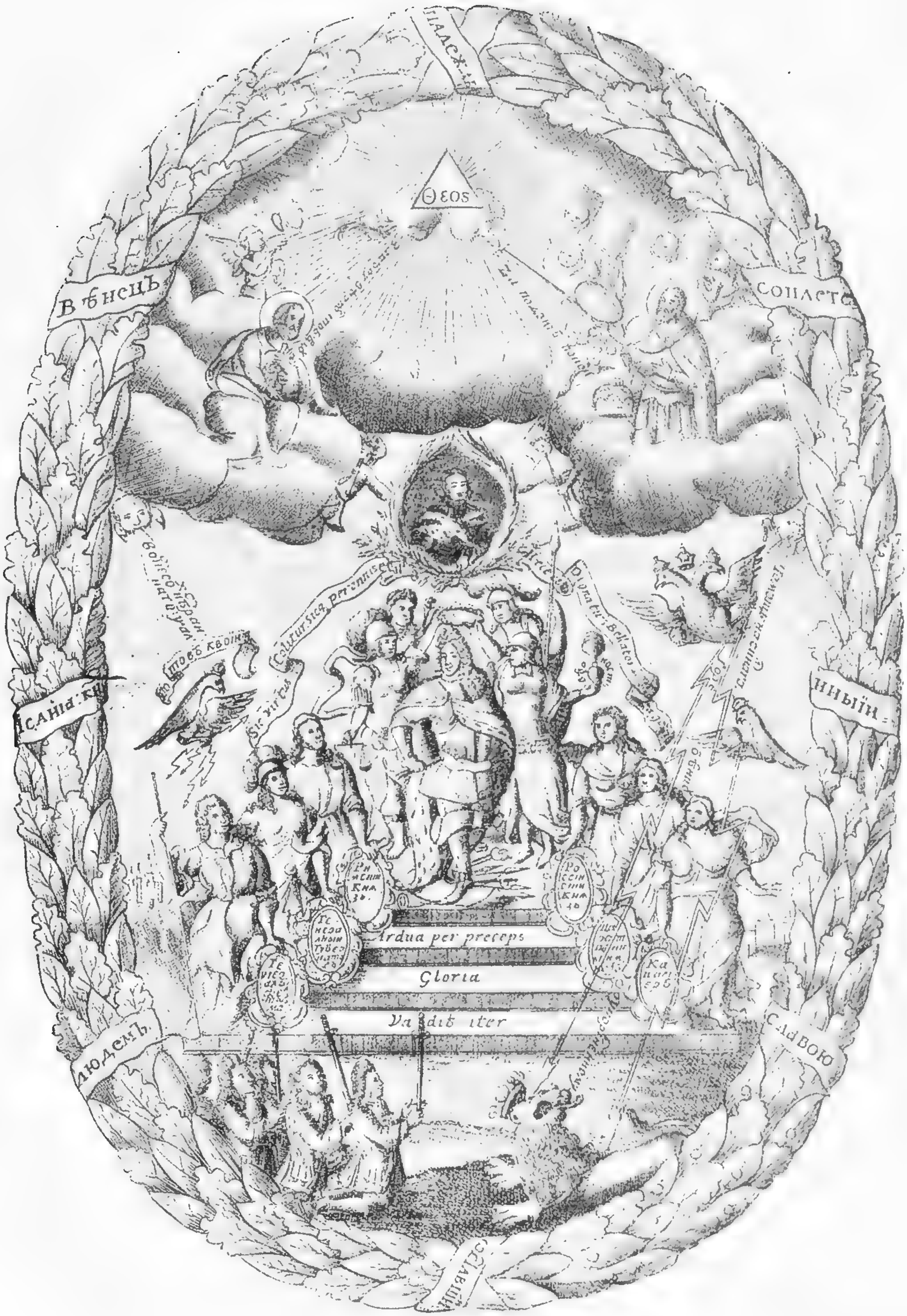
Сохранилось преданіе, записанное Остерманомъ, будто Петръ Великій однажды сказалъ: „Намъ нужна Европа на нѣсколько десятковъ лѣтъ, а потомъ мы къ ней должны повернуться задомъ“. Эти слова вѣрно передаютъ отношеніе Преобразователя Россіи къ Западной Европѣ: онъ не былъ слѣпымъ подражателемъ Запада и искалъ сближенія съ Европой не для того, чтобы сдѣлать Россію Франціей или Германіей, а для того, чтобы, воспользовавшись ея многовѣковымъ опытомъ, ускорить естественный ростъ Россіи. Петра Великаго можно назвать западникомъ въ томъ смыслѣ, что онъ не признавалъ за каждымъ народомъ (и за Россіей въ томъ числѣ) особаго провиденціальнаго предназначенія въ ходѣ всемірной исторіи. Но, стоя на точкѣ зрѣнія общности развитія всѣхъ народовъ, онъ вовсе не былъ принципіальнымъ противникомъ русскихъ началъ жизни, не считалъ Западъ во всемъ лучше Россіи. Онъ былъ русскимъ человѣкомъ не менѣе своихъ предшественниковъ, но онъ только яснѣе ихъ сознавалъ отсталость культурнаго развитія Россіи и сумѣлъ лучше и быстрѣе найти средства для ускоренія ея естественнаго роста. Какъ говоритъ проф. Ключевскій [1]), „ре-

[1]) „Курсъ русской исторіи“, ч. IV, стр. 291.

форма, совершонная Петромъ Великимъ, не имѣла своей прямой цѣлью перестраивать ни политическаго, ни общественнаго, ни нравственнаго порядка, устраивавшагося въ этомъ государствѣ, не направлялась задачей поставить русскую жизнь на непривычныя ей западно-европейскія основы, внести въ нее новыя заимствованныя начала, а ограничивалась стремленіемъ вооружить русское государство и народъ готовыми западно-европейскими средствами, умственными и матеріальными, и тѣмъ поставить государство въ уровень съ завоеваннымъ имъ положеніемъ въ Европѣ, поднять трудъ народа до уровня проявленныхъ имъ силъ".

Въ числѣ средствъ, при помощи которыхъ Петромъ осуществлялась его реформа, однимъ изъ главныхъ и трудныхъ было подысканіе штата сотрудниковъ. Петръ искалъ и находилъ ихъ вездѣ — и въ Россіи, и на Западѣ, не справляясь съ ихъ метриками, какъ онъ мало задумывался надъ происхожденіемъ своей рѣчи, и бралъ всякое слово, вѣрно передающее его мысль. Благодаря этому вокругъ Петра собрались люди самыхъ разнообразныхъ національностей: „авантюристъ изъ Женевы" французъ Лефортъ, шотландецъ Патрикъ Гордонъ, нѣмецъ Остерманъ, выходецъ изъ Литвы Ягужинскій и цѣлая плеяда русскихъ именъ; всѣмъ имъ нашлось мѣсто и дѣло. Не выдвигая иностранцевъ на самыя первыя мѣста въ управленіи (за исключеніемъ Лефорта, умершаго въ 1699 г.), онъ не держалъ ихъ въ тѣни и возвышалъ не менѣе быстро, чѣмъ русскихъ сотрудниковъ: Девіеръ, пріѣхавшій въ Петербургъ юнгой на португальскомъ кораблѣ, кончилъ свою карьеру петербургскимъ генералъ-полицмейстеромъ; названный уже Ягужинскій, по тогдашнимъ разсказамъ, пасшій въ Литвѣ свиней, сталъ первымъ генералъ-прокуроромъ Сената, а сидѣлецъ въ лавочкѣ Шафировъ дослужился до баронскаго титула и званія вице-канцлера. Такая быстрая карьера привлекала все новыхъ людей, и ряды сотрудниковъ Петра не рѣдѣли.

Не обращалъ вниманія Петръ и на соціальное положеніе своихъ „птенцовъ": пирожникъ Алексашка Меншиковъ, дворянинъ Петръ Андреевичъ Толстой, бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ,—всѣхъ ихъ мы видимъ въ рядахъ ближайшихъ сподвижниковъ преобразователя. Благодаря всему этому, національный и соціальный составъ „гнѣзда Петрова" былъ чрезвычайно разнообразенъ, а, тѣмъ не менѣе, оно было именно однимъ „гнѣздомъ". Петръ сумѣлъ сгладить всѣ различія, всѣ противорѣчія, заставилъ всѣхъ служить одной цѣли. Онъ не спрашивалъ приходившаго къ нему: „Кто твой отецъ", а задавалъ вопросъ: „Что ты умѣешь дѣлать?" и сразу вводилъ новичка въ работу. Чѣмъ достигъ Петръ Великій того, что его „птенцы" сладились въ одну компанію, дѣлали одно общее дѣло? Далъ ли онъ имъ идейную связь, которая спаяла ихъ въ одно тѣло? Судьба реформъ Петра показываетъ, что такой идейной связи среди его сотрудниковъ не было. Едва



Апоѳеозъ кн. А. Д. Меншикова.

(По старинной русской гравюрѣ).

скончался Преобразователь, какъ его „птенцы“ вылетѣли изъ общаго гнѣзда и „побрели розно“. Личные счеты, имѣвшіе мѣсто и раньше, но сдержпваемые руководителемъ-царемъ, теперь рѣзко выступили на первый планъ, и борьба идетъ не за идеи, не за общее, казалось бы, для нихъ дѣло, а за личные интересы. Тутъ и обнаружилось, что они служили больше лицу, чѣмъ дѣлу, и какъ дѣти, оставшись безъ воспитателя, передрались изъ-за того, что мирно дѣлили раньше. Наиболѣе видные изъ петровскихъ дѣльцовъ, вошедшіе въ правительство его преемницы, немедленно принимаются за ликвидацію того, что оставилъ имъ ихъ учитель, сводя на этой почвѣ свои личные счеты, такъ какъ оказалось, что у нихъ нѣтъ ни силъ, ни желанія докончить „недостроенную храмину“, какъ Меншиковъ называлъ тогдашнюю Россію. Наиболѣе существенныя реформы Петра были или отмѣнены, или сужены, такъ какъ, по вѣрному выраженію Павлова-Сильванскаго [1]), „нельзя не замѣтить, что, рѣзко критикуя реформу, они не дорожатъ ея основаніемъ, мало сочувствуютъ ей вообще и даже нерѣдко не вполнѣ ее понимаютъ“. Всего черезъ $1^1/_2$ года послѣ смерти Петра они уже поднимаютъ вопросъ объ уничтоженіи введенной имъ провинціальной администраціи, упраздняютъ институтъ фискаловъ, многимъ изъ нихъ досадившій при Петрѣ, закрываютъ мануфактуръ-коллегію для того, чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ замѣнить ее особой конторой при Сенатѣ съ тѣмъ же кругомъ дѣлъ, и т. п. Предсѣдателемъ этой ликвидаціонной комиссіи является свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, ближайшій другъ Петра, всѣмъ ему обязанный, и только гр. П. А. Толстой вносилъ нѣкоторый диссонансъ въ компанію ликвидаторовъ, отстаивая Петровскую реформу. Что же тогда соединяло ихъ при Петрѣ? Энергія царя, который умѣлъ дать работу самымъ разнообразнымъ силамъ въ общемъ дѣлѣ, умѣлъ сгладить противорѣчія и столкновенія личныхъ интересовъ, его вѣра въ свое дѣло, его собственная дѣятельность. Какъ говоритъ проф. Ключевскій, „Петръ, воспитывая себѣ дѣльцовъ, самымъ обхожденіемъ съ ними, требованіями служебной дисциплины, собственнымъ примѣромъ, наконецъ, уваженіемъ къ таланту и заслугамъ хотѣлъ, чтобы его сотрудники ясно видѣли, во имя чего онъ требуетъ отъ нихъ такихъ усилій“. Но такъ какъ въ конечномъ счетѣ именно личность Петра соединяла его сподвижниковъ, то, какъ только не стало Петра, порвались и связи между ними. Хотя „птенцы Петровы“ и сидѣли въ одномъ гнѣздѣ, но они далеко не чувствовали себя близкими родственниками, а, въ лучшемъ случаѣ, дѣтьми одного отца отъ разныхъ матерей. Привыкнувъ служить лицу, а не обществу, они оказались послѣ смерти Петра въ затруднительномъ положеніи: вмѣсто одного лица, теперь оказалось нѣсколько, между которыми нужно было выбирать. Но такъ какъ и

---

[1]) „Очерки по русской исторіи XVIII—XIX вв.“, стр. 378.

эти лица боролись между собоїй за власть не на принципіальноїй основѣ (лишь позже кандидатура Елизаветы Петровны выдвигалась, какъ противовѣсъ нѣмецкимъ кандидатамъ на престолъ, неспособнымъ продолжать дѣло Петра, а сама она потомъ всегда старалась подчеркнуть связь своего царствованія съ реформоїй ея отца), то и сотрудники Петра рѣшали вопросъ „кому служить?“ лишь на почвѣ личной выгоды и интереса; поэтому мы не видимъ между ними партій „за реформы Петра“ и „противъ реформъ Петра“, а видимъ сторонни-

ковъ Екатерины, Петра, Елизаветы и т. д. Въ этомъ отношеніи Петръ Великій на много опередилъ своихъ сотрудниковъ, поставивъ цѣлью своей дѣятельности служеніе государству и требуя службы не себѣ, а Россіи, но ему почти не удалось добиться того, чтобы „сотрудники его ясно видѣли, во имя чего онъ требуетъ отъ нихъ такихъ усилій“: они гораздо яснѣе сознавали, во имя кого они служатъ.

Кн. А. Д. Меншиковъ. (Музей Александра III).

Умѣя находить нужныхъ ему людей, Петръ умѣлъ понять каждаго изъ нихъ, и всякому давалъ работу по его силамъ. Поэтому каждый изъ его „птенцовъ“ сидѣлъ въ сущности на своемъ мѣстѣ, и среди нихъ не было бездѣльниковъ — да и нельзя было при Петрѣ залѣниться. Но чѣмъ руководствовался Петръ при выборѣ своихъ сотрудниковъ, что онъ прежде всего цѣнилъ въ людяхъ, какую мѣрку къ нимъ прилагалъ? Біографіи всѣхъ его „птенцовъ“ показываютъ, что онъ прежде всего цѣнилъ въ людяхъ дѣловитость, практическую самостоятельность и сноровку, а затѣмъ — преданность дѣлу и себѣ и правдивость; послѣдней онъ требовалъ не столько изъ нравственныхъ соображеній, изъ-за нелюбви ко лжи вообще, сколько изъ соображеній дѣловыхъ, практическихъ; самъ сознаваясь въ своихъ ошибкахъ

п на нихъ учась, онъ того же требовалъ отъ своихъ сотрудниковъ. Однажды членъ Адмиралтейской коллегіи Григорій Петровичъ Чернышевъ и адмиралъ Змаевичъ дали такой совѣтъ молодому Неплюеву (бывшему потомъ резидентомъ въ Константинополѣ), указывая, какъ можно сохранить расположеніе царя: „Будь исправенъ, будь проворенъ и говори правду, — сохрани тебя Боже солгать, хотя бы что и худо было; онъ больше разсердится, если солжешь“. Многое Петръ прощалъ своимъ сподвижникамъ, если они удовлетворяли такимъ требованіямъ: прощалъ пропзволъ, жестокость, взяточничество и даже казнокрадство, которое онъ считалъ бо́льшимъ порокомъ, чѣмъ взяточничество, такъ какъ отъ послѣдняго страдали частныя лица, а отъ перваго — казна. Все это и объясняетъ намъ невысокій моральный уровень „птенцовъ Петровыхъ“. Обрядивъ ихъ въ европейское платье и задавъ имъ трудную и большую работу, Петръ не могъ или не сумѣлъ сдѣлать ихъ лучше въ нравственномъ отношеніи. Ловкіе, предпріимчивые и подчасъ смѣлые дѣльцы, они надѣлены крупными нравственными недостатками. Одинъ ихъ общій порокъ — воровство, указалъ еще Ягужинскій. Однажды императоръ, слушая въ Сенатѣ дѣла о казнокрадствѣ, сильно разсердился и сказалъ генералъ-прокурору Ягужинскому: „Напиши именной указъ, что если кто и на столько украдетъ, что можно купить веревку, то будетъ повѣшенъ“. „Государь,— отвѣчалъ Ягужинскій,— неужели вы хотите остаться императоромъ безъ служителей и подданныхъ? Мы всѣ воруемъ, съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ больше и примѣтнѣе, чѣмъ другой“. Петръ разсмѣялся и ничего не сказалъ на это.

Невоздержанность въ проявленіи своихъ чувствъ (выражаясь мягко)— другой ихъ общій порокъ; они не знаютъ сдержки своимъ страстямъ и не умѣютъ жить въ обществѣ; они не уважаютъ человѣческой личности въ своихъ противникахъ, они такіе же самодуры, какъ ихъ предки временъ „Домостроя“; драка и брань — самыя обычныя явленія ихъ житейскаго обихода. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи не выше стоялъ и ихъ учитель. Поставивъ цѣлью своей дѣятельности служеніе благу государства, Петръ не допускалъ иного пониманія этого блага, кромѣ своего, и мало считался со вкусами, привычками и взглядами своихъ подданныхъ. Идея государства въ его міровоззрѣніи вполнѣ поглощала идею индивидуальной личности, и сомнѣній въ правильности такой точки зрѣнія не допускалось. Всякое проявленіе оппозиціи онъ жестоко каралъ. Его „птенцы“ шли по стопамъ учителя, съ той лишь разницей, что они общіе интересы приносили въ жертву своимъ личнымъ; другими словами, они хорошо усвоили методы воспитанія, исказивши или не понявши его цѣлей. А методы Петровскаго воспитанія, дѣйствительно, были суровы. Наиболѣе часто въ своей педагогической практикѣ онъ прибѣгалъ къ знаменитой дубинкѣ; не было, кажется, вельможи, по спинѣ котораго не прошлась бы эта дубинка; не разъ испытывалъ

ея воздѣйствіе и самъ свѣтлѣйшій князь ижорскій фельдмаршалъ Александръ Даниловичъ Меншиковъ. По остроумному замѣчанію проф. Ключевскаго, Петръ признавалъ за своей дубинкой „большія педагогическія способности и считалъ ее своей неизмѣнной помощницей въ дѣлѣ политическаго воспитанія своихъ сотрудниковъ, хотя зналъ, какъ трудна ея задача при неподатливости наличнаго воспитательнаго матеріала“. Впрочемъ, лишь подававшія надежду на исправленіе и наиболѣе близкія къ царю лица знакомились съ этимъ средствомъ Петровской педагогики. Люди безнадежные и впавшіе въ немилость зачислялись уже въ разрядъ преступниковъ и часто платились своими головами. Особенно много пострадало за казнокрадство. Сибирскій генералъ-губернаторъ кн. Гагаринъ былъ повѣшенъ, петербургскаго вице-губернатора Корсакова послѣ пытокъ публично высѣкли кнутомъ; схваченнымъ вмѣстѣ съ нимъ сенаторамъ кн. Волконскому и Опухтину публично жгли языки раскаленнымъ желѣзомъ; вице-канцлеръ баронъ Шафировъ былъ снятъ съ плахи и отправленъ въ ссылку, одинъ слѣдователь по дѣламъ о казнокрадствѣ разстрѣлянъ. Конечно, такія мѣры воздѣйствія не могли содѣйствовать воспитанію общественныхъ нравовъ: нѣсколько запугивая общество, онѣ не перерождали его, и зло не исчезало. Поэтому Петръ, жестоко карая казнокрадство, не вывелъ его изъ русской жизни. Но Петръ жестоко каралъ и вообще всякое ослушаніе своей волѣ. Общеизвѣстны, напримѣръ, штрафы, установленные имъ за неносѣщеніе ассамблей, маскарадовъ и другихъ увеселеній, или за нарушеніе правилъ, введенныхъ для такихъ случаевъ. Отъ штрафа не спасало ничто. Такъ, напримѣръ, въ 1721 г. онъ праздновалъ заключеніе Ништадтскаго мира. Жена фельдмаршала Олсуфьева, родомъ нѣмка, ожидавшая рожденія ребенка, не явилась на маскарадную процессію, гулявшую болѣе трехъ недѣль по Петербургу. За это она должна была явиться въ сенатъ съ 30 другими дамами, чтобы выпить штрафное количество вина, при чемъ

Князь-кесарь Ѳ. Ю. Ромодановскій.
(По гравюрѣ Бекетова).

для усиленія наказанія къ вину подмѣшивали водку. Олсуфьева обратилась за помощью къ Екатеринѣ, чтобы избавиться этъ этого наказанія, но не помогло и вмѣшательство императрицы, такъ какъ Петръ отвѣтилъ, что снисхожденіе къ нѣмкѣ усилитъ непріязнь русскихъ къ иностранцамъ. На другой день у Олсуфьевой родился мертвый ребенокъ, но сама она осталась жива. Дисциплину въ войскѣ онъ поддерживалъ тоже жестокостью, часто грозя, напримѣръ, въ своихъ письмахъ казнью (по жребію одного изъ 10) или каторгой. Угрозъ: „шеею заплатишь“, „безъ головы будешь“, не избѣжалъ, напр., и князь Репнинъ. Но все было напрасно. По словамъ проф. Ключевскаго, „въ послѣдніе годы жизни Петръ издалъ рядъ указовъ, проникнутыхъ необычнымъ ему настроеніемъ. Это не краткіе и рѣзкіе приказы, а многословныя, расплывчатыя поученія, въ которыхъ авторъ и жалуется на общую служебную распущенность, и скорбитъ о пренебреженіи указовъ, грозящемъ государству конечнымъ паденіемъ, подобно греческой монархіи“. Однако въ то же время Петръ, повидимому, еще не извѣрился въ спасительную силу жестокихъ каръ для исправленія общества и своихъ „птенцовъ“. По крайней мѣрѣ, на вопросъ оберъ-фискала Мякинина, докладывавшаго ему дѣла о казнокрадствѣ, „обрубать ли только сучья, или положить топоръ на самые корни“, Петръ отвѣтилъ: „Рубите до тла“.

II.

Окидывая взоромъ ряды сотрудниковъ Петра, мы не можемъ не сказать: какая смѣсь племенъ, нарѣчій, состояній! Вотъ одинъ изъ первыхъ его „птенцовъ“, веселый гуляка, щеголь и кавалеръ Лефортъ, человѣкъ невѣжественный, но мастеръ по устройству пировъ и увеселеній и самъ ихъ дѣятельный участникъ, „дебошанъ французскій“, по словамъ кн. Куракина; безпринципный и пустой, но преданный Петру; хитрый и ловкій, онъ сумѣлъ снискать его расположеніе и сдѣлался первымъ адмираломъ новорожденнаго русскаго флота. Послѣ взятія Азова Петръ устроилъ торжественный въѣздъ въ Москву. Лефортъ, изображавшій въ данномъ случаѣ какъ бы римскаго тріумфатора, былъ ввезенъ въ столицу на колесницѣ, сдѣланной наподобіе морской раковины, блиставшей золотомъ и лазурью и украшенной изображеніями тритоновъ, наядъ и проч.; колесница была запряжена шестеркой прекрасно убранныхъ лошадей, а Лефортъ сидѣлъ въ ней въ бѣломъ мундирѣ, шитомъ золотомъ, съ жезломъ въ рукѣ.

Рядомъ съ Лефортомъ кажется совсѣмъ невзрачнымъ, тусклымъ сынъ вестфальскаго пастора Остерманъ. Онъ въ сторонѣ отъ борьбы, внѣ партій, но въ то же время ловкій придворный интриганъ, который въ нужный моментъ (какъ при избраніи Анны Іоанновны) умѣетъ заболѣть Онъ тихъ и

какъ будто робокъ, но зато никто изъ „птенцевъ“ Петровыхъ не былъ способенъ къ такому упорному, усидчивому труду, къ изученію порученнаго дѣла до послѣднихъ мелочей. Прекрасный языковѣдъ — онъ зналъ хорошо нѣмецкій, французскій, итальянскій и русскій языки—Остерманъ былъ тонкимъ дипломатомъ, безъ котораго не рѣшались важнѣйшіе дипломатическіе вопросы нѣсколькихъ царствованій, при Петрѣ же онъ завѣдывалъ иностранной перепиской въ 1703 г „При обсужденіи дѣла,—говоритъ Соловьевъ,—онъ не закричитъ такъ противъ Англіи, какъ неистовый Ягужинскій, не воружится такъ сильно и рѣшительно противъ австрійскаго союза, какъ Толстой, но онъ тихонько подвернетъ такую штуку, что испортитъ все дѣло, уже рѣшенное: Ягужинскій и Толстой замолчатъ“. Но съ нимъ могъ поспорить въ его искусствѣ ловкій и образованный дипломатъ кн. Б. И. Куракинъ, своякъ Петра, оказавшій ему важныя услуги по дипломатической части, какъ посолъ въ Лондонѣ, Ганноверѣ, Нидерландахъ и Парижѣ и какъ представитель Россіи на утрехтскомъ и брауншвейгскомъ конгрессахъ.

Лефортъ. (По гравюрѣ Бекетова).

Совершенно иную фигуру представляетъ потѣшный генералиссимусъ и адмиралъ, король Пресбургскій, князь-кесарь Ромодановскій, начальникъ Петровскаго застѣнка, котораго самъ царь не разъ называлъ „звѣремъ“, что не мѣшало ему вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ Шереметевымъ раздѣлять, привилегію входа къ Петру безъ доклада. Онъ совершенно не зналъ удержу своимъ рукамъ и приходилъ во время пытокъ въ какой-то экстазъ, „облившался кровью въ Преображенскомъ“. Этотъ Малюта Скуратовъ XVIII вѣка, „человѣкъ скудный въ своихъ разсудкахъ“, по словамъ Курбатова, былъ „великомочнымъ въ своемъ правленіи“, могъ „учинить, что хочешь“. Не менѣе нелестно другое современное свидѣтельство: „собою видомъ, какъ монстра, нравомъ злой тиранъ, превеликій нежелатель добра никому, пьянъ

но вся дни“. Преданность Петру покрывала всѣ его звѣрства, и онъ такъ и скончалъ свои дни „заплечныхъ дѣлъ мастеромъ“, хотя Петръ не разъ жаловался на него; 8 іюля 1713 г. онъ писалъ, напримѣръ, Апраксину: „Съ дѣдушкомъ нашимъ, какъ съ чортомъ вожуся; а не знаю, что дѣлать. Богъ знаетъ, что за человѣкъ“. Подстать ему былъ король польскій или по своей столицѣ царь семеновскій И. И. Бутурлинъ, сухопутный генералъ, „человѣкъ злородный и пьяный и мздоимливый“, преемникъ Зотова на посту князя-папы. Что касается этого послѣдняго, то онъ носилъ, кромѣ того, титулъ „всешумнѣйшаго и всешутѣйшаго патріарха московскаго, кокуйскаго и всея Яузы“ и былъ предсѣдателемъ „сумасброднѣйшаго, всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора“, будучи и самъ великимъ бражникомъ. Съ Петромъ его связывали, главнымъ образомъ, воспоминанія о первыхъ годахъ ученія царя. Въ бражничествѣ Зотову мало уступалъ генералъ-адмиралъ Апраксинъ („самый сухопутный адмиралъ“, по словамъ проф. Ключевскаго), человѣкъ ограниченнаго ума и способностей, мало даже сочувствовавшій реформамъ Петра, но сильно преданный ему лично. Апраксинъ былъ типичнымъ хлѣбосольнымъ русскимъ бояриномъ, любившимъ напоить своихъ гостей; поэтому ни у кого изъ Петровскихъ вельможъ не пили такъ часто и такъ много, какъ у него. Самъ любитель выпить (при чемъ, выпивши, онъ обыкновенно заливался горькими слезами), онъ не отступалъ отъ гостя до тѣхъ поръ, пока тотъ не осушалъ налитый бокалъ, чѣмъ приводилъ хозяина въ неописанную радость. Не послѣднюю роль въ этихъ попойкахъ игралъ Ягужинскій, обладавшій, въ противоположность Апраксину, яснымъ

Князь Б. И. Куракинъ.

Петръ Великій. Съ портрета *Кнеллера*. (1697.)

умомъ и энергіей; веселый и общительный, онъ былъ очень вспыльчивъ, а послѣ попоекъ доходилъ до бѣшенства и часто лѣзъ въ драку; изъ денщиковъ царя онъ дослужился до генералъ-прокурорства и сталъ первымъ щеголемъ въ новой столицѣ; благодаря своей ловкости, онъ удержался и при Екатеринѣ I и при Петрѣ II (несмотря на вражду съ Меншиковымъ), а при Аннѣ Іоанновнѣ сдѣлался однимъ изъ трехъ кабинетъ-министровъ. Такимъ же искуснымъ „лоцманомъ“ является канцлеръ Головкинъ; видная персона при Петрѣ, онъ поднимается еще выше потомъ: дѣлается членомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта при его женѣ, затѣмъ содѣйствуетъ возведенію на престолъ Петра II (хотя онъ и былъ въ числѣ судей его отца), участвуетъ въ попыткѣ ограничить власть Анны Іоанновны, послѣ чего, однако, занимаетъ постъ кабинетъ-министра. Высокаго роста, худой, онъ былъ воплощеніемъ скупости; „въ пріемной комнатѣ у него главное украшеніе составлялъ длинный парикъ, повѣшенный тамъ только для вида, потому что Головкинъ, по скупости, никогда не надѣвалъ его“. (Соловьевъ).

Гр. П. А. Толстой.
(По старинной русской гравюрѣ).

Представителемъ просвѣщенныхъ вельможъ Петровскаго царствованія можетъ служить кн. Д. М. Голицынъ. Въ 1697 г. онъ вмѣстѣ съ другими дворянами побывалъ для изученія „навигацкой“ науки за границей. Не будучи моряком по призванію, онъ больше интересовался за границей политическими порядками и идеями Запада, и вывезъ оттуда немало книгъ. Его подмосковная библіотека насчитывала до 6 тыс. томовъ историческаго, политическаго и философскаго содержанія, на разныхъ языкахъ. Потомъ по его заказу немало книгъ было переведено. Сочувствуя реформамъ Петра, онъ не одобрялъ пріемовъ ихъ проведенія, и какъ просвѣщенный „европеецъ“ чуждался безшабашной петровской „кумпаніи“. Сторонился его и Петръ, медленно давая ему повышенія, и дальше сенаторства Голицынъ при Петрѣ не пошелъ. Потомъ онъ двинулся быстрѣе: членъ Верховнаго Тайнаго Совѣта при Екатеринѣ I, онъ сталъ главой боярской оппозиціи, а потомъ сыгралъ видную роль при воцареніи Анны Іоанновны, какъ авторъ перваго у насъ проекта ограниченія самодержавія. Благодаря его вліятельному положенію, имп. Анна нѣко-

торое время не трогала его, но 1737 г. онъ былъ привлеченъ къ суду и заключенъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Изъ представителей знати выдѣлялся также кн. Як. Ѳ. Долгорукій, тайный совѣтникъ, генералъ-плепопотенціаръ, кригсъ-комиссаръ и сенаторъ, взятый въ плѣнъ подъ Нарвой и необычайнымъ способомъ вернувшійся въ 1711 г. въ Россію. Считавшійся образцомъ неподкупности, онъ, по словамъ Петра, однако „былъ не безъ причины“; и дѣйствительно, онъ не разъ былъ уличенъ въ лихоимствѣ. Но и ему подобно многимъ другимъ это сходило съ рукъ, какъ проходили безнаказанными его споры съ самимъ царемъ въ Сенатѣ, при чемъ однажды онъ даже задержалъ исполненіе принятаго Сенатомъ и одобреннаго царемъ указа.

Совершенно особое положеніе въ рядахъ Петровскихъ сотрудниковъ занимали такъ называемые „прибыльщики“, съ ихъ родоначальникомъ Курбатовымъ во главѣ, авторомъ проекта о введеніи въ Россіи „орленой“, т.-е. гербовой бумаги. Большинство этихъ прибыльщиковъ—люди самаго простого происхожденія. Они представляли собой совершенно новое явленіе въ составѣ московскаго правительства,—явленіе, вызванное къ жизни самой реформой Петра, которая требовала изысканія новыхъ источниковъ дохода, что и составляло главную ихъ обязанность. Но они же часто исполняли и обязанности чиновниковъ государственнаго контроля, выслѣживая взяточничество. Эта послѣдняя профессія, однако, часто заражала ихъ самихъ той болѣзнью, которую они призваны были лѣчить. Курбатовъ, изъ дворецкихъ Шереметева, дослужившійся до вице-губернаторства въ Архангельскѣ и обличавшій во взяточничествѣ „великихъ“ вельможъ до кн. Ромодановскаго включительно, самъ умеръ подъ судомъ по обвиненію въ казенной растратѣ. Такъ же кончилъ свою карьеру и другой прибыльщикъ изъ простыхъ людей Нестеровъ, обвинявшій самого кн. Я. Долгорукова и приведшій на висѣлицу сибирскаго генералъ-губернатора кн. Гагарина; дослужившись до оберъ-фискальства, онъ былъ обвиненъ въ злоупотребленіяхъ и казненъ.

Къ „птенцамъ“ Петра мы можемъ причислить и такихъ лицъ, какъ крестьянинъ-публицистъ Посошковъ и астраханскій губернаторъ и въ то же время авторъ „Русской исторіи“ Татищевъ. Не игравшіе роли (особенно Посошковъ) въ преобразовательной дѣятельности Петра, какъ его ближайшіе сотрудники, они, тѣмъ не менѣе, являются людьми именно Петровскаго царствованія; не вполнѣ еще отрѣшившись отъ идеологіи русской старины, они уже въ многомъ люди новой формаціи и новыхъ взглядовъ. Особенно характерна для Петровскаго царствованія фигура Посошкова, самобытнаго политико-экономa; появленіе писателя-крестьянина, невозможное до Петра и много лѣтъ послѣ него, весьма типично именно для его времени, когда призывались къ общей работѣ представители всѣхъ слоевъ общества, отъ верха и до низа.

Такова была въ общихъ чертахъ „кумпанія“ Петра, таковы были нѣкоторые изъ его „птенцовъ“. Чтобы познакомиться съ ними нѣсколько ближе, чтобы лучше опредѣлить причины и условія ихъ возвышенія, остановимся нѣсколько подробнѣе на біографіяхъ трехъ его дѣльцовъ: Меншикова, Толстого и Шереметева, которые являются представителями трехъ различныхъ общественныхъ слоевъ.

III.

Свѣтлѣйшій князь Ижорской земли, графъ Римской имперіи, фельдмаршалъ Александръ Даниловичъ Меншиковъ былъ самаго простого происхожденія, „породы самой низкой, ниже шляхетства“, по выраженію кн. Куракина. Ходила молва, что въ ранней юности онъ былъ пирожникомъ въ Москвѣ; при случайной встрѣчѣ съ Лефортомъ онъ будто бы сразу обратилъ на себя его вниманіе своей смѣтливостью и бойкостью нрава. Лефортъ взялъ его къ себѣ въ денщики, а отъ него онъ попалъ на ту же должность къ царю, и съ этого момента пошелъ быстро въ гору и потомъ „въ милости у царя, — по словамъ уже цитированнаго кн. Куракина, — до такого градуса взошелъ, что все государство правилъ, почитай, и былъ такой сильный фаворитъ, что развѣ въ римскихъ исторіяхъ находятъ“. Почти сверстникъ Петра, онъ былъ дѣятельнымъ участникомъ его „потѣхъ“, вмѣстѣ съ нимъ обтесывалъ бревна на голландскихъ верфяхъ, а по возвращеніи домой съ неменьшей энергіей помогалъ рубить головы мятежнымъ стрѣльцамъ. Съ тоій же охотой онъ беретъ на себя обязанности парикмахера и портного, когда Петръ началъ войну противъ русскихъ бородъ и кафтановъ: Меншиковъ собственноручно обстригаетъ бороды членамъ

Графъ Ѳ. А. Головинъ.
(Моск. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ).

ратуши и ведетъ ихъ на показъ къ царю въ Успенскій соборъ, а въ его домѣ шьютъ европейское платье. Пребываніе за границей не сдѣлало Меншикова просвѣщеннымъ европейцемъ, и онъ до конца жизни съ большимъ трудомъ „вырисовывалъ“ свою фамилію, предпочитая, однако, чтобы, гдѣ можно, за него это дѣлали другіе. Но нѣкоторый вкусъ къ западно-европейской культурѣ, къ ея показной преимущественно сторонѣ онъ пріобрѣлъ и поставилъ потомъ свой домъ на европейскую ногу. Показавши уже свою расторопность, ловкость и рѣшительность во время азовскихъ походовъ, Меншиковъ быстро выдвинулся съ самаго начала Великой Сѣверной войны.

Высокаго роста, хорошо сложенный, хотя и худощавый, съ живыми глазами, хорошо и даже изящно и опрятно одѣтый (что далеко не часто встрѣчалось среди Петровскихъ вельможъ), онъ не могъ не обращать на себя вниманія всѣхъ, приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Самъ ловкій и энергичный, онъ обладалъ большой проницательностью, здравымъ, яснымъ умомъ, что помогало ему, съ одной стороны, быть всегда нужнымъ Петру, во всемъ поддерживая его начинанія, а съ другой—подобрать себѣ помощниковъ, составить партію. Онъ рано сталъ всѣмъ нуженъ и умѣлъ воспользоваться этимъ. Подпоручикъ въ началѣ Сѣверной войны, исполнявшій въ то же время обязанности дворецкаго и царскаго камердинера, онъ въ 1702 г. становится комендантомъ Шлиссельбурга, въ 1703 г. получаетъ орденъ Андрея Первозваннаго за побѣду надъ шведами при устьѣ Невы, а затѣмъ дѣлается генералъ-губернаторомъ завоеваннаго края и сторожитъ царскій „парадизъ“. Онъ проявляетъ въ этой должности большую энергію и распорядительность и, получивъ по просьбѣ Петра отъ австрійскаго императора титулы графа, а вскорѣ и князя Римской имперіи, возводится имъ самимъ въ 1706 г. послѣ побѣды подъ Калишемъ въ княжеское достоинство Россійской имперіи съ титуломъ свѣтлѣйшаго; кромѣ того, Меншиковъ получаетъ въ вѣчное потомственное владѣніе города Копорье и Ямбургъ. Побѣда при Лѣсной, взятіе Батурина, битва подъ Полтавой и удачное преслѣдованіе послѣ нея шведовъ возносятъ Меншикова на громадную высоту—Меншиковъ становится фельдмаршаломъ, получаетъ во владѣніе города Почепъ и Ямполь, занимаетъ первое мѣсто въ празднествахъ по поводу Полтавской побѣды, а при его въѣздѣ въ Петербургъ больной Петръ встрѣчаетъ его за 3 версты отъ города. Карьера была настолько головокружительной, что Меншиковъ не удержалъ равновѣсія. Получая удовлетвореніе одной своей страсти—честолюбія, Меншиковъ не получалъ въ соотвѣтствующемъ размѣрѣ удовлетворенія другой страсти — сребролюбія. „Свѣтлѣйшій“ очень любилъ деньги и не стѣснялся въ выборѣ средствъ для ихъ добыванія, чѣмъ немало огорчалъ царя. Въ 1709—11 гг. Меншиковъ на одного себя издержалъ 45 тыс. р., т.-е. около 400 тыс. р. на наши деньги; поземельный доходъ его равнялся впослѣдствіи 1.300.000 р., а кромѣ того,

у него было на 13 милл. драгоцѣнныхъ каменьевъ и много вкладовъ въ заграничныхъ банкахъ. Таково было состояніе „денщика Алексашки“, не имѣвшаго за душой ни гроша при поступленіи на службу къ Петру. Разумѣется, не изъ сбереженій отъ получаемаго жалованья составились эти милліоны, и Петръ зналъ объ этомъ. Въ 1711 г. онъ, узнавъ о поборахъ Меншикова въ Польшѣ, писалъ ему: „Зѣло прошу, чтобы вы такими малыми прибытками не потеряли своей славы и кредита“. Но подобныя увѣщанія производили на Меншикова мало впечатлѣнія, и слѣдственная комиссія, наряженная по дѣлу о его злоупотребленіяхъ, сдѣлала на него начетъ въ 10 милл. р. на наши деньги. Петръ сложилъ большую его часть и простилъ своего любимца. „Не забывай, — говорилъ онъ ему, — кто ты былъ, и изъ чего сдѣлалъ я тебя тѣмъ, каковъ ты теперь“. Не удерживало Меншикова отъ лихоимства и его близкое и хорошее знакомство съ царской дубинкой и царскимъ кулакомъ, и не разъ Петръ говорилъ: „Меншиковъ въ беззаконіи зачатъ, во грѣсѣхъ родила его мать, и въ плутовствѣ скончаетъ вѣкъ свой; если не исправится, быть ему безъ головы“. Меншиковъ не исправился до конца дней Петра, но головы не только не потерялъ, но даже послѣ смерти Преобразователя поднялъ ее еще выше, пока въ 1727 г. не попалъ въ Березовъ. Чѣмъ объяснить эту безмѣрную снисходительность Петра къ „свѣтлѣйшему?“ Какъ мы видѣли, Петръ не заблуждался относительно своего любимца, и, тѣмъ не менѣе, прощалъ ему больше, чѣмъ всѣмъ другимъ. Конечно, въ пользу Меншикова говорили такія его качества, какъ служебная исполнительность, распорядительность, иниціатива, быстрота работы, преданность Петру. Но вѣдь въ этомъ отношеніи ему не уступали многіе изъ „птенцовъ“, которые, тѣмъ не менѣе, подвергались строгимъ и жестокимъ взысканіямъ въ тѣхъ случаяхъ, которые сходили съ рукъ Меншикову. Такимъ образомъ, очевидно, не только личныя качества отводили гнѣвъ царя отъ его перваго любимца. Какъ можно думать, не послѣднюю роль въ этомъ отношеніи играла близость Меншикова ко второй женѣ Петра, Екатеринѣ.

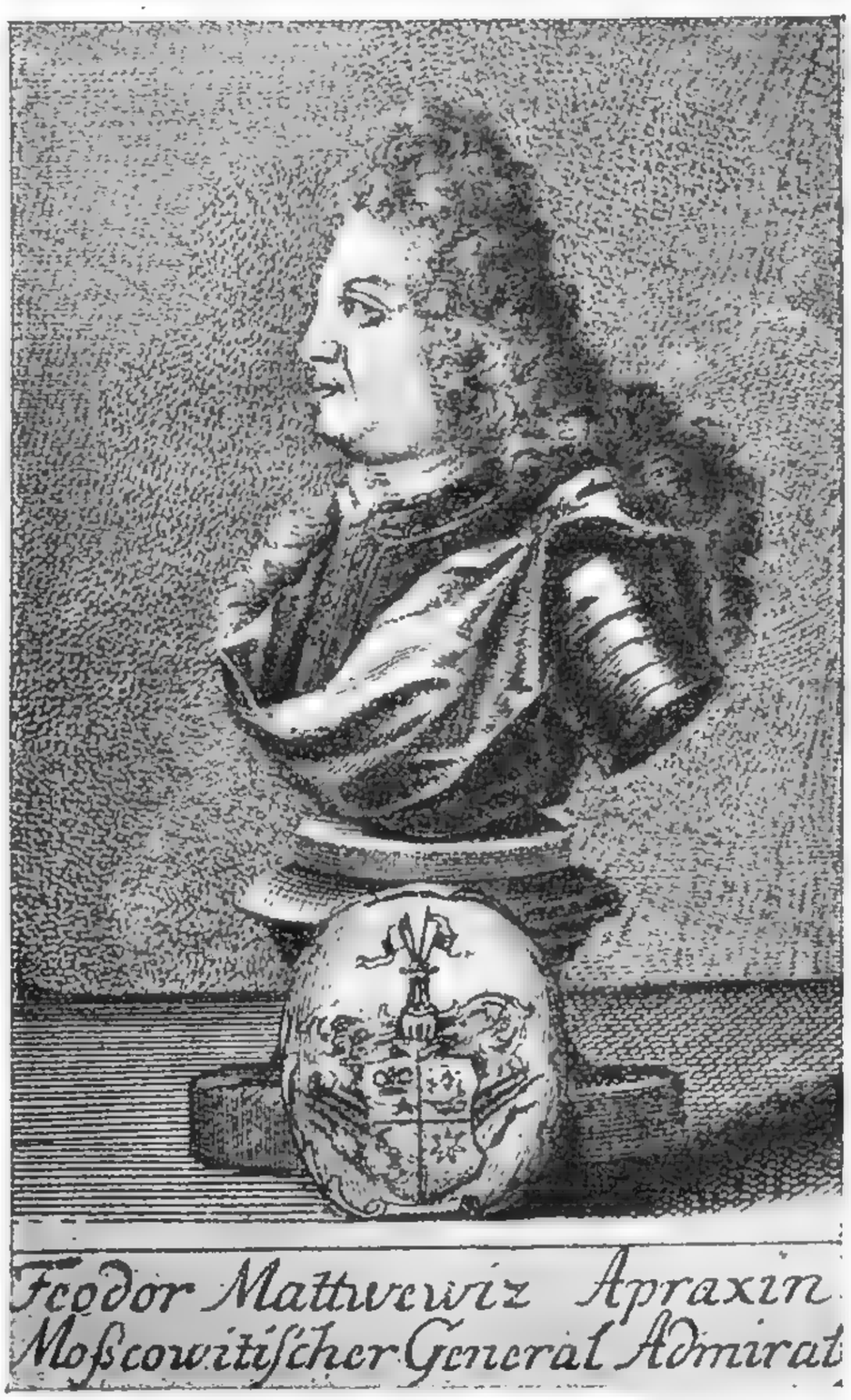
Кн. Г. Ѳ. Долгоруковъ.
(По гравюрѣ Грачева).

Какъ лифонская плѣнница, она при взятіи въ 1702 г. Маріенбурга попала въ руки Шереметева, но скоро отъ него перешла къ Меншикову, который выпросилъ ее для себя у Шереметева. Въ 1704 г. Петръ, какъ-то обѣдая у Меншикова, увидѣлъ прислуживавшую за столомъ красивую служанку, заинтересовался ею и увезъ ее къ себѣ. Въ 1711 г. онъ женился на ней, а въ слѣдующемъ году объявилъ объ этомъ официально. Меншикова же онъ женилъ еще въ 1706 г., какъ бы опасаясь, по предложенію Есппова, возобновленія прежнихъ отношеній между нимъ и Екатериной. Вся эта исторія установила особыя интимныя отношенія между Петромъ и Меншиковымъ, давъ имъ на случай размолвокъ хорошаго посредника, и Меншиковъ не разъ былъ обязанъ своимъ прощеніемъ заступничеству Екатерины; въ теченіе многихъ лѣтъ онъ сохраняетъ чрезвычайно вліятельное положеніе, оправдывая прозвище „полудержавнаго властелина“. Въ 1714 г. созрѣло новое дѣло о злоупотребленіяхъ фельдмаршала, подъ вліяніемъ чего съ нимъ даже случился ударъ. Болѣзнь Меншикова въ значительной степени смягчила царя, и гроза пронеслась мимо, хотя Петръ, повидимому, все-таки нѣсколько охладѣлъ къ своему любимцу, тѣмъ болѣе, что вскорѣ за этимъ дѣломъ возникли новыя, и Меншиковъ продолжалъ на казенный счетъ меблировать свои дома, платить казенными деньгами жалованье своей прислугѣ и проч. Но поддержка, которую онъ оказалъ Петру въ процессѣ царевича Алексѣя, вновь укрѣпила его положеніе, и онъ въ 1719 г. становится президентомъ военной коллегіи. Возникшія было вскорѣ новыя дѣла о немъ опять какъ будто поколебали его положеніе, и Петръ даже отнялъ только что данное ему президентство. Со смертью Петра Меншиковъ воспрянулъ духомъ. Съ толпой своихъ сторонниковъ онъ возводитъ на престолъ Екатерину и становится фактическимъ правителемъ государства, хотя его противники и добились учрежденія Верховнаго Таинаго Совѣта, какъ противовѣса его вліянію, но и

Баронъ П. П. Шафировъ.
(Моск. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ).

въ немъ онъ сталъ полнымъ хозяиномъ, какимъ былъ во дворцѣ. Взаимно многимъ обязанные другъ другу, Меншиковъ и Екатерина жили въ ладу все время ея царствованія, и мечты Меншикова заносили его въ это время очень далеко. Когда въ 1726 г. освободился престолъ курляндскаго герцогства, Меншиковъ усиленно, при поддержкѣ Екатерины, выставлялъ свою кандидатуру (онъ хлопоталъ еще объ этомъ въ 1711 г.), какъ онъ раньше послѣ отреченія польскаго короля Августа прямо указалъ Петру на себя, какъ на кандидата, когда тотъ спросилъ его совѣта по вопросу о замѣщеніи этого престола. Но въ обоихъ случаяхъ притязанія Меншикова были безуспѣшны.

Смерть Екатерины не свалила Меншикова — онъ сумѣлъ добиться съ помощью подложнаго завѣщанія Екатерины назначенія ея преемникомъ Петра II подъ условіемъ женитьбы на дочери Меншикова и съ регентствомъ изъ двухъ царевенъ, герцога голштинскаго и Верховнаго Тайнаго Совѣта. Устранивъ отъ всякаго вліянія на дѣло регентовъ, Меншиковъ четыре мѣсяца пользовался исключительнымъ положеніемъ: былъ генералиссимусомъ официально, а правителемъ царства на дѣлѣ. Но, вооруживъ противъ себя почти всѣхъ вліятельныхъ лицъ, онъ не сумѣлъ поладить и съ молодымъ императоромъ. 8 сентября 1827 г. онъ былъ арестованъ и отправленъ въ ссылку, а потомъ лишенъ всѣхъ чиновъ и всего богатства. По жалобамъ казенныхъ учрежденій и частныхъ лицъ у него было конфисковано 90 тыс. душъ крестьянъ, 6 городовъ, 4 милл. р. наличными, да капиталовъ въ заграничныхъ банкахъ на 9 милл. р., брильянтовъ и разныхъ драгоцѣнныхъ вещей на 1 милл. р., большое количество серебряной посуды и 105 пудовъ золотой и проч. Въ апрѣлѣ 1728 г. Меншиковъ былъ отправленъ со своей семьей въ Березовъ, гдѣ онъ прожилъ около $1^1/_2$ лѣтъ. Біографы обыкновенно изображаютъ Меншикова въ этотъ послѣдній періодъ его жизни сильно измѣнившимся и даже переродившимся нравственно: сми-



Гр. Ѳ. М. Апраксинъ. (Эрмитажъ).

ренный и покорный своей судьбѣ, истинный христіанинъ, онъ сооружаетъ собственными руками и на собственныя деньги, образовавшіяся изъ сбереженій отъ казеннаго пайка, деревянную церковь въ Березовѣ, проводитъ время за чтеніемъ Евангелія или за диктованіемъ дѣтямъ записокъ о своей жизни, въ воспоминаніяхъ о которой онъ какъ бы черпалъ силу для перенесенія страданій и пріобрѣтенія душевнаго мира.

Такъ кончилъ свою жизнь всесильный временщикъ, мечтавшій о двухъ коронахъ, обладатель громадныхъ богатствъ. Исторія его жизни наглядно показываетъ, какъ при Петрѣ люди, стоящіе на самомъ низу соціальной лѣстницы, могли достичь едва не царскаго положенія.

IV.

Другой типъ и другую карьеру даютъ намъ личность и жизнь П. А. Толстого, представителя средняго московскаго дворянства. Человѣкъ ловкій и хитрый, учтивый и любезный въ обращеніи, онъ дѣлалъ свою карьеру довольно быстро, но не добрался до той высоты, какой достигъ Меншиковъ. По родству съ Θ. М. Апраксинымъ онъ занялъ довольно значительное положеніе при царевнѣ Софьѣ и былъ серьезно замѣшанъ въ стрѣлецкомъ бунтѣ, какъ ея агентъ. Потомъ, во-время замѣтивъ приближеніе конца Софьи, онъ перешелъ на сторону Петра, который принялъ его, но долго помнилъ ему 1682-й годъ и не давалъ хода. Однажды между нимъ и Петромъ произошла по этому поводу такая сцена. Когда на одной вечеринкѣ гости послѣ обѣда слишкомъ подвеселились, Толстой, по словамъ Нартова (токаря Петра В.), „уклоняясь отъ хмеля, сѣлъ противъ камелька и притворился пьянымъ, дремлющимъ, шаталъ головой и снялъ съ себя парикъ; въ самомъ же дѣлѣ подслушивалъ рѣчи, которыя другіе подгулявшіе откровенно государю говорили. Государь, похаживая взадъ и впередъ и увидя плѣшивую голову сидѣвшаго на стулѣ хитреца, подошелъ къ нему, ударилъ ладонью слегка по голому темени два раза и сказалъ:

„Притворство, господинъ Толстой“.

„Послѣ, оборотясь къ предстоявшимъ, говорилъ: „Эта голова ходила прежде за иною головою (Милославскаго), повисла,—боюсь, какъ бы не свалилась съ плечъ“.

„А притворщикъ, очнувшись, взглянувъ на государя, отвѣтствовалъ тотчасъ:

„Не опасайтесь, ваше величество, она вамъ вѣрна и на мнѣ тверда, что было прежде—не то послѣ, теперь и впредь“.

„Видите,—сказалъ государь,—онъ притворился, а не пьянъ. Поднесите ему стакана три добраго флина (грѣтое вино съ коньякомъ и лимоннымъ сокомъ), такъ онъ поровняется съ нами и будетъ также сорочить“.

Чтобы выслужиться, Толстой добровольно ѣдетъ за границу, когда ему было уже 45 лѣтъ, и посѣщаетъ Германію, Италію и Мальту. Объ этомъ путешествіи онъ оставилъ прекрасное сочиненіе, обнаруживающее въ немъ большую наблюдательность, умъ и эстетическій вкусъ, но въ то же время рисующее его, какъ представителя нѣкоторыхъ старыхъ воззрѣній. Дневникъ Толстого показываетъ, что онъ былъ человѣкомъ религіознымъ, но его религіозность носитъ очень обрядовый характеръ, и въ этомъ отношеніи онъ принадлежитъ еще до-Петровской Руси. Съ другой стороны, онъ обнаруживаетъ въ религіозныхъ вопросахъ наивную довѣрчивость, искренно, повидимому, вѣря, что въ Рагузѣ ему, дѣйствительно, показывали гвоздь терноваго вѣнца Спасителя, почернѣвшій сребреникъ Іуды, кости младенцевъ, убитыхъ Иродомъ, и т. п.

Князь В. В. Долгоруковъ. (По гравюрѣ Бекетова).

Но не только церкви и религіозныя святыни привлекали его вниманіе. Онъ посѣщалъ академіи, театры, побывалъ въ приказныхъ палатахъ, въ судахъ и проч.; такъ онъ описываетъ, напримѣръ, судебные порядки Венеціи. Иноземнымъ порядкамъ онъ отдаетъ предпочтеніе передъ русскими. Толстой былъ потомъ однимъ изъ немногихъ „птенцовъ“ Петра, которые могутъ быть названы убѣжденными сторонниками его реформъ, западниками. За границей онъ много учился, пріобрѣлъ немало познаній и потому могъ болѣе сознательно отнестись къ русской дѣйствительности и перемѣнамъ, внесеннымъ въ нее Петромъ. Въ этомъ отношеніи путешествіе за границу дало ему больше, чѣмъ многимъ изъ другихъ „птенцовъ“. Правда, онъ не пріобрѣлъ обширныхъ свѣдѣній по прикладнымъ отраслямъ знанія, не сталъ морякомъ, хотя и изучалъ морское дѣло, но зато онъ расширилъ свой умственный кругозоръ, углубилъ свое міросозерцаніе.

Въ Италіи Толстого сильно поразилъ театръ. „На всемъ свѣтѣ,—писалъ онъ,—такихъ предивныхъ оперовъ и комедій нѣтъ и не бываетъ“. Самый театръ онъ описываетъ такъ: „Въ тѣхъ палатахъ подѣланы чуланы (т.-е. ложи) многіе въ пять рядовъ вверхъ и бываетъ въ одномъ театрумѣ чулановъ

двѣсти, а въ иномъ триста и больше; а всѣ чуланы подѣланы изнутри того театрума предивными работами золочеными“. Въ Неаполѣ Толстой смотрѣлъ „божницы боговъ поганскихъ, Меркуріева и иныхъ, которымъ приносилъ жертвы проклятый Неронъ, и за эту свою къ нимъ любовь купно съ ними есть въ пеклѣ“,—назидательно прибавляетъ Толстой; про статую же самого Нерона онъ говоритъ, что видѣлъ „персону, высѣченую изъ бѣлаго камени, проклятаго мучителя Нерона, которая не токмо дѣломъ и видѣніемъ подобится самому дьяволу“. Затѣмъ Толстой разсказываетъ о видѣнномъ карнавалѣ, о Везувіи и т. д. Описывая итальянскіе нравы, онъ говоритъ, что „народъ женскій въ Венеціи зѣло благообразенъ, и строенъ, и политиченъ, высокъ, тонокъ и во всемъ изряденъ; а къ ручному дѣлу не очень охочь, больше заживаютъ въ прохладахъ; всегда любятъ гулять и быть въ забавахъ и ко грѣху тѣлесному зѣло слабы“. Наоборотъ, по его словамъ, „неаполитанцы мужеска полу къ форестинамъ, т.-е. къ иноземцамъ, ласковы и привѣтны, а женскій полъ и дѣвицы имѣютъ нравы зазорные (т.-е. стыдливые) и скрываются подобно московскимъ обычаямъ“ [1]).

Гр. П. И. Ягужинскій. (По гравюрѣ Бекетова).

Но, побывавши за границей и въ значительной степени европеизировавшись, Толстой не сумѣлъ вполнѣ примирить западную культуру съ русской стариной. Такъ, Берхгольцъ разсказываетъ, напримѣръ, что герцогъ Голштинскій, пріѣхавъ однажды къ Толстому, немало удивился, увидѣвъ у него въ комнатѣ двѣ совершенно различныя картины, повѣшенныя въ противоположныхъ углахъ комнаты: одна изображала кого-то изъ русскихъ святыхъ, а другая — нагую женщину.

Черезъ 3 года почти послѣ возвращенія изъ заграничнаго путешествія Толстой получаетъ (повидимому, съ помощью Головкина) мѣсто посла въ

---

[1]) Кромѣ описанія путешествія, Толстому принадлежатъ обширное и основательное описаніе Турціи, описаніе береговъ Чернаго моря и переводъ Овидіевыхъ „Метаморфозъ“.

Турціи и обнаруживаетъ въ этой должности недюжинныя дипломатическія способности. Немало претерпѣвъ здѣсь въ 1710 г., онъ былъ посаженъ послѣ начала войны Турціи съ Россіей въ Семибашенный замокъ и просидѣлъ въ заключеніи 1 годъ и 5 мѣсяцевъ и, ловко вывернувшись отъ обвиненія въ растратѣ, онъ съ трудомъ добивается въ 1714 г. возвращенія въ Россію. При поддержкѣ Меншикова (возможно, что не безплатной) онъ попадаетъ вскорѣ въ число тайныхъ совѣтниковъ царя по дипломатической части и принимаетъ потомъ участіе во всѣхъ важнѣйшихъ международныхъ переговорахъ, обнаруживая большую трудоспособность. Однако недовѣріе Петра къ нему все еще не исчезаетъ, и онъ иногда говоритъ: „Петръ Андреевичъ очень способный человѣкъ, но, ведя съ нимъ дѣло, надо держать за пазухой камень, чтобы выбить ему зубы, если онъ вздумаетъ укусить“. Но Толстому все-таки удалось получить чрезвычайно отвѣтственное порученіе—привезти изъ-за границы царевича Алексѣя, нашедшаго убѣжище у австрійскаго императора. Блестящее выполненіе его сразу даетъ ему графство, 6000 душъ крестьянъ изъ конфискованныхъ по дѣлу царевича Алексѣя и андреевскую ленту. Тогдашняя народная молва прямо обвиняла его даже въ убійствѣ царевича Алексѣя, однако это обвиненіе не доказано до настоящаго времени. Но какъ бы то ни было, Толстой сдѣлался однимъ изъ самыхъ близкихъ къ царю лицъ, которымъ Петръ очень дорожилъ. Въ послѣдніе годы царствованія Петра онъ занимается розысками по дѣламъ тайной канцеляріи и въ то же время завѣдуетъ камеръ-коллегіей (кромѣ того, въ 1717 г. въ компаніи съ Шафировымъ и Апраксинымъ онъ заводитъ фабрику шелковыхъ тканей съ привилегіей продавать свои издѣлія въ теченіе 50 лѣтъ безпошлинно, но дѣло не пошло, и фабрику пришлось закрыть).

По смерти Петра Толстой сталъ на сторону Екатерины и, оказавъ значительное содѣйствіе возведенію ея на престолъ, пользовался потомъ большимъ вліяніемъ при дворѣ. Но онъ какъ-то сразу не поладилъ съ Меншиковымъ и сталъ до нѣкоторой степени главой оппозиціи ему. Позднѣе они помирились, и по предложенію Толстого былъ учрежденъ Верховный Тайный Совѣтъ, куда вошелъ и самъ Толстой. Борьба противъ брака Петра II съ дочерью Меншикова погубила Толстого. Меншиковъ, привлекши къ суду генералъ-полицмейстера Девіера за неприличное поведеніе во дворцѣ во время болѣзни императрицы, по его оговору привлекъ къ суду и Толстого, обвиняя его въ разговорахъ съ Девіеромъ „о сватаньѣ великаго князя“, въ желаніи „безъ воли ея императорскаго величества“ возвести на престолъ Елизавету Петровну и въ разговорѣ о „наслѣдствѣ“ съ Бутурлинымъ, Ушаковымъ, Скорняковымъ-Писаревымъ и Девіеромъ. Судъ былъ скорый, но не правый, и Толстой угодилъ въ Соловки, гдѣ скоро и умеръ. Карьера Толстого, какъ и карьера Меншикова, показываетъ, что неразбор-

чивость въ средствахъ дѣйствія не мѣшала Петровскимъ „птенцамъ“ быстро превращаться въ сильныхъ и опасныхъ коршуновъ, если они только проявляли дѣйствительную дѣловитость, смѣтливость, практическій умъ и умѣнье идти въ ногу съ Преобразователемъ. Каждый солдатъ при немъ могъ надѣяться стать генераломъ.

V.

Видпымъ военнымъ сподвижникомъ Петра является фельдмаршалъ и кавалеръ мальтійскаго ордена Борисъ Петровичъ Шереметевъ, сынъ боярина. Онъ на 20 лѣтъ былъ старше Петра В., сталъ служить стольникомъ еще при царѣ Алексѣѣ, но примкнулъ потомъ къ Петру и 45 лѣтъ добровольно поѣхалъ за границу для изученія военнаго дѣла, что уже одно немало расположило къ нему Петра. Ѣхалъ онъ на Западъ, повидимому, не безъ страха, такъ какъ призывалъ благословеніе всѣхъ святыхъ на себя и свой путь; проводы изъ Москвы заняли 3 дня: „Изъ царствующаго града Москвы,—читаемъ въ описаніи его путешествія,—въ надлежащій нашъ путь пошли вышеописаннаго іюня 22 числа, и первый станъ былъ въ селѣ Коломенскомъ, отъ Москвы верстахъ въ 7, и стояли въ томъ селѣ три дня, для провожанія родственниковъ и благодѣтелей“. „Путешествіе“ Шереметева представляетъ собой довольно безцвѣтныя записки о его пребываніи за границей, съ значительной примѣсью церковнаго духа; въ нихъ подробно перечисляются видѣнныя имъ мѣста, визиты знатнымъ особамъ, приводятся высокопарныя рѣчи, которыя держалъ къ нимъ Шереметевъ, ведется точный счетъ издержкамъ на подарки и т. п. Главное вниманіе Шереметева за границей привлекали церкви, которыя онъ усердно посѣщалъ. Человѣкъ, въ значительной степени принадлежавшій еще старой Руси, онъ съ наивностью разсказываетъ о разныхъ католическихъ суевѣріяхъ, вполнѣ имъ, повидимому,

П. И. Бутурлинъ. (По гравюрѣ Бекетова).

довѣряя; такъ, онъ описываетъ, напримѣръ, какъ въ одномъ женскомъ монастырѣ въ Неаполѣ закипаетъ кровь св. Януарія, заключенная въ какую-то сокровищницу; затѣмъ онъ говоритъ, что видѣлъ копье, которымъ „на крестѣ прободенъ бысть Господь и Богъ нашъ“, и „образъ Спасителевъ, который самъ Господь вообразилъ на полотнѣ или платѣ, который платъ поднесла ему утереться святая мученица Вероника подъ часъ вольнаго Его страданія и несенія креста на Голгоѳу“.

Шереметевъ побывалъ въ Польшѣ, Австріи, Италіи и Мальтѣ (откуда онъ вывезъ званіе кавалера мальтійскаго ордена). Поѣздки Шереметева по Западной Европѣ напоминаютъ тріумфальное шествіе. Снабженный отъ Петра граматами къ западно-европейскимъ дворамъ, онъ вездѣ былъ принятъ съ большимъ почетомъ. Его именовали генералиссимусомъ, и онъ не протестовалъ, хотя и не имѣлъ такого званія. Папа допустилъ его къ рукѣ и подарилъ золотой крестъ съ частицей древа животворящаго креста. Изъ Рима онъ выѣхалъ въ 7 коляскахъ, потомъ былъ въ Сициліи, смотрѣлъ Этну. На Мальтѣ магистръ ордена въ знакъ почета командировалъ къ нему своего трубача, который долженъ былъ трубить у Шереметева передъ обѣдомъ и ужиномъ. Здѣсь же нашъ сухопутный генералъ получилъ въ знакъ вниманія къ нему командованіе надъ двумя галерами, отправлявшимися противъ турокъ. Шереметевъ принялъ командованіе, хотя и не бывалъ никогда до этого на морѣ, но, по счастью, военныхъ дѣйствій не произошло, и галеры съ ихъ новоявленнымъ командиромъ остались цѣлы. Все путешествіе обошлось Шереметеву въ 20.550 р., т.-е. около 200 тыс. р. на наши деньги. Въ его „путешествіи“ не видимъ такой любознательности и наблюдательности автора, какъ у Толстого; кругозоръ его уже, и онъ въ большей степени является человѣкомъ старыхъ воззрѣній, хотя и онъ, какъ Толстой, не обнаруживаетъ, напримѣръ, ненависти къ западному „латынству“.

Кн. Я. Ѳ. Долгорукій. (Оружейная палата).

Шереметевъ вернулся изъ-за границы въ 1699 г. и, „убравшись въ нѣмецкое платье“, представился царю въ домѣ Лефорта на банкетѣ 12 февраля. Съ самаго начала Сѣверной войны мы видимъ Шереметева постоянно на театрѣ военныхъ дѣйствій, и онъ очень быстро получаетъ титулъ фельд-

маршала. Не блистая особыми талантами, Шереметевъ не разъ одерживалъ побѣды, но и не разъ и самъ бывалъ разбитъ (напримѣръ, подъ Нарвой), а во время Прутскаго похода армія, которой онъ командовалъ, была спасена лишь благодаря подкупу турецкаго паши. Не отличаясь большой энергіей, онъ не разъ получалъ въ письмахъ Петра напоминанія дѣйствовать быстрѣе и не терять времени. Особенно доволенъ былъ Петръ Шереметевымъ за усмиреніе бунта въ Астрахани—Шереметевъ получилъ за это болѣе 2.400 дворовъ.

Не надѣленный ‚большими достоинствами, Шереметевъ не имѣлъ и крупныхъ пороковъ, но и онъ, подобно другимъ „птенцамъ“ Петра, не былъ свободенъ отъ порока любостяжанія, и эпитетъ Пушкина „благородный“ приложимъ къ нему лишь относительно. Петръ уважалъ Шереметева, но никогда не былъ близокъ съ нимъ; „господинъ генералъ-фельдмаршалъ“ и, въ лучшемъ случаѣ, „Борисъ Петровичъ“, — вотъ обычныя обращенія Петра въ письмахъ къ нему. Однако, какъ уже было упомянуто, лишь съ нимъ князь-папа Ромодановскій дѣлилъ привилегію входить въ кабинетъ царя безъ доклада. Черезъ нѣсколько времени послѣ смерти Шереметева (онъ умеръ въ 1719 г.) Петръ, вспомнивъ про него, сказалъ: „Нѣтъ уже Бориса Петровича, скоро не будетъ и насъ; но его храбрость и вѣрная служба не умрутъ и всегда будутъ памятны въ Россіи“. Въ послѣдніе годы своей жизни Шереметевъ попалъ, впрочемъ, въ немилость. Причиной этого, по-видимому, былъ отчасти его тяжелый характеръ, а главнымъ образомъ, вражда съ Меншиковымъ и сочувствіе царевичу Алексѣю, въ судѣ надъ которымъ онъ не участвовалъ. Въ письмахъ къ разнымъ лицамъ Шереметевъ жаловался, что царь не пишетъ ему самъ, а передаетъ приказы черезъ другихъ и не отвѣчаетъ на его письма.

Таковы были сотрудники Петра В. Какъ говоритъ Павловъ-Сильванскій [1]), это была „пестрая компанія, въ которой рядомъ съ родовитыми князьями и боярами много людей темнаго происхожденія. Сильные характеры и необузданные грубые нравы, подъ внѣшнимъ лоскомъ княжескихъ и графскихъ титуловъ, богато расшитыхъ мундировъ, бритыхъ по-нѣмецки лицъ, пышныхъ париковъ. Между ними не разъ происходятъ бурныя ссоры, оканчивающіяся бранью и дракой, даже въ высшемъ присутственномъ мѣстѣ—Сенатѣ; у нихъ много грѣховъ на душѣ по части казнокрадства и грубыхъ насилій. Только Петръ могъ управлять этими людьми, просто-дружески держась съ ними и всегда подавляя ихъ своею несокрушимо властною волею“.

К. Сивковъ.

---

[1]) Назв. соч., стр. 6.

Петровская реформа и литература проектовъ.

За протяженіи двухъ столѣтій у Петровской реформы были свои сторонники и свои хулители; одни видѣли въ ней добро, другіе—зло; однимъ представлялось это время моментомъ высокаго національнаго подъема, для другихъ время реформы — годы униженія и распаденія истинно-русскаго національнаго генія. И тѣ, и другіе для строгаго научнаго сознанія выступаютъ какъ люди, рѣзко заинтересованные въ какомъ-то судебномъ процессѣ, какъ стороны въ собственномъ смыслѣ этого выраженія. И при жизни Петра, и много позднѣе они горячатся изъ-за реформы, съ пѣной у рта изрекаютъ какіе-то вѣчные, незыблемые принципы, но если подойти къ нимъ поближе, всмотрѣться внимательнѣе, то среди безконечнаго взлета брызгъ этой пѣны возможно замѣтить, что спорщики безпокоятся только о своихъ кровныхъ житейскихъ интересахъ: реформа должна была задѣть и, дѣйствительно, задѣла эти интересы, переустанавливая давно сложившіяся и вмѣстѣ значительно надломленныя временемъ отношенія. Когда задѣты эти кровные, житейскіе интересы, люди непремѣнно ищутъ конкретнаго виновника переустановки старыхъ отношеній и обыкновенно находятъ его либо въ главѣ правительства, либо въ одномъ изъ членовъ послѣдняго. Для рубежа XVII и XVIII столѣтій Петръ и самъ по себѣ былъ человѣкомъ выразительнымъ, къ тому же онъ былъ главою правительства, царемъ, и этого было совершенно достаточно, чтобы на него взвалили отвѣтственность за все

„доброе“ съ точки зрѣнія однихъ, за все „злое“ съ точки зрѣнія другихъ. Такъ наивная философія добраго стараго времени создала изъ одинокаго лица г е р о я, а герою подобаетъ быть вершителемъ судебъ цѣлой эпохи,— Петра и вообразили такимъ необыкновеннымъ вершителемъ. Представленіе чего-либо въ прошломъ добрымъ или злымъ—одна изъ жесточайшихъ аномалій историческаго мышленія; легко вообразить себѣ всю нелѣпость такой аномаліи, когда послѣдняя осложнилась къ тому же впечатлѣніемъ, что это добро или зло есть созданіе одной личности и что одна эта личность является движущей пружиной цѣлой эпохи. Петръ въ русской литературѣ сдѣлался невольной жертвой указанной аномаліи. Къ рубежу XVII и XVIII столѣтій, во-первыхъ, отнесли начало добра и зла послѣдующихъ временъ, а, во-вторыхъ, изъ главы правительства этого времени сдѣлали чудесное лицо, носителя всѣхъ добродѣтелей и язвъ эпохи, наговоривъ безконечное множество темныхъ словъ о роли личности въ исторіи. Литература, посвященная Петровской реформѣ, отлилась въ однобокій памфлетъ, способный болѣе всего уяснить намъ эволюцію общественнаго сознанія и менѣе всего историческій разумъ самой реформы, первѣйшимъ результатомъ которой, по единодушному признанію всѣхъ, было хозяйственное разореніе народа. Писать исторію „реформъ безъ реформатора“, конечно, нельзя, но понимать выраженіе „реформаторъ“ различно—естественно и вполнѣ возможно. Признавать, что нѣтъ „реформъ безъ реформатора“, это одно,—утверждать же, что „всецѣло въ Петрѣ Великомъ лежалъ источникъ воодушевленія, силы и разума великаго преобразовательнаго движенія“, это—совсѣмъ другое, что очень похоже на неосторожный возвратъ къ временамъ исповѣданія культа героевъ... Во всеи шумихѣ Петровской реформы, гдѣ такъ неистово кричатъ вмѣстѣ съ Петромъ его сторонники и оппоненты, представляется необходимымъ разобраться независимо отъ ея д о б р а и з л а: надо уяснить себѣ историческое наростаніе реформъ, опредѣлить ихъ корешки, глубоко вросшіе въ нѣдра XVII-го столѣтія, изучить затѣмъ обстановку и среду, которыя эти реформы создавали, и, наконецъ, самого реформатора, или, точнѣе говоря, реформаторовъ. Никто не станетъ сомнѣваться нынѣ въ томъ, что масса, какъ таковая, творитъ исторію, и что внѣ изученія массы въ цѣломъ невозможно никакое историческое построеніе. Однако, если эта масса будетъ лишь отвлеченно представляема, разсудочно, какъ нѣкая философская формула, то историческое изложеніе рискуетъ превратиться въ скучную схему съ очень сомнительной научной цѣнностью. Масса должна быть представлена конкретно и живо, разложена на свои составныя части, охватываемыя сознаніемъ и доступныя изслѣдованію съ помощью соотвѣтственнаго пріема. Отсюда естественно вытекаетъ постановка вопроса о роли общественнаго сознанія при Петрѣ, поскольку таковое можно уловить по матеріаламъ, совсѣмъ слабо изученнымъ и недостаточно подобраннымъ. И

Петръ Великій. Съ портрета *Кнеллера*. (1697.)

Photo

самъ Преобразователь, и его сотрудники, сторонники и оппоненты могутъ быть изучены, какъ живыя лица изъ разнообразныхъ общественныхъ кружковъ; ихъ чаянія и предложенія, ихъ восторги и порицанія, предметы ихъ вниманія и способы разрѣшенія того или другого вопроса — драгоцѣнный матеріалъ для характеристики общественнаго сознанія разныхъ общественныхъ слоевъ тогдашней эпохи, а слѣдовательно, и степени общественнаго участія въ ходѣ реформъ, будетъ ли оно положительнымъ, отрицательнымъ или даже пассивнымъ. Здѣсь прежде всего возникаетъ вопросъ, поскольку проекты Петровской эпохи являются исключительнымъ достояніемъ Петра съ его канцеляріей, съ подьячими для ихъ переписки и съ иностранцами для ихъ составленія. Быть-можетъ, затѣмъ помимо упорства и протеста, Преобразователь встрѣчалъ въ обществѣ и голоса совѣта или опредѣленныхъ предположеній въ разныхъ отрасляхъ государственнаго управленія и хозяйства. Настоящее изложеніе не претендуетъ дать отвѣтъ на поставленный вопросъ; достаточно, если два-три примѣра, приведенныхъ далѣе, натолкнутъ читающихъ на нѣкоторыя соображенія, отводящія отъ односторонняго пониманія Петровской реформы.

Петръ Великій. Съ портрета Ванъ-Гельдера (1717 г.).

I.

Едва Петръ успѣлъ покончить всѣ свои счеты съ земною жизнью, какъ сотрудники Преобразователя поднимаютъ вопросъ о скорѣйшемъ отвращеніи „опасностей“, грозящихъ цѣлости государства. Реформа какъ будто

привела государство на край гибели. Послѣдующее показало, что край гибели былъ еще очень далекъ, но спѣшить съ разрѣшеніемъ вопроса, „какимъ образомъ въ такихъ конъюнктурахъ поступать“, надо было. По предложенію перваго генералъ-прокурора Сената Ягужинскаго на разсмотрѣніе Верховнаго Тайнаго Совѣта была представлена такая программа вопросовъ:

1) какъ облегчить крестьянъ въ уплатѣ подушной подати;

2) какъ пополнить дефицитъ, который образуется въ случаѣ уменьшенія подушной;

3) какъ уменьшить штатъ правительственныхъ учрежденій;

4) какъ исправить юстицію, торговлю и денежное дѣло.

Въ этой программѣ явственно выступаютъ крестьянское разореніе, съ одной стороны, и боязнь финансоваго краха государства, съ другой. Какъ пережить результаты перенесеннаго страной тяжелаго напряженія, хочетъ спросить Ягужинскій, мало интересуясь, однако, положеніемъ крестьянскаго сословія. „Великая скудость“ крестьянъ, ихъ „крайнее всеконечное разореніе“ интересуетъ и Меншикова съ узко-правительственной точки зрѣнія, для которой экономическое благосостояніе крестьянства само по себѣ не представляло ни интереса, ни значенія. „Солдатъ съ крестьянномъ,—писалъ Меншиковъ,—связанъ какъ душа съ тѣломъ, и когда крестьянина не будетъ, тогда не будетъ и солдата“; безъ послѣдняго государству жить нельзя, „понеже армія такъ нужна, что безъ нея государству стоять невозможно, того ради и о крестьянахъ попеченіе имѣть надлежитъ“. Ягужинскій и Меншиковъ—представители правительства съ его особливыми интересами; крайнее всеконечное разореніе крестьянъ начинаетъ ихъ заботить уже по смерти Петра, когда этотъ фактъ предсталъ предъ ними во всей его обнаженности и явился предметомъ обсужденія въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. Въ программѣ Ягужинскаго на первомъ планѣ—крестьянское разореніе и мѣры къ возможному устраненію этого зла. Это совсѣмъ не ново для 1726 года, ибо еще при жизни Петра авторы разнаго рода проектовъ, „пунктовъ“, „статей“, „доношеній“ говорятъ о томъ же крестьянскомъ разореніи и говорятъ очень выразительно, обставляя свои соображенія достаточно разнообразнымъ матеріаломъ, такъ или иначе стоящимъ въ живой связи съ устройствомъ всего крестьянскаго обихода. Крестьянинъ П. Т. Посошковъ въ августѣ 1724 г. представилъ Петру при особомъ прошеніи рукопись подъ заглавіемъ „Книга о скудости и о богатствѣ, сіе есть изъявленіе, отчего приключается напрасная скудость, и отчего гобзовитое богатство умножается“. 26 августа 1725 г. авторъ „книги“ былъ арестованъ и 1 февраля 1726 г. поплатился за нее своей жизнью, будучи, какъ колодникъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, похороненъ на Выборгской сторонѣ, близъ церкви св. Сампсонія странноприимца. Въ своемъ „изъявле-

ніи“ Посошковъ касается самыхъ разнообразныхъ вопросовъ государственнаго и народнаго хозяйства, а также управленія. „И аще,—пишетъ Посошковъ,—его царскаго величества изволеніе будетъ, еже вся предложенная сія моя мнѣнія въ дѣло произвести, елико предрекохъ о духовныхъ дѣлахъ, и о воинскихъ, и о судейскихъ, и о купеческихъ, и о художныхъ, и о истребленіи разбойниковъ, и о удержаніи бѣглыхъ людей, и о земляныхъ дѣлѣхъ, и о крестьянствѣ, и о нетрудномъ умноженіи и собраніи казны его царскаго величества, то я, за помощью Божіею, безъ сумнѣнія могу рещи, еже вся наша великая Россія обновится какъ въ духовности, тако и въ гражданствѣ“. Изъ приведенной выдержки ясенъ планъ „изъявленія“ Посошкова. Но подмосковный крестьянинъ Посошковъ не только „изъявитель“, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и критикъ, языкъ котораго не былъ приспособленъ къ черезчуръ деликатному уху высшей власти. Авторъ пишетъ „о истребленіи всякія великія и малыя неправды, и неисправностей“; онъ чуетъ нелюбовь бюрократіи къ исправленіямъ и къ широкой гласности, когда въ заключеніи сообщаетъ Петру, что свою книгу онъ писалъ три года, при чемъ „аще и многократно переписывалъ ю, обаче ни отъ кого ни видѣна бысть, всячески бо сокрывахся, дабы въ народъ не произнеслося сіе мое предложеніе“. Посошковъ, этотъ „правды всеусердный желатель“, вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ царя, „дабы имя мое сокровенно отъ сильныхъ лицъ было, паче же отъ нелюбящихъ правды, понеже писахъ, не слагая имъ“. Жесткость критики создала для автора возможность въ 73 года попасть въ казематъ и умереть тюремнымъ спдѣльцемъ. Посошковъ вездѣ и во всемъ усматриваетъ большую неурядицу и временами очень больно попрекаетъ власть, хотя бы и въ незамѣтныхъ по внѣшности формахъ. Достаточно сказать, что въ главѣ „о воинскихъ дѣлахъ“ Посошковъ утверждаетъ, что Петровская армія погибаетъ съ голода, а когда стоитъ гдѣ на квартирахъ, то неистовствуетъ надъ мирнымъ населеніемъ. Намекая на общій характеръ политики Петра, Посошковъ утверждаетъ, что наполнить царскую казну богатствомъ есть „дѣло невеликое и весьма нетрудное“, а вотъ что „великое мно-

Царевичъ Петръ Петровичъ.
(Романовская галлерея).

готрудное есть дѣло, еже бы народъ весь обогатить: понеже безъ насажденія правды, и безъ истребленія обидниковъ, и воровъ, и разбойниковъ, и всякихъ разныхъ явныхъ и потаенныхъ грабителей, никоими мѣрами народу всесовершенно обогатитися невозможно“. Такія рѣчи „изъявителя“ не могли пройти даромъ, и Посошковъ открылъ литературѣ широкую дорогу въ крѣпость. Критика основныхъ сторонъ Петровской дѣйствительности приводила Посошкова къ разнообразнымъ преобразовательнымъ комбинаціямъ. Европы Посошковъ не зналъ, онъ слышалъ только о ней, вслѣдствіе чего его преобразовательныя комбинаціи покоились исключительно на опытѣ старой Москвы и на критикѣ старой „неправды, неустройства, народной скудости“. Посошкова называютъ обыкновенно московскимъ прогрессистомъ, подразумѣвая подъ этимъ терминомъ человѣка стараго московскаго склада, но способнаго къ усвоенію и защитѣ тѣхъ сторонъ реформы, которыя казались годными для переустройства матеріальныхъ сторонъ русскаго быта. Его отличаетъ еще и крайняя религіозная нетерпимость и явный привкусъ старо-московскаго національнаго самомнѣнія. Это—своего рода москвофилъ Петровской эпохи, который стоитъ лицомъ къ лицу противъ народившагося уже тогда западника. Говоря о крестьянскомъ разореніи, Посошковъ указываетъ и на его ближайшія причины. „Крестьянское житіе скудостно,—пишетъ онъ,—ни отъ чего инаго, токмо отъ своея ихъ лѣности, а потомъ отъ неразсмотрѣнія правителей, и отъ помѣщичьяго насилія, и отъ небреженія ихъ“. Крѣпостное право и административный произволъ,—вотъ, по мнѣнію Посошкова, источникъ крестьянскаго разоренія. „Паки,—продолжаетъ Посошковъ,—крестьянству чинится великое разореніе отъ разбойниковъ... Паки немалая пакость крестьянамъ чинится и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ“. Посошковъ подробно останавливается потомъ на вопросѣ, какую „немалую пакость крестьянамъ“ чинитъ крѣпостное право. Къ „господамъ дворянамъ“ Посошковъ относится не безъ иронiи, онъ не признаетъ ихъ вѣковыми владѣльцами крестьянъ, а лишь временными; владѣніе душами онъ хочетъ перестроить на правовыхъ началахъ и горячо протестуетъ противъ дворянскаго насилія, рисуя соблазнительныя картинки хозяйничанья „безчеловѣчныхъ дворянъ“. Хозяйственныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ должны быть установлены опредѣленнымъ закономъ, а судьямъ надлежитъ указать, чтобы законъ этотъ на практикѣ не нарушался. „О семъ, по мнѣнію Посошкова, яко высокимъ господамъ, тако и мелкимъ дворяномъ надлежитъ между собою посовѣтовать о всякихъ крестьянскихъ поборѣхъ помѣщичьихъ и о сдѣльѣ, какъ бы ихъ обложить съ общаго совѣта и съ докладу его императорскаго величества, чтобы крестьянству было не тягостно... Лучше и помѣщикамъ учинить расположеніе указное, по чему имъ съ крестьянъ оброку и инаго чего имать, и по колику дней въ недѣлю на помѣщика своего работать и иного какого сдѣлья дѣлать, чтобы имъ сносно

было государеву подать и помѣщику заплатить, и себя покормить безъ нужды". Иронизируя надъ „господами дворянами", что они „крестьянами владѣютъ, а что-то именовать крестьянина не знаютъ", Посошковъ не стѣсняется и съ Петровскимъ указомъ о первой ревизіи: „а во счисленіи душевномъ не чаю жъ я проку быть; понеже душа вещь неосязаемая и умомъ непостижимая и цѣны не имущая: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя". Пытаясь оградить крестьянское хозяйство отъ разоренія и обидъ со стороны помѣщика, Посошковъ не менѣе ретиво говоритъ о необходимости „попеченіе неоскудное имѣть" о купечествѣ, при чемъ не воздерживается отъ намековъ на обычныя злоупотребленія сильныхъ: „И купечества въ ничтожность повергать не надобно, понеже безъ купечества ни каковое не токмо великое, но и малое царство стоять не можетъ. Купечество и воинству товарищь: воинство воюетъ, а купечество помогаетъ и всякія потребности имъ уготовляетъ. И того ради о нихъ попеченіе неоскудное надлежитъ имѣть: яко бо душа безъ тѣла не можетъ быти, тако и воинство безъ купечества пробыть не можетъ; не можно бо ни воинству безъ купечества быть, ни купечеству безъ воинства жить. И царство воинствомъ разширяется, а купечествомъ украшается. И того ради и отъ обидниковъ вельми надлежитъ ихъ охранити, дабы не малыя обиды имъ отъ служивыхъ людей не чинилось. Есть многіе несмысленные люди— купечество ни во что ставятъ, и гнушаются ими, и обидятъ ихъ напрасно. Нѣтъ на свѣтѣ такого чина, коему бы купецкой человѣкъ не потребенъ былъ бы". Эти выразительныя слова Посошкова знаменуютъ собой зарожденіе буржуазной идеологіи на русской почвѣ; они показываютъ намъ, что Петровское правительство получало въ свое распоряженіе не только голые проекты и простое изображеніе желательныхъ мѣропріятій. Можно говорить не объ одной общественной инціативѣ, какъ таковой; можно утверждать, что голоса изъ общества пытались диктовать правительству Петра тѣ или другія теоретическія построенія, которыя во многихъ случаяхъ могли раздражать и представителей власти, и правящій классъ. Если Ягужинскій въ упомянутой выше программѣ ставитъ вопросъ объ исправленіи юстиціи, которая поражала современниковъ Петра громадностью разнообразныхъ злоупотребленій, то Посошковъ подготовилъ для постановки этого вопроса очень цѣнный матеріалъ въ третьей главѣ своего „изъявленія": это — обвинительный актъ противъ Петровской эпохи. Посошковъ негодуетъ, но предложить какихъ-либо новыхъ, неиспытанныхъ мѣръ часто не умѣетъ: ему грезится правильное употребленіе старыхъ пріемовъ; съ его точки зрѣнія плохи не старые пріемы, а не хорошо то, что люди ими злоупотребляютъ. Посошковъ какъ будто не понимаетъ, что надо, стало-быть, отказаться вовсе отъ этихъ пріемовъ; тѣмъ не менѣе онъ продолжаетъ свои указанія. Начавъ съ религіозно-этическихъ и темныхъ разсужденій о божественности

суда и о правдѣ, Посошковъ приходитъ къ теоріи бѣгства отъ суда и управленія, осуждая лицъ, стремящихся занять должности судьи или правителя. Теорія отдаетъ отчаяніемъ. „Я,—пишетъ Посошковъ,—по своему мнѣнію судное дѣло и управленіе вельми поставляю высоко, паче всѣхъ художествъ, на свѣтѣ сущихъ. И того ради никакому человѣку, не токмо малосмысленному, но и самому разумному не подобаетъ судейства или начальства искать, но всячески отъ него отрицатися; понеже весьма тяжелоносно оно“. „Изъявленіе“ Посошкова подписано 24 февраля 1724 г.; оно является результатомъ впечатлѣній отъ всей Петровской эпохи, получая поэтому особенное значеніе для характеристики общественнаго пониманія реформы.

II.

Голосъ Посошкова вылился въ систематическую „девятерицу главъ“, направленныхъ „къ насажденію правды, неправды же и всякаго воровства ко истребленію“; это—заключительный аккордъ голосовъ, несшихся къ верховной власти съ своими предположеніями въ эпоху Петровской реформы. Многіе изъ нихъ, подобно Посошкову, исходили преимущественно изъ наблюденій надъ русской дѣйствительностью и критики послѣдней. Таковы „двѣнадцать статей“ неизвѣстнаго автора, обратившаго большое вниманіе на необходимость развитія русской промышленности, — „доношеніе объ уравнительномъ платежѣ“ оберъ-фискала А. Я. Нестерова, открывшаго злодѣянія сибирскаго губернатора князя Матвѣя Гагарина и 24 января 1724 г. казненнаго смертью за „многое въ дѣлахъ упущеніе“, — „пункты“ управителя Московской губерніи В. С. Ершова, затѣмъ „пункты къ прибытку государственному“ полковника С. Юрлова, „доношеніе“ Ивана Филиппова, отличавшагося враждой къ „шляхетству и фамильнымъ людямъ“, и, наконецъ, „пункты объ утраченномъ интересѣ“ и „доносительныя статьи В. М. Лодыгина“. Изученіе всѣхъ указанныхъ обращеній къ правительству Петра можетъ указать на извѣстную связь ихъ съ тѣмъ кругомъ воззрѣній, къ которому примыкалъ Посошковъ. Большой интересъ въ этихъ обращеніяхъ къ правительству, частью упомянутыхъ выше, можетъ представлять ихъ соціальная подпочва: какъ зарождается и развивается та соціальная рознь, которая явственно выступитъ гораздо позднѣе, но которая уже теперь, даже въ своихъ элементарныхъ зародышахъ, способна диктовать мѣры, окрашивающія вкусы и интересы той или другой общественной группы, и выражать жгучую ненависть по адресу правящаго класса. Такъ, въ краткомъ „доношеніи“ Ивана Филиппова нарисована картина разнообразныхъ злоупотребленій при переписи крестьянскихъ дворовъ. „Неравная переписка чинится не безо взятковъ“, крестьяне разбѣгаются, многія села и деревни

опустѣли, умножились разбои и воровство, при продолженіи войны государству грозитъ гибель... Но кому объ этомъ думать? Некому... „Въ государствѣ вашего величества,—пишетъ Филипповъ,—о вышеписанномъ превеликомъ интересѣ доброй радѣтель изъ вышнихъ никто не явится“. Фамильнымъ и шляхетству „по ихъ гордымъ и сребролюбнымъ обыкностямъ“ у денежныхъ сборовъ и у всякихъ интересныхъ дѣлъ „быть не надобно“, утверждаетъ Филипповъ, нимало не стѣсняясь передъ величіемъ и древностью породы или передъ родствомъ ихъ съ царемъ. Фамильные люди — царю близки, а шляхетство передъ ними рабствуетъ. Фамильный человѣкъ, что хочетъ, то и дѣлаетъ. „А шляхетство,—пишетъ царю Иванъ Филипповъ,—предслужа ему, тако жъ требуетъ отъ службы отбыть и у дѣлъ обогатиться, отчего народъ въ конецъ разоряется и никто за велпкое фамильство его изъ нижнихъ чиновъ донести не можетъ. Потому убогу мужу трудно доводить на вельможу, понеже онъ убогъ и незнатенъ и предстателя о себѣ до вашего царскаго пресвѣтлаго велпчества отъ спльныхъ не имѣетъ, и во-время благополучно напамятовать объ немъ некому, токмо чинятъ ему великую тѣсноту и мученіе“. Филипповъ не унимается и продолжаетъ все рѣзче честить знать, которая, по его мнѣнію, является истиннымъ источникомъ государственнаго разоренія и народнаго обнпщанія. Среди совѣтовъ и показанія прпбылей Петръ прочиталъ у Филиппова такую тираду: „Фамильной, хотя и, конечно, по неправдамъ своимъ зѣло виноватъ, почему мочно и воромъ назвать, то ему пребывающіе въ твоей милости и въ дѣлахъ при твоемъ велпчествѣ, овые изъ подарка, овые впредь чая, овые заимно, овые платя прежнее, овые другихъ ради прошенія, помогаютъ всяко, о винѣ его не износятъ, и разныя разсужденія прилагаютъ, и не истину во истину поставляютъ, и всяко его вину уничтоживаютъ и умалчиваютъ“. Рядовое шляхетство, въ свою очередь, находится въ зависимости у знати. „Шляхетство фамильнымъ рабски служатъ и волю ихъ всяко исполняютъ,—говорптъ Филипповъ,—и тою службою для обогащенія получаютъ комендантства и у

Царевна Анна Петровпа.
(Романовская галлерея).

другихъ вашихъ царскихъ интересовъ командирство, и обнадѣяся на великосильную заступу, премногіе вашего царскаго величества интересы похищаютъ, и оттого великое себѣ богатство получаютъ, а доносить на такихъ злодѣевъ невозможно, понеже отправленъ онъ къ дѣламъ отъ фамильнаго и доношеніе подавать ему жъ,—то въ томъ какъ можетъ быть правое рѣшеніе!“ У авторовъ разныхъ проектовъ наблюдаются замашки московской старины, которая не разсуждала о правѣ петицій, но постоянно прибѣгала къ формѣ петицій, какъ излюбленному средству сношеній съ верховной властью. При Петрѣ это право петицій отлилось въ доношенія и проекты, ими широко пользовались въ интересахъ общественной борьбы и говорили царю, что онъ окруженъ ворами и злодѣями, видя по обычаю зло въ лицахъ, а не въ строѣ. Привязывая свои общія разсужденія къ какимъ-либо отдѣльнымъ злоупотребленіямъ, многіе изъ голосовъ, доходившихъ до Петра, вскрываютъ свои соціальные вкусы и въ то же время ставятъ такіе вопросы, которые позднѣе становятся и очередными, и жгучими. И крѣпостное право съ чрезвычайною неравномѣрностью обложенія при подворной раскладкѣ податей, и всемогущество бюрократіи и правящаго класса, обкрадывающихъ населеніе безъ серьезныхъ помѣхъ, и вопросъ о реформѣ обложенія,—все это имѣется въ писаніяхъ „доносителей“. Можно утверждать, что мысль о податной реформѣ съ одинаковою силой развивалась и въ Петровскомъ кабинетѣ, и въ разнообразныхъ общественныхъ кружкахъ. Уже въ 1713 г. появился терминъ „поголовщина“. Если въ данномъ случаѣ и можно говорить о заимствованіи съ запада, то очень условно. Настойчивая, жесткая, выразительная критика своихъ соперничала съ передачей западныхъ наблюденій, и если послѣднія сколько-нибудь пригодились, то лишь на хорошо взрыхленной почвѣ отечественныхъ наблюденій. Только правительство и общество въ своихъ предположеніяхъ руководствовались различными мотивами. Первому нужно было во что бы то ни стало получить возможно болѣе денегъ отъ населенія; представители второго, часто боясь за самую цѣлость населенія, путемъ реформы обложенія стремились послѣднему полегчить, иногда даже смутно чувствуя, что для того, чтобы себѣ полегчить, необходимо волю себѣ прибавить. Выше было указано, съ какою рѣзкостью и силой одинъ изъ доносителей показывалъ Петру, какъ эта воля во всей полнотѣ похищена чиновниками и шляхетствомъ. Петровская эпоха обосновала и обострила эту соціальную рознь, подложивъ подъ нее прочный фундаментъ; она подогрѣла остроту и стараго московскаго вопроса о бѣглыхъ крестьянахъ, что также было предметомъ общаго почти вниманія доносителей. „Литература проектовъ“ XVIII в. и въ отношеніи фактовъ, и въ отношеніи мѣръ, по остроумному выраженію одного писателя, можетъ быть названа прямымъ продолженіемъ „литературы челобитныхъ“ XVII столѣтія.

„Литература проектовъ“ XVIII в. коснулась также и вопроса о свободѣ торговли, противниками которой выступили Филипповъ и Посошковъ, что весьма характерно для Петровской эпохи, показывая тотъ хозяйственный моментъ, который переживало въ началѣ XVIII столѣтія государство. Въ 1722 г. Сенатъ пришелъ къ заключенію, не выходившему изъ рамокъ московской старины: „бѣломѣстцамъ лавокъ за собою, а купцамъ деревень имѣть не надлежитъ“. Въ связи съ торговлей проекты обсуждали и недостатки самоуправленія торговаго класса, опиравшагося на узаконенія 1692—1700 гг. Посадскій человѣкъ москвитинъ Андрей Маркеловъ въ своемъ „доношеніи отъ купечества“ писалъ о злоключеніяхъ посадскихъ тяглецовъ, благодаря злоупотребленіямъ ратуши и приказовъ и отсутствію свободы выборовъ въ Москвѣ. Отмѣтивъ великія прорѣхи въ ратушскомъ правленіи, А. Маркеловъ именемъ московскаго купечества настаиваетъ на томъ, чтобъ учинить на Москвѣ сборную слободскую купеческую палату, подчинивъ ее вѣдѣнію кого-либо изъ купеческихъ знатныхъ людей въ присутствіи четырехъ лицъ, такъ называемыхъ четвертныхъ старостъ, избираемыхъ погодно „для пріему и отдачи сборной денежной казны, и для иныхъ... отправленій всякихъ купеческихъ нуждъ... также и въ службы тяглецы отсыланы будутъ съ выбора жъ, кто въ какую службу будетъ написанъ имянно, съ общаго совѣта съ четвертными старосты“. Не говоримъ о злоупотребленіяхъ администраціи и судебныхъ взяткахъ, соперничавшихъ съ безконечной волокитой, о чемъ пишутъ даже изъ-за границы очень многіе, если не всѣ, по вопросу о положеніи торгово-промышленнаго класса и русской промышленности. Какой-то россійскій человѣкъ, „обрѣтавшійся въ Голландіи“, доказывалъ Петру, что въ Россіи „купечества весьма мало и можно сказать, что уже нѣтъ, ибо всѣ торги отняты отъ купцовъ, и торгуютъ оными товары высокія персоны и ихъ люди, и крестьяне, отъ которыхъ весьма мало пошлины и, можно сказать, ни единыя копейки“. Обрѣтаясь въ Голландіи, неизвѣстный авторъ во многомъ сходился съ Ив. Филипповымъ и съ Ив. Посошковымъ и предлагалъ господъ, торгующихъ тайно, „записывать въ посадъ, безъ респекту всякія персоны“. Респекту къ „высокороднымъ людямъ“, отъ которыхъ проистекаетъ все зло, у него вообще не было. Желая, чтобы Петровскій Сенатъ походилъ на европейскія учрежденія и состоялъ въ „благомъ порядкѣ“, авторъ рекомендовалъ Петру выгнать изъ Сената безграмотную знать, да „на ихъ мѣсто избрать, хотя и не изъ высокородныхъ, но токмо бы были умные, вѣрные и пробованные во услугахъ, ибо честь не по фамиліи зависитъ, но отъ вѣрной службы къ своему государю и отечеству своему“. Можно указать, наконецъ, что по вопросу о развитіи русской мануфактурной промышленности и заграничной торговли доносилъ Петру еще нѣкто Даніилъ Вороновъ, побывавшій за границей и извѣстный въ Россіи, какъ рудныхъ дѣлъ промышленникъ и

паточныхъ дѣлъ мастеръ. Характерно, что Вороновъ былъ сторонникомъ казенной фабричной промышленности въ Россіи, не возлагая большихъ надеждъ на частнопредпринимательскую.

III.

Москвофильство въ лицѣ Посошкова и группы лицъ, во многихъ отношеніяхъ съ нимъ схожихъ, представляетъ интересъ, какъ проявленіе общественной инціативы въ преслѣдованіи общественныхъ же задачъ. По проектамъ этой группы можно прослѣдить соціальные вкусы разныхъ общественныхъ слоевъ, мелькавшіе подъ флагомъ такъ называемой заботы о благѣ народа, вслѣдствіе чего крестьянское разореніе, оскудѣніе купечества, грабежъ чиновниковъ, неправда черная судовъ, преступность правящаго класса и произволъ знати выступаютъ не безъ силы и выразительности. Поддерживая реформу въ общемъ, названные проекты далеки отъ исключительности узкогосударственныхъ интересовъ; они представляютъ поэтому и бо́льшій соціальный интересъ по сравненію съ бумагами, исходившими отъ такъ называемыхъ прибыльщиковъ. Одинъ изъ новыхъ русскихъ историковъ замѣтилъ, что эти прибыльщики „заботятся не объ обществѣ, не о народномъ благосостояніи, но о правительствѣ, о царственномъ интересѣ“, что „непосредственная цѣль ихъ доношеній — увеличеніе государственныхъ доходовъ, казенныя прибыли“, и что если нѣкоторые изъ нихъ и „стремятся согласить интересы народа съ интересами казны, изыскивая новыя прибыли безъ отягощенія народа“, то наиболѣе типичные прибыльщики „готовы принести народное благосостояніе въ жертву государству“, какъ вполнѣ готовъ былъ на это и самъ Преобразователь, принужденный, однако, не безъ вліянія „литературы проектовъ“ отвлекаться отъ солдатъ и финансовъ къ общимъ вопросамъ земской жизни. „Прибыльщикъ“ — своеобразный типъ русской жизни начала XVIII вѣка, создавшійся на очень опредѣленной почвѣ финансовыхъ затрудненій государственнаго казначейства. Въ запискахъ князя Бориса Куракина можно найти цѣлую картинку дѣятельности прибыльщиковъ Парамона Скворцова, Степана Вараксина, Василія Ершова, Якова Акиншина и др. Съ чего и какъ взять и возможно больше взять — вотъ что занимало мысль авторовъ „доношеній“ подобнаго рода. Прибыльщицкіе вкусы прорвались даже въ Посошковѣ, написавшемъ „письмо о денежномъ дѣлѣ“, въ которомъ онъ проектировалъ установленіе новыхъ пошлинъ на товары, взамѣнъ „десятыя деньги и поворотныхъ денегъ“, а также выпускъ мелкой размѣнной монеты. Первымъ прибыльщикомъ выступилъ Алексѣй Курбатовъ въ 1699 г. Въ запискахъ упомянутаго выше князя Куракина мы читаемъ объ этомъ выразительную запись: „Того года начались прибыли.

Первая выдана человѣкомъ боярскимъ Борпса Шереметева Алексѣсмъ Курбатовымъ, который нынѣ въ дьякахъ и реентомъ въ бурмиской палатѣ, или въ ратушѣ, а преже того сидѣлъ въ оружейной палатѣ, которой вымеслилъ на Ивановской площади продавать бумагу за розными величествомъ гербами, и всякія приказныя письма между челобитчиковъ и крѣпости писать, какъ о томъ показано въ указѣ. И съ того сбора сбиралося во всемъ государствѣ съ той бумаги тысячъ по 300. И съ того числа почели умножаться прибыли". Намъ нѣтъ нужды слѣдить за безконечнымъ роемъ поджателей перваго прибыльщика, который въ конечномъ счетѣ попалъ подъ судъ по обвиненію въ присвоепіи казенныхъ суммъ и взяточничествѣ и умеръ лѣтомъ 1721 г., не дождавшись приговора суда и, быть-можетъ, только такимъ способомъ избѣжавъ тяжкаго конца жизненной карьеры Алексѣя Нестерова. Курбатовъ извѣстенъ, какъ авторъ проекта „пункты о кабинетъ-коллегіумѣ", въ которомъ одни видятъ предвѣстника учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта, другіе—проектъ реорганизаціи Сената. Курбатовъ съ первыхъ строкъ проекта выступаетъ сторонникомъ финансовой централизаціи, видя „лучшую всенародную пользу" болѣе всего „въ собраніи государственныя казны въ едино правленіе, черезъ которое приходъ и росходъ, остатокъ и недостатокъ всегда можетъ быть виденъ явно и къ прибыли государственной совѣтованіе и въ дѣйство пропзведеніе происходити будетъ лучшее". Онъ привѣтствуетъ поэтому коллежскую реформу Петра, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ необходимымъ увѣнчать зданіе коллегій учрежденіемъ кабинетъ-коллегіума, предлагая свою мысль о немъ въ такой формѣ: „Крѣпчайшаго ради во опыхъ коллегіяхъ и во всемъ государствѣ правленія и содержанія непозыблемыя правды и страха, и ради скорѣйшаго царскому велпчеству о всѣхъ въ государствіп его правленія вѣдѣнія, мнится надлежитъ быть еще главнѣйшему правленію именованіемъ или кабинетъ-коллегіумъ, или архиканцелярія имперіи, или какъ сопзволитъ именовати его величество, въ которомъ правленіи временемъ присутствовати будетъ самъ его царское величество". Перечислпвъ громадный кругъ вопросовъ и дѣлъ, которые

Петръ Великій. (Съ портрета Мура).

надлежало бы передать на усмотрѣніе и надзоръ проектируемаго учрежденія, авторъ заключаетъ свою записку такими словами: „И другія всякія въ государствѣ дѣла, кромѣ иностранныхъ, вѣдать въ томъ правленіи точію частократными спрашиваніи скораго исправленія, досмотрами и понужденіемъ“. Проектъ касается очень больныхъ мѣстъ Петровской эпохи и безпорядка формы центральнаго управленія, и неурядицы чиновнаго управленія на мѣстахъ, и усовершенствованія пріемовъ военнаго и финансоваго управленія. Играютъ въ проектѣ роль и „прибытки казны“: „Которые всякихъ чиновъ люди, — пишетъ Курбатовъ, — желаютъ по своему усердію о повреждениі государственныхъ интересовъ и о прибыткахъ казны и о прочихъ, къ тому надлежащихъ, дѣлѣхъ доносить самому царскому величеству, и таковыя доношенія дабы позволено было всѣмъ невозбранно подавать въ той канцеляріи, и въ которыхъ по розсмотрѣнію явится дѣло, разсылать, куды надлежитъ, по коллегіямъ и спрашивать по нихъ исправленія, а царскому величеству не подавать, а доносить изъ той канцеляріи о самыхъ точію нужныхъ дѣлѣхъ, а прочими дѣлами дабы не утруждать его величество“. Необходимо внимательно перечитать приведенную статью Курбатовскихъ пунктовъ, чтобы ясно представить себѣ, до чего возвышается здѣсь политическая мысль „перваго прибыльщика“: подобная статья, будучи распубликована, какъ законъ, въ сущности призывала населеніе къ широкому участію въ государственныхъ дѣлахъ, хотя бы только путемъ писаныхъ доношеній и проектовъ, а спеціальная канцелярія занята непосредственно разсмотрѣніемъ поступившихъ въ нее народныхъ бумагъ, отдающихъ слезами, стонами и мыслью населенія. Предполагалось, что въ порядкѣ „слѣдованія и розысковъ“, посылокъ указовъ и частократныхъ спросовъ, докладовъ государю и личныхъ поѣздокъ членовъ кабинетъ-коллегіума новое учрежденіе будетъ держать въ страхѣ и дѣятельности всю бюрократическую русскую армію, воздерживая ее отъ злоупотребленій, взятокъ, насилія и грабежа. И вотъ „первый прибыльщикъ“, самъ, въ концѣ-концовъ, попавшій подъ судъ за то, отъ чего онъ грезилъ спасти своимъ проектомъ россійскую страну, увѣряетъ, что „ежели царское величество соизволитъ быть таковому главному правленію, то видно и надежно, что отъ многихъ стужаній и трудовъ воспріемлетъ его величество многую свободность и непресѣкаемо будетъ благое его въ военныхъ и въ другихъ тому подобныхъ дѣлѣхъ и въ строеніяхъ намѣреніе“. Курбатовъ зналъ, чѣмъ обольщать Петра, но считалъ зазорнымъ вовсе промолчать о выгодахъ населенія, прибавляя: „А управители всего государства всегда имѣти будутъ за неправды страхъ и къ правосудію возъимѣютъ лучшее прилежаніе, и бѣдные, напрасно страждущіе, избавленіе; надежно же, что и государственная, особливо кабинетная, казна умножатися будетъ, предъ прежнимъ въ лучшее, о которой неусыпное надлежитъ имѣть стараніе,

яко о главнѣйшемъ войны пунктѣ“. Можно было бы привести еще 20-ю статью Курбатовскихъ пунктовъ, которая поражаетъ комбинаціей выборокъ тѣхъ злоупотребленій, съ которыми прежде всего должно было государство бороться. По вопросу о реформѣ высшаго центральнаго управленія въ распоряженіи Петра былъ еще одинъ проектъ, принадлежащій перу К. Н. Зотова, долго жившаго въ Англіи, Франціи и Голландіи и восхитившаго Петра своимъ добровольнымъ пожеланіемъ служить на англійскихъ корабляхъ. Курбатовъ — бумажный прибыльщикъ съ финансовымъ вкусомъ; Зотовъ — морякъ со страстью къ „непрошеннымъ“ совѣтамъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ и съ ненавистью и къ знати, и къ подлымъ. Идеалъ Зотова — образованные чиновники. „Породные“ къ дѣлу не годятся, потому что „всегда породные презираютъ труды, хотя по препорціи ихъ породъ и имѣнья должны также быть и въ наукѣ отмѣнны передъ прочими“. Не годятся къ государственному дѣлу и „подлые“, утверждаетъ К. Зотовъ, ибо „подлый не думаетъ болѣе, какъ бы чрево свое наполнить“. Такова соціальная точка зрѣнія К. Зотова, прекрасно оттѣняющаго детали общественной эволюціи начала XVIII столѣтія и всю необходимость при изученіи проектовъ, доношеній и разныхъ изъявленій Петровской

Графъ Рострелли. Восковой бюстъ Петра Великаго.

поры обращать первѣйшее вниманіе на ихъ соціальную подкладку. Зотовъ составилъ такъ называемое письмо о генералъ-ревизорѣ, которое въ русской исторической литературѣ признаютъ однимъ изъ прямыхъ источниковъ Петровскаго закона о должности генералъ-прокурора, любопытной, какъ показатель побѣды бюрократіи. К. Зотовъ не даромъ увлекся административными порядками Франціи. Генеральный ревизоръ долженъ быть очень важнымъ

человѣкомъ, чтобы онъ „никого не боялся“ и чтобы „никому не мочно на него бить челомъ и тягаться ни въ какомъ дѣлѣ, бывъ правое око и правая рука царева и сердце всего государства“. Не прельщаясь общественной инициативой и народной самодѣятельностью, Петръ по-своему оцѣнилъ мысль о генералъ-ревизорѣ, но не могъ предвидѣть опасности нарожденія самовластной бюрократіи. По мысли К. Зотова, генералъ-ревизоръ „только онъ имѣетъ, повиненъ и имѣть и надобно, чтобъ, конечно, имѣлъ полную и совершенную власть и мочь прочитать, разсуждать, повѣрять, подтверждать и поправлять, или исправлять все, что ни опредѣлится, или не учинится въ Сенатѣ, и принужденъ вмѣсто самого государя укорять, уличать, выговаривать и стращать гнѣвомъ государевымъ, и потомъ государю извѣщать и доносить о всемъ...; однимъ словомъ, всякія дѣла, которыя худо вершатся, онъ ихъ повиненъ передѣлать и по своему разсужденію вершить“. Въ этомъ страшномъ, если такъ можно выразиться, проектѣ К. Н. Зотовъ преподносилъ своему отечеству результаты своихъ европейскихъ наблюденій и увлеченій, крайне односторонних. Поэтому представляется болѣе умѣстнымъ остановиться въ заключеніе на Ѳедорѣ Степановичѣ Салтыковѣ, типичномъ западникѣ, старомъ баринѣ, въ числѣ предковъ котораго видимъ эмигранта Михаила Глѣбовича и отцомъ котораго былъ родной дядя московской царицы Прасковьи. Наблюдая изъ прекраснаго далека и вспоминая наблюденное ранѣе своего отъѣзда за границу, знатный баринъ сроднился съ нѣкоторыми весьма специфическими прелестями Запада, написалъ и отправилъ Петру „Изъявленія прибыточныя государству“ (1 августа 1714 г.) и „Пропозиціи“ (24 апрѣля 1713 г.). Салтыковъ такъ и умеръ за границей, получивъ только въ день своей смерти 2 августа 1715 г. письмо царя Петра съ благодарностью за труды и повелѣніемъ „немедленно ѣхать въ отечество“, въ которомъ Салтыкову уже не было теперь надобности

IV.

Въ исторической литературѣ не безъ основанія было указано, что проекты Ѳ. С. Салтыкова отличаются „разносторонностью своего содержанія и крайнимъ увлеченіемъ Западомъ“. Въ январѣ 1697 г. стольникъ Ѳ. С. Салтыковъ въ компаніи другихъ былъ посланъ въ Голландію, гдѣ долженъ былъ научиться „владѣть судномъ“ и по возможности „какъ дѣлати тѣ суда“. 19 ноября 1700 г. Салтыковъ былъ уже въ Россіи и въ качествѣ гвардіи капитана сражался подъ Нарвой; въ началѣ 1703 г. онъ—корабельный мастеръ, пишетъ Петру отчеты о постройкѣ судовъ на Олонецкой верфи и съ 1707 по 1711 г. работаетъ въ адмиралтействѣ и на Петербургской и Новоладожской верфяхъ въ самомъ огнѣ корабельныхъ увлеченій и морской

моды. Петръ страдалъ нетерпѣніемъ и выговаривалъ Салтыкову, что „зѣло медленно чинится приготовленіе къ спуску кораблей“, грозилъ и, въ концѣ-концовъ, 30 іюня 1711 г. отправилъ Салтыкова въ секретную заграничную командировку закупать за границей побольше и подешевле готовыхъ судовъ. Салтыковъ обязанъ былъ „вести себя вездѣ инкогнито за дворянина россійскаго, въ корреспонденціи имѣть надлежащую осторожность, обо всемъ писать цифирью“. Русскій корабельный мастеръ побывалъ въ Копенгагенѣ, въ Амстердамѣ, въ Гамбургѣ, объѣздилъ главнѣйшіе порты Англіи и Ирландіи и съ 1712 по 1715 г. прожилъ въ Лондонѣ, занимаясь дѣломъ скупки судовъ для русскаго флота. Петръ былъ нѣсколько предубѣжденъ противъ Салтыкова, послѣдній не умѣлъ или не хотѣлъ подойти къ нему и въ результатѣ помиралъ въ Лондонѣ съ голода вмѣстѣ съ жившими тамъ русскими навигаторами. Петръ любилъ и умѣлъ задавать дѣло, но не чувствовалъ охоты своевременно и щедро расплачиваться: Салтыковъ писалъ въ послѣднемъ своемъ письмѣ кабинетъ-секретарю А. В. Макарову, что его ждетъ въ Лондонѣ тюрьма за неплатежъ, и задавалъ еще вопросъ, долго ли ему томиться въ Англіи. Покуда Салтыковъ боялся лондонской тюрьмы, грозный Андрей Ушаковъ готовилъ ему почетное мѣсто въ петербургскомъ застѣнкѣ, но корабельный мастеръ попалъ въ могилу. У Салтыкова не было, такимъ образомъ, никакой государственной карьеры по существу, но было много европейскихъ наблюденій и желанія примѣнять ихъ результаты на русской почвѣ. Салтыковъ писалъ Петру изъ Лондона отъ 1 декабря 1712 г., что онъ, „будучи здѣсь, прилежно потщился выбрать изъ правленія уставовъ здѣшняго англійскаго государства и прочихъ европейскихъ, которое приличествуетъ токмо самодержавствію, а не такъ, какъ республикамъ или парламенту, по которому учинить въ вашихъ государствованіяхъ въ прибыляхъ какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, вновь доходы великіе, которые еще у насъ невѣдомы, а людямъ ни малой тягости не будетъ“. Петръ отвѣчалъ Салтыкову 12 января 1713 г. такъ: „Правы, о которыхъ вы писали, что вы выбрали изъ уставовъ аглинскихъ и прочихъ европскихъ, которыя надлежитъ кромѣ республикъ, пришлите къ намъ“. Любопытна эта черта въ перепискѣ нашихъ корреспондентовъ начала XVIII в.: одинъ заранѣе спѣшитъ предупредить, что познакомитъ лишь съ такими правами, которыя приличны самодержавствію, а другой въ отвѣтъ тоже предупреждаетъ, чтобъ не попалось чего-либо приличнаго республикамъ. Любопытно и другое: дѣлая какое-либо предложеніе, Салтыковъ старался заинтересовать Петра прибылями, тогда какъ не въ прибыляхъ заключалась главнѣйшая задача корабельнаго мастера, превращеннаго Петромъ въ своего рода бюро по пріисканію и покупкѣ кораблей для русскаго флота. Увлекаясь Западомъ, мечтая объ европеизаціи Россіи, Салтыковъ въ своихъ проектахъ касается самыхъ разнообразныхъ вопросовъ

и временами очень недурно выдаетъ свой соціальный интересъ. Въ такъ называемыхъ Пропозиціяхъ Салтыкова цѣлыхъ 15 главъ предложеній, а именно: о всѣхъ духовныхъ чинахъ, о мірскихъ господахъ и дворянахъ, о служилыхъ чинахъ воинскихъ и гражданскихъ, о купечествѣ и о чинахъ купеческихъ, о мастеровыхъ людяхъ и о всякихъ промышленникахъ, о людяхъ боярскихъ и о крестьянахъ, о школахъ и мастерахъ, о почтѣ, объ иноземцахъ, о Сибири, о Казани, о кабакахъ, о помѣстныхъ дѣлахъ, о ландъ-милиціи, о печати на купчія крѣпости. Уже въ самомъ началѣ „пропозиціи“ старый баринъ обнаруживаетъ свои соціальные вкусы. Западный риторъ-гоусъ и система гербовъ, строгость сословнаго строя и лендъ-лордизмъ ему не даютъ покоя. Салтыковъ такъ и начинаетъ свои „пропозиціи“ словами: „Велите всѣмъ духовнымъ чинамъ, т.-е. отъ митрополитовъ до игуменовъ, и до строителей, и до келарей, а въ женскихъ монастыряхъ игуменьямъ подать гербы, чѣмъ имъ печатать свои указы къ своимъ подданнымъ и всякія грамоты“. Преслѣдуя свои сословно-аристократическія цѣли, авторъ прельщаетъ Петра единовременными и ежегодными доходами отъ гербовъ и со страстью фанатика пропагандируетъ сословность „стараго порядка“ на Западѣ, не предчувствуя, что тотъ былъ въ его время наканунѣ своего распада. Въ этомъ случаѣ вторая глава о господахъ и дворянахъ представляетъ крупнѣйшій шагъ въ идеологіи русскаго дворянства, начинаясь категорическимъ утвержденіемъ, что старшій сынъ всегда долженъ быть наслѣдникомъ недвижимости, вотчинъ и дворовъ, а остальные сыновья могутъ довольствоваться „движимыми отеческими стяжательствы“. Соблазнительныя строки о маіоратѣ не могли быть равнодушно прочитаны Петромъ, издавшимъ законъ о единонаслѣдіи. Устанавливая майоратъ, Салтыковъ послѣдовательно идетъ въ своихъ указаніяхъ на обособленіе дворянскаго сословія. „Благородные“ не—„мещанство“, имъ „не довлѣетъ имѣть купеческихъ стежательствъ“; если „благородный“ будетъ имѣть купечество—лавки, торги или промыслы, тогда или взимать съ него пошлины „въ полтара“, или ему лишиться своего дворянства и записаться „въ бургеры, т.-е. въ мѣщаня“. Салтыковъ еще не чувствуетъ зародившейся на Западѣ роли буржуазнаго класса. „А ежели,—продолжаетъ Салтыковъ,—кто будучи изъ простыхъ чиновъ во всякихъ чинахъ градскихъ и служилыхъ придетъ въ богатство, и тѣмъ не покупать дворянскихъ стежательствъ, сиречь вотчинъ, понеже оное надлежитъ дворяномъ“. Купить дворянскую вотчину можетъ только такой разбогатѣвшій простой человѣкъ, котораго государство „ублагородитъ“ и царь дастъ ему „жалованную грамоту и гербъ“. Простые люди не равны господамъ, т.-е. такимъ, которые „сами, отцы ихъ, и дѣды, и прадѣды служили отечеству своему“: купцы, мастеровые и крестьяне, по понятіямъ Салтыкова, отечеству не служатъ. Рѣзко отдѣляя господъ отъ простыхъ людей или „подлыхъ“, какъ выражалось Петровское законодатель-

Тарелка царицы Натальи Кирилловны.

Оружейная Палата. (Альбомъ Солнцева.)

Таблица падежей числительных Калмаковых.

(Алфоом (оылысва)

(Фукжсиыя Цдсаыц

„Конклюзія" 1693 г.

ство, Салтыковъ признаетъ необходимымъ ввести въ Россіи титулы „стараго порядка“: „Довлѣетъ росписать во всѣхъ губерніяхъ и городѣхъ волости, слободы, села и деревни, и росписавъ то обращати по великости препорцыи въ ландгравство, въ маркизанство, въ графство, въ баронство, въ господство и стяжательство“, при чемъ, такъ какъ князьямъ безъ княжествъ быть не годится, то „обратить свои городы въ княжство, въ ландъграфство, въ маркизанство, въ графство, въ фисъ-графство, и тѣ достоинства раздѣлить имъ только одними титулами, а не такъ чтобы владѣтелемъ“. Не говоря объ устройствѣ системы гербовъ и риторъ-гауса, достаточно сказать, что въ данномъ случаѣ предложеніе Салтыкова представляется разработаннымъ детально и съ нескрываемой любовью къ строю англійской аристократіи. Салтыковъ пытался перенести съ Запада на русскую почву то, что тамъ выросло органически и уже старѣло; говоря о немъ, какъ о западникѣ, необходимо твердо помнить указанное обстоятельство. Въ области своихъ предположеній о развитіи національной промышленности и торговли Салтыковъ выступаетъ, какъ сторонникъ меркантилизма, и въ этомъ отношеніи его слѣдуетъ сопоставить съ Посошковымъ. Салтыкову знакомы идея торговаго баланса и мысль о всемогуществѣ государства въ дѣлѣ развитія промышленности и торговли; однако, въ умѣньѣ теоретическаго построенія вопроса онъ не стоитъ высоко, хотя эта слабая сторона его проектовъ не могла бросаться Петру въ глаза. Въ „изъявленіяхъ“ Салтыковъ въ смыслѣ общей системы обнаруживаетъ себя съ невыгодной стороны, но во всемъ изложеніи сквозитъ его привычка наблюдать; у него сквозитъ здѣсь порою интересъ къ отечественному прошлому, который онъ раздѣлялъ вмѣстѣ съ княземъ Б. Куракинымъ. Такъ, относительно Прибалтійскаго края, авторъ приводитъ длинную историческую справку, доказывая, что здѣшнія земли принадлежали „къ коронѣ російской издревле“ и что „сія правдивая война (т.-е. Сѣверная) зачалась съ короною шведскою для отыманія отечественныхъ наслѣдственныхъ провинцій“. Салтыковъ предлагаетъ „выправить съ лифляндскими и съ курляндскими гисторіями погодно, какимъ образомъ тѣ провинціи отлучились короны російской и почему сія настоящая война учинилася, для взысканія своихъ отечественныхъ стяжательствъ, для отыманія ихъ, и послѣ тоій выправки велѣть сдѣлать манифестъ всему народу російскому“. Кромѣ того, по мнѣнію Салтыкова, необходимо этотъ манифестъ „велѣть перевесть на латинской, французской и на нѣмецкой языки и переведчи велѣть напечатать на тѣхъ языкахъ, въ вѣдомость всѣмъ европскимъ государствамъ“. На тѣ же языки Салтыковъ считаетъ необходимымъ перевести и распространить по Европѣ новую русскую исторію, которую еще надо было написать. „Довлѣетъ,—пишетъ онъ,—зачинать писать гисторію, зачавши прежде отъ вашего высочайшаго корени и прирожденія генеологіею, въ которомъ году и числѣ ваше величество родился и воцарился и въ которомъ

году правленія своего царствія воспріялъ, и до которыхъ лѣтъ, послѣ вашего воцаренія, правленія не было и для какихъ причинъ и препятій". Европа, убѣждалъ Салтыковъ, должна знать „о храбрости, и о мудрости, и о великихъ премудрыхъ отправленіяхъ, и о вашихъ трудностяхъ, потому же и о храбрости російского народа". Этому вопросу „о правилахъ сочиненія гисторіи властной вашего царскаго величества" посвящена цѣлая глава въ „изъявленіяхъ". Въ этихъ предположеніяхъ виденъ широкій размахъ бывалаго на Западѣ человѣка, особенно если имѣть въ виду, что авторъ говоритъ въ тѣхъ же „изъявленіяхъ" о призрѣніи нищихъ и обученіи сиротъ, о женскомъ образованіи, объ учрежденіи библіотекъ, о каменныхъ постройкахъ, объ изысканіи морского пути отъ рѣки Двины до Амурскаго устья и до Китая и т. п. Разбросанныхъ предложеній и замѣчаній Салтыкова, неспособнаго къ стройному и систематическому обхвату предмета въ его цѣломъ, нельзя перечислить, не превративъ своего изложенія въ скучные номенклатурные листы. Проекты писались на ходу, среди кропотливыхъ и непріятныхъ дѣлъ, по мѣрѣ накопленія разнообразныхъ и многочисленныхъ впечатлѣній, порою безъ надлежащей критики и при наличности поверхностнаго наблюденія, при постоянныхъ оглядкахъ на отечество, изъ котораго всегда можетъ послышаться грозный, незаслуженный и грубый окликъ... Проекты Салтыкова являются цѣннымъ памятникомъ Петровской эпохи, безъ вліянія на Петра они не остались и любопытны, какъ показатель, до чего дорастала мысль побывавшаго за границей стараго русскаго барина на рубежѣ XVII и XVIII столѣтій...

Василій Сторожевъ.

Внѣшняя политика Петра Великаго.

Военныя и финансовыя потребности были главными пружинами преобразовательной дѣятельности Петра. Война—ея исходный пунктъ; война выдвинула на очередь рядъ задачъ, разрѣшеніе которыхъ было цѣлью всѣхъ реформъ, проведенныхъ Петромъ. Организація регулярной сухопутной арміи и созданіе флота были ближайшими изъ этихъ задачъ осуществленіе ихъ и военныя операціи, затянувшіяся на долгіе годы, потребовали колоссальнаго напряженія финансовыхъ рессурсовъ. „Денегъ какъ возможно собирать, — писалъ Петръ въ инструкціи новоучрежденному Сенату, — понеже деньги суть артеріею войны“. Эта забота проходитъ красной нитью черезъ правительственныя мѣропріятія, совокупность которыхъ составляетъ Петровскую „реформу“. Устройство финансовъ — кардинальный вопросъ внутренней политики при Петрѣ, мысль котораго постоянно обращается къ нему и упорно работаетъ надъ его рѣшеніемъ. Для того, чтобы добыть средства для веденія войны и выросшей на ходу ея новой внѣшней политики, нужно было не только перестроить финансовую администрацію въ соотвѣтствіи съ этими потребностями, но и изыскать новые источники доходовъ; отсюда— цѣлый комплексъ мѣръ, направленныхъ къ реорганизаціи государственнаго хозяйства и подъему производительности народнаго труда. Преобразованіе

областного и центральнаго управленія было задачей, возникшей попутно и въ связи съ этими мѣрами. Война, значитъ, была, въ послѣднемъ счетѣ, основнымъ факторомъ, опредѣлившимъ содержаніе преобразовательной программы Петра; ею же былъ обусловленъ самый ходъ реформы,—порядокъ, въ которомъ осуществлялись преобразованія въ зависимости отъ военныхъ событій,—и характеръ ея, порывистый и бурный.

Въ области внѣшней политики передъ Московскимъ государствомъ стояли двѣ крупныя историческія задачи: политическое объединеніе населенія русской равнины и исправленіе государственной границы на сѣверо-западѣ и югѣ. Обѣ онѣ восходили ко времени сформированія государства. Еще Иванъ III заявлялъ притязанія на русскія области, аннектированныя Литвою, подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ—вотчина Московскаго государя. „Не то одно наша отчина,—говорили отъ его имени его дипломаты посламъ короля Александра,—кои городы и волости нынѣ за нами: и вся русская земля изъ старины отъ нашихъ прародителей наша отчина“; при этомъ пояснялось, что въ составъ этой русской земли входитъ и территорія, которая за Литвой,—Кіевъ, Смоленскъ и другіе города. Исправленіе южной, степной границы стало вопросомъ первостепенной важности съ той поры, когда съ этой стороны появился у Москвы крайне безпокойный и опасный сосѣдъ въ лицѣ Крымской орды. Вслѣдствіе безпрерывныхъ опустошительныхъ вторженій крымцевъ, которые не разъ доходили до самой столицы Московскаго государства, въ южной окраинѣ его создалось невыносимое положеніе: чтобы хоть сколько-нибудь обезопасить ее со стороны степи, находившейся во власти крымскихъ хищниковъ, правительство было вынуждено держать въ ней, подъ защитой цѣпи пограничныхъ укрѣпленій, сторожевое войско въ постоянной боевой готовности, и все-таки, несмотря на это, несмотря на задабриванье хана данью,—русская колонизація въ этой области должна была оставаться подъ дамокловымъ мечомъ, пока степное пространство было внѣ границъ государственной территоріи.

На сѣверо-западѣ Московское государство съ XVI вѣка искало выхода къ морю, какъ въ своей естественной границѣ и наиболѣе удобному въ то время пути для сношеній съ Европой. Завладѣніе Балтійскимъ побережьемъ было цѣлью ливонскихъ походовъ Ивана IV, который упорно, но тщетно пытался утвердиться въ Эстляндіи и Лифляндіи.

Въ XVII в. предшественники Петра трудились надъ разрѣшеніемъ обѣихъ задачъ, но не могли похвалиться особымъ успѣхомъ въ этомъ дѣлѣ. Національное объединеніе вышло далеко неполнымъ: правительству царя Алексѣя удалось послѣ долгихъ и напряженныхъ усилій овладѣть только Смоленскомъ и Сѣверской областью и удержать половину добровольно поддавшейся Москвѣ Малороссіи. Сближеніе съ Польшей, начавшееся со времени заключенія, въ виду общаго врага, Турціи, Андрусовскаго перемирія и за-

крѣпленное вѣчнымъ миромъ и союзомъ 1686 г., сдѣлало невозможнымъ продолженіе національнстической политики, направленной къ отторженію отъ Польскаго государства областей, которыя Москва разсматривала, какъ свое національное достояніе. Еще болѣе печальный исходъ имѣли попытки исправленія Московскихъ границъ. Отъ Балтійскаго моря Москва была оттѣснена Швеціей, утвердившейся, по Столбовскому договору (1617 г.), на берегу Финскаго залива, нѣкогда принадлежавшемъ Великому Новгороду. Война, которую велъ со Швеціей царь Алексѣй, была неудачна и закончилась подтвержденіемъ столбовскихъ условій въ Кардисѣ. На югѣ борьба съ Крымомъ, очень тяжелая сама по себѣ, осложнилась вмѣшательствомъ Турціи, призванной на помощь Дорошенкомъ, воевавшимъ и съ Москвой, и съ Польшей. Первое военное столкновеніе съ турками изъ-за Чигирина привело Москву къ унизительному Бахчисарайскому трактату (1681 г.), отдавшему правобережную Украйну во власть султана и санкціонировавшему пережитокъ татарской неволи, ежегодную дань крымскому хану. Возобновленіе борьбы при Софьѣ въ союзѣ съ Австріей, Венеціей и Польшей только еще разъ демонстрировало военную несостоятельность Москвы, рать которой покрыла себя новымъ позоромъ въ крымскихъ походахъ 1687 и 1689 гг.

Послѣ паденія Софьи Петръ, ставшій фактически единодержавнымъ государемъ, на первыхъ порахъ одинаково мало интересовался и внѣшней, и внутренней политикой. Предоставивъ правленіе кучкѣ олигарховъ, самовластно хозяйничавшихъ въ государствѣ его именемъ, онъ попрежнему отдавался съ увлеченіемъ игрѣ въ солдатики, не помышляя о пробѣ своихъ „потѣшныхъ“ силъ въ дѣйствительной войнѣ. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, пока у него не явилось желаніе перейти отъ потѣхи къ дѣлу, безъ яснаго представленія, однако, о театрѣ будущихъ военныхъ дѣйствій. Еще въ 1694 г. его, по словамъ Лефорта, занималъ проектъ похода на Каспійское море, но въ то же время въ Москвѣ ходилъ и слухъ о готовящейся войнѣ съ Турціей. О мотивахъ, побудившихъ Петра, въ концѣ-концовъ, остановиться на мысли именно объ этой войнѣ, можно только догадываться. Очень вѣроятно, что на его рѣшеніе повліяла перспектива возстановленія связи съ европейскими державами, продолжавшими борьбу съ невѣрными послѣ того, какъ Москва, не выступивъ формально изъ союза, фактически отстранилась отъ него; извѣстную роль могло играть и соображеніе, что постоянные успѣхи этихъ державъ должны были облегчить московской арміи выполненіе ея спеціальной военной задачи въ дѣйствіяхъ противъ турокъ.

Въ январѣ 1695 г. былъ изданъ манифестъ о войнѣ. Объектами военныхъ операцій были избраны опорные пункты турокъ на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей—укрѣпленія на низовьяхъ Днѣпра и Азова. Противъ первыхъ выступило, подъ начальствомъ Шереметева, громадное 120-тысячное полчище, составленное изъ дворянской конницы и малороссійскихъ казаковъ.

Подъ Азовъ долженъ былъ двинуться 31-тысячный корпусъ, въ которомъ насчитывалось до 14 тыс. ратныхъ людей иноземнаго строя; большая часть его, когда вскрылись рѣки, сѣла на суда въ Москвѣ, чтобы воспользоваться для передвиженія водными путями—Окой, Волгой и Дономъ.

Петръ, находившійся въ качествѣ бомбардира при этомъ корпусѣ, чрезвычайно оптимистически относился къ предпріятію. „Шутили подъ Кожуховымъ,—писалъ онъ съ дороги Апраксину,—а теперь подъ Азовъ играть идемъ“. Въ этой формѣ, безъ вѣдома, конечно, ея автора, заключалась проческая характеристика кампаніи. Планъ былъ хорошъ: овладѣвъ непріятельскими крѣпостями, русскіе могли утвердиться въ ближайшихъ къ Крыму участкахъ побережья, отрѣзать крымцевъ отъ турокъ и двинуться въ глубь полуострова, не опасаясь нападенія съ тыла; передвиженіе по рѣкамъ избавляло, по крайней мѣрѣ, часть войска отъ трудностей степного похода, обусловившихъ неудачи 1687 и 1689 гг. Но военныя дѣйствія носили такой характеръ, что ихъ, дѣйствительно, можно было приравнять къ игрѣ. Хроническіе недостатки московскаго войска обнаружились и на этотъ разъ въ полной силѣ; не только въ архаической по составу ратп Шереметева, но и въ отборномъ корпусѣ, двинувшемся къ Азову, замѣчалось отсутствіе дисциплины, боевой подготовки и воинскаго духа. Крайній дилетантизмъ, проявленный распорядителями, окончательно скомпрометировалъ предпріятіе. Въ войскѣ, которое шло осаждать сильную Азовскую крѣпость, не было знающихъ инженеровъ; не было въ немъ и единства команды,—начальствовала чисто потѣшная „консилія“, состоявшая изъ генераловъ Головина, Гордона и Лефорта. Вмѣшательство Петра только усиливало путаницу, производимую противорѣчными распоряженіями членовъ этой консиліи, которые не умѣли и не хотѣли столковаться между собою.

Осада Азова началась въ концѣ іюня. Не имѣя флота, русскіе не могли блокировать крѣпость и ограничились наступленіемъ со стороны суши. Казакамъ удалось овладѣть одною изъ двухъ каланчей, загораждавшихъ Донъ; турки произвели удачную вылазку изъ Азова, попортили въ русскомъ лагерѣ осадную артиллерію и захватили нѣсколько полевыхъ орудій, но ночью послѣ этого другая каланча была покинута своимъ гарнизономъ. Этотъ сомнительный успѣхъ не поднялъ духа осаждавшихъ; они сражались неохотно, и послѣ двухъ неудачныхъ штурмовъ крѣпости рѣшено было отступить. Въ рукахъ русскихъ остались только каланчи, получившія имя Новосергіевскаго города. Шереметевъ, съ своей стороны, долженъ былъ удовольствоваться занятіемъ двухъ небольшихъ турецкихъ укрѣпленій.

Отступавшее отъ Азова войско подверглось въ степи нападенію татаръ и потерпѣло значительный уронъ; болѣзни, развившіяся вслѣдствіе плохого провіантированія, также унесли много жертвъ. Въ памяти современниковъ вставали печальныя картины подобныхъ же отступленій 1687 и 1689 гг., и

недовольство, вызванное новой неудачей, было очень сильно. Но Петръ не смутился; онъ рѣшилъ немедленно начать приготовленія къ новому походу, не щадя усилій для его успѣха.

Изъ Австріи и Пруссіи были вызваны инженеры и саперы. Въ Воронежѣ всю зиму 26 тыс. согнанныхъ изъ разныхъ областей плотниковъ сколачивали транспортныя суда и военныя галеры: царь хотѣлъ использовать при блокадѣ Азова свой спортивный опытъ, пріобрѣтенный въ „потѣшныхъ“ плаваніяхъ по внутреннимъ водамъ и Бѣлому морю. Работа не спорилась,—дерево для судовъ было мерзкое, подневольные работники разбѣгались, надсмотрщики-капитаны относились къ дѣлу крайне небрежно. Но настойчивость Петра, съ февраля 1696 г. взявшаго на себя завѣдываніе воронежскою верфью, преодолѣла всѣ препятствія, и къ началу мая военная флотилія, состоявшая изъ двухъ кораблей и 23 галеръ, была готова къ отплытію. Суда стараго образца съ войсками тронулись въ путь еще раньше.

Планъ кампаніи былъ тотъ же, что и въ 1695 г. Шереметевъ долженъ былъ дѣйствовать на низовьяхъ Днѣпра, особый корпусъ, отплывшій изъ Воронежа,—осаждать Азовъ, при содѣйствіи галерной флотиліи. Командовалъ этимъ корпусомъ „генералиссимусъ“ бояринъ Шеинъ, военными судами—„адмиралъ“ Лефортъ; самъ царь былъ капитаномъ галеры, имъ самимъ построенной. Какъ и слѣдовало ожидать, построенная наспѣхъ флотилія съ ея плохо обученнымъ экипажемъ оказалась ничтожной боевой величиной. Царь не рѣшился ввести ее въ сраженіе, завязавшееся у казаковъ съ подошедшей къ Азову турецкой эскадрой, но когда эскадра была разбита, галеры все же пригодились, какъ заграждeніе рейда. Обложенный со всѣхъ сторонъ городъ подвергся сильному обстрѣливанію, отъ котораго, однако, его укрѣпленія мало страдали. По иниціативѣ солдатъ русскіе прибѣгли къ стародавнему осадному методу: стали насыпать вокругъ Азова валъ, постепенно возвышая и продвигая его. Работа велась энергично, и когда черезъ недѣлю послѣ ея начала въ русскій лагерь прибыли выписанные изъ Европы инженеры, они подивились размѣрамъ сооруженія. Артиллерійскій огонь, направляемый европейцами, сдѣлался болѣе дѣйствительнымъ; онъ рушилъ городскія укрѣпленія, а русскій валъ тѣмъ временемъ почти вплотную сблизился съ ними. Тогда рѣшено было штурмовать городъ. Казаки храбро ворвались въ него, но, не поддержанные прочими войсками, были отброшены и удержались только на валу. Тѣмъ не менѣе турки признали дальнѣйшее сопротивленіе безполезнымъ и, не дожидаясь вторичнаго штурма, капитулировали.

Такой исходъ осады, конечно, нельзя было разсматривать, какъ блестящій военный успѣхъ русскихъ, и литовскій гетманъ имѣлъ основаніе колоть глаза московскому резиденту тѣмъ, что „царскія войска никакого храбраго дѣла не показали,—взяли Азовъ на договоръ, а не военнымъ промысломъ“. Но моральное значеніе этого событія было немалое: какъ никакъ, русскіе

все же послѣ цѣлаго ряда неудачъ впервые одержали верхъ надъ грозными турками. Ободренный Петръ сталъ съ новой энергіей готовиться къ продолженію борьбы. Чтобы прочно утвердиться на покоренномъ побережьѣ, онъ укрѣпилъ Азовъ, заселилъ его русскими колонистами и устроилъ близъ него новую гавань—Таганрогъ. Съ 1697 г. было приступлено къ сооруженію въ Воронежѣ, на средства кумпанствъ, сильнаго флота, при помощи котораго царь хотѣлъ господствовать на Азовскомъ морѣ и овладѣть Керчью, откуда его войскамъ нетрудно было бы проникнуть въ глубь Крымскаго полуострова. Представлялось возможнымъ и наступленіе противъ самой Турціи въ виду вѣстей, принесенныхъ въ Москву румынскими эмиссарами о томъ, что населеніе придунайскихъ областей ожидаетъ только прибытія московскихъ войскъ, чтобы начать борьбу съ мусульманами. Мысль о войнѣ съ султаномъ въ союзѣ съ европейскими державами не покидала Петра во время его поѣздки за границу. Изъ Амстердама онъ писалъ патріарху Адріану, что до послѣдняго издыханія не перестанетъ желать побѣды надъ врагами имени Іисуса Христа и освобожденія христіанъ, томящихся подъ ихъ игомъ. Но планамъ царя не благопріятствовала политическая конъюнктура, создавшаяся тогда въ Европѣ. Готовилась война за испанское наслѣдство, и въ виду ея Австрія искала мира съ турками, чтобы освободить свои военныя силы для борьбы съ Франціей. Въ Вѣнѣ Петру дали понять, что цесарь не склоненъ оказать активную помощь Москвѣ и предоставляетъ ей раздѣлываться съ турками на свой страхъ. Англія и Голландія хлопотали о примиреніи Турціи съ Австріей, но не съ Москвой: онѣ желали, чтобы турки, оставивъ въ покоѣ Австрію, были заняты въ другомъ мѣстѣ на время общеевропейской войны. Покинутый союзникомъ, Петръ понялъ, что ему не оставалось ничего другого, какъ принять участіе въ мирныхъ переговорахъ между Австріей и Турціей.

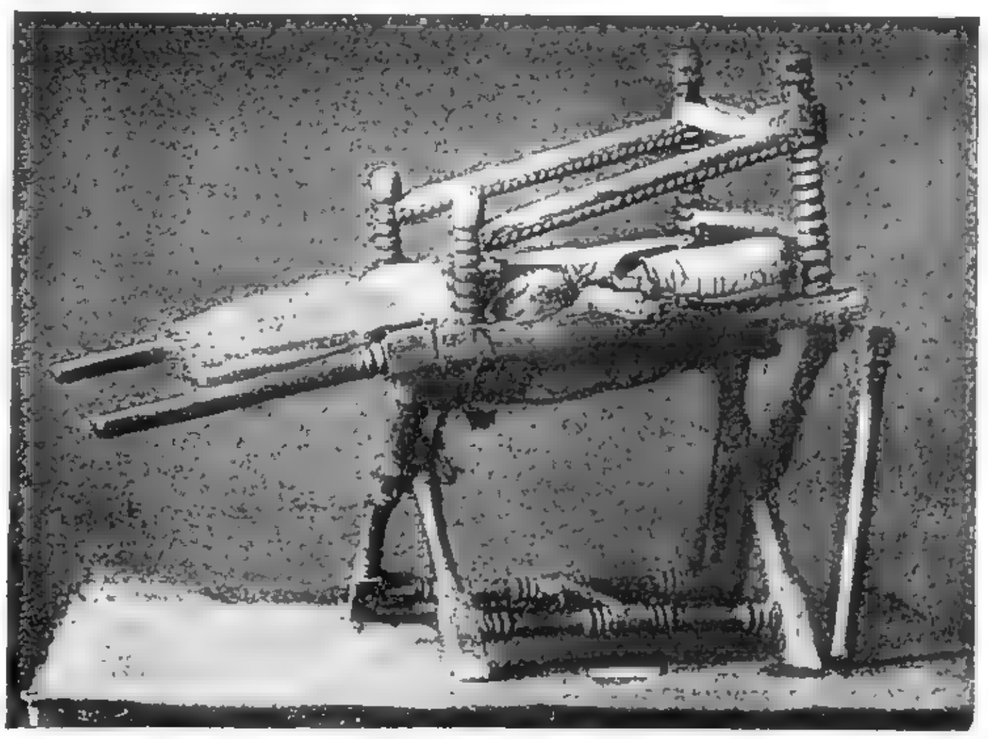
На мирномъ конгрессѣ въ Карловицѣ московскій делегатъ не былъ поддержанъ европейскими дипломатами. Англія и Голландія взяли на себя посредничество между договаривающимися сторонами, но не проявили ни малѣйшей заботливости о московскихъ интересахъ. Австрія заключила съ турками сепаратный миръ, и Польша послѣдовала ея примѣру. Москвѣ, домогательства которой встрѣтили со стороны турокъ рѣшительный отпоръ, пришлось удовольствоваться, въ январѣ 1699 г., перемиріемъ на два года. Чтобы добиться болѣе прочнаго соглашенія, Петръ повелъ переговоры непосредственно съ Портой, подкрѣпивъ свои требованія морской демонстраціей. Онъ вывелъ построенный въ Воронежѣ флотъ Дономъ въ Азовское море и отправилъ своего уполномоченнаго, дьяка Емельяна Украинцева, изъ Таганрога въ Константинополь на военномъ кораблѣ; турки должны были воочію убѣдиться въ наличности русскихъ морскихъ силъ, способныхъ угрожать ихъ берегамъ. Переговоры затянулись на много мѣсяцевъ, и только 3 іюля

1700 г. было подписано перемиріе на 30 лѣтъ: Турція уступила Азовъ съ прилежащей полосой земли на берегу и согласилась на прекращеніе „дачи“ крымскому хану, Москва отказалась отъ занятой ею территоріи у устья Днѣпра. При тогдашнихъ условіяхъ такой договоръ могъ считаться очень выгоднымъ и почетнымъ для Москвы, которой, несмотря на проявленную ею военную несостоятельность, удалось утвердиться на Азовскомъ побережьѣ.

Петръ съ нетерпѣніемъ ожидалъ въ Москвѣ вѣсти о мирѣ, который развязывалъ ему руки для рѣшенной уже войны съ Швеціей. Въ ноябрѣ 1699 г. онъ заключилъ съ королемъ польскимъ и курфюрстомъ саксонскимъ Августомъ тайный договоръ, по которому обязался двинуть свои войска противъ шведовъ тотчасъ по заключеніи мира съ Турціей. Кто былъ иниціаторомъ этого соглашенія,—трудно сказать съ увѣренностью. Переговоры велись въ Москвѣ, куда Августъ прислалъ своего спеціальнаго уполномоченнаго, генерала Карловича; предложеніе наступательнаго союза противъ Швеціи исходило, значитъ, официально отъ короля. Вмѣстѣ съ Карловичемъ пріѣхалъ въ Москву Паткуль, ранѣе усиленно муссировавшій въ Польшѣ проектъ коалиціонной борьбы со Швеціей. Паткуль былъ лидеръ экспропріированнаго шведскимъ правительствомъ лифляндскаго рыцарства; когда редукція лишила бароновъ большей части ихъ земельныхъ владѣній, онъ явился выразителемъ ихъ недовольства, энергично вступился за ихъ права въ Стокгольмѣ, навлекъ на себя этимъ королевскій гнѣвъ и долженъ былъ бѣжать. Тогда отторженіе отъ Швеціи ея остзейскихъ провинцій стало цѣлью его стремленій. Въ 1698 г. онъ явился при дворѣ Августа и развилъ здѣсь планъ нападенія на Швецію съ цѣлью захвата Ливоніи, которая, по его мысли, должна была присоединиться къ Польшѣ на правахъ автономной области: польскому королю слѣдовало вступить въ соглашеніе съ тремя сосѣдями Швеціи, Даніей, Бранденбургомъ и Москвою, и, предоставивъ имъ отвлечь на себя шведскія силы, посредствомъ внезапнаго вторженія овладѣть Лифляндіей и Эстляндіей. Москву Паткуль думалъ удовольствовать Ингріей и Кареліей, рѣшительно не допуская ея утвержденія въ остзейскомъ краѣ. На Августа доводы Паткуля подѣйствовали; несомнѣнно, и въ Москвѣ лифляндскій патріотъ настойчиво агитировалъ въ пользу своего плана. Но мысль о борьбѣ со Швеціей для отобранія захваченныхъ ею русскихъ земель и завоеванія морского берега явилась у Петра уже ранѣе. Изъ русскаго офиціознаго источника, „Гисторіи свейской войны“, правленной самимъ Петромъ, извѣстно, что онъ въ августѣ 1698 г. просилъ польскаго короля, при свиданіи въ Равѣ, помочь ему отмстить обиду, нанесенную ему шведскимъ губернаторомъ Риги. Неудача, испытанная царемъ въ переговорахъ о продолженіи войны съ Турціей, очевидно, тогда уже побудила его пересмотрѣть основы своей внѣшней политики и круто измѣнить ея оріентировку. Убѣдившись въ невозможности при наличныхъ условіяхъ выхода къ Черному

морю, онъ обратился къ другой, не менѣе крупной исторической задачѣ—захвату балтійскаго берега, и на ней сосредоточилъ свое вниманіе. Но если для борьбы съ Турціей Москва нуждалась въ союзникахъ, то еще болѣе они были необходимы ей при столкновеніи съ первоклассной военной державой сѣверной Европы. Принявъ рѣшеніе воевать со Швеціей, Петръ долженъ былъ хлопотать о союзахъ; вотъ почему онъ не только охотно пошелъ навстрѣчу предложеніямъ Августа и Паткуля, но, вѣроятно, и самъ постарался подготовить почву для нихъ.

Въ то самое время, когда въ Преображенскомъ Головинъ договаривался съ представителемъ польскаго короля о нападеніи на Швецію, Петръ своимъ царскимъ словомъ скрѣпилъ передъ шведскими послами, пріѣхавшими въ Москву для возобновленія прежнихъ соглашеній, статьи Кардисскаго мирнаго договора. Въ Швецію снаряжалось чрезвычайное посольство и былъ посланъ съ вѣстью о немъ особый гонецъ. Шведскій резидентъ въ Москвѣ получалъ самыя успокоительныя увѣренія; его дочь, встревоженную слухомъ о предстоящей войнѣ, самъ царь утѣшилъ, заявивъ, что никогда не нарушитъ только что подтвержденнаго мира. Въ ожиданіи развязки переговоровъ съ Турціей военныя приготовленія велись въ величайшемъ секретѣ, и до послѣдней минуты европейскіе посланники терялись въ догадкахъ относительно истинныхъ намѣреній Петра.



Носилки Карла XII в. (Оружейная палата).

8 августа 1700 г. въ Москвѣ было получено донесеніе Украинцева о мирѣ съ Турціей, а 9-го состоялось распоряженіе о выступленіи арміи въ походъ противъ шведовъ. Моментъ для начала военныхъ дѣйствій былъ выбранъ, какъ показали послѣдствія, крайне неудачно. Саксонское войско Августа, вторгнувшееся въ Лифляндію, подступило къ Ригѣ, но никакъ не могло принудить ее къ сдачѣ. Другой союзникъ, датскій король, сложилъ оружіе передъ Карломъ XII, неожиданно нагрянувшимъ на Копенгагенъ во главѣ 15-тысячнаго войска, и заключилъ со Швеціей миръ на условіяхъ, продиктованныхъ его счастливымъ противникомъ. Московское войско, выступившее къ Нарвѣ, уже не могло разсчитывать на дѣятельную помощь со стороны союзниковъ и было фактически предоставлено собственнымъ силамъ.

Самъ Петръ принялъ участіе въ осадѣ Нарвы, но покинулъ свой лагерь, какъ только получилось извѣстіе о приближеніи шведскаго корпуса подъ предводительствомъ короля. Подобно своимъ отдаленнымъ предшественникамъ

на московскомъ престолѣ, спѣшно покидавшимъ Москву, когда ей грозило непріятельское нашествіе, и уѣзжавшимъ на сѣверъ „собрать ратныхъ людей“, онъ удалился въ Новгородъ, „чтобы идущіе остальные полки побудить къ скорѣйшему приходу подъ Нарву“, какъ сказано въ офиціозной Гисторіи свейской войны. Но Карлу не пришлось дождаться этихъ „достальныхъ полковъ“: 17 ноября уѣхалъ Петръ, а 19-го 18-лѣтній король съ 8-тысячнымъ корпусомъ нанесъ подъ Нарвой полное пораженіе московской ратп, состоявшей изъ 35—40 тыс. солдатъ. Она капитулировала передъ шведами, при чемъ рядовые были отпущены, а генералы захвачены въ плѣнъ; главнокомандующій, австрійскій генералъ фонъ-Круа, съ нѣсколькими другими офицерами-иноземцами, сдался еще раньше, спасаясь отъ ярости собственныхъ солдатъ, въ самый разгаръ паники накинувшихся на своихъ начальниковъ-нѣмцевъ. Остатки разбитаго войска бѣжали въ совершенномъ разстройствѣ къ русской границѣ. Къ счастью для Петра, Карлъ не перенесъ войну на московскую территорію, а обратился противъ Августа. Саксонское войско подъ Ригою было побито на-голову, и Карлъ вступилъ въ Польшу, гдѣ и „увязъ“, по выраженію Петра, на нѣсколько лѣтъ, занявшись неустаннымъ преслѣдованіемъ своего противника.

По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Петръ послѣ нарвскаго пораженія былъ не прочь заключить немедленно миръ при посредничествѣ Пруссіи или Англіи, но рѣшилъ тѣмъ не менѣе не складывать оружія и продолжать военныя дѣйствія, пользуясь передышкой, которую ему давалъ Карлъ. Въ началѣ 1701 года онъ при личномъ свиданіи съ Августомъ скрѣпилъ заключенное въ Москвѣ соглашеніе, обязавшись предоставить въ распоряженіе союзника 15—20 тыс. пѣхоты и обѣщавъ субсидію—по 100 тыс. рублей въ годъ. Въ концѣ 1701 года царскія войска вторично перешли границу. Генералъ Шереметевъ заставилъ Эстляндію и Лифляндію вновь пережить испытанные ими когда-то при Иванѣ Грозномъ ужасы московскаго нашествія, варварски опустошивъ страну и забравъ въ плѣнъ множество жителей незащищенныхъ мѣстностей. Лѣтомъ 1702 г. онъ съ гордостью сообщилъ царю, что въ непріятельской землѣ разорять болѣе нечего и что отъ погрома уцѣлѣли только города Ревель, Пернау и Рига и прибрежная полоса между ними. Слабые сравнительно шведскіе отряды, оставленные Карломъ въ Балтійской области, терпѣли порою неудачи при столкновеніяхъ съ подавлявшею ихъ своею численностью ратью Шереметева. Въ Ингріи съ такимъ же успѣхомъ дѣйствовалъ Апраксинъ. Захвату этой земли, нѣкогда принадлежавшей Новгороду и отошедшей къ Швеціи по Столбовскому договору, придавалось особенное значеніе Петромъ, видѣвшимъ въ ней ключъ къ Финскому заливу, берегъ котораго былъ объектомъ его стремленія съ того момента, когда было рѣшено начать войну. Царь самъ руководилъ кампаніями 1702 и 1703 гг. на берегахъ Невы. Шведовъ удалось вытѣснить изъ укрѣпленныхъ пунктовъ, охранявшихъ истокъ

и устье рѣки, Нотебурга (переименованнаго Петромъ въ Шлюссельбургъ, Ключгородъ) и Ніеншанца, и она на всемъ протяженіи перешла въ руки русскихъ. Лѣтомъ 1703 г. на мѣстѣ, выбранномъ самимъ Петромъ, была построена Петропавловская крѣпость, и подъ защитою ея возникъ поселокъ, окрещенный, по тогдашней модѣ, нѣмецкимъ именемъ Петербурга. Въ томъ же году, послѣ взятія Копорья и Ямбурга, завоеваніе Ингріи было довершено. Въ 1704 г. русскимъ сдались послѣ упорнаго сопротивленія Дерптъ и Нарва, а подъ Петербургомъ шведы, покушавшіеся на него съ суши и съ моря, потерпѣли неудачу.

Поздравляя Петра съ завоеваніемъ устья Невы, Виніусъ писалъ: „отверзошася пространная порта безчисленныхъ вамъ прибытковъ“. Въ этой высокопарной фразѣ была высказана завѣтная мысль самого царя, угаданная его старымъ сотрудникомъ. Изъ всѣхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ Петромъ съ начала войны, самымъ дорогимъ былъ для него клочокъ морского берега съ пристанями, „ибо, — говорилъ онъ, — чрезъ сихъ артерій можетъ здравѣе и прибыльнѣе сердце государственное быть“. Обладаніе морскими пристанями сулило не только развитіе непосредственныхъ торговыхъ сношеній съ Европой, но и сближеніе съ цивилизованнымъ міромъ, необходимое, съ точки зрѣнія Петра, главнымъ образомъ, ради усвоенія европейской техники. Этому сближенію должна была содѣйствовать война и сама по себѣ, независимо отъ спеціальной цѣли, которую преслѣдовалъ царь. Швеція не была изолированной державой; она имѣла въ Европѣ и враговъ, и сторонниковъ, но въ глазахъ тѣхъ и другихъ одинаково она была равноправнымъ членомъ семьи европейскихъ народовъ и, въ качествѣ такового, однимъ изъ факторовъ европейскаго политическаго равновѣсія. Даже въ самомъ разгарѣ приготовленій къ войнѣ за испанское наслѣдство европейскія державы не упускали изъ вида Швецію и такъ или иначе учитывали ея отношеніе къ возникавшимъ международнымъ колебаніямъ. При такихъ условіяхъ столкновеніе съ нею неминуемо втягивало ея противника въ европейскій международный оборотъ, а успѣхъ въ борьбѣ не могъ не отразиться на положеніи побѣдителя среди государствъ Европы. Петръ уже вступилъ въ соглашеніе съ датскимъ королемъ и саксонскимъ курфюрстомъ, но понималъ, что этимъ еще не исчерпывались возможныя для него дипломатическія комбинаціи. Нужно было только внимательно изучить положеніе дѣлъ въ Европѣ и быть въ курсѣ ея политики, чтобы при случаѣ умѣть использовать ту или другую ситуацію въ интересахъ Московскаго государства. Это соображеніе побуждало Петра усиленно заботиться о развитіи дипломатическихъ сношеній. Онъ не ограничился, какъ его предки, отправкою въ Европу посольствъ съ временными спеціальными порученіями, а завелъ постоянныхъ резидентовъ при дворахъ, сближеніе съ которыми представлялось ему особенно важнымъ.

Пріемъ, оказанный въ Европѣ московскимъ дипломатамъ, былъ далеко не радушный. Европейское общество питало вполнѣ понятное отвращеніе къ варварской Московіи. Свѣдѣнія объ этой странѣ стали распространяться уже въ XVI вѣкѣ, когда появилось ея правдивое и обстоятельное изображеніе въ книгахъ такихъ авторовъ, какъ Гербештейнъ и Флетчеръ, а въ XVII в. литература о ней обогатилась еще нѣсколькими выдающимися трудами, изъ которыхъ наиболѣе капитальнымъ было сочиненіе Олеарія, въ короткое сравнительно время выдержавшее рядъ изданій. Въ изображеніи всѣхъ европейскихъ наблюдателей московиты являлись народомъ крайне несимпатичнымъ—глубоко невѣжественнымъ, преданнымъ грубѣйшему суевѣрію, коварнымъ, лживымъ, нравственно распущеннымъ, трусливымъ и погрязшимъ въ самомъ отвратительномъ рабствѣ. Послѣдняя черта особенно бросалась въ глаза европейцамъ, которые у себя на родинѣ не видѣли и не могли даже вообразить себѣ ничего подобнаго политическому режиму, тяготѣвшему надъ московитами. Народъ, безропотно переносившій такой режимъ, очевидно, былъ достоинъ его; это былъ, значитъ, народъ, обиженный природой и исторіей,—обреченная на вѣчное варварство низшая раса. Такому народу не было и не могло быть мѣста среди европейскихъ націй; московскій деспотизмъ вырылъ пропасть, отдѣлявшую его отъ цивилизованнаго міра.

Преобразованія, къ которымъ приступилъ Петръ по возвращеніи изъ Европы, не поколебали этого суроваго приговора. Въ книгѣ Корба, лично наблюдавшаго въ Москвѣ ихъ начало, европейская публика прочла ставшую стереотипной характеристику русскаго народа и его государственнаго строя и нелестный отзывъ о царѣ. Къ тому же и впечатлѣніе, произведенное самимъ Петромъ въ Европѣ, было не такого свойства, чтобы разсѣять ту атмосферу смѣшанной съ презрѣніемъ непріязни, какою было окружено все русское. Онъ создалъ себѣ почти всюду двусмысленную репутацію: отдавая должное его блестящимъ природнымъ дарованіямъ, на него вездѣ смотрѣли какъ на грубаго варвара. Нѣмецкая принцесса, не отрицавшая его достоинствъ, все же находила, что онъ въ нравственномъ отношеніи полный представитель своей страны. Саксонскіе царедворцы, принимавшіе его въ Дрезденѣ, не скрывали своей радости послѣ отъѣзда этого „дикаго господина“. Эти оцѣнки, конечно, обусловливались отчасти истинно-московской распущенностью Петра. Его застольныя манеры могли только шокировать европейцевъ. Состояніе, въ которомъ онъ оставилъ свою квартиру въ Дептфордѣ, должно было заставить домовладѣльца пожалѣть о томъ, что не была своевременно принята мѣра, задуманная датскимъ королемъ на случай пріѣзда московскихъ пословъ: „Если эти люди,—сказалъ король,—еще разъ ко мнѣ пріѣдутъ, то велю сгородить для нихъ свиной хлѣвъ, потому что гдѣ они постоятъ, тамъ полгода никто не можетъ жить отъ смрада“. Не менѣе непріятно поражали въ Петрѣ его деспотическія замашки. Англійскій епи-

скопъ Бернетъ, познакомившійся съ Петромъ въ Англіи, сопоставляя свое личное впечатлѣніе съ вѣстями о стрѣлецкихъ казняхъ, недоумѣвалъ, какъ можетъ Богъ предоставлять неограниченную власть надъ множествомъ подданныхъ столь лютому человѣку, бичу своего народа и своихъ сосѣдей. Бернетъ сомнѣвался въ способности и желаніи такого царя преобразовать Московское государство. Его скептицизмъ раздѣляли многіе, но и тѣмъ, которые были иного мнѣнія о Петрѣ, представлялось невѣроятнымъ, чтобы усиліями одного, хотя бы и выдающагося и одушевленнаго наилучшими

Зауэрвейдъ. Сраженіе при Нарвѣ. (Румянцевскій музей).

стремленіями, человѣка могъ быть вырванъ изъ состоянія варварства народъ, казалось, безнадежно закоснѣвшій въ немъ. Въ лучшемъ случаѣ считалось возможнымъ усиленіе военныхъ рессурсовъ Москвы, вовсе нежелательное съ европейской точки зрѣнія. Европейцевъ страшила перспектива появленія „сѣвернаго турка“, который, при всей своей духовной отчужденности отъ цивилизованнаго міра, станетъ въ немъ вліятельнымъ, въ силу своего матеріальнаго могущества, факторомъ, способнымъ произвести опасныя пертурбаціи въ международныхъ отношеніяхъ. Къ этому опасенію общаго свойства присоединялись, въ отдѣльныхъ случаяхъ, болѣе конкретные поводы къ

тревогѣ: такъ, Англія и Голландія боялись за свою торговлю, которая должна была сократиться, еслибы Москвѣ удалось обзавестись собственными гаванями и флотомъ на Балтійскомъ морѣ.

Неудивительно, что вѣсть о нарвскомъ погромѣ вызвала въ Европѣ взрывъ злораднаго ликованія. Въ побѣдѣ Карла видѣли торжество цивилизаціи надъ зазнавшимся варварствомъ, ее прославляли, какъ рѣшительный ударъ, нанесенный общему врагу. Лейбницъ думалъ, что дѣло Петра окончательно проиграно, и высказывалъ пожеланіе, чтобы Карлъ овладѣлъ Москвой и всѣмъ Московскимъ государствомъ до самаго Амура. На Петра и его войско сыпался градъ насмѣшекъ; въ память Нарвы была выбита особая медаль съ карикатурнымъ изображеніемъ царя. Положеніе московскихъ пословъ въ Европѣ, трудное само по себѣ, стало еще болѣе тяжелымъ. Имъ повсюду недвусмысленно давали понять, что съ интересами ихъ страны не находятъ нужнымъ считаться, что Московія третируется, какъ une quantité négligeable. Даже Польша послѣ Нарвы потребовала возврата Кіева. Матвѣевъ изъ Гааги и Голицынъ изъ Вѣны доносили, что мѣстные министры не хотятъ имѣть съ ними дѣла и что ихъ удручаютъ постоянныя издѣвательства надъ русскими. Во Франціи, по сообщенію того же Матвѣева, замѣчалось пренебрежительное отношеніе къ русскимъ, которыхъ „не въ велико ставили“.

При такихъ условіяхъ задача, навязанная царемъ московскимъ дипломатамъ, оказывалась крайне неблагодарной. Продолжая войну, Петръ не возлагалъ большихъ надеждъ на свое оружіе, и готовъ былъ въ любой моментъ заключить миръ, при содѣйствіи европейскихъ державъ; по его соображеніямъ, нѣкоторыя изъ нихъ должны были ради собственныхъ выгодъ желать прекращенія войны на сѣверѣ и оказать давленіе на Швецію въ пользу Москвы, которая въ этомъ случаѣ могла разсчитывать на сколько-нибудь сносныя условія мира. Наиболѣе благопріятныхъ результатовъ онъ ожидалъ отъ дипломатическаго воздѣйствія на державы, составившія коалицію противъ Франціи. Въ Вѣнѣ и Гаагѣ были предприняты шаги для привлеченія на сторону Москвы, Австріи, Англіи и Голландіи. Въ помощь московскимъ дипломатамъ Петръ отрядилъ перешедшаго на русскую службу въ 1702 г. Паткуля, который въ качествѣ генеральнаго комиссара долженъ былъ руководить переговорами при вѣнскомъ, саксонскомъ и берлинскомъ дворахъ. Этотъ выборъ былъ не совсѣмъ удаченъ: Паткуль въ качествѣ лифляндскаго патріота, притомъ патріота съ специфически-сословной окраской, раздѣлялъ виды Петра лишь постольку, поскольку они не шли вразрѣзъ съ интересами лифляндскаго рыцарства; но важно было то, что своею опытностью и знаніемъ европейскихъ отношеній онъ значительно превосходилъ своихъ московскихъ коллегъ; иноземцы были необходимы тогда Петру не только, какъ генералы, инструкторы и техники, но и какъ дипломатическіе агенты.

Опахало царицы Натальи Кирилловны.

Оружейная Палата. (Альбомъ Солнцева.)

Опыжбано цавиыдл Нгшбарн КИВИАЛОВНЛ.

(Аррожр Соиилева.)

Орчжбйнвя Цбабшб.

Паткуль и русскіе дипломаты проявили много усердія и энергіи при выполненіи миссіи, возложенной на нихъ царемъ,—добиться посредничества коалиціонныхъ державъ для заключенія мира. Они предлагали за посредническія услуги союзъ и военную помощь, дѣйствовали и пытались дѣйствовать подкупомъ: австрійскому министру Кауницу была обѣщана ежегодная субсидія, вліятельному въ Англіи Мальборо царь сулилъ, на выборъ, княжество владимирское, кіевское или смоленское съ пожизненнымъ доходомъ въ 50.000 ефимковъ, герцогу Евгенію Савойскому—польскую корону (послѣ отреченія Августа). Петръ готовъ былъ удовлетвориться клочкомъ земли на морскомъ берегу, уступалъ всѣ свои лифляндскія пріобрѣтенія, отдавалъ даже Нарву,—одинъ лишь Петербургъ хотѣлъ удержать за собою во что бы то ни стало. Эта уступчивость, старанія и заискиванія русскихъ пословъ не привели, однако, ни къ какимъ результатамъ. Симпатіи европейскихъ державъ были явно на сторонѣ Швеціи, а Москва съ ея опозорившимся подъ Нарвою войскомъ считалась величиной слишкомъ ничтожной для того, чтобы союзъ съ нею былъ кому-либо нуженъ. Предложенія Петра были вездѣ отклонены; даже Бранденбургъ, имѣвшій серьезные поводы къ недовольству шведской политикой, не пожелалъ выступить въ пользу Москвы. Въ виду этихъ неудачъ Петръ рѣшился попытать счастья во Франціи, сближеніе съ которой казалось тѣмъ болѣе возможнымъ, что Людовикъ XIV сдѣлалъ первый шагъ, прославъ въ 1703 г. въ Москву своего посла. Но переговоры въ Москвѣ оборвались по винѣ самого русскаго правительства, тогда еще не придававшаго значенія соглашенію съ Франціей, а позже, когда Петръ по собственной инициативѣ возобновилъ ихъ въ Европѣ, его дипломатамъ пришлось убѣдиться въ томъ, что французскій дворъ сочувствовалъ Швеціи; Матвѣевъ въ Парижѣ не могъ добиться даже заключенія торговаго договора и возвращенія русскихъ судовъ, захваченныхъ французскими каперами. Для Петра стало ясно, что Москва вполнѣ изолирована въ Европѣ, и что ей нельзя разсчитывать на помощь ни съ чьей стороны, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока рѣшительная побѣда надъ шведами не изгладитъ пятна нарвскаго пораженія.

Въ то время, какъ московская рать воевала Ливонію и Петръ утверждался на побережьѣ Финскаго залива, Карлъ XII гонялъ Августа по всей Польшѣ, вытѣсняя его изъ одного пункта за другимъ. Въ 1702—1703 гг. шведы заняли Варшаву, Познань и Торунь. Августъ имѣлъ въ польскомъ королевствѣ много противниковъ, которые болѣе или менѣе открыто стали на сторону Карла; въ великой Польшѣ образовалась враждебная королю—„сасу“ (саксонцу) конфедерація, руководимая примасомъ Радзеевскимъ и познанскимъ воеводой Станиславомъ Лещинскимъ. Въ 1704 г. конфедераты устроили въ Варшавѣ сеймъ, въ присутствіи шведскихъ штыковъ, объявившій Августа низложеннымъ и провозгласившій королемъ Станислава Лещинскаго,

кандидатуру котораго выдвинулъ и поддерживалъ Карлъ XII. Вскорѣ послѣ этого въ Польшу вступило русское войско. По настояніямъ Паткуля, неустанно хлопотавшаго о перенесеніи войны изъ Ливоніи, которую онъ не хотѣлъ видѣть подъ московскимъ игомъ, въ Польшу, Петръ заключилъ новый договоръ съ Августомъ и Речью Посполитой, т.-е. частью ея, державшей сторону саксонскаго короля: Москва обязалась уступить Польшѣ всѣ ливонскіе города и крѣпости, покоренные русскими, прислать 12 тыс. вспомогательнаго войска и съ 1705 г. до окончанія войны выдавать союзнику по 200 тыс. рублей ежегодно. Паткуль пошелъ на шведовъ, во главѣ соединенныхъ польскихъ и русскихъ войскъ, но дѣйствія его были очень неудачны. Онъ не могъ овладѣть Познанью и отступилъ въ саксонскій Лаузицъ, гдѣ одинъ русскій отрядъ былъ разбитъ и почти уничтоженъ въ сраженіи со шведами. Въ Саксоніи русское войско бѣдствовало, терпя недостатокъ во всемъ; чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, Паткуль рѣшился въ декабрѣ 1705 г. перевести русскихъ на австрійскую службу. Этотъ, можетъ-быть, слишкомъ рѣзкій шагъ послужилъ для саксонскихъ министровъ, давно уже враждовавшихъ съ Паткулемъ, предлогомъ для того, чтобы раздѣлаться съ нимъ: они схватили его и заключили въ крѣпость. Протесты Петра, вступившагося за своего представителя и генерала, не имѣли никакого дѣйствія,—такъ пренебрежительно относилось тогда къ Москвѣ даже правительство союзной страны.

Лѣтомъ того же года Петръ двинулъ въ Литву свои главныя силы. Стянувъ въ Польшу до 60 тыс. чел., онъ выступилъ къ Вильнѣ, отрядивъ въ Курляндію Шереметева противъ шведскаго корпуса Левенгаупта. Шереметевъ потерпѣлъ пораженіе, но Левенгауптъ послѣ этого пошелъ къ Ригѣ, и въ его отсутствіе царь овладѣлъ столицей Курляндіи Митавой. На зиму русская армія расположилась въ Гроднѣ, а Петръ уѣхалъ въ Москву, поручивъ командованіе иноземцу фельдмаршалу Огильви, плохо ладившему съ русскими генералами, въ особенности съ Меншиковымъ, который въ качествѣ царскаго фаворита держалъ себя очень самостоятельно. Въ декабрѣ узнали о движеніи Карла; съ 24—тысячнымъ войскомъ онъ въ началѣ 1706 г. подступилъ къ Гродну, однако не рѣшился на штурмъ и отошелъ на нѣкоторое разстояніе къ востоку. Въ русскомъ штабѣ не было согласія относительно плана дѣйствій: большинство высказывалось за отступленіе къ русской границѣ, главнокомандующій полагалъ, что надо оставаться въ Гроднѣ и ждать помощи отъ саксонскихъ войскъ. Но въ февралѣ саксонцы въ Лаузицѣ были наголову разбиты Реншельдомъ, при чемъ погибъ почти весь русскій отрядъ, сражавшійся вмѣстѣ съ ними. Тогда Петръ, въ тревогѣ за участь своего войска въ Гроднѣ, хотя оно численностью (болѣе 35 тыс.) значительно превосходило непріятеля, настоялъ на отступленіи, и 24 марта русскіе покинули городъ, побросавъ въ Нѣманъ до 100 пушекъ

съ зарядами. Карлъ опять обратился противъ Августа и двинулся въ Саксонію.

Меншиковъ вступилъ въ Польшу и, соединившись съ Августомъ, разбилъ въ октябрѣ шведско-польскій отрядъ подъ Калишемъ. Но Августъ, участвовавшій въ сраженіи, уже не былъ союзникомъ Петра. Напуганный успѣхами шведовъ въ Саксоніи, онъ 13 октября заключилъ съ ними мирный договоръ, по которому отказался отъ польской короны и союза съ Москвой, выдалъ Паткуля и остатокъ русскаго вспомогательнаго отряда и обязался содержать войско Карла въ Саксоніи всю зиму. Вся тяжесть войны обрушилась на Москву,—ей одной предстояло принять на себя удары „непобѣдимаго“ противника, теперь располагавшаго всѣми своими силами для борьбы съ нею. Петръ попытался въ послѣдній разъ, при посредствѣ французскаго правительства, склонить Карла къ миру, но шведскія условія оказались настолько тяжкими, что онъ, при всемъ желаніи избѣжать риска войны, долженъ былъ признать ихъ непріемлемыми: Карлъ потребовалъ возврата всѣхъ безъ исключенія русскихъ завоеваній и уплаты военныхъ издержекъ.

Въ Саксоніи шведская армія пробыла больше года и выступила въ Польшу только въ августѣ 1707 г. У Карла было до 24 тыс. чел. кавалеріи и 20 тыс. чел. пѣхоты, въ резервѣ были Левенгауптъ въ Лифляндіи съ 16 тыс. и Любекеръ въ Финляндіи съ 14 тыс. чел. Король хотѣлъ, не тратя времени на осаду крѣпостей, идти прямо на Москву, гдѣ, по его разсчетамъ, его ожидала помощь со стороны сильной партіи недовольныхъ,—свести Петра, какъ Августа, съ престола и поставить царемъ поляка Якова Собѣскаго. Въ Польшѣ, однако, шведы промедлили и тронулись въ походъ только въ декабрѣ, когда уже стояли сильные морозы.

Петръ, не рѣшаясь помѣряться съ Карломъ силами въ бою, велѣлъ своимъ войскамъ отступать изъ Литвы, разоряя страну, портя дороги и задерживая непріятеля при переправахъ. Гетману Мазепѣ было приказано укрѣпить Кіевъ и другіе ближайшіе къ границѣ города; въ самой Москвѣ спѣшно возводились укрѣпленія, и въ то же время принимались чрезвычайныя полицейскія мѣры въ виду тревожнаго настроенія жителей. Сильныя опасенія внушало Петру и положеніе дѣлъ на Дону, гдѣ разразился бунтъ, поднятый Булавинымъ.

Шведы шли отъ Гродна прямо на востокъ. Въ началѣ іюля 1708 г. они достигли Березины, разбили при Головчинѣ русскихъ подъ начальствомъ Шереметева и Меншикова,—Огильви былъ уволенъ еще въ 1707 г.,—и заняли Могилевъ. Здѣсь Карлъ остановился, чтобы дать отдыхъ своимъ войскамъ, истомленнымъ длинными переходами по лѣсамъ и болотамъ въ опустошенной странѣ, и дождаться Левенгаупта, который шелъ изъ Лифляндіи съ провіантомъ и военными припасами. Но Левенгауптъ замедлилъ и не соединился съ нимъ, главная шведская армія въ сентябрѣ двинулась въ

Малороссію, гдѣ Карлъ разсчитывалъ поднять противъ царя населеніе при помощи Мазепы, задумавшаго отложиться отъ Москвы. Изолированный корпусъ Левенгаупта потерпѣлъ 27 сентября пораженіе подъ Лѣснымъ, потерялъ въ битвѣ весь обозъ и явился къ Карлу въ такой же нищетѣ, въ какой находилась и королевская армія. Не сбылась и надежда на помощь со стороны Украйны.

Мазепа имѣлъ намѣреніе, по одолѣніи Москвы шведами, написать царю на прощанье „благодарственный за протекцію листъ“ и въ листѣ этомъ „выписать всѣ обиды, нанесенныя Украйнѣ московскимъ правительствомъ, прежнія и теперешнія, правъ и вольностей отъятіе, крайнее разоренiе, предуготовленную всему народу пагубу“, а въ концѣ прибавить, что „украинцы, какъ свободно подъ царскаго величества руку для православнаго восточнаго единовѣрія приклонились, такъ, будучи свободнымъ народомъ, свободно теперь отходятъ“. Переходъ Мазепы на сторону шведовъ слѣдуетъ разсматривать именно подъ этимъ угломъ зрѣнія. Поведеніе гетмана часто клеймилось и клеймится именемъ „измѣны“, но объ измѣнѣ здѣсь можно говорить только въ формальномъ смыслѣ,—была нарушена присяга, данная царю. По существу же расторженіе государственной связи между Малороссіей и Москвой вовсе не имѣло значенія измѣннического акта. Малороссія при Богданѣ Хмельницкомъ добровольно признала суверенитетъ царя на условіяхъ, гарантировавшихъ ей автономный режимъ, и условія эти были неоднократно торжественно подтверждены московскимъ правительствомъ. Но Москва постоянно нарушала договоръ объ уніи, систематически урѣзывала санкціонированныя имъ права и вольности Малороссіи, посягала и на ея культурную самостоятельность, стремясь къ руссификаціи мѣстной національной церкви; если въ Москвѣ кричали объ „измѣнахъ“ черкасъ, то съ неменьшимъ правомъ Малороссія могла жаловаться на измѣны своего сюзерена. Грубо агрессивная націоналистическая политика Москвы тѣмъ болѣе задѣвала украинскій народъ, что онъ сознавалъ свое культурное превосходство надъ московскими указчиками, старавшимися навязать ему порядки, сложившіеся въ лѣсной глуши Великороссіи. Въ частности, особенно тяготились зависимостью отъ Москвы верхній слой казачества, казацкая старшина и гетманы.

Присылаемые изъ Москвы воеводы, опираясь на поспольство, подкапывались подъ казацкихъ полковниковъ и оттѣсняли ихъ отъ мѣстной администраціи. Гетманы радикально расходились съ центральной властью въ опредѣленіи характера и объема своихъ полномочій, и это вызывало постоянные тренія и конфликты между ними и московскимъ правительствомъ. Тогда какъ у нихъ, въ борьбѣ съ демократическими стремленіями казацкой массы, выработалась очень возвышенная концепція гетманской власти, Москва старалась низвести ихъ до положенія своихъ агентовъ, генералъ-губернаторовъ, обязанныхъ во всемъ сообразоваться съ видами правительства и подчи-

Мазуровскій.

Битва подъ Лѣснымъ.

няться указаніямъ центра; московскій приказъ становился поперекъ дороги ихъ притязаніямъ на роль полновластныхъ правителей автономной области. Отсюда — вполнѣ естественныя попытки многихъ гетмановъ аннулировать договоръ, много разъ нарушенный Москвою, и вернуть Украйнѣ внутреннюю самостоятельность подъ покровительствомъ державы, которая могла бы защитить ее отъ царя, — Польши, Турціи или Швеціи (впервые мысль о соединеніи съ Швеціей появилась у Богдана Хмельницкаго). И несомнѣнно, еслибы одна изъ такихъ попытокъ увѣнчалась успѣхомъ, ни у безпристрастныхъ современниковъ, ни у историковъ не нашлось бы для нея слова осужденія, а всѣ видѣли бы въ этомъ актѣ только то, чѣмъ онъ и былъ бы на самомъ дѣлѣ, — довольно обыкновенный въ международной практикѣ случай расторженія „явочнымъ порядкомъ“ договора, ставшаго невыгоднымъ для одной стороны.

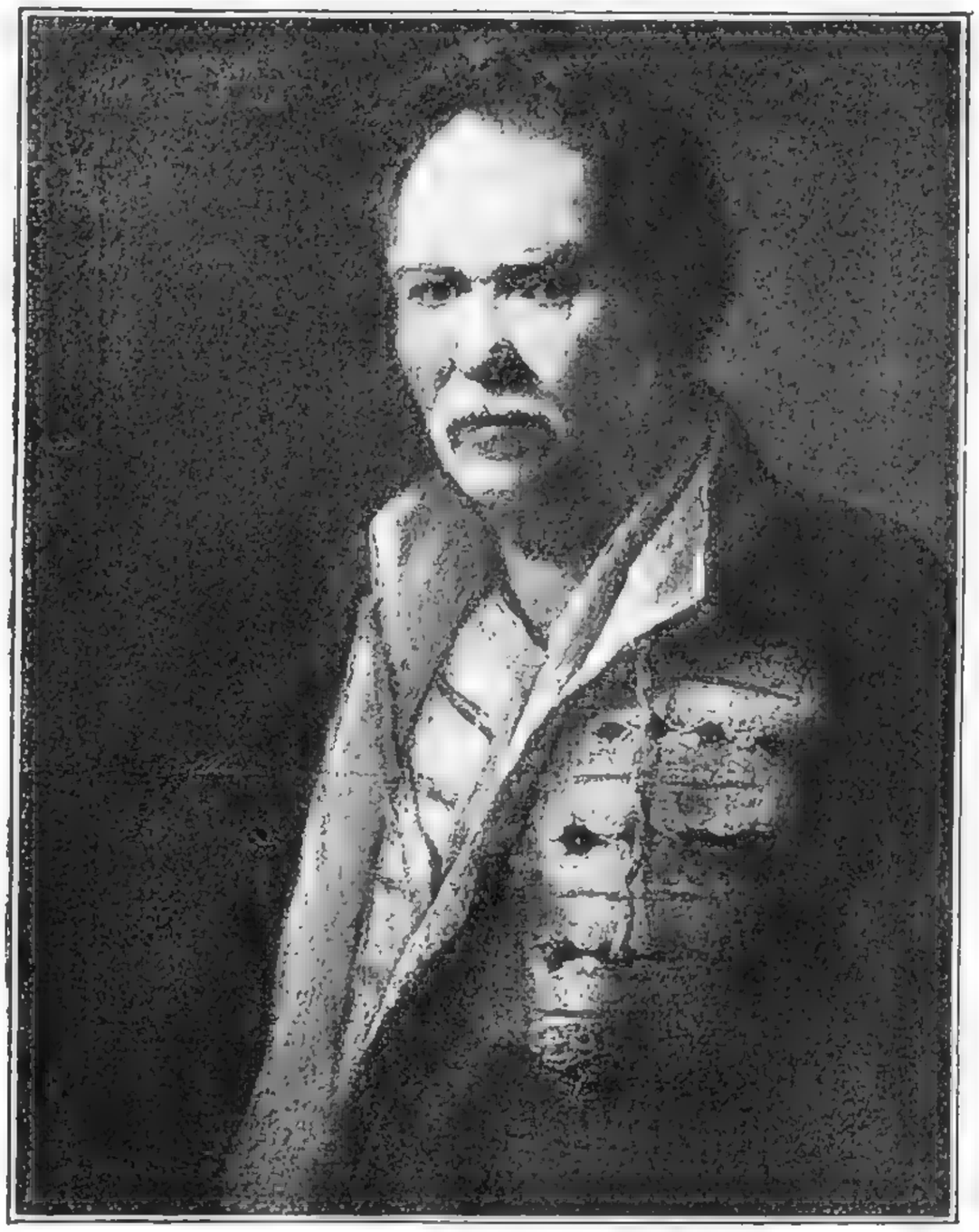
Мазепа, какъ и его предшественники, потерпѣлъ неудачу, хотя, казалось, на его сторонѣ было много шансовъ. Въ Украйнѣ замѣчалось враждебное отношеніе къ московскому правительству; у нея, говорилъ Мазепа въ 1703 г. чиновнику Посольскаго приказа, „зѣло отпало сердце къ великому государю“. Безцеремонныя нарушенія военной автономіи казачества, тяжкіе заграничные походы, принудительныя работы въ крѣпостяхъ и рекрутскіе наборы вызывали сильное раздраженіе въ ея населеніи. Съ другой стороны, престижъ Москвы былъ серьезно поколебленъ событіями Сѣверной войны. „Безсильная и невоинственная“, по выраженію Мазепы, московская рать въ первые годы войны только и дѣлала, что бѣгала отъ „непобѣдимыхъ“ войскъ шведскихъ. Въ самой Москвѣ вовсе не было увѣренности въ счастливомъ исходѣ борьбы. Не говоря уже о простонародіи, пессимистическое настроеніе котораго питалось постоянно возраставшими тяготами, поборами и наборами, даже люди близкіе къ царю мрачно смотрѣли на дѣло; царевичъ Алексѣй, наблюдавшій, по порученію отца, за постройкой укрѣпленій въ Москвѣ, подъ секретомъ совѣтовалъ своему духовнику заблаговременно подыскать безопасное убѣжище внѣ столицы. Мало того, поведеніе самого Петра, настаивавшаго все время на отступленіи и уклонявшагося отъ сраженія, давало поводъ думать, что онъ боится Карла и не вѣритъ въ успѣхъ; и дѣйствительно, въ перепискѣ съ своими сотрудниками онъ не скрывалъ опасеній и тревоги, которыя внушало ему наступленіе шведовъ.

Неудивительно въ виду всего этого, что даже такого дальновиднаго и осторожнаго политика, какъ Мазепа, соблазнили выгоды создавшейся ситуаціи. Гетману удалось благополучно довести до конца тайные переговоры съ Станиславомъ Лещинскимъ и Карломъ, обмануть бдительность московскихъ властей и ихъ руками расправиться съ доносчиками—Кочубеемъ и Искрой. Но въ послѣдній моментъ его разсчетъ все-таки оказался ошибочнымъ.

Украйна не поднялась противъ царя. Къ Мазепѣ прпстала только незначительная часть казачества — небольшоп отрядъ, съ которымъ опъ явился въ лагерь Карла, гарнизонъ Батурина, Запорожская Сѣчь, — и царскія войска безъ особаго труда подавили слабыя вспышки инсуррекціоннаго движенія. Не оправдалась и надежда на шведскую протекцію. Карлъ XII въ маѣ 1709 г. привелъ подъ Полтаву истомленную долгимъ и труднымъ походомъ, обнищавшую и деморализованную армію, и бой 27 іюня былъ ударомъ, окончательно сломив-

шимъ ея уже истощенныя силы. Она капитулировала, Карлъ и Мазепа спаслись бѣгствомъ въ турецкія владѣнія.

Съ этого момента характеръ военныхъ дѣйствій рѣзко измѣняется. Изъ строя выведены главныя силы Швеціи, и Петръ сразу получаетъ возможность направлять свои удары по собственному желанію, не считаясь болѣе съ угрожающими движеніями противника. Онъ переходитъ въ наступленіе, — закончивъ въ 1709 — 1710 гг. завоеваніе Ливоніи, вторгается въ Финляндію, захватываетъ ея южное побережье до самаго Або, тѣснитъ шведовъ даже на морѣ, наноситъ пораженіе пхъ эскадрѣ при Гангудѣ въ 1714 г. Съ другой стороны, объектомъ русскихъ военныхъ операцій становятся шведскія владѣнія на германскомъ побережьѣ Балтійскаго моря, территорія, на которой Россія приходитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ ближайшими европейскими государствами. Такимъ образомъ ходъ войны послѣ Полтавы, въ связи съ новыми обусловленными имъ дипломатически комбинаціями, раздвигаетъ рамки задачи, имѣвшейся въ виду вначалѣ, и втягиваетъ, наконецъ, Россію въ европейскія международныя отношенія, — честь, которой Петръ до той поры тщетно домогался.



Гетманъ Мазепа.
(Московскій Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ).

Въ октябрѣ 1709 г. было возобновлено соглашеніе Москвы съ ея прежними союзниками въ Сѣверной войнѣ Августомъ, поспѣшившимъ вернуться

въ Польшу, откуда его соперникъ Лещинскій бѣжалъ послѣ пораженія шведовъ, и Даніей. Августу была вновь обѣщана Лифляндія, а онъ гарантировалъ царю старыя русскія земли на финскомъ побережьѣ. Данія обязалась вести наступательную войну, не требуя отъ Москвы субсидій, безъ которыхъ она до Полтавы не соглашалась приступить къ союзу. Въ Померанiи и Голштиніи начались военныя дѣйствія при участіи, съ 1711 г., русскихъ войскъ. Самъ Петръ послѣ Прутскаго похода пріѣхалъ въ Германію, и съ этого времени его кипучая и порывистая дѣятельность перенеслась на половину въ Европу, гдѣ онъ сталъ появляться изъ года въ годъ то при арміи, то при дворахъ европейскихъ государей, то въ курортахъ. Онъ вмѣшивался въ операціи своихъ и чужихъ генераловъ, развивая и упрочивая уже наладившіяся союзныя отношенія, разрабатывая новыя комбинаціи, руководя дѣйствіями московскихъ дипломатовъ и самъ завязывая личныя сношенія съ европейскими государственными людьми и государями. Въ 1715 г. къ сѣверной коалиціи приступили Ганноверъ, курфюрстъ котораго Георгъ незадолго до того получилъ англійскую корону, и Пруссія. Всѣ союзники Петра, за исключеніемъ Августа, имѣли вполнѣ опредѣленные виды на клочки германской территоріи, захваченной шведами: Даніи нуженъ былъ Шлезвигъ, прусскій король хотѣлъ упрочить за собою Штеттинъ въ Померанiи, уже завоеванный для него русскимъ войскомъ, Георгъ хотѣлъ присоединить къ своимъ ганноверскимъ владѣніямъ Бременъ и Верденъ. Петръ не помышлялъ о территоріальныхъ захватахъ въ Германiи; онъ искалъ сближенія съ европейскими державами потому, что нуждался въ ихъ содѣйствіи при осуществленіи своихъ стратегическихъ плановъ и въ ихъ посредничествѣ для полученія выгодныхъ условій мира.

Эта задача оказалась чрезвычайно трудной. Благодаря полтавской побѣдѣ повысился военный престижъ Московскаго государства, но укоренившееся въ Европѣ предубѣжденіе противъ него осталось во всей силѣ. Хотя оно и выступало теперь въ международныхъ сношеніяхъ подъ именемъ „Россіи“, означавшимъ официальный разрывъ съ его политическимъ прошлымъ, но въ глазахъ Европы оно было попрежнему Московіей, чужероднымъ организмомъ, которому вовсе не къ лицу было притязаніе на равноправное положеніе среди цивилизованныхъ націй. Вѣсти, доходившія изъ Московіи, рисовали ея внутреннее состояніе почти неизмѣнившимся: народное варварство не поддавалось усиліямъ реформаторовъ, да и сами реформаторы немного возвышались въ духовномъ отношеніи надъ уровнемъ косной массы. Нельзя было отрицать только техническаго прогресса Москвы, и именно въ области военнаго дѣла, но какъ разъ это обстоятельство должно было обострять непріязненное отношеніе къ ней Европы. На примѣрѣ Польши, гдѣ фактически утвердилась диктатура московскихъ резидентовъ и московскихъ военныхъ властей, европейцы могли видѣть, какое порабощеніе ожидало

Полтавская битва 1709 г.

По гравюрѣ Лярмессена.

страну, подпавшую вліянію могущественнаго восточнаго союзника. Признаки надвигавшейся опасности были налицо, и въ тѣхъ европейскихъ земляхъ, куда съ 1711 г. проникли царскія войска, — Даніи и Пруссіи пришлось извѣдать неудобства московскаго хозяйничанья на ихъ территоріи. Прусскій король съ горечью сообщалъ своему дипломату: „Мы тоже подчинены царскому усмотрѣнію“. До какой степени его раздражала эта зависимость отъ слишкомъ безцеремоннаго покровителя, видно изъ негодующей тирады въ его письмѣ къ другому дипломату: „Благодаря Богу, я не нахожусь въ такой крайности, какъ король датскій, вынужденный терпѣть московское вмѣшательство, но царь долженъ знать, что то, что онъ дѣлаетъ съ королемъ датскимъ или польскимъ, недопустимо по отношенію къ прусскому, который ему голову оторветъ“. Неудивительно, что противодѣйствіе дальнѣйшему усиленію державы, дебюты которой въ Европѣ вызывали повсюду тревогу и озлобленіе, становилось лозунгомъ, объединявшимъ государственныхъ людей различныхъ странъ. Тотъ же прусскій король разрабатывалъ съ своимъ министромъ планъ, имѣвшій цѣлью ограниченіе русскихъ захватовъ въ уже покоренныхъ шведскихъ владѣніяхъ. Вѣнскій дворъ, съ большимъ неудовольствіемъ смотрѣвшій на появленіе русской арміи на имперской территоріи, холодно отклонялъ всѣ заискиванія и подходы царскихъ дипломатовъ, настойчиво хлопотавшихъ о заключеніи съ нимъ союза. Англія въ 1713 г. откровенно и рѣзко заявила, что она не намѣрена допускать нарушенія равновѣсія державъ на сѣверѣ, и не желаетъ поэтому оставлять Лифляндію въ рукахъ царя, который долженъ удовольствоваться однимъ Петербургомъ.

Окружённая такой непріязнью Москва очутилась въ очень неловкомъ положеніи, а Петръ еще болѣе осложнилъ его тѣмъ, что внесъ въ свою политику мотивъ, имѣвшій мало общаго съ ея ближайшими задачами, — своеобразное династическое честолюбіе: онъ задался цѣлью доставить своему роду приличное мѣсто среди европейскихъ владѣтельныхъ домовъ посредствомъ брачныхъ союзовъ съ ними, и съ жаромъ занялся выискиваньемъ партій для членовъ своей семьи въ разныхъ государствахъ Европы. Попытки сватовства въ такихъ домахъ, какъ французскіе Бурбоны, не имѣли успѣха, но зато Петру удалось въ полной мѣрѣ то, чего тщетно домогался его дѣдъ Михаилъ Ѳедоровичъ, — породниться съ второстепенными и третьестепенными европейскими „потентатами“. Онъ женилъ сына, царевича Алексѣя, на принцессѣ Софіи-Шарлоттѣ изъ герцогскаго Вольфенбюттельскаго дома, племянницъ своихъ, дочерей царя Ивана Алексѣевича, выдалъ за герцоговъ— Анну за курляндскаго, Екатерину за мекленбургскаго, дочь свою Анну сосваталъ за голштинскаго, растерявшаго свои владѣнія, принца. Всѣ эти брачные союзы, удовлетворяя неизбалованное самолюбіе Петра, явились, однако, источникомъ непріятностей для него и еще бо̀льшихъ непріятностей для Россіи. Самымъ почетнымъ былъ бракъ Алексѣя, потому что благодаря

ему московская династія вступила въ свойство съ римскимъ цезаремъ, женатымъ на родной сестрѣ Софіи-Шарлотты, но за эту честь Россіи пришлось поплатиться ссорой, едва не перешедшей въ открытый разрывъ, съ вѣнскимъ дворомъ, когда царевичъ, бѣжавшій отъ отца, нашелъ себѣ пристанище въ австрійскихъ владѣніяхъ. Изъ-за герцоговъ Россія нажила немало досадныхъ недоразумѣній и конфликтовъ съ ихъ сосѣдями. Послѣ смерти мужа Анны Ивановны курляндскій дворъ сталъ ареной борьбы за вліяніе Пруссіи, Польши и ея короля Августа, осложнившейся вмѣшательствомъ мѣстнаго рыцарства, и русское правительство, ради интересовъ царской племянницы, должно было лавировать въ этомъ водоворотѣ скрещивавшихся притязаній, сталкиваясь то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ соперниковъ. Голштинскій герцогъ, обобранный Даніей, смотрѣлъ на союзъ съ царскимъ домомъ, какъ на средство вернуть при его помощи свои утраченныя владѣнія, и происки его дипломатовъ при русскомъ дворѣ не могли не тревожить датское правительство и не вызывать охлажденія между нимъ и Россіей. Опасенія Даніи оправдались, когда, по волѣ императрицы Елизаветы, русскій престолъ занялъ подъ именемъ Петра III голштинскій принцъ, ея племянникъ: онъ совсѣмъ уже собрался вооруженною рукою отбирать у Даніи нисколько ненужный Россіи Шлезвигъ, и только его низложеніе предотвратило во-время эту безсмысленную войну. Бракъ Екатерины Ивановны съ герцогомъ мекленбургскимъ былъ не менѣе обленъ тягостными послѣдствіями, которыя начали обнаруживаться еще во время Сѣверной войны,—въ связи съ нимъ разыгрался нелѣпый эпизодъ, разссорившій Петра съ союзниками и отразившійся на ходѣ борьбы съ Швеціей.

Карлъ-Леопольдъ впуталъ царя въ свою распрю съ мекленбургскимъ дворянствомъ, выговоривъ себѣ его помощь для обузданія внутренняго врага — нѣсколько русскихъ полковъ, которые и расположились въ герцогствѣ. Но у дворянства нашлись вліятельные союзники въ лицѣ мекленбургцевъ-дипломатовъ, служившихъ при дворахъ датскомъ и ганноверскомъ: они забили тревогу по поводу вмѣшательства варваровъ во внутреннія отношенія одного изъ германскихъ княжествъ, указывая на опасность, проистекавшую отсюда для цѣлости имперіи.

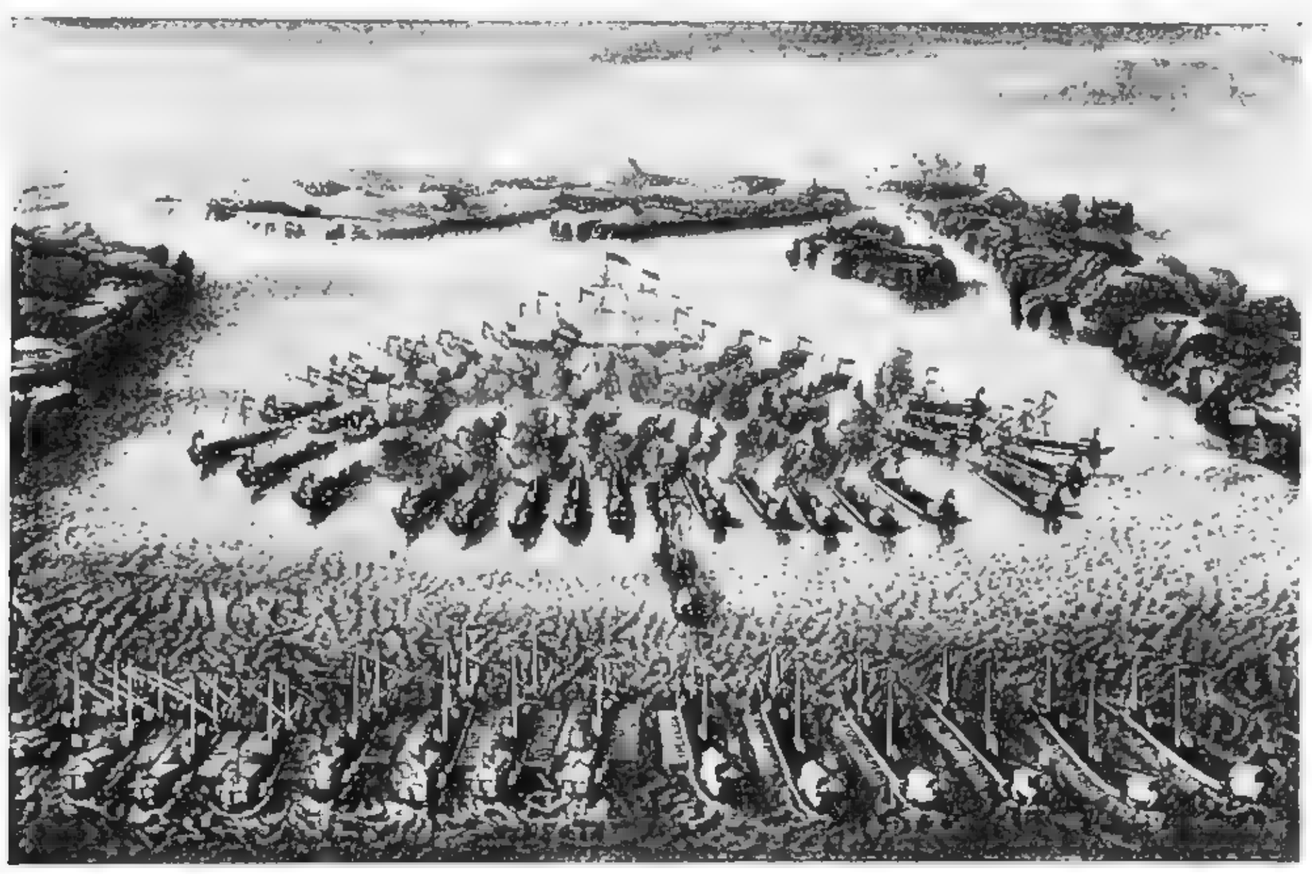
Слѣдствія этой агитаціи не замедлили обнаружиться, — Петра покинули союзники, которыми онъ наиболѣе дорожилъ. Пруссія могла ему помочь только на сушѣ, но у него и своихъ войскъ было вполнѣ достаточно для дѣйствій въ германскихъ владѣніяхъ Швеціи, а эти дѣйствія, какъ онъ уже самъ видѣлъ, сводились лишь къ тому, что Россія таскала каштаны изъ огня для своихъ неблагодарныхъ друзей, растрачивая силы въ затяжной и безплодной борьбѣ. Лучшимъ выходомъ изъ такого положенія было перенесеніе войны въ самую Швецію, которое, по разсчету Петра, нетрудно было осуществить при содѣйствіи флотовъ датскаго и англійскаго. Надежда на по-

мощь союзниковъ, однако, рушилась, когда Петръ въ 1716 г. выступилъ въ Копенгагенѣ съ проектомъ экспедиціи въ Швецію. Онъ сравнилъ ихъ въ письмѣ къ женѣ съ невыѣзженными лошадьми, не умѣющими сдвинуть карету съ мѣста, но на самомъ дѣлѣ положеніе было еще хуже: датскій и ганноверскій дворы отнеслись къ Россіи прямо враждебно. Въ виду прибытія въ датскія воды русской флотиліи съ войскомъ, населенію Копенгагена правительство приказало вооружиться, а король Георгъ хотѣлъ даже воспользоваться англійскимъ флотомъ, чтобы захватить самого Петра со всѣми его судами и, такимъ образомъ, положить однимъ ударомъ конецъ его вмѣшательству въ германскія дѣла

Выброшенный фактически изъ коалиціи, Петръ рѣшился измѣнить свою политику. Онъ завелъ переговоры о сепаратномъ мирѣ съ Карломъ XII, вновь появившимся на театрѣ военныхъ дѣйствій съ 1714 г., и въ то же время завязалъ сношенія съ Франціей и Испаніей. Послѣдняя нуждалась въ союзникахъ для борьбы съ Англіей и Австріей, но Россіи участіе въ этой борьбѣ не сулило ничего, кромѣ новой, не оправдываемой ея интересами, траты силъ, на которую Петръ не могъ согласиться. Сближеніе съ Франціей, налаженное самимъ Петромъ, посѣтившимъ Парижъ въ 1717 г., было закрѣплено договоромъ, по которому она обязалась не возобновлять своего соглашенія со Швеціей и оказать Россіи дипломатическое содѣйствіе въ переговорахъ съ Карломъ. Начались они по иниціативѣ короля, сообразившаго, что, примирившись съ самымъ опаснымъ противникомъ, онъ развяжетъ себѣ руки для продолженія борьбы за шведскія владѣнія въ Германіи. На мирномъ конгрессѣ, открывшемся въ 1718 г. на Аландскихъ островахъ, шведскіе уполномоченные выступили даже съ планомъ совмѣстныхъ дѣйствій противъ союзниковъ Петра въ Европѣ и короля Августа, котораго они предлагали замѣнить на польскомъ тронѣ Станиславомъ Лещинскимъ. Русскіе делегаты не отвергли этого плана, но затрудненія возникли съ другой стороны,—трудно было столковаться относительно размѣровъ территоріальныхъ уступокъ Швеціи въ прибалтійскихъ областяхъ, завоеванныхъ Россіей. Переговоры затянулись, а между тѣмъ въ Швеціи произошло рѣзкое измѣненіе политическаго курса послѣ внезапной гибели Карла XII при осадѣ Фридрихсгаля въ Норвегіи. На престолъ вступила сестра Карла Ульрика-Элеонора, бывшая замужемъ за гессенскимъ принцемъ Фридрихомъ, и въ шведскомъ правящемъ кругу восторжествовало теченіе, враждебное Россіи и благопріятное сближенію съ ея европейскими союзниками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ европейскихъ политическихъ центрахъ замѣтно усилилась агитація Ганновера противъ Россіи, обострившая и безъ того уже натянутыя отношенія между нею и большинствомъ державъ. Даже наиболѣе корректный союзникъ Петра, король прусскій, поддавался ганноверскимъ внушеніямъ, а императоръ австрійскій и король Августъ вступили съ Георгомъ въ соглашеніе,

имѣвшее цѣлью удаленіе русскихъ войскъ изъ Мекленбурга и Польши. Въ 1719—1720 гг. всѣ союзники Россіи, одинъ за другимъ, помирились съ Швеціей, и Петръ уже формально остался одинъ на одинъ съ своимъ противникомъ.

Въ этомъ послѣднемъ періодѣ войны, 1719—1721 гг., онъ выказалъ наибольшую энергію. Въ 1719 г. была выполнена операція, на которую онъ ранѣе не отваживался безъ помощи союзныхъ флотовъ,—нападеніе на скандинавское побережье: адмиралъ Апраксинъ высадился близъ Стокгольма и страшно опустошилъ его окрестности. Переговоры на Аландѣ послѣ этого прекратились, и война вспыхнула съ новой силой. Не смущаясь демонстраціями англійскаго флота на Балтійскомъ морѣ, русскіе повторили въ 1720 и



Бой при Гангудѣ 1714 г. (По стар. русск. грав.).

1721 гг. свои морскіе набѣги на Швецію съ прежнимъ успѣхомъ. Эти удары окончательно сломили сопротивленіе шведовъ, и 30 августа 1721 г. на новомъ конгрессѣ въ городкѣ Нистадѣ, въ Финляндіи, былъ заключенъ миръ на условіяхъ, вполнѣ удовлетворившихъ Петра: Россія получила Эстляндію, Лифляндію—о передачѣ ея Августу уже не было помина,—Ингрію и часть Кареліи съ Выборгомъ, но Финляндію возвратила Швеціи и обязалась уплатить 2 милліона ефимковъ.

Путь, пройденный Россіей, былъ тяжекъ,—ей понадобилась, по образному выраженію Петра, „трехвременная школа“, т.-е. втрое больше времени, чѣмъ полагалось ученику съ нормальными способностями и подготовкой, 21 годъ вмѣсто семи лѣтъ, для усвоенія курса, и въ этомъ были повинны не столько даже свойства обучавшихся, сколько промахи и неопытность учителя. Народъ расплатился лишнимъ десяткомъ годовъ жестокой учобы за

политическій дилетантизмъ Петра, который послѣ Полтавы завелъ было свою страну въ тупикъ въ погонѣ за безполезными союзами и сомнительными патентами на династическій цензъ. И все-таки Россія могла гордиться достигнутымъ результатомъ: она удачно разрѣшила одну изъ своихъ историческихъ задачъ и вмѣстѣ съ тѣмъ получила, въ силу своего матеріальнаго могущества, значеніе извѣстнаго фактора въ европейскихъ международныхъ отношеніяхъ. Символомъ этого успѣха явился императорскій титулъ, принятый Петромъ немедленно послѣ заключенія мира, который, по его мнѣнію, далъ Россіи право на рангъ крупной европейской державы. Но символическій въ своемъ родѣ смыслъ имѣлъ и пріемъ, оказанный Европою новой имперіи: при жизни Петра только три государства признали ее, всѣ же остальныя оказали ей эту честь значительно позднѣе. Россія не вошла въ семью европейскихъ народовъ, которые продолжали относиться къ ней съ прежнимъ недовѣріемъ и недоброжелательствомъ; русскій государь,—объяснялъ туркамъ англійскій дипломатъ,—не былъ въ дружбѣ ни съ однимъ изъ европейскихъ государей, всѣ они „были ему злодѣями“. Непосредственно страдала отъ усиленія русскаго могущества Польша, низведенная своимъ восточнымъ сосѣдомъ почти на степень вассальнаго государства. Подобное же положеніе создалось послѣ ништадтскаго мира и въ Швеціи, гдѣ русскіе резиденты, эксплуатируя, какъ въ Польшѣ, внутреннюю неурядицу, пріобрѣли громадное вліяніе на дѣла. Прочимъ державамъ, конечно, не могла грозить такая опасность, но Россія внушала имъ непріязненное чувство уже потому, что она заняла неподобающее ей мѣсто въ Европѣ. Всѣмъ было ясно, что русскій народъ не пріобщился къ цивилизаціи, что Петровская реформа коснулась только его матеріальныхъ рессурсовъ, давъ ему новое оружіе, которое въ варварскихъ рукахъ стало угрозою европейскому миру. Но и этотъ успѣхъ не считался прочнымъ,—было распространено мнѣніе, что Россія страшна, пока живъ ея энергичный и предпріимчивый государь, а когда онъ сойдетъ со сцены, она поспѣшитъ сбросить съ себя непривычные европейскіе доспѣхи и вернется въ состояніе прежняго безсилія и изолированности. Этимъ объясняется та радость, съ которою почти повсемѣстно въ Европѣ была встрѣчена вѣсть о смерти Петра.

На ходѣ Сѣверной войны почти не отразилась крупная неудача, испытанная Россіей въ борьбѣ съ Турціей, вспыхнувшей вскорѣ послѣ Полтавы. Послѣ замиренія 1700 г. русско-турецкія отношенія все время оставались натянутыми; обѣ стороны, подозрительно слѣдя другъ за другомъ, постоянно готовились къ новой войнѣ; Петръ, въ самый разгаръ единоборства съ Карломъ, не упускалъ изъ вида Азовскаго моря, вооружая флотъ въ Воронежѣ и усиливая укрѣпленія Азова. Столкновеніе изъ-за Карла, бѣжавшаго послѣ полтавскаго пораженія въ Турцію, было искрой, упавшей въ порохъ. Русскому резиденту въ Константинополѣ удалось добиться отъ Порты согласія

на удаленіе короля изъ турецкихъ предѣловъ, но шведскіе агенты, въ концѣ-концовъ, одержали верхъ, и на повторенное Петромъ требованіе высылки Карла турки отвѣтили объявленіемъ войны 20 ноября 1710 г.

У Петра создался на этотъ разъ чрезвычайно смѣлый планъ наступательной борьбы. Онъ рѣшилъ нанести ударъ Турціи не въ Крыму, даже не на Черноморскомъ побережьѣ, а въ ея владѣніяхъ на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ его армія должна была оперировать въ союзѣ съ возставшими христіанскими народностями. Это былъ первый опытъ постановки восточнаго вопроса въ духѣ политическихъ фантазій передовыхъ московскихъ дипломатовъ XVII вѣка, Ордина-Нащокина и Тяпкина, которые тоже въ свое время мечтали объ образованіи подъ главенствомъ Россіи коалиціи балканскихъ народовъ противъ Турціи. Петръ разсчитывалъ на поддержку со стороны австрійскихъ и турецкихъ сербовъ, болгаръ и грековъ; его эмиссары возмутили черногорцевъ; съ двумя румынскими вассалами Турціи, господаремъ валашскимъ Бранкованомъ и молдавскимъ Кантемиромъ онъ заключилъ наступательный союзъ. Весною 1711 г. начался походъ, въ которомъ принялъ участіе самъ царь, захватившій съ собою свою жену. Въ іюнѣ русская армія была уже въ Молдавіи; Петръ всячески старался ускорить ея движеніе, надѣясь на присоединеніе христіанъ въ придунайскихъ земляхъ. Но Бранкованъ измѣнилъ ему, а Кантемиръ оказался слишкомъ безсильнымъ союзникомъ. Переходъ черезъ Дунай громадной турецкой рати подъ предводительствомъ визиря, терроризовавшій мѣстное христіанское населеніе, окончательно разстроилъ планъ Петра. При встрѣчѣ съ турками, къ которымъ присоединились татары, на берегу Прута, русскіе были вынуждены отступить, и непріятельскія силы вскорѣ охватили ихъ со всѣхъ сторонъ. У Петра было до 40 тыс. чел., у визиря—до 180 тыс. Два дня, 9 и 10 іюля, русскіе оборонялись, причинили врагу значительный уронъ и, можетъ-быть, съ честью вышли бы изъ труднаго положенія, еслибы былъ принятъ совѣтъ одного изъ генераловъ—штыками проложить себѣ дорогу черезъ турецкіе ряды.

Петръ предпочелъ иной исходъ. Есть извѣстіе, что онъ собирался тайно бѣжать съ своею женой изъ русскаго лагеря,—извѣстіе довольно правдоподобное психологически, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ видно изъ письма его къ Апраксину, считалъ положеніе своего войска отчаяннымъ,—„никогда, какъ я началъ служить,—сообщалъ онъ,—въ такой диспераціи не были“. Но явилась возможность спасти безъ рискованнаго боя и себя, и армію, когда обнаружилось, что турки въ виду стойкости русскихъ были настроены не особенно воинственно. Завязались переговоры о мирѣ. Растерянность Петра оказалась въ инструкціи, которую онъ далъ своему уполномоченному: онъ готовъ былъ отказаться отъ всѣхъ захваченныхъ русскими турецкихъ городовъ, вернуть Швеціи Лифляндію, признать Станислава Лещинскаго коро-

лемъ польскимъ и желалъ только непремѣнно удержать за собою Ингрію съ Петербургомъ, хотя бы цѣною уступки Пскова и даже иныхъ русскихъ провинцій. Сверхъ ожиданія миръ удалось заключить на гораздо болѣе легкихъ условіяхъ, безъ потери завоеваній въ Прибалтійскомъ краѣ,—лишь Турціи пришлось удовольствовать возвращеніемъ Азова и очищеніемъ Таганрога и другихъ мѣстъ, занятыхъ русскими послѣ второго азовскаго похода; Карла XII турки обязались удалить изъ своихъ владѣній. Въ Константинополѣ этотъ договоръ вызвалъ неудовольствіе, особенно, когда тамъ узнали, что Петръ не спѣшилъ исполнить свои обязательства. Дѣло дошло до новаго разрыва, но Петръ предотвратилъ войну, удовлетворивъ турокъ, и въ 1713 г. прутскія условія были подтверждены въ Адріанополѣ. Россіи такимъ образомъ грандіозная по замыслу авантюра Петра стоила плодовъ двухъ азовскихъ походовъ, добытаго съ такимъ усиліемъ выхода къ южному морю, отъ котораго она надолго была отброшена. Балканскіе христіане испытали жестокое разочарованіе, и восточный вопросъ изъ области практической политики вновь перешелъ въ область платоническихъ мечтаній и чаяній.

Въ концѣ царствованія Петра русско-турецкія отношенія пережили новый кризисъ въ связи съ персидскимъ походомъ 1722—1723 гг. Этотъ походъ, при всей своей эпизодичности, былъ въ сущности попыткой разрѣшенія крупнаго политическаго вопроса, который давно уже занималъ Петра. Россія нуждалась въ развитіи торговыхъ сношеній съ странами передней и средней Азіи, гдѣ были и крупные рынки, и важные транзитные пути, но оно предполагало, по мысли Петра, включеніе тѣхъ и другихъ въ сферу русскаго вліянія. Чтобы овладѣть азіатскимъ экспортомъ и направить его въ Россію, онъ считалъ необходимымъ утвердить ея господство на Каспійскомъ морѣ и въ прилегающихъ областяхъ—въ сѣверной Персіи, среднеазіатскихъ ханствахъ и на Кавказѣ. Со стороны ханствъ движеніе Россіи въ глубь Азіи встрѣтило сильный отпоръ, сломить который она, при тогдашнихъ своихъ средствахъ, оказалась не въ состояніи; экспедиція въ Хиву, снаряженная въ 1716 г., потерпѣла полное крушеніе, русскій отрядъ былъ истребленъ хивинцами, а начальникъ его кн. Александръ Бековичъ захваченъ въ плѣнъ и казненъ. Меньшія,. повидимому, затрудненія ожидали Россію на западномъ и южномъ побережьѣ Каспійскаго моря. Двѣ христіанскія народности Закавказья, армяне и грузины, издавна обнаруживали тяготѣніе къ сѣверной державѣ, исторической миссіей которой являлось противодѣйствіе мусульманскимъ захватамъ въ сосѣднихъ азіатскихъ странахъ. Съ XVII вѣка Россія поддерживала довольно оживленныя сношенія съ армянами и разными грузинскими династами, призывавшими ее на помощь противъ турокъ и персовъ. Въ самой Персіи обстоятельства видимо складывались очень благопріятно для политическихъ видовъ Петра. Въ этой странѣ, истощенной многовѣковымъ хищничествомъ ея правителей, уже тогда показались симптомы

Петръ Великій.

Съ портрета неизвѣстн. художника. (1711—1716.)

внутренняго разложенія, обычно предшествующіе паденію азіатскихъ деспотій. Гипертрофія центральной власти сопровождалась, какъ это всегда бываетъ въ государствахъ подобнаго типа, неурядицей и анархіей на мѣстахъ, создававшими благодарную почву для сторонняго вмѣшательства, которое имѣло тѣмъ болѣе шансовъ на успѣхъ, что деморализованное тираническимъ управленіемъ населеніе Персіи было не въ силахъ серьезно воспротивиться ему.

При такихъ условіяхъ въ поводахъ къ вторженію въ Персію не могло быть недостатка. Петръ примѣнилъ методъ, который всегда былъ и остается шаблоннымъ въ предпріятіяхъ такого рода. Предлогомъ для открытія военныхъ дѣйствій послужило нападеніе на русскихъ купцовъ въ Шемахѣ, а въ качествѣ мотива экспедиціи въ самую Персію было выставлено возстановленіе въ ней порядка и спокойствія въ интересахъ шахскаго правительства. Лѣтомъ 1722 г. армія, при которой находился Петръ, двинулась по кавказскому берегу Каспійскаго моря къ югу, почти безъ боя приводя къ покорности мѣстныхъ полунезависимыхъ династовъ. Въ августѣ былъ занятъ Дербентъ. Отдѣльный отрядъ переплылъ Каспійское море и овладѣлъ Рештомъ, гдѣ выдержалъ столкновеніе съ персидскимъ войскомъ, окончившееся совершеннымъ пораженіемъ послѣдняго. Въ 1723 г. русскіе вошли въ Баку. Тогда же начались переговоры о мирѣ, который и былъ заключенъ въ Петербургѣ 12 сентября: Персія уступила Россіи Дербентъ, Баку и свои провинціи на южномъ побережьѣ Каспійскаго моря. Распространеніе русскаго владычества на территорію, смежную съ кавказскими областями, тяготѣвшими къ Турціи, и слухи о замышляемыхъ царемъ покушеніяхъ на Арменію и Грузію вызвали въ Константинополѣ сильную тревогу, которую постарались еще болѣе раздуть дипломатическіе агенты Австріи и Англіи. Порта заявила протестъ противъ дѣйствій Петра и стала готовиться къ войнѣ; однако послѣ заключенія мира съ Персіей удалось этотъ конфликтъ уладить и прійти къ соглашенію съ Турціей о разграниченіи сферъ вліянія въ закавказскихъ земляхъ. Россія удержала свои пріобрѣтенія, но они оказались непрочными, и большая часть ихъ была потеряна ею послѣ Петра.

Подведемъ итоги дѣятельности Петра въ области внѣшней политики. Выходъ къ южному морю, добытый цѣною тяжкихъ усилій въ началѣ его царствованія, былъ утраченъ послѣ опрометчиво начатой и легкомысленно веденной войны 1711 г.; Россія осталась на югѣ при прежней степной границѣ, не удовлетворявшей требованіямъ государственной безопасности. Другая историческая задача, исправленіе сѣверо-западной границы, была разрѣшена съ успѣхомъ, превзошедшимъ ожиданія самого Петра. Россіи уда-

лось не только вернуть потерянный ею въ началѣ XVII вѣка участокъ Финскаго побережья, но и утвердиться въ Ливоніи и части Финляндіи. Этотъ результатъ стоилъ русскому народу слишкомъ большого количества жертвъ, по винѣ неумѣлой политики Петра, затянувшей Сѣверную войну на много лишнихъ лѣтъ. Тѣмъ не менѣе Россія вышла изъ борьбы не ослабленной и даже пріобрѣла извѣстное положеніе въ Европѣ, хотя и не вошла въ семью европейскихъ народовъ; усиливъ, благодаря реформѣ, свои матеріальные рессурсы, она не усвоила европейской цивилизаціи ни при Петрѣ, ни послѣ него. Персидскій походъ былъ первымъ приступомъ къ утвержденію владычества Россіи въ бассейнѣ Каспійскаго моря, но результатъ его оказался эфемернымъ.

В. Нечаевъ.

Петръ Великій какъ законодатель и „правда воли монаршей“.

Такъ ни исправляютъ и ни осложняютъ научныя изслѣдованія историческій образъ Петра Великаго, въ нашемъ воображеніи до сихъ поръ стоитъ царь-плотникъ, работающій на корабельной верфи, съ топоромъ въ рукахъ. Легко отыскать разгадку этого. Петръ строилъ не одни корабли, онъ былъ строителемъ во всемъ своемъ государственномъ управленіи; топоръ тесалъ бревна, но его же тяжелые и не рѣдко по своей грубости ошибочные удары ложились на весь укладъ русской жизни. Законодательная дѣятельность Преобразователя—это та же спѣшная работа на верфи, съ тою лишь разницей, что при постройкѣ кораблей есть готовый планъ, а при государственномъ строительствѣ Петра какъ самъ державный работникъ, такъ и его сотрудники дѣйствовали ощупью, съ трудомъ выясняя себѣ детали работы по мѣрѣ ея суетливаго исполненія.

Царствованіе Петра оставило намъ болѣе 3.000 узаконеній, написанныхъ большею частью или самимъ царемъ, или подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Узаконенія эти слагались подъ вліяніемъ ряда историческихъ условій, изъ которыхъ главныхъ три. Это, во-первыхъ, наслѣдіе старины,

результаты законодательной дѣятельности предшествующаго періода. Какъ ни представляется законодательство Петра, въ общемъ, реформаторскимъ, направленнымъ не къ закрѣпленію сложившихся отношеній, а къ перестройкѣ ихъ, все-таки, по отзыву компетентнаго историка, каждый законъ Петра „либо довершалъ процессъ, начавшійся уже ранѣе въ укладѣ русской жизни, либо перепачивалъ сложившееся въ ней сочетаніе составныхъ частей, то раздѣляя слитые элементы, то соединяя раздѣльные“ [1]). Придавая особенное значеніе законодательству, Петръ сдѣлалъ нѣсколько серьезныхъ попытокъ создать новое уложеніе: втеченіе царствованія дѣйствовали три комиссіи объ уложеніи (1700—1703, 1714—1718, 1720—1727); первыя двѣ состояли изъ русскихъ, послѣдняя, засѣдавшая и послѣ Петра, изъ русскихъ и иностранцевъ; но законодательная работа не увѣнчалась достаточнымъ успѣхомъ, комиссіи расходились, не справившись съ своимъ дѣломъ [2]), и старое Уложеніе сохраняло свою силу при Петрѣ, какъ и долго послѣ: въ концѣ-концовъ, это былъ единственный авторитетъ, который во множествѣ случаевъ, правительство могло противопоставить разнымъ „новоуказнымъ статьямъ“ и „сепаратнымъ указамъ“, какъ это и сдѣлано было, напр., въ указахъ 12 марта и 20 мая 1714 г. [3]). Заслуги царя Алексѣя въ сферѣ внутренней расправы и правосудія признаны и самимъ Петромъ, въ извѣстной его бесѣдѣ съ Я. Ѳ. Долгорукимъ и Мусинымъ-Пушкинымъ. Въ 1720 г. царь требуетъ правильнаго переноса дѣлъ изъ низшей инстанціи въ высшую и прямо ссылается при этомъ на X главу Уложенія, гдѣ уже было указано „во всякихъ дѣлахъ бить челомъ опредѣленнымъ въ приказахъ судьямъ, а на неправыя ихъ вершенія бить челомъ боярамъ“ [4]). Ссылки на Уложеніе дополняются ссылкой на другое наслѣдіе страны—Воинскій уставъ 1647 г., съ которымъ законодатель считаетъ нужнымъ связать свой новый уставъ 1716 г. [5]). И, разумѣется, это не общая фраза, прикрывающая ссылкой на старину не нравящійся обществу новый порядокъ: рукописныя сочиненія, посвященныя военному дѣлу, стали у насъ появляться съ начала XVII вѣка, и не будь регулярныхъ полковъ царствованія первыхъ Романовыхъ, едва ли бы создалась такъ скоро Петровская армія. Второе условіе, повліявшее на законодательство Петра, это культурное сближеніе Россіи съ З. Европой, для котораго съ начала XVIII в. значительно расширяются пути. Царь съѣздилъ за границу, и значеніе этой поѣздки обсуждается на диспутахъ въ германскихъ университетахъ. Первостепенный научный авторитетъ З. Европы, Лейбницъ, чрезвычайно интересуется Россіей и, въ концѣ-концовъ, офиці-

---

[1]) В. О. Ключевскій. „Курсъ русской исторіи“, т. IV., стр. 281.
[2]) В. И. Латкинъ. „Законодательныя комиссіи въ Россіи“, т. I. Спб., 1887.
[3]) Сборн. Ист. Общ., т. XI, стр. 276, 278.
[4]) П. С. З., т. VI, № 3577.
[5]) П. С. З., т. V, № 3006, стр. 203.

ально принимается на русскую службу съ чиномъ тайнаго юстицъ-совѣтника и жалованьемъ по 1.000 талеровъ въ годъ [1]). Изъ Россіи, частью волей, а чаще неволей, потянулись въ З. Европу Петровскіе „навигаторы“, и какъ ни растерпвались они въ круговоротѣ новыхъ впечатлѣній, все-таки изъ ихъ среды вышли люди, нечуждые западной культурѣ. Законодательство З. Европы становится образцомъ для русскихъ: иностранцы входятъ въ составъ послѣдней комиссіи объ уложеніи, которая должна была положить въ основу своихъ трудовъ законы шведскіе и датскіе; передъ этимъ, въ 1712 г., Сенату было предписано распорядиться о переводѣ на русскій языкъ законовъ разныхъ европейскихъ странъ [2]). Необходимо учесть и литературныя вліянія. Въ библіотекѣ Брюса, съ которой едва ли не былъ знакомъ Петръ, имѣлись книги, какъ „Иоганъ Локъ на немецкомъ языке“ или „Губернаментъ цивиль дурхъ Жонъ Локъ“—тоже по-нѣмецки [3]). Въ наказѣ будущему воспитателю царя Алексѣя Петровича, составленномъ въ 1703 г., Преобразователь находитъ необходимымъ „заранѣе начать его высочества комнатную библіотеку сочинять“, при чемъ въ этой библіотекѣ почетное мѣсто должны были занять,— очевидно, хорошо знакомые Петру — Пуффендорфъ, Фенелонъ, Гроцій [4]). Идеи, вынесенныя изъ Гроція и Пуффендорфа, не разъ могутъ быть удобно сопоставлены съ общимъ характеромъ Петровскихъ указовъ. Мысль, что государь всемогущъ,— не только de jure, какъ Божій помазанникъ и какъ лицо, которому народъ передалъ свою свободу, но и de facto, въ виду полной зависимости судьбы народа отъ способа управленія — красной нитью проходитъ черезъ всю практическую дѣятельность Преобразователя. По государственно-правовымъ воззрѣніямъ XVII вѣка, обязанность государя—воспитывать народъ, насаждая при этомъ

Θеофанъ Прокоповичъ.
(Синодальная типографія).

---

[1]) Влад. Герье. „Отношеніе Лейбница къ Россіи и Петру Великому“, Спб., 1871, стр. 159.

[2]) П. Пекарскій. „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ“, т. I, стр. 256.

[3]) И. Забѣлинъ. „Библіотека и кабинетъ графа Я. В. Брюса“,—Лѣтописи русской литературы и древности, т. I, 1859 г.

[4]) П. И. Голиковъ. „Дѣянія Петра Великаго“. М. 1837, т. III, стр. 103, 104. П. С. З. V. № 3151.

„общее благо“. До потопа, по мнѣнію Пуффендорфа, не могло быть государства, потому что, будь государственная власть, она и не дала бы людямъ впасть въ прегрѣшеніе. Каковъ царь, таковы и подданные, „понеже по примѣру королевскому и подданные жительствуютъ“. Для русскихъ, какъ ихъ представляетъ себѣ Пуффендорфъ, тѣмъ болѣе необходима сильная власть: „рабское Россіанъ повиновеніе зѣло сілы ихъ укрѣпляетъ и умножаетъ“ [1]). Третьимъ опредѣляющимъ условіемъ законодательства Петра является война, давшая главный основной фонъ всему царствованію. Вліяніе войны обстоятельно оцѣнено В. О. Ключевскимъ: по словамъ его, все Петровское управленіе „поневолѣ превращалось въ генеральный штабъ и военную кассу; война становилась и колыбелью, и школой реформы, хотя эта школа не давала сосредоточиться, сообщала реформѣ нервозный, лихорадочный пульсъ, болѣзненно-ускоренный ходъ“ [2]). Неблагопріятное вліяніе войны на законодательство подтверждаетъ и самъ Петръ — въ указахъ 16 апрѣля 1717 г. и 6 ноября 1723: въ первомъ изъ указовъ онъ жалуется на необходимость постоянныхъ отлучекъ, а во второмъ — на печальные результаты этихъ отлучекъ — „за настоящею тогда войною недосужное время имѣли и на многія дѣла дѣланы въ разныя времена разные указы объ одномъ дѣлѣ“ [3]).

Выросшее въ своеобразныхъ условіяхъ, Петровское законодательство представляетъ значительныя особенности и по формамъ, и по содержанію. Законодательныя комиссіи не удались, Преобразователю приходилось самому заботиться о томъ, чтобы хотя въ текущемъ законодательствѣ не было недомолвокъ и противорѣчій. „Надлежитъ, — говорилъ Петръ своему секретарю Макарову,—законы и указы писать ясно, дабы ихъ не перетолковывали“. Но въ постоянной суетѣ и тревогахъ Петровскаго царствованія требованіе это гораздо легче было поставить, чѣмъ исполнить. Часть именныхъ указовъ намѣчаетъ лишь общія начала, предоставивъ ихъ развитіе Сенату; другая представляетъ лишь коротенькія записочки, требующія потомъ дополнительныхъ указовъ и разъясненій; отъ иныхъ мѣръ законодатель самъ долженъ былъ отказываться, съ публичнымъ признаніемъ, что „сіе сначала не осмотря учинено“ и теперь подлежитъ поправкѣ [4]). „А что мы въ прошлой почтѣ писали къ вамъ. дабы дать въ томъ строеньѣ сроку на годъ“, пишетъ Петръ М II. Гагарину по поводу московскихъ построекъ—„и того нынѣ не дѣлай и подтверди еще указомъ, дабы на погорѣлыхъ мѣстахъ, конечно, дѣлали каменныя лавки“... [5]). По приведенному уже признанію го-

---

[1]) „Введеніе въ гісторію европейскую“, пер. Гавріила Бужинскаго. Спб., 1718, стр. I, 149, 409.
[2]) В. О. Ключевскій. „Курсъ русской исторіи“, т. V, стр. 77, 80, 82, 274, 286, 287.
[3]) П. С. З., т. V, № 3080, VII № 4347.
[4]) П. С. З., т. VI № 3877.
[5]) Сборн. Ист. Общ., т. XI, стр. 131.

сударя, объ одномъ и томъ же имъ было издано по многу указовъ; во вторую половину царствованія мы, наоборотъ, встрѣчаемся съ рядомъ случаевъ, когда одинъ указъ охватывалъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ, начиная съ выбора камиссаровъ для сбора подушныхъ, и кончая постройками въ Новгородѣ по плану [1]). Невыработанность, торопливость— вотъ первая особенность Петровскаго законодательства со стороны формы. Но въ литературѣ отмѣчена и другая особенность, вытекавшая изъ стремленія Преобразователя, несмотря на трудныя условія царствованія, внести въ него нѣкоторые новые взгляды. Старое Допетровское законодательство ставило своей задачей дѣйствовать по преимуществу страхомъ, мало заботясь о томъ, понимаютъ или не понимаютъ подданные цѣлесообразность предписаннаго. Отъ воздѣйствія страхомъ не отказывается и Петръ, идя въ этомъ отношеніи рука объ руку съ рядомъ своихъ сотрудниковъ [2]); обычная присказка Уложенія — наказать, чтобы другимъ неповадно было то же дѣлать, прямо переносится въ нѣкоторые Петровскіе указы. Наказанія назначаются за все, начиная со смертной казни за государственную измѣну и кончая той же смертной казнью за „многую заповѣдныхъ лѣсовъ посѣчку“ [3]). Но угроза Петровскихъ указовъ тѣмъ суровѣе, что ей обыкновенно предшествуетъ попытка объяснить цѣль закона и его важность: представляется вдвойнѣ преступнымъ тотъ, кто нарушилъ законъ послѣ его разъясненія. „Понеже челобитчики,—читаемъ мы въ указѣ 22 декабря 1718,—непрестанно е. и. величеству докучаютъ о своихъ обидахъ вездѣ во всякихъ мѣстахъ, не дая покою; хотя съ ихъ стороны легко разсудить можно, что всякому своя обида горька есть и не сносна, но

Кн. Б. И. Куракинъ. (По гравюрѣ Бекетова).

---

1) П. С. З., т. VII, №№ 4224, 4422, указы 14 мая 1723, 20 января 1724 и др.

2) А. Филипповъ. „О наказаніи по законодательству Петра Великаго, въ связи съ реформой“. Москва, 1891, стр. 135, 142.

3) А Филипповъ. „О наказаніи по законод. Петра В., въ связи съ реформой“. М., 1891, стр. 172.

при томъ каждому разсудить же надлежитъ, что какое ихъ множество, а кому бьютъ челомъ—одна персона есть, и та колпкими воинскими и прочими неспосными трудами объята, что всѣмъ извѣстно есть; и хотя бъ и такихъ трудовъ не было, возможно ль одному человѣку за такъ многими посмотрѣть? Во истину не точію человѣку, ниже Ангелу: понеже и оные мѣстомъ описаны суть: ибо гдѣ присутствуетъ, индѣ его нѣтъ"... За такимъ обстоятельнымъ вступленіемъ слѣдуетъ запрещеніе челобитій, подкрѣпляемое угрозой—лишенія чина или имѣнія для знатныхъ людей и жестокаго наказанія для подлыхъ. Столь же типичнымъ является знаменитый указъ 17 апрѣля 1722 г.—о повиновеніи закопамъ: „Ничто такъ къ управленію государства нужно есть, какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ, понеже всуе законы писать, когда ихъ не хранить, или ими играть въ карты", начинаетъ законодатель, а затѣмъ, за длинной мотивировкой, приглашающей повиноваться закопамъ не за страхъ, а за совѣсть, слѣдуетъ угроза: „Буде же кто сей нашъ указъ преступитъ, подъ какою оговоркою ни есть, слѣдуя правпламъ Гагариновымъ" (т.-е. князя Матвѣя Петровича Гагарина, сибирскаго губернатора, казненнаго за лихоимство), тотъ, яко нарушитель правъ государственныхъ и противникъ власти", въ свою очередь, „казненъ будетъ смертью безъ всякой пощады" [1]). Мотивировка нерѣдко значительно превосходитъ своими размѣрами самый указъ. Въ мотивировкахъ находимъ частные случаи, подавшіе поводъ къ указамъ, соображенія справедливости, необходимости отеческой защиты „безвластнаго бѣднаго люда", вдовъ, сиротъ, ссылку на положеніе Россіи, какъ одной изъ „христіанскихъ странъ" подъ управленіемъ „христіанскаго государя". Терминъ „христіанскій" значитъ для Петра „европейскій": Россія должна примыкать къ Европѣ, а не къ Азіи, и слѣдовать, по возможности, во всемъ примѣру первой. „Понеже всѣмъ вѣдомо есть, что во всѣхъ христіанскихъ государствахъ непремѣнно обычай есть Потентамъ супругъ своихъ короновать, и не точію нынѣ, но и древлѣ право у славныхъ императоровъ греческихъ сіе многократно бывало"... потому-то, согласно манифеста 15 ноября 1723 г., коронуетъ государь императрицу Екатерину [2]). По европейскимъ образцамъ слѣдуетъ возводить дома, содержать дороги, ткать широкія полотна; узкихъ полотенъ отнюдь не слѣдуетъ ткать „для того, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ дѣлаютъ полотна широкія, отчего промыслами и работами широкихъ полотенъ отъ большихъ цѣнъ имѣютъ многое народное пополненіе" [3]). Въ мотивировкахъ встрѣчается и идея отвѣтственности каждаго подданнаго за благосостояніе всего народа. Идея эта не чужда, конечно, и правительству и обществу XVII вѣка; но у Петра она значительно расширяется со стороны объективной и субъективной. XVII вѣкъ еще плохо различаетъ

---

[1]) П. С. З., т. V № 3261, VI, № 3970.
[2]) П. С. З., т. VII №
[3]) П. С. З., т. V, № 2943.

понятіе грѣха и преступленія, считаетъ „лихпмъ дѣломъ“ поступокъ не столько противозаконный, сколько безнравственный или противорелигіозный; Петръ подвелъ подъ идею не только юридической, но и нравственной отвѣтственности всякое уклоненіе отъ закона, что бы послѣдній ни предписывалъ: сенаторы не вершатъ дѣлъ по доносамъ фискаловъ—съ точки зрѣнія Петра они забыли Бога и души свои [1]). Субъективно отвѣтственность осложняется тѣмъ, что наряду съ обязанностью дать отвѣты за свои дѣла передъ Богомъ и совѣстью, ставится на видъ отвѣтственность передъ общественнымъ мнѣніемъ, основанная на чувствѣ чести. Петръ убѣжденъ, что „никакое воздаяніе такъ людей не приводитъ къ добру, какъ любленіе чести; равнымъ же образомъ никакая такъ казнь не страшитъ, какъ лишеніе оной“. Въ инструкціи герольдмейстеру 5 февраля 1722 г. предписывается служить вѣрой и правдой „какъ сіе честнымъ людямъ и подданнымъ его величества пристойно и принадлежитъ, и они въ томъ предъ Богомъ и его величествомъ и предъ всѣмъ честнымъ свѣтомъ, и собственною своею совѣстью отвѣтъ дать могутъ“ [2]). Подданные должны дорожить своею честью: въ 1722 г. Петръ слышалъ, что изъ войсковой коллегіи опредѣленъ къ дѣлу офицеръ Языковъ, лишенный чина и наказанный за воровство: генералъ-прокурору приказано „накрѣпко смотрѣть, чтобъ того не чинили, понеже паки честь изгадятъ и потачку ворамъ дадутъ“ [3]).

Кн. Я. Ѳ. Долгорукій. (По гравюрѣ Бекетова).

Отъ формы указовъ перейдемъ къ ихъ содержанію. Отрасли законодательства, касающіяся народнаго хозяйства, финансовъ, администраціи, сословій, народнаго просвѣщенія разсмотрѣны въ соотвѣтствующихъ статьяхъ въ другомъ мѣстѣ. На нашу долю остается задача выяснить общее напра-

---

[1]) Сборникъ Ист. Общ., т. XI, стр. 264. А. Филипповъ. „О наказаніи по законодательству Петра Великаго“, стр. 164.

[2]) П. С. З., VI, N 3485, стр. 81; № 3896.

[3]) „Сборн. Ист. Общ.“, т. XI, стр. 493.

вленіе и предѣлы того законодательнаго воздѣйствія, которымъ Преобразователь думалъ обновить русскую жизнь. Здѣсь выступаетъ, съ одной стороны, твердая вѣра въ силу власти, а съ другой, — недовѣріе къ народной массѣ, неспособной, безъ надлежащаго руководства, отличить правую руку отъ лѣвой. Законодатель призванъ спасти страну „отъ глупости и недознанія“, превратить подданныхъ „изъ скотовъ въ людей“—„буде волею не похотятъ, то и неволей“. Во имя общаго блага должны не только умолкнуть, но и исчезнуть старые предразсудки и суевѣрія, а на мѣсто ихъ водворится „добрый аншталтъ“, который „былъ бы весьма сходенъ во всѣхъ порядкахъ“ [1]). Слишкомъ разнообразный, порою расплывчатый укладъ русской жизни подлежитъ благодѣтельному введенію въ строгія рамки западноевропейскаго „регулярства“, насколько успѣлъ его уяснить себѣ Петръ изъ книгъ и изъ личныхъ наблюденій. Власть вѣритъ въ свою силу, но соотвѣтственно съ этимъ до безконечности расширяетъ предѣлы своего вмѣшательства въ жизнь. Преобразователь старается внушить своимъ подданнымъ различіе между интересами государственными и „партикулярными“, какъ читаемъ мы объ этомъ въ одномъ указѣ [2]), но, видимо, это различіе для него самого не ясно: выходитъ, что частные интересы такъ же подчинены правительственному контролю и воздѣйствію, какъ и государственные, при чемъ первые неизмѣнно должны приноситься въ жертву вторымъ.

Законодательство Петра впервые, какъ извѣстно, въ толкованіи къ 20 артикулу III гл. Воинскаго устава формулируетъ сущность самодержавія, какъ оно сложилось у насъ къ началу XVIII в.: „Его величество есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣтъ дать не долженъ; но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять“ [3]). Мы уже знаемъ, что подъ словомъ „христіанскій“ Петръ подразумѣваетъ обыкновенно „европейскій“; въ этомъ нельзя не видѣть нѣкотораго смягченія того категорическаго заявленія о безотвѣтственности государя, которое стоитъ въ началѣ опредѣленія. Какъ монархъ европейскій, Петръ принялъ европейскую теорію о происхожденіи власти изъ договора; но какъ ни выигрывалъ при этомъ авторитетъ власти, все же она получала смыслъ лишь тогда, когда была направлена къ народному благу. Государь не отвѣтственъ передъ подданными по закону, но, во-первыхъ, онъ остается отвѣтственнымъ передъ Богомъ, а, во-вторыхъ, и передъ народомъ можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, пожелать дать отчетъ. Жалуясь на свои отлучки и на войну, отвлекающую отъ дѣлъ, Петръ самъ признаетъ, что отъ этого „не точію разореніе государству, но и отъ Бога не безъ гнѣва“ [4]). Выраженія „милосердуя о на-

[1]) П. С. З.. т. VI, № 4008.
[2]) П. С. З., т. V, № 2673.
[3]) П. С. З., т. V, № 3006, стр. 325.
[4]) П. С. З., V, № 3080.

шихъ подданныхъ", „милосердуя о народахъ государствъ своихъ", „милосердуя о своемъ народѣ"... часто встрѣчаются въ указахъ; и есть указы, въ которыхъ явно проглядываетъ намѣреніе защитить передъ общественнымъ мнѣніемъ тѣ или иныя мѣры. Законодатель не чуждъ попытки — правда, на практикѣ не удавшейся,—провести границу между словеснымъ приказомъ и закономъ. По генеральному регламенту 28 февраля 1720 г. обязательна только воля государя, выраженная въ письменной формѣ, а словесные указы „никогда отправляемы быть не подлежатъ" [1]).

Власть правитъ въ интересахъ общаго блага. „Довольно извѣстно во всѣхъ земляхъ, которыя Всевышній нашему управленію подчинилъ,—пишетъ Петръ въ манифестѣ 1702 г. о вызовѣ иностранцевъ, — что со вступленія нашего на сей престолъ всѣ старанія и намѣренія наши клонились къ тому, какъ бы симъ государствомъ управлять такимъ образомъ, чтобы всѣ наши подданные, попеченіемъ нашимъ о всеобщемъ благѣ, болѣе и болѣе приходили въ лучшее и благополучнѣйшее состояніе". Тотъ же мотивъ слышится въ словахъ Петра, при поднесеніи ему императорскаго титула, записанныхъ въ актѣ 1721 г.: „Надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, которой Богъ намъ передъ очьми кладетъ какъ внутрь, такъ и внѣ, отъ чего облегченъ будетъ народъ" [2]). Въ заботахъ объ общемъ благѣ государь не забываетъ обратить особенное вниманіе на судьбу бѣдныхъ и обездоленныхъ, „которымъ самое его царское величество всемилосердымъ защитникомъ есть и взыскателемъ обидъ ихъ напрасныхъ отъ насильствующихъ" [3]). Въ 1723 г. приказано описать, въ случаѣ голода, у всякихъ чиновъ излишній хлѣбъ для раздачи неимущимъ въ долгъ [4]). Извѣстно, что административная практика мало считалась и при Петрѣ, и послѣ него съ гуманнымъ смысломъ указовъ; но на бумагѣ бѣднякамъ оказываются льготы. При перемощеніи петербургскихъ улицъ въ 1721 г. бѣднымъ, не въ примѣръ прочимъ, дозволено приготовлять только „въ прибавокъ песокъ и камень, ежели подлежитъ, а не перемащивать, а за перемащиваніе за работу съ нихъ, помянутыхъ бѣдныхъ, не спрашивать; дабы имъ, бѣднымъ, сугубой тягости не понести" [5]). Подобныя же филантропическія ноты повторяются въ указѣ о безпрепятственной продажѣ соли, хотя бы и на малыя суммы, о денежныхъ сборахъ, которые должны чиниться безъ великаго отягченія людямъ; о предоставленіи ландратскихъ мѣстъ бѣднымъ дворянамъ, имѣющимъ мало крестьянъ, и пр. [6]). Заботясь о бѣдныхъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, Петръ

---

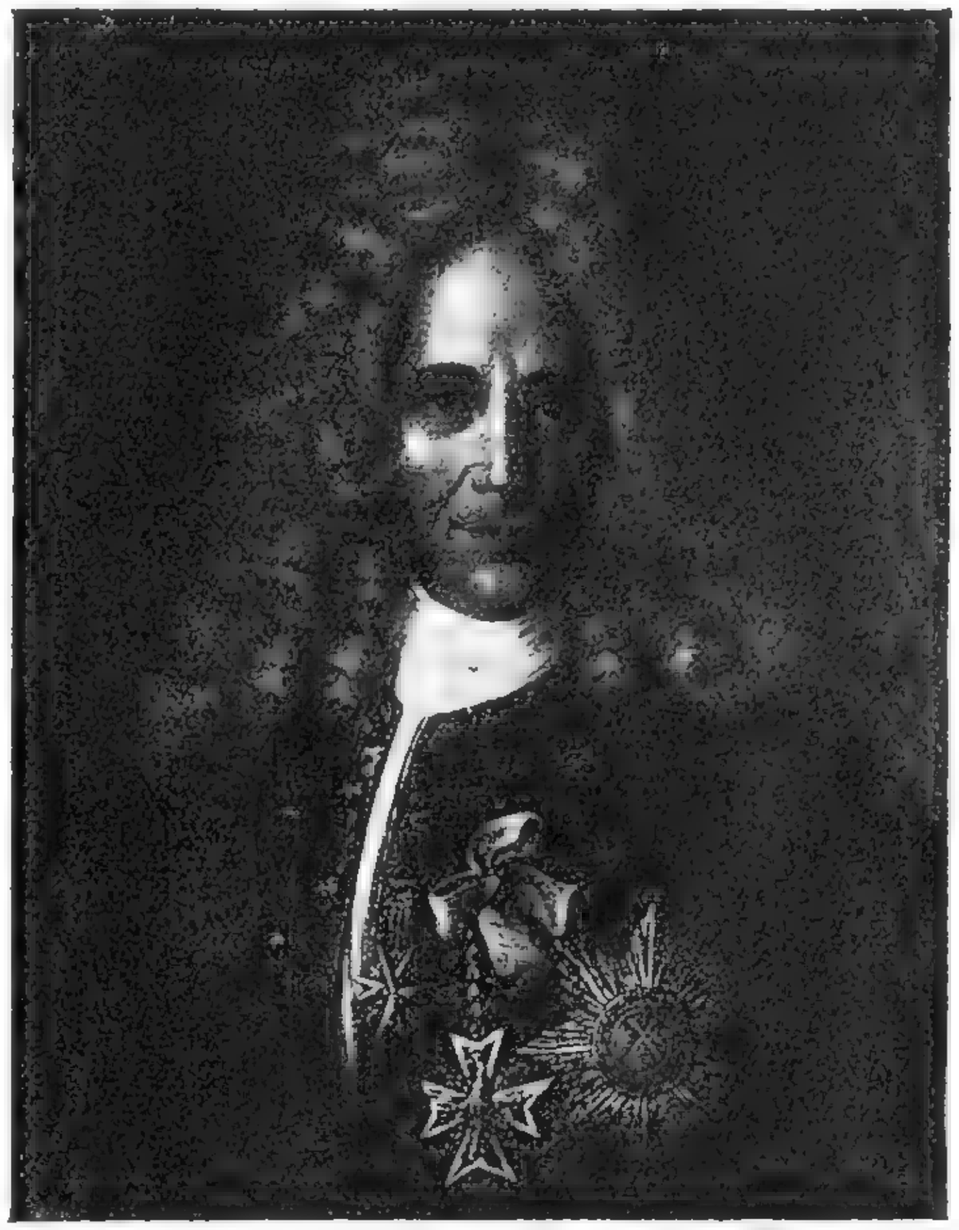
1) П. С. З., т. VI, № 3534.
2) П. С. З., т. IV, № 1910, № 3840.
3) П. С. З., V, № 3298.
4) П. С. З., т. VII, № 4168.
5) „Сборн. Ист. Общ.", т. XI, стр. 426.
6) П. С. З., т. VI, № 4007, т. V, №№ 3003, 3080.

вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще старается создать порядокъ, обезпечивающій подданнымъ наибольшее счастье. Для этого одновременно приходится и насаждать новыя, болѣе совершенныя формы быта, и перевоспитывать общество, привыкшее къ старымъ формамъ. Законодателя, окрыленнаго твердой вѣрой въ благодѣтельную силу правительственнаго воздѣйствія, мало смущаетъ трудность задачи, хотя жизнь порой рѣшительно не укладывается въ отводимыя для нея рамки. Признавая, что всѣми нужно руководить, за всѣми слѣдить, что за глазами и сенаторы натворятъ разныхъ „дковинокъ“; что „нашъ народъ, яко дѣти неученія ради, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ“, Преобразователь торжественно провозглашаетъ, что „полиція—душа гражданства, фундаментальный оплотъ всякой удобности и безопасности“ [1]). И вотъ каждый шагъ подданнаго заботливо обставляется разными „регулами“, „артикулами“, „регламентами“. Петръ не жалѣетъ на это ни времени, ни силъ, считая эту сторону своей дѣятельности не менѣе важной, чѣмъ какую-нибудь реформу учрежденій. Примѣровъ вмѣшательства законодателя въ частную жизнь можно привести безчисленное множество. Дома не только въ городахъ, но и въ деревняхъ должны были строиться по особымъ, правительствомъ установленнымъ, чертежамъ. 10 октября 1723 г. „Его императорское величество указалъ: ежели кто въ домахъ своихъ сѣни будутъ дѣлать съ потолками, чтобъ подмазывали у нихъ потолки, такъ какъ у жилыхъ покоевъ подмазывать указами повелѣно, а по-старому, какъ прежде дѣлывали сѣни, того чинить не указалъ“ [2]). Печи надо дѣлать съ фундамента, а не на поляхъ, трубы должны быть такъ широки, „чтобъ человѣку пролѣзть было можно“, кровли должно крыть черепицею, дерномъ или гонтами, а не досками или дранью. Къ услугамъ обывателей готовы чугунныя балясы съ шестами, сдѣланныя по особому образцу, которыя и можно брать для поставки въ крыльцахъ вмѣсто запрещенныхъ деревянныхъ. Заботливость законодателя доходитъ до предѣловъ, поистинѣ удивительныхъ. „Государь мой, Антонъ Мануйловичъ,—пишетъ секретарь Петра Макаровъ петербургскому генералъ-полицмейстеру Девіеру,—Его императорское величество указалъ къ вамъ отписать, чтобъ вы въ Санктпетербургѣ публиковали, чтобъ всякъ, кто имѣетъ строить деревянное строеніе, чтобъ мохъ прежде обваривали въ кипяткѣ, а не обваря чтобъ не лишили для того, что отъ сырого заражаютца тараканы, ибо всякій сырой имѣетъ въ себѣ мушки и протчую гадину, отчего они послѣ больше выростаютъ и умножаютца“... [3]) Весь Петербургъ воздвигнутъ по принципу благодѣтельнаго принужденія, при чемъ населеніе насильственно перемѣщалось сюда изъ центральныхъ губерній, а

---

[1]) П. С. З., т. VI, № 3708, т. VII, №№ 4507, 4345.
[2]) П. С. З., VII № 4321,
[3]) П. С. З., V № 3192, VI, № 4384; „Сборн. Ист. Общ.“, т. XI, стр. 467.

для ускоренія петербургскихъ построекъ указомъ 9 октября 1714 г. запрещены были каменныя постройки во всемъ государствѣ на нѣсколько лѣтъ, пока не удовольствуется строеніемъ новая столица [1]). Но не только жилище, вся жизнь обывателя ставилась подъ бдительный контроль. Какъ представителямъ новой, преобразованной Россіи, такъ и представителямъ старой, раскольничьей, присваивалась особая одежда; первымъ носить западно-европейское платье—„верхнія саксонскія и французскія, а исподнее камзолы, и штаны, и сапоги, и башмаки, и шапки нѣмецкіе, и ѣздить на нѣмецкихъ сѣдлахъ“... вторымъ ходить въ зипунѣ съ стоячимъ клеенымъ козыремъ и однорядкахъ съ лежачимъ ожерельемъ; козыри должны быть краснаго сукна, „чего для платья пмъ (т.-е. раскольникамъ) краснымъ цвѣтомъ не носить“ [2]). Для пріученія народа къ нѣмецкому покрою платья мастеровымъ запрещается дѣлать русскіе сапоги, платья, шапки, сѣдла; купцамъ запрещается торговать русскимъ платьемъ и обувью. Ношеніе бороды, а, по указу 16 января 1705 г., и усовъ оплачивается тяжелой пошлиной, а кто не можетъ заплатить — тѣхъ въ Рогервикъ, на гаванныя работы [3]). Правительство запрещаетъ праздность, предписываетъ болѣе совершенные способы труда, указываетъ, какъ ткать полотна, какъ обрабатывать шерсть, какъ дѣлать юфть, какъ собирать хлѣбъ, какъ строить суда, какъ на нихъ ѣздить и подъ какимъ флагомъ, какъ торговать, какъ вести фабрику; пожелаетъ ли обыватель послѣ труда развлечься — къ услугамъ его правила объ ассамблеяхъ, „какимъ образомъ оныя ассамблеи отправлять, покамѣстъ въ обычаи войдетъ“: въ правилахъ сказано, что „во время бытія въ ассамблеѣ вольно сидѣть, ходить, играть, а въ томъ никто другому прешкодить или унимать, также церемоніи дѣлать вставаньемъ, провожаньемъ и прочимъ



Гр. Г. И. Головкинъ.
(Моск. Архив. Мин. Иностр. Дѣлъ).

---

1) П. С. З., V № 2848.
2) П. С. З., т. IV, № 1887; VI, № 3944.
3) П. С. З., т. IV, № 2015; VII, № 4256.

отнюдь да не дерзаетъ, подъ штрафомъ великаго орла“... [1]) Для исцѣленія отъ болѣзней рекомендуются олонецкія минеральныя воды или особый хирургическій инструментъ доктора Блюментроста, такой, „котораго до сего времени не бывало“ [2]). Умретъ обыватель—и надо подумать, какъ бы опять не нарушать въ чемъ указа: хоронить на третій день, отнюдь не въ дубовомъ гробу, плиту на могилѣ класть въ уровень съ землей; помолиться за упокой души—свѣчу предъ иконой поставить непремѣнно въ фонарь, чтобъ не было пожара; милостыни никому не давать, подъ штрафомъ въ 5 руб., ибо многіе „за лѣностью и молодые, которые не употребляются въ работы и въ наймы, милостыни просятъ, отъ которыхъ ничего добраго, кромѣ воровства, показать не можно“ [3]). Для обывателя проложена, такимъ образомъ, готовая колея, по которой онъ долженъ идти всю жизнь, по возможности не останавливаясь и не оглядываясь. Это одна сторона Петровскаго законодательства. Другая сторона—нравственное и умственное воспитаніе подданныхъ. Монархъ ставитъ себѣ задачу сочетать деспотизмъ съ свободой. Буде не похотятъ волей идти по проложенной колеѣ, то проведутъ и неволей; но лучше, если пойдутъ волей, это будетъ скорѣе и для правительства легче. Не видя противорѣчія, въ которое онъ впадаетъ, законодатель отъ указовъ, подавляющихъ всякую самодѣятельность, переходитъ къ указамъ, въ которыхъ, наоборотъ, насаждается самодѣятельность, прививается человѣку чувство собственнаго достоинства и умѣнье отстоять собственное мнѣніе. Упраздняются унизительные обычаи старой Руси — подписываться въ прошеніяхъ полуименемъ, становиться передъ государемъ на улицахъ на колѣни [4]). Отъ всѣхъ, даже отъ низшихъ служащихъ, требуется сознательное отношеніе къ дѣлу: „секретарямъ и дьякамъ, подъ смертною казнью, никакихъ указовъ о рѣшеніи дѣлъ не крѣпить однимъ по приказу своихъ принципаловъ, какъ прежде бывало, но крѣпить послѣ всѣхъ тому, кто челъ дѣло“ [5]). Петръ любилъ подчеркивать то особое значеніе, которое онъ придаетъ помощи своихъ сотрудниковъ — пока они, дѣйствительно, заботятся объ общемъ благѣ. Указомъ 11 мая 1722 г. Сенату предписывается подавать мнѣнія даже по такимъ дѣламъ, которыя для окончательнаго рѣшенія представляются государю—„понеже безъ того его величеству одному опредѣлить трудно“. „Сіе я одинъ вздумалъ,—пишетъ Петръ по поводу передѣлки находящейся въ частныхъ рукахъ мѣди въ монету,—а когда многіе станутъ думать о семъ, могутъ болѣе добрыхъ способовъ найтить“ [6]). Но и сенаторовъ надо воспитывать — убѣждать ихъ „не

---

[1]) П. С. З., т. V, № 3246.
[2]) П. С. З., т. V, № 3341; VI, № 3579; „Сборн. Ист. Общ.“, т. XI, стр. 418.
[3]) П. С. З., т. IV, №№ 1964, 2014; VII № 4377; VI, № 3965; VII, № 4538; VI № 3676.
[4]) П. С. З., т. IV № 1884; И. И. Голиковъ, „Дѣянія Петра В.“, т. II, стр. 79.
[5]) П. С. З., т. V, № 2791.
[6]) П. С. З., VII, 4003. Сборн. Ист. Общ., XI, стр. 544.

весьма ослабѣвать“, рѣшать дѣла не на бумагѣ только, но и по существу, вести себя съ достоинствомъ, „какъ честнымъ людямъ надлежитъ, а не какъ бабамъ-торговкамъ“. Чувство человѣческаго достоинства поддерживается въ Воинскомъ уставѣ запрещеніемъ начальникамъ оскорблять подчиненныхъ, а офицерамъ „безъ важныхъ и пристойныхъ причинъ“ бить солдатъ [1]). Прежнему участію общества въ государственной жизни и мѣстномъ управленіи придаются болѣе совершенныя формы; точно опредѣляется порядокъ производства въ военные чины, сообразно съ рекомендаціей сослуживцевъ; въ разныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ примѣняется баллотировка, и законодатель заботится о томъ, чтобы каждый голосъ поданъ былъ свободно и правильно: „въ особливой каморѣ надлежитъ стулья поставить вкругъ, такъ далеко другъ отъ друга, чтобъ рукою одному до другого достать было нельзя. А столу съ ящикомъ, въ которой балы кидаютъ, и чашѣ съ балами стоять на срединѣ... Носить балы и ящикъ чтобъ не всегда одному, но перемѣняясь, и чтобъ не зналъ тотъ, кому прикажутъ носить, заранѣе“... [2]) Если, съ одной стороны, идеаломъ Петра былъ одинъ общій для всѣхъ „апшталтъ“, который бы во всѣхъ порядкахъ весьма сходенъ былъ, то съ другой—не отвергается и значеніе мѣстныхъ привилегій, въ точномъ соотвѣтствіи съ которыми должно быть устроено управленіе [3]). Это уже уступка дѣйствительности. Подобныя же уступки встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Разумѣется, нельзя думать, чтобы единственнымъ мотивомъ этихъ уступокъ было уваженіе къ человѣческимъ правамъ подданныхъ; но все же онѣ вносили нѣкоторый коррективъ въ атмосферу общей придавленности и отчасти могутъ быть сопоставлены съ указами, въ которыхъ Петръ считается съ подданнымъ, какъ съ человѣкомъ.

Особое мѣсто въ законодательствѣ Петра занимаютъ указъ о престолонаслѣдіи 5 февраля 1722 г. и связанная съ нимъ ученая мотивировка его, „Правда воли монаршей“, составленная по указаніямъ Преобразователя Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Указъ 5 февраля представляетъ ту особенность, что онъ былъ вызванъ не войной, не назрѣвшими потребностями эпохи, не западно-европейскими теоріями, а обстоятельствами семейной жизни монарха: не колебало ли это авторитетъ указа даже въ глазахъ самого законодателя? Извѣстно, что преемника онъ, въ концѣ-концовъ, себѣ не назначилъ; съ другой стороны, на защиту указа—въ глазахъ общественнаго мнѣнія признано было нужнымъ издать цѣлое капитальное сочиненіе. „Правда воли монаршей“ была напечатана лѣтомъ 1722 года; въ 1723 г. объ изданіи ея оповѣстили за границей, въ Лейпцигскихъ ученыхъ актахъ, съ краткимъ

---

[1]) „Воинскій уставъ“, арт. 32 и 33.
[2]) П. С. З., V, 2795, VI, 3528.
[3]) П. С. З., VI, 3534—„Генеральный регламентъ“, гл. XXVII.

изложеніемъ ея содержанія и похвалой монарху. Въ 1724 г. „Правда“ была переведена на нѣмецкій языкъ и издана въ Берлинѣ [1]). По содержанію это обстоятельный трактатъ, въ которомъ обширная начитанность и литературный талантъ автора развертываются достаточно ярко. Кромѣ ссылокъ на Св. писаніе и отцовъ церкви, мы находимъ здѣсь ссылки на исторію всеобщую и русскую, на кодексъ Юстиніана, на „Право воіины и мира“ Гуго Гроція. Еслибъ этого показалось мало, авторъ готовъ представить „до трехъ сотъ и вящше законныхъ книгъ“, имѣющихся въ Россіи и могущихъ подтвердить доводы „Правды“. Но при изъясненіи цѣли сочиненія мы замѣчаемъ у автора нѣкоторое противорѣчіе. Съ одной стороны, замаскировывая самую необходимость доказывать всѣмъ якобы очевидное преимущество новаго порядка престолонаслѣдія передъ старымъ, авторъ объявляетъ цѣлью книги заградить уста только нѣсколькимъ безумнымъ „прекословцамъ“, такимъ неспокойнымъ головамъ, „что ни каковаго уставленія отъ Державной власти произносимаго похвалити не хотятъ“, „купно же и иностраннымъ порочное о народѣ нашемъ мнѣніе отнять и подать имъ вину лучшихъ о насъ помысловъ“, а съ другой, на слѣдующей же страницѣ, мы видимъ иную цѣль—„показать всякому изданною въ народъ книжицею, какъ вышепомянутый Императорскаго Величества уставъ не только никоему же о неправдѣ подозрѣнію не подлежитъ, но какъ здравому естественному разуму, такъ и самого Бога неложному слову согласуетъ, и Государству Россійскому весьма нужный и преполезный является“ [2]).

Доказать надо такъ, „да и послѣдній сумнительства сучецъ отъ мысли невѣжливыхъ истребится и мѣсто недоумѣнію не останется“. Ученый апологетъ Преобразователя разбиваетъ свой трактатъ на двѣ части. Въ первой идетъ рѣчь вообще о правѣ отца распорядиться судьбою сына; во второй—болѣе объемистой—вопросъ разбирается съ точки зрѣнія государственной, съ точки зрѣнія обязанности государя блюсти общее благо, при чемъ подробно предусматриваются и заранѣе опровергаются возможныя возраженія. Въ каждой части доводы „отъ естественнаго разума“, отъ „изданныхъ въ народахъ законовъ и писаній законо-учительныхъ философовъ“ и отъ Св. писанія. Какъ отецъ, государь имѣетъ полное право отвергнуть сына: „когда чада долженство свое злонравіемъ разоряютъ, освобождаютъ тогда и родителей своихъ отъ должнаго имъ призрѣнія... Сынъ непокоривый и злонравный перестаетъ быти сынъ“. Но даже и у добродѣтельнаго сына нѣтъ правъ по отношенію къ отцу: никто не претендуетъ, если отецъ не отдаетъ своего имѣнія сыну при жизни, но въ такомъ случаѣ молчаливо признается право отца подвергать сына матеріальнымъ лишеніямъ; обязательство отца

---

[1]) И. А. Чистовичъ. „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время“. Спб., 1868., стр. 120.
[2]) „Правда воли монаршей“. Москва 1726 г.

Зеркало царицы Натальи Кирилловны.

Оружейная Палата. (Альбомъ Солнцева.)

Зеркало гавриш Наташи Кирилловны.

Ольжеша Пушкина (Гуровой Ольгой)

по отношенію къ кредиторамъ важнѣе обязательствъ по отношенію къ сыновьямъ, такъ какъ вѣдь долгъ передается по наслѣдству. Отецъ ничего не обязанъ давать сыну, и если даетъ, то только по любви. Въ кодексѣ Юстиніана предусмотрѣно 14 случаевъ, когда отецъ лишаетъ сына наслѣдства; въ древности былъ очень распространенъ обычай усыновленія, — но усыновленіе, предоставленіемъ усыновленному части изъ отцовскаго наслѣдства, приводитъ къ убытку даже хорошихъ сыновей; наконецъ, власть отца всегда стояла очень высоко у всѣхъ народовъ, вплоть до права продать сына въ рабство или даже казнить его. Самъ Господь отринулъ Израиля, хотя и назвалъ его Своимъ сыномъ; въ первоначальномъ сирійскомъ текстѣ „притчей соломоновыхъ“ сказано, что даже „рабъ смысленъ погосподствуетъ надъ студнымъ сыномъ“. Покончивъ съ вопросомъ объ отцовской власти, авторъ переходитъ ко второй части, являющейся вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе важной. Прежде всего выдвигается соображеніе, что все сказанное о родителяхъ вообще, „въ родителяхъ государяхъ сугубо содержится“, такъ какъ дѣти являются въ этомъ случаѣ одновременно и дѣтьми, и подданными родителей. Государь не можетъ быть лишенъ отцовской власти, такъ какъ у него оказалось бы въ такомъ случаѣ менѣе правъ, чѣмъ у подданныхъ, и онъ не могъ бы править страной; нельзя въ то же время не считать дѣтей государя его подданными, потому что не будь такъ, „были бы они весьма неподвластніи въ мірѣ семъ, что никому же отъ Бога дано, кромѣ самихъ высочайшихъ самодержавныхъ властей“. Разъ дѣти государя подчинены ему сугубо, то онъ тѣмъ болѣе въ правѣ распорядиться ихъ судьбой, особенно по вопросу о престолонаслѣдіи: вѣдь рѣчь здѣсь идетъ не о матеріальномъ обезпеченіи дѣтей, а о передачѣ должности. Священникъ, воевода, градоначальникъ, философскій учитель отнюдь не обязаны передавать дѣтямъ свою должность: неужели это обязанъ дѣлать государь? Вопросъ о престолонаслѣдіи связывается съ вопросомъ о самомъ происхожденіи и сущности власти. Государь царствуетъ по волѣ Божіей; по внѣшнимъ выраженіемъ этой волп Божіей явился въ глазахъ ученаго послѣдователя Гуго Гроція тотъ же первоначальный договоръ. Изъ договора, съ одной стороны,

П. И. Яковлевъ. (По стар. рус. гравюрѣ).

вытекаетъ только новый, свѣтскій доводъ въ пользу сплы власти: „аще бо народъ воли общей своей совлекся и отдалъ оную монарху своему, то како не долженъ хранити его повелѣнія, законы и уставы, безъ всякой отговорки?“ Но съ другоїй стороны, власть дана государю въ интересахъ общаго благополучія подданныхъ. Онъ можетъ мѣнять „всякіе обряды гражданскіе и церковные“, народные обычаи, одежду, „домовъ строенія“, „чины и церемоніи въ пированьяхъ, свадьбахъ, погребеніяхъ и пр.“, но лишь бы это было народу не вредно и волѣ Божьей не противно. „Согласно вси хощемъ, да ты къ общей нашей пользѣ владѣеши надъ нами вѣчно“, такъ, по мнѣнію Прокоповича, долженъ сказать народъ монарху при первоначальномъ договорѣ. А если такъ, если полнота самодержавія не избавляетъ государя отъ обязанности блюсти общую пользу, то непригоднаго къ управленію наслѣдника не только можно, но прямо должно устранить, памятуя, что самъ народъ даже неспособнаго монарха не можетъ свергнуть: „коею бъ волею могъ бы сіе творити, понеже воли своей и власти лишился?“ Знай Соломонъ, какого преемника найдетъ онъ себѣ въ Ровоамѣ, послѣдній, конечно, не былъ бы на престолѣ. Люди, утверждающіе, что вопросъ о наслѣдникѣ выходитъ изъ компетенціи государя, должны бы прійти и къ тому, что государю вообще не за чѣмъ заботиться о государствѣ, что онъ можетъ, съ чистой совѣстью, уподобиться „малымъ отрокомъ, которые на улицѣ строеньишка своя изъ песка созидаютъ и тотъчасъ отшедши отъ нихъ, оставляютъ оныя въ растоптаніе мимоходящимъ“. Авторъ останавливается на вопросѣ о преимуществахъ монархіи наслѣдственной и избирательной и приходитъ къ выводу, что единственный недостатокъ первой — „не всегда и отъ добраго государя сынъ ему подобный рождается“ — счастливо устраняется закономъ Петра. Послѣ длиннаго перечня примѣровъ изъ исторіи и Св. писанія, показывающихъ, что случаи отрѣшенія наслѣдниковъ не разъ имѣли мѣсто—авторъ, въ заключеніе, не можетъ не предусмотрѣть возраженія, которое дѣятелямъ, въ родѣ Ѳеофана Прокоповича, часто, вѣроятно, приходилось слышать: „новый порядокъ не хорошъ, потому что это дѣло новое“. Но съ точки зрѣнія ученаго сотрудника Петра новизна сама по себѣ отнюдь не есть недостатокъ: все старое было когда-то новымъ; наоборотъ, есть вещи, которыя именно за свою ветхость похвалы лишаются. Хотя бы у насъ чего и не бывало, „есть ли доброе и полезное есть, якоже есть, бѣдны мы были, есть ли не было у насъ, а благополучны, что и у насъ настало“... „Разумный есть и человѣкъ, и народъ, который не стыдится перенимать доброе отъ другихъ и чуждыхъ“.

Написанная по поводу частнаго вопроса, „Правда воли монаршей“ закончилась общимъ оправданіемъ дѣятельности Петра, какъ обновителя Россіи. Но указъ о престолонаслѣдіи, какъ мы знаемъ, по происхожденію своему плохо укладывается въ схему Петровскихъ преобразованій: это скорѣе

не лицо, а изнанка реформы—слѣдствіе того разложенія старорусской семьи, которое стало обнаруживаться уже съ средины XVII вѣка и одной изъ видныхъ жертвъ котораго оказался самъ царь - Преобразователь. По пластическому выраженію историка, Петръ указомъ о престолонаслѣдіи „погасилъ династію, какъ учрежденіе“, сдѣлавъ ее пагубнымъ для Россіи орудіемъ дворцовыхъ интригъ и разныхъ иностранныхъ воздѣйствій [1]). „Правда воли монаршей“ не встрѣтила сочувствія современниковъ; въ 4 года не разошлось ея и 600 экземпляровъ; а вскорѣ значительно падаетъ и авторитетъ Ѳеофана Прокоповича, сблизившагося съ Бирономъ и нашедшаго въ Тайной канцеляріи опору противъ своихъ политическихъ и литературныхъ враговъ. Во вторую половину XVIII вѣка, въ глазахъ историка и публициста М. М. Щербатова „Правда воли монаршей“—только „памятникъ лести и подобострастія монашескаго изволенію государскому“ [2]).

Со смерти Петра Великаго прошло почти два вѣка. Для насъ и „Правда воли монаршей“, и все законодательство Петра, прежде всего, историческій памятникъ. Въ этомъ памятникѣ много уродливаго и страннаго, но не забудемъ, что на главномъ его фронтонѣ надпись: „общее благо“ — и надпись эта принадлежитъ эпохѣ, когда по тяжкимъ условіямъ народной и государственной жизни узкая забота о личномъ существованіи должна бы занять первое мѣсто. Это объясняетъ, почему, несмотря на ошибочность и безплодность многихъ Петровскихъ узаконеній, все-таки отъ законодательства Петра долгое время исходили, въ своихъ наиболѣе свѣтлыхъ начинаніяхъ, какъ русскіе государи, такъ и лучшіе дѣятели ихъ царствованій.

Печать Петра Великаго.

Д. Жариновъ.

---

1) В. О. Ключевскій. „Курсъ русской исторіи“, т. IV, стр. 341.
2) П. Пекарскій. „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Вел.“, т. II, стр. 575.

Церковная реформа Петра.

То тя прпведе въ чинъ священническій? То ли дабы спасти себѣ и иныхъ? Никакоже, но чтобы прекормити жену и дѣти и домашнія... Поискалъ Іисуса не для Іисуса, а для хлѣба куса“. Такими словами Дмитрій Ростовскій изобличалъ современное ему духовенство, правда, не вполнѣ справедливо упрекая его въ забвеніи церковныхъ обязанностей, но весьма мѣтко подчеркивая кормленщицкій характеръ Допетровской церкви. Мы знаемъ уже, что духовенство древней Руси, дѣйствительно, мало заботилось о поискахъ Іисуса, разумѣя подъ этимъ догматическое и нравственное ученіе христіанства; но о спасеніи себя и иныхъ оно заботилось чрезвычайно усердно, только понимало путь къ достиженію спасенія въ строгомъ соблюденіи обрядности, освященной „старою вѣрой“. Исканіе Іисуса было удѣломъ лишь немногихъ представителей Допетровской церкви, преимущественно тѣхъ, которые получили образованіе въ Кіевѣ или въ другихъ духовныхъ академіяхъ юго-запада и даже запада, подобно самому Димитрію Ростовскому. Для него и для подобныхъ ему исканіе Іисуса было тѣмъ идеаломъ, къ которому должно было стремиться русское духовенство; въ этомъ исканіи Іисуса русская церковь, только что порвавшая со старой вѣрой и не получившая взамѣнъ ничего, кромѣ нововизантійской обрядности, должна была найти свою новую вѣру. Но новое вино не вливается въ старые

мѣхи. Старая организація такъ же мало подходила къ условіямъ Петровскихъ временъ, какъ и старая вѣра. Старая организація была построена на принципѣ экономической независимости церкви отъ государства и по существу представляла изъ себя систему кормленія, или, выражаясь болѣе точнымъ и общимъ терминомъ, носила чисто феодальный характеръ. Низшее духовенство смотрѣло на свои приходы и церкви, какъ на доходные лены, которые оно получало отъ прихожанъ въ кормленіе за исполненіе церковной службы. Нормальнымъ правиломъ были подтвержденные еще Стоглавомъ приходскіе выборы; но обычный спутникъ ленной системы, симонія, очень часто сводилъ эти выборы на-нѣтъ; за 15—20 рублей прихожане охотно представляли на посвященіе епископу не наиболѣе достойнаго, а наиболѣе ловкаго человѣка. Купившіе церковную должность распоряжались ею, какъ „отчиною“, продавали должности и „корчемствовали ими“, т.-е. отдавали ихъ въ аренду. Нерѣдки были случаи, когда священникъ владѣлъ двумя церквами, одною правилъ самъ, другую отдавалъ въ аренду; церковныя должности сплошь и рядомъ передавались по наслѣдству, даже дѣлились между наслѣдниками (дѣлились, конечно, доходы, службу же правилъ кто-либо одинъ). Системѣ кормленія снизу соотвѣтствовала и система кормленія сверху. Епископы кормились съ вотчинъ, приписанныхъ къ архіереѣйскимъ домамъ, десятильнымъ сборомъ и „благословенною гривной“ [1]) съ приходскаго духовенства и судебными пошлинами съ духовенства и подсудныхъ имъ церковныхъ людей. Во владѣніи епископовъ и монастырей были даже цѣлыя торговыя слободы, приносившія имъ также большіе доходы и освобожденныя притомъ отъ казеннаго тягла особыми жалованными граматами. Такая организація давала духовенству весьма крупный „кусокъ хлѣба“, притомъ совершенно независимый отъ государства. Экономически церковь была совершенно самостоятельна, а ея особыя привилегіи, судебныя и податныя, дѣлали изъ нея государство въ государствѣ.

Но съ тѣхъ поръ, какъ послѣ Смуты удѣльный феодализмъ разложился окончательно, постепенно отходятъ въ вѣчность и старыя удѣльныя учрежденія, замѣняясь новыми приказными учрежденіями Московскаго государства. Конгломератъ вотчинныхъ княжествъ подъ сюзеренитетомъ московскаго государя превращается въ сословную монархію, единую организацію дворянскаго господства. Понятно, что старая церковная организація должна была такъ или иначе видоизмѣниться сообразно съ условіями времени. Началась и у насъ въ XVII вѣкѣ борьба государства и церкви, приведшая при Петрѣ къ своеобразной реформаціи, въ которой, однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи найдется не мало элементовъ, родящихъ ее съ официальными реформаціями XVI вѣка на Западѣ. Въ предшествующей статьѣ мы уже ви-

---

[1]) Плата за посвященіе.

дѣли начало этой реформаціи и сопровождавшія ее перипетіи борьбы царя и патріарха. Атака пошла одновременно и на старую организацію, и на старую вѣру. Первая была нерѣшительна. Двоевластіе царя и патріарха со временъ Михаила и Филарета было практической поправкой, смягчавшей стремленія государства ограничить церковныя привилегіи и подчинить церковь вполнѣ видамъ государства. Но уже первая серьезная попытка ограничить судебные иммунитеты церкви, учрежденіе по Уложенію 1649 г. свѣтскаго Монастырскаго приказа, имѣвшаго „дѣлать судъ во всякихъ истцовыхъ дѣлахъ на митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, ихъ приказныхъ и дворовыхъ людей, дѣтей боярскихъ и крестьянъ ихъ, на монастыри, на архимандритовъ, игуменовъ, строителей, келарей, казначеевъ, на рядовую братію, монастырскихъ слугъ и крестьянъ, на поповъ и церковный причтъ“, т.-е. на всѣхъ духовныхъ и церковныхъ людей, кромѣ патріарха и его людей,—вызвало горячіе протесты со стороны тогдашняго патріарха Никона. Онъ, не обинуясь, заявилъ, что Уложеніе 1649 г. составлялось „вѣдомыми врагами Божіими и дневными разбойниками“, а само оно „чуждо православія и св. апостолъ, и св. отецъ церковныхъ законовъ“. Онъ тѣмъ болѣе негодовалъ на это „новое нѣкое списаніе“, что на практикѣ Монастырскій приказъ не ограничился только судебными функціями. Онъ сталъ орудіемъ царской власти для использованія церковныхъ учрежденій и земель на службу государству. Предвосхищая мѣры Петра, приказъ производилъ экстренные сборы съ церковныхъ вотчинъ на расходы, „куды царь положитъ“, и требовалъ наряды ремесленниковъ для „приказныхъ царскихъ дѣлъ“ и наряды служилыхъ людей. Другая мѣра, проведенная тѣмъ же Уложеніемъ, отмѣняла тяглыя привилегіи церковныхъ и монастырскихъ слободъ; она осталась въ силѣ даже тогда, когда Монастырскій приказъ былъ уничтоженъ соборомъ 1667 года. Но упраздненіе Монастырскаго приказа было ничтожной уступкой царя въ сравненіи съ огромной побѣдой, одержанной имъ надъ Никономъ: тотъ же соборъ осудилъ Никона и лишилъ его патріаршества. Къ тому же, Приказъ Большого Дворца, въ который были переданы всѣ дѣла Монастырскаго приказа, былъ тоже свѣтскимъ учрежденіемъ, хотя и зависѣлъ до нѣкоторой степени отъ патріарха.

Въ XVIII вѣкъ русская официальная церковь выступаетъ въ неопредѣленномъ положеніи. Расшаталась ея старая организація, упали ея доходы, великая смута царила въ ея вѣрѣ. Патріархъ не въ силахъ былъ отстаивать свою независимость отъ царя; съ другой стороны, среди церковныхъ низовъ царило рѣзко враждебное отношеніе къ верхамъ, усилившимъ непомѣрно свои поборы и стремившимся подчинить себѣ низшій клиръ ограниченіемъ приходскихъ выборовъ и запрещеніемъ покупать, продавать и завѣщать церковныя мѣста. Старая вѣра была также поругана и приравнена къ самой злой ереси; но на мѣстѣ ея ничего не было еще поставлено новаго, кромѣ но-

Петръ Великій. (Съ портрета Леруа (1717).

выхъ служебниковъ, въ которыхъ, впрочемъ, подъ конецъ разочаровался и самъ Никонъ. Кто не хотѣлъ подчиниться, ушелъ въ расколъ; оставшимся въ официальной церкви приходилось покорно идти за государствомъ и вырабатывать сообща съ нимъ и подъ его руководствомъ новую организацію и новую вѣру. Предстояло превратить церковную службу въ нѣчто иное, чѣмъ исканіе „хлѣба куса“, и найти въ вѣрѣ „Іисуса“.

Эпоха Петра была рѣшительнымъ моментомъ въ исторіи русской церкви, рѣшительнымъ и безповоротнымъ, ибо въ то время, какъ другія его реформы были построены на преувеличенной оцѣнкѣ тогдашнихъ производительныхъ силъ Россіи, церковныя его реформы вполнѣ отвѣтили назрѣвшей необходимости превращенія официальной церкви въ instrumentum regni. Реформа при этомъ была произведена не сразу, а частями, постепенно, такъ что завершившій ее „Духовный Регламентъ“ только подвелъ итоги разрозненнымъ мѣропріятіямъ и тенденціямъ предшествующаго ему времени. Поэтому въ „Духовномъ Регламентѣ“ мы найдемъ немало элементовъ, восходящихъ даже въ Допетровское время, и потому, несмотря на новый способъ выраженій, общій для всѣхъ Петровскихъ указовъ, содержаніе „Духовнаго Регламента“ не такъ уже ново, а проведеніе мѣръ, въ немъ предписанныхъ, далеко не такъ ошеломило тогдашнее общество, какъ проведеніе другихъ реформъ Петра.

Въ 1700 году умеръ патріархъ Адріанъ, послѣдній представитель старой русской іерархіи. Петръ не назначалъ собора для выборовъ новаго патріарха, но поручилъ временное мѣстоблюстительство патріаршаго престола Стефану Яворскому, рязанскому митрополиту. Такое временное мѣстоблюстительство имѣло мѣсто и раньше; но теперь всѣ обстоятельства, сопровождавшія назначеніе Стефана, показывали, что дѣло идетъ не о временномъ порядкѣ управленія церковью, пока не будетъ назначенъ новый патріархъ, а о томъ, чтобы использовать освобожденіе патріаршей каѳедры для проведенія коренной церковной реформы. Прежде всего, личность самого замѣстителя патріарха наводила на размышленія. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова homo novus, человѣкъ, совершенно чуждый московскому клиру и его міросозерцанію. Родомъ изъ Малороссіи, которая всего какихъ-нибудь полвѣка была подъ московской властью и еще не успѣла очиститься отъ подозрѣнія въ „обливанствѣ“, Стефанъ Яворскій имѣлъ за собою грѣхъ отступничества, хотя и временнаго, отъ православія. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Кіево-могилевской коллегіи, но для довершенія своего богословскаго образованія поѣхалъ въ Польшу и слушалъ курсы богословія и риторики въ іезуитскихъ коллегіяхъ въ Львовѣ и Познани; чтобы получить туда доступъ, ему пришлось принять католичество, изъ котораго онъ вновь вернулся въ православіе по возвращеніи въ Кіевъ. Въ качествѣ настоятеля Никольскаго Пустыннаго монастыря онъ прославился своими проповѣдями, составлявшимися по схоластическому католическому типу, но импонировавшими слушателямъ живыми отзвуками текущихъ событій, связью съ житейскими и политическими вопросами. Еще совсѣмъ молодой для настоятеля монастыря (42 лѣтъ), а тѣмъ болѣе для будущаго своего сана, онъ только что въ 1700 году пріѣхалъ въ Москву съ порученіемъ къ патріарху Адріану (тогда еще живому) отъ кіевскаго митрополита и сдѣлалъ головокружительно быструю

карьеру въ какихъ-нибудь нѣсколько мѣсяцевъ. За неимѣніемъ подходящихъ проповѣдниковъ въ Москвѣ ему было поручено сказать надгробное слово на погребеніи фельдмаршала Шеина, въ присутствіи Петра. Эта проповѣдь рѣшила судьбу Стефана. Петръ былъ отъ нея въ восторгѣ и сейчасъ же приказалъ патріарху Адріану назначить его на рязанскую каѳедру, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда патріархъ умеръ, Стефанъ былъ назначенъ мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола. Новый человѣкъ, не имѣвшій опоры въ окружавшихъ его архіереяхъ, Стефанъ долженъ былъ невольно искать опоры у свѣтской власти и соглашаться на всѣ мѣропріятія, какія она намѣревалась провести въ церкви. Строгій гонитель всякаго религіознаго свободомыслія, въ особенности протестантизма, ненависть къ которому онъ вынесъ изъ іезуитской школы, и вообще склонявшійся къ католическому взгляду на вѣроученіе и таинства, Стефанъ оказался совсѣмъ не по-католически покладистымъ въ вопросахъ церковной организаціи. Свѣтская власть принялась тутъ дѣйствовать свободно и во всю, а Стефанъ послушно регистрировалъ ея распоряженія и приводилъ ихъ въ исполненіе.

Первыя церковныя распоряженія Петра производились совершенно безъ всякой попытки ихъ теоретическаго оправданія и безъ всякаго заранѣе обдуманнаго плана. Напротивъ, они носили какъ будто чисто практическій и отчасти полицейскій характеръ. Заранѣе обдумано было только упраздненіе патріаршества. Петръ на опытѣ убѣдился, что патріаршество является головой церковно-феодальной реакціи, враждебной его меркантилистическимъ новшествамъ, и потому первою же его мѣрой по возведеніи Стефана было ограниченіе патріаршей власти. Однимъ ударомъ онъ уничтожилъ судебную юрисдикцію патріарха, на которую не осмѣлилось посягнуть въ 1649 г. правительство царя Алексѣя, распредѣливъ всѣ судебныя дѣла, подвѣдомственныя ранѣе патріарху, по различнымъ приказамъ. Въ вѣдѣніи Патріаршаго приказа остались только духовныя дѣла, о расколахъ, ересяхъ и „противностяхъ церкви Божіей“; ихъ вѣдать сталъ Стефанъ, и на его чисто іезуитское рвеніе по истребленію ересей можно было крѣпко положиться. Такимъ образомъ, будущій патріархъ, еслибы все-таки пришлось его назначить, былъ уже заранѣе лишенъ значительной части своихъ доходовъ и огромной области своего прежняго вѣдѣнія. Но и эта заранѣе обдуманная мѣра Петра носила по своей ближайшей цѣли предупредительно-полицейскій характеръ. Другая мѣра, оказавшаяся на практикѣ наиболѣе раціональною, была задумана еще во время болѣзни патріарха Адріана съ чисто практической цѣлью. Изобрѣлъ ее знаменитый „прибыльщикъ“ Курбатовъ. Онъ обратилъ вниманіе на „тунеядимыя“ земельныя владѣнія духовенства и посовѣтовалъ Петру воспользоваться безпорядками, происшедшими въ управленіи церковными вотчинами вслѣдствіе долговременной болѣзни патріарха Адріана, и прибрать ихъ къ своимъ рукамъ: „Необходимо распорядиться

монастырскими и архіерейскими имѣніями—учредить особливый расправный приказъ для сбора и храненія казны, которая теперь погибаетъ по прихотямъ владѣльцевъ". Мысль была самая подходящая, еще ранѣе приходившая Петру въ голову: собираютъ монахи „деньги немалыя, а гдѣ тѣ деньги, на какіе расходы—невѣдомо", писалось въ указѣ 1698 г. Для наступавшей войны требовалась „артерія—деньги", и мысль Курбатова 24 января 1701 г. была приведена въ исполненіе. Именнымъ указомъ былъ вновь учрежденъ Монастырскій приказъ, но уже съ иными функціями, чѣмъ ранѣе; именно, ему повелѣвалось вѣдать „домъ святѣйшаго патріарха, и домы архіерейскіе и монастырскія дѣла". Въ этой краткой формулѣ скрывалось весьма обширное содержаніе, какъ показали послѣдующіе указы, опредѣлявшіе въ деталяхъ дѣятельность Монастырскаго приказа: приказъ долженъ былъ завѣдывать управленіемъ всякаго рода церковными имѣніями, казенными съ нихъ сборами и гражданскими судебными дѣлами въ тѣхъ же предѣлахъ, какъ и Монастырскій приказъ 1649 года.

Итакъ, ближайшая цѣль учрежденія Монастырскаго приказа 1701 г. была чисто фискальныя, „какъ бы учинить прибытокъ государевой казнѣ". Но на дѣлѣ Монастырскій приказъ послужилъ дѣлу секуляризаціи церкви и подготовилъ почву, на которой совершенно безболѣзненно и естественно выросъ святѣйшій Синодъ. Въ сущности говоря, съ 1701 года уже начинается формально служеніе церкви нуждамъ государства. Монастырскій приказъ достигалъ этого двумя путями: во-первыхъ, онъ окончательно уничтожилъ экономическую зависимость церкви отъ государства и систему кормленій, и, во-вторыхъ, онъ ввелъ въ обиходъ церковнаго управленія формальное руководящее участіе свѣтскихъ учрежденій. Съ этого послѣдняго пункта и удобнѣе всего начать, ибо онъ проще и въ то же время освѣтитъ для насъ пониманіе второго пункта.

Составъ Монастырскаго приказа былъ исключительно свѣтскій. Во главѣ его стоялъ приказный бояринъ, какъ во главѣ другихъ приказовъ, въ распоряженіи приказнаго боярина были свѣтскіе же подъячіе и приказные въ центрѣ и мѣстные чиновники въ епархіяхъ. До основанія коллегій приказъ былъ самостоятельнымъ учрежденіемъ, дѣйствовавшимъ наравнѣ съ другими приказами и независимо отъ нихъ; а затѣмъ, въ отличіе отъ другихъ приказовъ, уничтоженныхъ послѣ введенія коллегій, онъ былъ подчиненъ въ финансовомъ отношеніи штатсъ-конторѣ, а по судебной части — юстицъ-коллегіи. Это соподчиненіе опять-таки было вполнѣ гражданскимъ, независимымъ отъ какого бы то ни было вмѣшательства церковной власти. Наравнѣ съ прочими гражданскими учрежденіями Монастырскій приказъ былъ подъ контролемъ Сената, обязанъ былъ исполнять указы Сената и представлять ему періодическія вѣдомости о своей дѣятельности. Сообразно съ этимъ, форма распоряженій, исходившихъ отъ Монастырскаго приказа, гла-

Петръ Великій и Слава. (Музей Александръ III).

сила „по указу великаго государя царя и великаго князя и по приговору боярина такого-то“. Передъ нами чисто гражданское учрежденіе, не знающее надъ собой никакой иной власти, кромѣ общихъ государственныхъ учрежденій, и не вѣдающее иныхъ законовъ, кромѣ указовъ и распоряженій царя и Сената. Ничего специфически церковнаго не было ни въ составѣ его чиновниковъ, ни въ порядкѣ его дѣятельности. Это было одно изъ многихъ государственныхъ учрежденій, такой же винтикъ въ бюрократической машинѣ начала XVIII вѣка, какъ и многіе другіе.

Уяснивъ себѣ гражданскую природу Монастырскаго приказа, мы перейдемъ къ его функціямъ. Главную изъ нихъ мы можемъ назвать секуляризаціей церковныхъ имуществъ, ибо по существу распоряженіе Монастырскаго приказа церковными имѣніями было не чѣмъ инымъ, какъ секуляризаціей, хотя и не доведенной до конца. Въ вѣдѣніе приказа были отданы всѣ монастырскія, архіерейскія и патріаршія вотчины и оброчныя статьи, въ которыхъ насчитывалось около 120.000 дворовъ. Приказъ принялъ ихъ въ свое вѣдѣніе по описи, произведенной его агентами, описи, правда, очень неполной и плохой, но все-таки, слѣдовательно, не безъ счета. Принявъ въ свое вѣдѣніе церковныя имущества, приказъ вступилъ въ полное управленіе ими. Чтобы дать понятіе о предѣлахъ административной власти приказа, достаточно будетъ указать на то, что прежніе хозяева церковныхъ имуществъ, монастыри и архіереи, лишились не только права собирать какіе бы то ни было доходы, но даже потеряли право высказывать хотя бы свое мнѣніе. Приказъ разослалъ во всѣ подвѣдомственныя ему вотчины своихъ агентовъ; это дѣлалось съ совершенно откровенно высказываемой цѣлью лишить прежнихъ владѣльцевъ возможности стѣснять волю государства въ ихъ владѣніяхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ были отмѣнены и всѣ пошлины, которыя архіереи имѣли право собирать съ подчиненнаго имъ низшаго клира. Церковь была, такимъ образомъ, лишена всякой экономической независимости отъ государства. Напротивъ, гражданское учрежденіе, Монастырскій приказъ, распредѣляло всѣ доходы, выдавая по своему усмотрѣнію содержаніе монастырямъ и архіереямъ. Были установлены строгіе штаты и оклады, въ сравненіи съ которыми прежніе доходы казались прямо царскими; да и тѣ оклады, вслѣдствіе страшнаго безпорядка въ дѣлахъ приказа, нѣкоторые монастыри не получали по цѣлымъ годамъ, монахи голодали, а церкви разваливались. Благосостояніе церковныхъ учрежденій стало зависѣть отъ милостей Монастырскаго приказа и отъ капризовъ сидѣвшихъ въ немъ дьяковъ.

Всѣ „остатки“ доходовъ, остававшіеся за вычетомъ окладовъ, шли въ общегосударственную казну. Но эти остатки были львиной долей. Мало того, прежнюю свободу церковныхъ имуществъ отъ всякаго казеннаго тягла Монастырскій приказъ замѣнилъ необычайно тяжкимъ тягломъ. На церковныя имущества были распространены всѣ общегосударственныя подати и повинности, мало того, на нихъ дождемъ сыпались запросные сборы и чрезвычайныя повинности. „Канальный сборъ“ на сооруженіе Ладожскаго канала, „козловскій сборъ“ на освобожденіе отъ рекрутской повинности, наряды въ адмиралтейство плотниковъ и кузнецовъ, наряды по мостовой повинности, содержаніе отставныхъ военныхъ чиновъ, поставка лошадей для драгунъ, подмога при отливкѣ пушекъ—и проч. и проч., все это валилось на „тунегиблемыя“ до тѣхъ поръ имѣнія. Все, что могло взять съ нихъ государство, оно взяло, взяло, не обращая вниманія на ихъ платежеспособность, какъ, впрочемъ, всегда и вездѣ поступало Петровское правительство.

Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ несомнѣнной секуляризаціей церковныхъ доходовъ. Но секуляризація доходовъ имѣетъ постоянную тенденцію перейти въ секуляризацію имуществъ. По именнымъ указамъ царя и по собственнымъ распоряженіямъ Монастырскій приказъ продавалъ церковныя вотчины и раздавалъ ихъ новымъ владѣльцамъ. Церковныя вотчины приписывались къ Адмиралтейскому и Преображенскому приказамъ и Ямскому приказу; вотчины Тихвинскаго монастыря были приписаны къ Олонецкимъ желѣзнымъ заводамъ; всѣ церковныя вотчины Петербургской губерніи были переданы въ Ижорскую канцелярію. Всего за первыя десять лѣтъ дѣятельности Монастырскаго приказа было отчислено къ другимъ вѣдомствамъ и владѣльцамъ около 10.000 дворовъ. Это была уже настоящая секуляризація, хотя и частичная. Она не превратилась въ общую, потому что Петръ прежде всего исходилъ изъ практическихъ соображеній, и лишь самопроизвольно дѣятельность Монастырскаго приказа выливалась въ опредѣленную систему. Съ экономической независимостью и системой кормленія было покончено. Послѣдующее существованіе приходскаго духовенства и отчасти монастырей

отъ доброхотныхъ даяній уже имѣетъ совершенно иной характеръ добровольной платы за услуги, но не экономической эксплуатаціи церковной должности, какъ лена, или вотчины.

Описанная сторона дѣятельности Монастырскаго приказа расчищала почву для новой церковной организаціи. Лишенная экономической самостоятельности, церковь должна была принять изъ рукъ государства такую организацію, какую оно захочетъ дать. Распоряженія приказа, имѣвшія уже не финансовый, а чисто церковный характеръ, исполнялись безпрекословно, подобно приказаніямъ Стефана и его коллегіи, и это робкое повиновеніе показывало, что церковь вполнѣ созрѣла для роли орудія государственной власти. Такого рода распоряженія, правда, носили также практическій характеръ, были вызваны неотложными военными нуждами; но они чрезвычайно характерны и по существу. Въ 1719 году издается законъ, возлагающій на монастыри обязанность содержать отставныхъ солдатъ; раньше это было дѣломъ добровольнаго благотворенія. Еще ранѣе, въ 1718 году, было предпринято заключеніе церкви въ опредѣленные штаты. Приказъ получилъ отъ царя распоряженіе составить штаты монастырей; и простыми указами приказа одни монастыри были совсѣмъ закрыты, другіе превращены въ приходскія церкви, въ третьихъ сокращено число монаховъ. Штатъ приходскихъ церквей былъ также точно опредѣленъ: на 100—150 дворовъ положенъ одинъ священникъ, на 200—250—два, на 300—и то въ исключительныхъ случаяхъ — три. На каждаго священника было положено по два причетника. Эти штаты было предположено осуществлять постепенно, пока лишніе клирики не переведутся сами собой за смертью или за сложеніемъ сана, и въ этотъ промежутокъ было постановлено не посвящать новыхъ лицъ на открывающіяся вакансіи, а замѣщать ихъ лишними клириками изъ другихъ приходовъ. Въ 1721 году послѣдовалъ еще болѣе рѣшительный указъ, запрещавшій впредь постригать вновь монаховъ, чтобы освободить мѣсто для отставныхъ солдатъ. Далѣе, въ 1718 г. былъ указъ, временно пріостанавливавшій по всей Россіи посвященіе во священники, въ виду рекрутскаго набора. Всѣ эти мѣры вмѣшивались прямо въ область чисто церковной жизни и распорядка. Правда, онѣ мотивировались наличіемъ vis major, великой Сѣверной войны, для которой были напряжены всѣ силы государства. Но приказъ привелъ также нѣкоторыя измѣненія въ церковныхъ дѣлахъ внѣ всякой связи съ войною или съ другими практическими мѣропріятіями Петра. Въ связи съ только что указанными они создаютъ почву для новой церковной организаціи и сверху и снизу, и въ то же время кладутъ основаніе новой идеологіи, исканія „Іисуса“ въ новой церкви. Это были случаи назначенія Приказомъ настоятелей монастырей и распоряженія, которыя онъ дѣлалъ относительно приходскаго духовенства. Приказомъ былъ установленъ новый порядокъ выборовъ священниковъ и предписано протоіереямъ заводить школы и слѣдить за тѣмъ,

чтобы посвящаемые въ священники непремѣнно были изъ воспитанниковъ школы. Эти мѣры впослѣдствіи были развиты въ систему Духовнымъ Регламентомъ. Новый порядокъ выбора на должности священниковъ заключался въ томъ, что теперь прихожане обязаны были представлять епископу на утвержденіе не одного, а нѣсколькихъ кандидатовъ, сопровождая это представленіе ружною граматою, въ которой точно опредѣлялась руга священнику, т.-е. размѣры платъ за требы и другихъ отчисленій въ пользу священника. Епископъ могъ не утвердить ни одного кандидата, если онъ не удовлетворялъ требованіямъ образовательнаго ценза или почему-либо иному казался неподходящимъ. Въ силу этого распоряженія приходскій культъ, до тѣхъ поръ бывшій частнымъ, даже домашнимъ дѣломъ общины или другой группировки, становился частью общегосударственнаго культа. Другое распоряженіе, также подтвержденное въ Духовномъ Регламентѣ, еще болѣе подчеркиваетъ тенденцію придать культу на всѣхъ его степеняхъ государственный характеръ. Какъ мы знаемъ, для Допетровской Руси было характернымъ явленіемъ существованіе домовыхъ церквей, сослужившихъ, между прочимъ, огромную службу посадскому старообрядчеству. Въ 1718 году по распоряженію Монастырскаго приказа всѣ домовыя церкви, за исключеніемъ церквей, принадлежавшихъ особамъ императорской фамиліи, были закрыты, а утварь ихъ и антиминсы были переданы въ распоряженіе бѣдныхъ приходскихъ и монастырскихъ церквей. Домашній культъ былъ упраздненъ, и Духовный Регламентъ, подтверждая распоряженіе Монастырскаго приказа, прибавляетъ въ разъясненіе: „ибо сіе лишнее есть и отъ единой спѣси дѣется, и духовному чину укорительное; ходили бы господа къ церквамъ приходскимъ и не стыдились бы быть братіею, хотя и крестьянъ своихъ, въ обществѣ христіанствѣмъ“. Прежніе домашніе духовники, холопы своихъ господъ, замѣнены были теперь приходскими, общественными духовниками, на которыхъ была возложена обязанность доносить о всякихъ крамолахъ, открытыхъ на исповѣди, а обыватели обязывались непремѣнно говѣть Великимъ постомъ.

Разрозненныя распоряженія Монастырскаго приказа были объединены въ систему и развиты въ Духовномъ Регламентѣ. Ко времени составленія Духовнаго Регламента (1721 г.) Петръ разошелся со Стефаномъ, хотя тотъ все еще оставался мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола. Петръ болѣе всего симпатизировалъ протестантизму, именно, лютеранству, привлекавшему его не только раціонализмомъ, но и организаціонными принципами. Лютеранская реформація съ организаціонной точки зрѣнія именно и свелась къ тому, что въ безчисленныхъ нѣмецкихъ лютеранскихъ княжествахъ церковь стала отраслью княжескаго управленія. Князь назначалъ пасторовъ, которые такимъ образомъ были попросту его чиновниками, проводившими при помощи религіи его политику. Стефанъ Яворскій ненавидѣлъ протестантизмъ

и имѣлъ на этой почвѣ нѣсколько крупныхъ столкновеній съ Петромъ, попалъ въ подозрѣніе и былъ даже запутанъ въ дѣло царевича Алексѣя, но сумѣлъ оправдаться. Когда послѣ двадцатилѣтней дѣятельности Монастырскаго приказа Петръ рѣшилъ приступить къ установленію новаго порядка въ церкви, чтобы дать, наконецъ, ей опредѣленное положеніе и мѣсто въ государствѣ, у него былъ уже другой исполнитель его намѣреній, не занимавшій такого высокаго поста, какъ Стефанъ, но занявшій прочно прежнее мѣсто Стефана въ царскомъ сердцѣ. На двадцать слишкомъ лѣтъ моложе Стефана, также малороссъ родомъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ получилъ образованіе въ Кіевѣ и въ тѣхъ же іезуитскихъ коллегіяхъ, какъ и Стефанъ, но вмѣсто того, чтобы подчиниться вліянію католицизма, Ѳеофанъ вынесъ изъ іезуитскихъ коллегій отвращеніе къ католичеству и проникся симпатіями къ про-

Остатки полкового знамени Семеновскаго полка (1706 г.).

тестантизму, противъ котораго его учили бороться. Похвальная рѣчь Петру по случаю Полтавской побѣды выдвинула его, и уже въ 1716 году, всего 35 лѣтъ отъ роду, онъ былъ назначенъ псковскимъ епископомъ. Съ этихъ поръ Ѳеофанъ сталъ вѣрнымъ идеологомъ всѣхъ начинаній Петровскаго правительства, доказывая правильность ихъ съ религіозной точки зрѣнія; всѣ мѣропріятія царя получали оправданіе отъ Священнаго писанія и св. отецъ. Когда Петръ приступилъ къ завершенію церковной реформы, онъ поручилъ это дѣло Ѳеофану, и 25 января 1721 г., при высочайшемъ манифестѣ, былъ опубликованъ и введенъ въ дѣйствіе „Регламентъ или Уставъ Духовной Коллегіи“, составленный Ѳеофаномъ, прослушанный и исправленный въ комиссіи изъ архіереевъ, архимандритовъ и сенаторовъ, подписавшихъ его передъ утвержденіемъ царя „въ исполненіе непреложное“.

Первая основная черта церковной реформы по Регламенту — ея происхожденіе отъ царя и направленіе по его указаніямъ. Царь считаетъ „исправленіе чина духовнаго“ такою же своею обязанностью, какъ и исправленіе чина военнаго и гражданскаго, объ исполненіи которой придется ему давать отвѣтъ передъ „нелицемѣрнымъ Судіею“. А потому, по примѣру ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ (?) благочестивыхъ царей, царь и „уставляетъ Духовную Коллегію, то-есть духовное соборное правительство, которое имѣетъ всякія духовныя дѣла во всероссійской церкви управлять“. Первая часть, теоретическая, разъясняющая и оправдывающая реформу, помимо очевидныхъ доказательствъ преимущества коллегіальнаго управленія передъ единоличнымъ, содержитъ цѣлый рядъ любопытныхъ разсужденій, сущность которыхъ сводится опять-таки къ тому, что „царство выше священства“. Доказательства этому Регламентъ не ищетъ ни въ канонахъ, ни въ „законѣ Божіемъ“, откровенно признавая, что искать было бы напрасно, они „здѣ не вмѣщаются“; основанія реформы взяты отчасти изъ ветхозавѣтной, а преимущественно изъ греческой практики: „церковное синедріонъ въ ветхозавѣтной церкви, и гражданскій (!) судъ ареопагитовъ въ Аѳинахъ, и иныя въ томъ же городѣ правительствующія собранія, нарицаемыя Дикастеріи“. Подобно имъ учреждены другія Петровскія коллегіи, а теперь, по образцу ихъ, уставляется и „Духовное Коллегіумъ“. Но какъ бы опасаясь, что для церкви ссылки на аѳинскія судебныя учрежденія и на другія Петровскія коллегіи окажутся малоубѣдительными доказательствами, авторъ Регламента приводитъ еще цѣлый рядъ аргументовъ. Вся сила Коллегіума въ томъ и заключается, что оно „подъ державнымъ монархомъ есть и отъ монарха установлено“. Между тѣмъ прежній порядокъ, когда былъ „единый собственный правитель духовный“, способствовалъ только мятежамъ и смущеніямъ, появленію и въ Россіи такихъ же „замаховъ“, какими когда-то прославились римскіе папы. Теперь же возможность подобныхъ выпадовъ исключается: „а когда видитъ народъ, что соборное сіе правительство монаршимъ указомъ

Воронокъ царицы Евдокіи Ѳеодоровны.

Оружейная Палата. (Альбомъ Солнцева.)

Ворожнюк Надежда.

(Харьков. Социнбез.)

Вопросы изучения Евразии Географии.

Полтавская битва (1709 г.). (По гравюрѣ Пикара).

и сенатскимъ приговоромъ уставлено есть, то и паче пребудетъ въ кротости своей, весьма отложитъ надежду имѣти помощь къ бунтамъ своимъ отъ чина духовнаго".

Составъ Духовной Коллегіи и соподчиненіе ея членовъ не оставляли никакого сомнѣнія въ чисто гражданскомъ характерѣ реформы. Двѣнадцать членовъ Духовной Коллегіи назначаются царемъ изъ числа архіереевъ, архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ; архіереевъ трое, а остальные назначаются такъ, чтобы въ числѣ назначенныхъ не было „подручныхъ" синодальнымъ архіереямъ. Одинъ изъ архіереевъ назначается президентомъ — имя „не гордое", „невозможно ему восписоватися". И президентъ и прочіе члены Коллегіи приносятъ при вступленіи въ должность присягу, „что вѣренъ, есть и будетъ царскому величеству", „какъ крайнему судіи духовной коллегіи"; за нарушеніе присяги грозитъ „именной штрафъ анаѳемы и тѣлесное наказаніе". Духовная Коллегія поставлена наравнѣ съ Сенатомъ, а для рѣшенія общихъ тому и другому учрежденію дѣлъ указано имѣть имъ „общія конференціи". Наконецъ, въ 1722 году учрежденіе Духовной Коллегіи было завершено и дополнено установленіемъ должности оберъ-прокурора. Въ офиціальной инструкціи, написанной самимъ Петромъ, онъ называется „окомъ государя и стряпчимъ по дѣламъ государственнымъ"; но въ сущности онъ сталъ главою и руководителемъ „синодальной команды". Оберъ-прокуроръ Синода, подобно оберъ-прокурору Сената, обязанъ былъ слѣдить, чтобы не было упущеній въ дѣлопроизводствѣ Синода, останавливать всѣ незаконныя рѣшенія Синода и доносить о нихъ государю, и обратно, передавать монаршую волю Синоду; наконецъ, чрезъ оберъ-прокурора Синодъ „свидѣтельствуетъ" передъ государемъ о кандидатахъ на епископскія должности, при чемъ отъ государя зависитъ назначить синодскаго кандидата или другое лицо по своему усмотрѣнію. Въ завершеніе, прежній Монастырскій приказъ, предтеча Синода, былъ ему подчиненъ и превратился въ его „камеръ-контору". Такимъ образомъ, церковь становилась въ полное подчиненіе государству. Епископы получали назначеніе отъ царской власти, а отъ нихъ зависѣло назначеніе священниковъ, архимандритовъ и игуменовъ, исключительно изъ числа учениковъ архіерейскихъ школъ; „а если епископъ неученаго въ оной школѣ поставитъ въ священники или въ монашескій чинъ, минувъ ученаго... то подлежитъ наказанію".

Новой организаціи соотвѣтствовала новая дѣятельность. Дореформенное управленіе церковными дѣлами сводилось къ отправленію требъ и собиранію доходовъ. Но такъ было, пока церковь была экономически самодовлѣющей организаціей и жила феодальнымъ бытомъ. Теперь, превратившись въ государственное учрежденіе, она должна была измѣнить и направленіе своей дѣятельности. Вотъ почему Духовный Регламентъ такъ подробно останавливается на функціяхъ Духовной Коллегіи и, въ особенности, на функціяхъ

епископской власти. Многочисленныя наставленія, содержащіяся въ раздѣлѣ Регламента о епископахъ, конечно, врядъ ли исполнялись цѣликомъ на практикѣ, но постепенно, конечно, они вошли въ употребленіе. Прежде всего епископъ наставляется, что онъ долженъ знать и выучить, если не знаетъ: „соборы помѣстные и вселенскіе, и что въ оныхъ заповѣдано“, въ особенности каноны о супружествѣ, о дозволенныхъ и недозволенныхъ степеняхъ родства, и иные каноны, опредѣляющіе порядокъ дѣятельности и объемъ власти епископа. Но пуще всего, „вѣдалъ бы всякъ епископъ мѣру чести своея, и невысоко бы о ней мыслилъ, и дѣло убо великое, а честь никаковая“. И ради этого, „чтобы укротити оную вельми жестокую епископовъ славу“, Регламентъ запрещаетъ водить ихъ подъ руки и кланяться имъ въ землю. Функціи епископа, кромѣ поставленія подчиненныхъ ему клириковъ, заключаются въ томъ, чтобы смотрѣлъ онъ за монахами, „дабы не волочились безпутно“, „дабы лишнихъ безлюдныхъ церквей не строено, дабы иконамъ святымъ ложныхъ чудесъ не вымышлено, такожъ о кликушахъ, о тѣлесахъ мертвыхъ несвидѣтельствованныхъ, и прочихъ всего того добрѣ наблюдать“, а для наблюденія держать „по всѣмъ городамъ“ „докащиковъ, какъ бы духовныхъ фискаловъ“ и тайнымъ образомъ собирать свѣдѣнія во время объѣзда епархіи. Тутъ подчеркивается церковно-охранительная функція епископовъ: сакраліи допускаются, но строго провѣренныя и „нелишнія“ — полная противоположность прежней практикѣ, когда новыя чудотворящія святыни появлялись каждый день, обогащая своихъ владѣльцевъ и привлекая къ нимъ толпы богомольцевъ. Теперь можно было молиться только официально признаннымъ святынямъ.

Но больше всего епископы должны были заботиться о насажденіи школъ и объ образованіи въ нихъ будущихъ клириковъ. Мы уже нѣсколько разъ указывали на эту заботу, выдвинутую еще Монастырскимъ Приказомъ; насажденіе духовной школы было, дѣйствительно, жизненнымъ нервомъ Петровской духовной реформы, ибо оно было равносильно насажденію новой вѣры. Нельзя смотрѣть на духовныя школы Петровскаго времени, какъ на всѣ иныя школы, имъ учрежденныя; онѣ не только ущѣлѣли, но сохранился ихъ духъ и организація, сохранилась ихъ наука и дисциплина. Такъ произошло потому, что, быть-можетъ, безъ сознательнаго намѣренія со стороны ея устроителей, духовная школа дала новой церкви и новую вѣру, новую идеологію, заполнившую пустоту, которая образовалась послѣ проклятія старой вѣры при Никонѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что осталось послѣ разрыва со старой вѣрой? Сила стараго обряда была заподозрѣна, новый не могъ сразу пріобрѣсти такого же авторитета, какъ старый; и еще при Никонѣ явилась мысль, что обрядъ есть дѣло второстепенное, дѣло не въ немъ, а въ религіозной теоріи, т.-е. въ томъ, что всегда было на заднемъ планѣ въ Допетровской церкви, іерархи которой зачастую не знали даже Никейскаго сим-

вола. Между тѣмъ, осуждая старый обрядъ, старую вѣру, новая церковь должна была дать своимъ клирикамъ что-либо новое, что осмыслило бы для нихъ богослуженіе по новому образцу и оправдало бы взглядъ на второстепенное значеніе обряда. Отсюда забота о насажденіи богословскаго образованія, богословской схоластики, цѣликомъ заимствованной изъ Кіева. Правда, въ Регламентѣ, пространно трактующемъ объ академіяхъ и семинаріяхъ, устройство которыхъ отнесено къ первѣйшей обязанности Духовной Коллегіи, въ курсъ духовной школы введены и общеобразовательные предметы, включая ариѳметику, геометрію и физику. Но они введены были потому, что за недостаткомъ школъ въ духовныя школы могли поступать и сыновья дворянъ, и занимаютъ къ тому же второстепенное мѣсто: шесть образовательныхъ предметовъ проходятся въ одинъ годъ, а „богословія“ — въ два года. Эта „богословія“ и стала основаніемъ новой вѣры. Исходя изъ ея принциповъ, строились катихизисы, перешедшіе изъ духовной школы въ свѣтскую, строились системы преподаванія ветхаго и новаго завѣта, создалась современная богословская официальная система, и тотъ „Законъ Божій“, который преподается во всѣхъ свѣтскихъ школахъ. Допетровская Русь ничего этого не знала. Религія для нея заключалась въ знаніи и соблюденіи богослуженія, вѣра состояла въ томъ, что опредѣленные обряды и священнодѣйствія, опредѣленные святые и святыни обладаютъ чудесною силою могутъ спасти человѣка и помочь ему въ невзгодѣ. Новая богословская вѣра не уничтожила этой вѣры, но подвела подъ нее теоретическій фундаментъ; вся сила и значеніе обрядовъ были сведены къ единой первопричинѣ божественной благодати, сведенной на землю искупительной жертвой Іисуса Христа. Изъ эмпирическаго обрядовое благочестіе стало теоретическимъ; но, конечно, теорія не всѣмъ была доступна, и простой народъ до сихъ поръ ея не знаетъ, сохранилъ въ неприкосновенности эмпирическую обрядность. Зато для клириковъ теорія получила характеръ дисциплинирующей школы, воспитывая въ нихъ послушныхъ слугъ государственной церкви и официальнаго credo; такой же дисциплинирующій характеръ богословская теорія должна была получить и въ свѣтской школѣ. Такимъ образомъ, въ новую организацію было внесено и новое содержаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ борьба со старою вѣрою должна была получить еще болѣе рѣшительный характеръ. Синодъ учредилъ для этой цѣли „духовную инквизицію“, спеціально для преслѣдованія раскольниковъ. Во главѣ ея былъ поставленъ протоинквизиторъ, игуменъ московскаго Даниловскаго монастыря Паѳнутій, которому были подчинены провинціальные инквизиторы, а этимъ послѣднимъ — уѣздные и городскіе инквизиторы. Инквизиція располагала особой воинской командой, и при ея помощи разыскивала и расправлялась съ раскольниками: адептамъ старой вѣры вырывали ноздри, ссылали ихъ на каторгу, а ихъ книги и иконы сжигали.

Такъ произошло превращеніе русской церкви изъ феодальной въ государственную. Надо сказать, что, конечно, первое время многое, предуказанное формально, оставалось лишь на бумагѣ, а впослѣдствіи и совсѣмъ атрофировалось. Но что подчиненіе церкви государству и упраздненіе „жестокой епископской славы“ не было пустымъ звукомъ, показываетъ исторія новгородскаго архіепископа Ѳеодосія, вицепрезидента Синода, разыгравшаяся въ первые же годы послѣ учрежденія Синода. Сначала Ѳеодосій былъ фаворитомъ Петра (онъ тоже былъ изъ малороссовъ) и сдѣлалъ благодаря этому себѣ карьеру; но послѣ смерти Петра онъ сталъ „чинить противности“ императорской власти, жалуясь на притѣсненіе церкви и архіереевъ и разореніе монастырей, и допускалъ оскорбительныя выраженія по адресу Екатерины и Меншикова. За это онъ былъ лишенъ архіерейства и настоятельства въ Александро-Невскомъ монастырѣ; но, очевидно, разсчитывая, что реформа Петра была сильна только при его жизни, а теперь дѣло можно повернуть и вспять, онъ не подчинился распоряженію, не поѣхалъ въ ссылку и должностей не оставилъ, а попробовалъ „отложиться“ отъ Синода. Онъ составилъ и разослалъ по своей епархіи присягу, которую должны были принести ему всѣ подчиненные клирики „также и собственному моей правильной власти великому господину, св. Правительствующаго Синода вицепрезиденту, преосвященному Ѳеодосію, епископу новгородскому и великолуцкому и архимандриту александроневскому, обязуюся во всемъ по должности моей вѣренъ и весьма покоренъ быть, и все до его архіерейской чести принадлежащее по послѣдней моей силѣ умножать и охранять, и всякіе его архіерейства собственные и домовые интересы соблюдать, и остерегать, и защищать“ etc. Присяга была составлена по образцу императорской присяги, что само по себѣ было уже преступленіемъ. Но времена были уже не тѣ, и фронда Ѳеодосія потерпѣла форменное фіаско. „Плутъ Ѳедосъ“ за „злоковарное свое воровство“ приговоромъ Синода былъ превращенъ въ простого чернеца и посланъ на послушаніе въ Холмогоры, а составленная имъ присяга была всенародно сожжена, и вмѣстѣ съ дымомъ отъ ея костра исчезли послѣднія мечты о былыхъ вольностяхъ русской церкви.

Ѳеодосій Яновскій („Ѳедосъ“).

Н. Никольскій.

Дворянство и крестьянство при Петрѣ Великомъ.

Соціальнымъ реформаторомъ Петръ никогда не былъ. Все вниманіе Преобразователя было сосредоточено на войнахъ, непрерывно продолжавшихся въ теченіе почти всего его царствованія, и можно сказать, что эти войны были какъ бы основнымъ рычагомъ всѣхъ преобразовательныхъ начинаній эпохи Петра Великаго. Учрежденіе регулярной арміи и военнаго флота наряду съ коренной реформой въ сферѣ податного обложенія были тѣсно связаны съ событіями военнаго времени и оказывали сильное вліяніе на преобразованія почти всѣхъ сторонъ государственной и общественной жизни. Какого-либо заранѣе обдуманнаго плана въ тѣхъ перемѣнахъ, которыя проводились въ соціальномъ строѣ Россіи начала XVIII в., мы не замѣчаемъ, да его и не могло быть у Петра, далекаго отъ всякаго рода отвлеченныхъ теоретическихъ построеній. Смотря на все съ военно-хозяйственной точки зрѣнія, Петръ видѣлъ въ обществѣ лишь необходимый соціальный матеріалъ, который весь цѣликомъ долженъ былъ идти на пользу государству. Никто не долженъ былъ избѣгать государева тягла, всѣ должны были быть прикрѣплены къ своимъ сословнымъ обязанностямъ. На рубежѣ XVII и XVIII ст. прежній крѣпостной строй общественной жизни еще болѣе усилился, подъ вліяніемъ все усложнявшихся государственныхъ потребностей. Петръ еще болѣе нуждался въ людяхъ и денежныхъ средствахъ,

чѣмъ первые цари изъ дома Романовыхъ, поэтому „онъ оставилъ сословную организацію почти въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ получилъ ее отъ своихъ предшественниковъ“ (проф. Градовскій).

Военная реформа, естественно, вызывала рядъ перемѣнъ въ организаціи служилаго класса, а введеніе подушной подати измѣнило, съ одной стороны, юридическую природу крѣпостного права, а, съ другой—увеличило численный составъ крѣпостного населенія Такимъ образомъ, и верхъ и низъ русскаго общества были затронуты могучей рукой Преобразователя, стремившагося напречь всѣ силы Россіи, чтобы превратить ее въ европейское регулярное государство.

Не связанный корпоративнымъ единствомъ служилый классъ Московской Руси отличался двумя существенными признаками: онъ несъ на своихъ плечахъ обязательную государственную службу и сосредоточилъ въ своихъ рукахъ право владѣнія населенными землями. Объ эти основныя черты въ положеніи служилыхъ людей XVII в. подверглись коренной перемѣнѣ въ царствованіе Петра Великаго. Государственная служба, не потерявъ своего обязательнаго характера, получила, однако, совершенно иное юридическое основаніе; землевладѣльческія же права служилыхъ людей были строго регламентированы закономъ объ единонаслѣдіи 1714 г. Сверхъ того, на служилый классъ возложена была новая повинность — обязательная школьная подготовка, вызванная техническими особенностями преобразованной военной и гражданской службы. Вмѣстѣ съ тѣмъ у служилыхъ людей, разбитыхъ въ прежнее время на чины и разряды, появляется идея корпоративнаго объединенія, внѣшнимъ показателемъ чего можетъ служить то новое сословное наименованіе, которое входитъ въ употребленіе съ эпохи Петра Великаго. Вмѣсто прежнихъ чиновъ — думныхъ московскихъ и городовыхъ — съ 1712 г. появляется единое россійское шляхетство, въ составъ котораго входятъ всѣ служилые элементы. Новые полки регулярнаго строя, оторванные отъ уѣзднаго и столичнаго землевладѣнія, придавали шляхетскому сословію обще-государственный характеръ. Въ прежнее время между крупнымъ землевладѣльцемъ — боярномъ или окольничимъ и какимъ-нибудь уѣзднымъ сыномъ боярскимъ, владѣвшимъ небольшимъ помѣстьемъ въ нѣсколько десятковъ четей, — лежала глубокая соціальная пропасть, черезъ которую удавалось перешагнуть только немногимъ, и то въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Теперь, когда въ основу служебнаго повышенія положены были личныя качества вмѣсто прежнихъ родовыхъ связей, замѣчается общая нивеллировка всего сословія, которому дается и новое наименованіе, заимствованное изъ Польши. Признакъ благородства, который является основной чертой въ характерѣ иноземнаго дворянства, переносится теперь на русскую почву и внѣдряется въ сознаніе тѣхъ царскихъ слугъ, которые привыкли думать, что „всякъ великъ и малъ

живетъ государевой милостью". Однако и въ новой облагороженной оболочкѣ продолжало сохраняться прежнее крѣпостное содержаніе. Дворянъ не только заставляли служить и учиться, но даже принуждали мѣнять мѣсто жительства, точь въ точь какъ тѣ же самые дворяне самовольно переселяли своихъ крестьянъ изъ одной деревни въ другую. Въ 1714 г., напримѣръ, Петръ обязалъ 1000 шляхетскихъ фамилій переселиться въ Петербургъ. На Васильевскомъ островѣ онѣ должны были построить въ короткій срокъ каменное и деревянное строеніе, размѣры котораго обусловлены были числомъ принадлежавшихъ имъ крестьянскихъ дворовъ.

Не снимая съ дворянства прежняго крѣпостного ярма, Петръ всей своей сословной политикой старался подчеркнуть, что въ его глазахъ личныя способности и достоинства стоятъ много выше родовой чести и знатности происхожденія. Онъ окружилъ себя даровитыми сотрудниками, изъ которыхъ очень многіе были людьми самаго низкаго происхожденія, и тѣмъ самымъ „великолѣпіе единственно дѣлами своими показывалъ", и того же требовалъ отъ сотрудниковъ. Боярская знать, обломки которой уцѣлѣли отъ бурь Смутнаго времени и занимали первыя мѣста въ іерархіи XVII в., почувствовала довольно скоро происшедшую перемѣну въ отношеніи къ ней новаго правительства. Подъ перомъ одного изъ ея представителей, кн. Куракина, этотъ разрывъ привычныхъ отношеній облеченъ былъ впервые въ литературную форму. Въ своей „Гисторіи о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ" онъ съ аристократической брезгливостью относится ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя стояли у кормила правленія послѣ переворота 1689 г., отдавшаго власть въ руки царицы Наталіи Кирилловны. Другой носитель старинныхъ аристократическихъ преданій, кн. Щербатовъ, чутко относившійся къ чести и достоинству своего сословія, возмущается тѣмъ значеніемъ, которое пріобрѣли въ государствѣ лица, въ родѣ Меншикова. „Упала древняя гордость дворянская,—говоритъ онъ,—видя себя управляема мужемъ, хотя достойнымъ, но изъ подлости происшедшимъ, а мѣсто ея—раболѣпство къ сему вельможѣ, могущему все".

Демократизируя правительственныя сферы, Петръ не стѣснялся вводить и въ дворянскую среду лицъ далеко не благороднаго происхожденія. Въ противоположность политикѣ своихъ предшественниковъ, отдѣлявшихъ рѣзкой демаркаціонной чертой дворянъ и дѣтей боярскихъ отъ тяглыхъ городскихъ и сельскихъ элементовъ, онъ для пользы службы нерѣдко стиралъ сословныя грани. Такъ, въ 1711 г. онъ повелѣлъ Сенату, набирая молодыхъ дворянъ для запаса въ офицеры, собрать „такожъ тысячу человѣкъ людей боярскихъ грамотныхъ для тогожъ". Особенно видную роль въ демократизаціи дворянскаго сословія сыграла „Табель о рангахъ", изданная въ 1722 г. и въ корнѣ измѣнившая основной принципъ прохожденія службы. Она открывала широкій доступъ въ ряды дворянской массы представителямъ

иныхъ общественныхъ группъ, такъ какъ лица, дослужившіяся до перваго оберъ-офицерскаго чина въ военной службѣ или до VIII класса по службѣ гражданской, причислялись со всѣми дѣтьми, рожденными послѣ полученія этого чина, къ лучшему или столбовому дворянству. „По своему духу,— говоритъ профессоръ Романовичъ-Словатинскій,—Табель о рангахъ была поистинѣ демократическою: лѣстница въ 14 ступенекъ отдѣляла каждаго плебея отъ первыхъ сановниковъ государства. Она широко открыла дверп, черезъ которыя посредствомъ чина подлые члены общества могли облагородиться и войти въ ряды шляхетства“. Чинъ получилъ перевѣсъ надъ породой, и въ немъ дворянская масса стала видѣть основу своего соціальнаго и политическаго значенія. Шляхетство начинаетъ проникаться чиновнымъ духомъ, что рѣзко бросалось въ глаза иностраннымъ наблюдателямъ: „Въ Россіи,—говоритъ одинъ изъ нихъ, — нѣтъ джентлеменовъ, но есть майоры, капитаны, асессоры и регистраторы“. Чиновнымъ повышеніемъ по службѣ уничтожалась теперь та черта, которая отдѣляла верхніе слои служилоіі массы отъ ея рядовыхъ представителеіі. Хотя Петръ и выражалъ желаніе „видѣть, чтобы сыновья знатнаго дворянства отъ другихъ во всякихъ случаяхъ по достоинству отличались“, однако онъ не давалъ имъ никакого ранга, „пока они намъ и отечеству никакихъ услугъ не покажутъ и за оные характера не получатъ“.

Петръ Великіі. (По гравюрѣ Шхопебека 1700—1705).

Дворянское достоинство могло пріобрѣтаться не только посредствомъ чина, но и путемъ пожалованія, которое наряду съ раздачей новыхъ титуловъ являлось актомъ монаршей воли. Но, внося въ общественное сознаніе

демократическій принципъ личной выслуги, та же Табель о рангахъ узаконила дворянскіе гербы, какъ отличіе благородства отъ „подлости“. Сливаясь съ чиновной массой, дворянство, подъ вліяніемъ иноземныхъ идей, начинаетъ смотрѣть на себя, какъ на представителей бѣлой кости, въ отличіе отъ низшихъ слоевъ населенія, имѣвшихъ черную мужицкую кость. Языкомъ и образованіемъ благородное шляхетство стремится отдѣлиться отъ „подлости“.

Вообще Петръ старался привить молодому русскому шляхетству понятіе о знатности въ европейскомъ смыслѣ слова и пріучить дворянское общество къ благородному обращенію, внушая ему, напримѣръ, „не разувся съ сапогами или башмаками не ложиться на постели“. Самая служба дворянъ нѣсколько мѣняетъ свой характеръ. Въ прежнее время они служили за помѣстье, теперь служба пріобрѣла значеніе сословной повинности. Съ 15-лѣтняго возраста дворянинъ зачислялся на службу, при чемъ онъ долженъ былъ знать „съ фундамента солдатское дѣло“, если хотѣлъ получить производство въ офицеры. Въ 1714 и 1719 гг. Петръ нѣсколькими указами подтвердилъ, „чтобъ изъ дворянскихъ породъ и иныхъ со стороны отнюдь въ офицеры не писать, которые не служили солдатами въ гвардіи“. Въ 1721 г. постановлено было въ гвардію опредѣлять только изъ знатнаго шляхетства, а изъ прочаго въ другіе полки. Кромѣ службы въ сухопутныхъ войскахъ, дворянинъ долженъ былъ служить и во флотѣ, начиная съ самыхъ нпзшихъ должностей. Превративъ дворянскихъ недорослей въ гвардейскихъ солдатъ и корабельныхъ матросовъ, Петръ строго наблюдалъ за тѣмъ, чтобы никто изъ дворянъ не уклонялся отъ службы. Для того, чтобы имѣть точное представленіе о всемъ наличномъ составѣ дворянъ, годныхъ къ военной и гражданской службѣ, Петръ время отъ времени устраивалъ имъ смотры, на которыхъ нерѣдко присутствовалъ самъ. Въ 1704 г. самъ царь разбиралъ недорослей „знатныхъ самыхъ персонъ“, и 500—600 молодыхъ князей Голицыныхъ, Черкасскихъ, Хованскихъ, Лобановыхъ-Ростовскихъ и т. п. были записаны солдатами въ гвардейскіе полки „и служатъ“, замѣчаетъ въ своей гисторіи кн. Куракинъ. Несмотря на рядъ повторительныхъ указовъ, все-таки очень много дворянъ не являлось на смотры. Въ 1722 г. Петръ объявилъ, что, ежели кто на тотъ срокъ не явится, „таковые будутъ шельмованы и съ добрымп людьми ни въ какія дѣла прічтены быть не могутъ, и ежели кто таковыхъ ограбитъ, ранитъ, что у пихъ отыметъ, а ежели до смерти убьетъ, о такихъ челобитья не принимать и суда имъ не давать, а движимое и недвижимое ихъ имѣнье отписаны будутъ на насъ безповоротно“. По прошествіи сроковъ „всѣхъ нѣтчиковъ имена будутъ особо напечатаны и для публики прибиты къ висѣлицамъ на площади, дабы о нихъ всякъ зналъ, яко преслушателей указамъ и равныхъ измѣнникамъ“. Однако всѣ эти суровыя наказанія оказывали мало вліянія на дворянскую массу.

По словамъ Посошкова, дворяне выѣзжали на смотръ, только „дождався третьяго указа, и буде ничѣмъ отбыть не могутъ. Въ такомъ ослушаніи и указовъ царскаго величества въ презрѣніи иные дворяне уже состарѣлись, въ деревняхъ живуче, а на службѣ одною ногою не бывали“. Другой современникъ, майоръ Даниловъ, разсказываетъ о своемъ зятѣ Астафьевѣ, что онъ ухитрялся уклоняться отъ службы, найдя себѣ „милостивца“ въ полковомъ секретарѣ, который его отпускалъ въ годовые отпуски „за малые деревенскіе гостинцы“. „Секретарь доволенъ былъ,—говоритъ Даниловъ,—когда за пашпортъ получитъ душекъ 12 мужеска пола съ женами и дѣтьми съ обязательствомъ таковымъ, когда зять мой Астафьевъ на срокъ оныхъ подаренныхъ крестьянъ не вывезетъ, куда назначено было, тогда неустойка награждалась прибавкою къ 12 душамъ“.

„Нѣтство“, или уклоненіе отъ службы, было при Петрѣ Великомъ, пожалуй, не менѣе распространено, чѣмъ въ XVII в. Посошковъ въ своей книгѣ „О скудости и богатствѣ“ прекрасно рисуетъ намъ служебные нравы тогдашняго дворянства. „На службѣ,—говоритъ онъ,—то и смотрятъ, чтобы гдѣ во время боя за кустомъ притулиться, а иные такіе прокураты живутъ, что и цѣлыми ротами притуляются въ лѣсу или въ долу. А то я у многихъ дворянъ слыхалъ: „Дай Богъ великому государю служити, а саблю изъ ноженъ не вынимать“. Въ теченіе всего своего царствованія Петръ велъ упорную борьбу съ „нѣтствомъ“. Онъ полагалъ, что это явленіе можно искоренить самыми суровыми мѣрами взысканія. Въ 1703 г., напримѣръ, было объявлено, что дворяне, не явившіеся на смотръ въ Москву къ указанному сроку, а также и воеводы, „чинящіе имъ поноровку“, будутъ безъ пощады казнены смертью. Но эта угроза осталась только на бумагѣ: „нѣтчиковъ“ не казнили, и для нихъ гораздо болѣе существенной мѣрой наказанія являлись различнаго рода матеріальныя взысканія. Къ этимъ карамъ и сталъ прибѣгать Преобразователь. Такъ, въ 1707 г. велѣно было съ дворянъ московскихъ чиновъ и городовыхъ, не явившихся на службу, брать штрафъ по полуполтинѣ и полтинѣ, а тѣхъ, которые не явились къ послѣднему сроку, 1 октября, „бить батогами, сослать въ Азовъ и отписать ихъ деревни на государя“. Эти строгости находили себѣ оправданіе въ тяжелыхъ обстоятельствахъ военнаго времени, но по мѣрѣ того, какъ Сѣверная война приходила къ концу, въ служебномъ положеніи дворянъ замѣчается нѣкоторое улучшеніе. Съ 1721 г., напримѣръ, солдатъ изъ дворянъ отпускали домой въ полугодовой отпускъ за поруками, а съ 1724 г. эти отпуски получаютъ періодическій характеръ. Отставка же или абшидъ давалась только за дряхлостью, въ случаѣ тяжелыхъ ранъ и неисцѣлимыхъ болѣзней. Однако и отставные дворяне не совсѣмъ пропадали для службы: ихъ опредѣляли въ гарнизоны или къ гражданскимъ дѣламъ по мѣстному управленію. Только уже совсѣмъ негоднымъ къ службѣ назначали пенсію

изъ госпитальныхъ денегъ или отсылали ихъ въ монастыри на пропитаніе изъ монастырскихъ доходовъ. Если прежде до Петра Великаго на гражданскую службу смотрѣли, какъ на своего рода вознагражденіе за военные труды и увѣчья, то съ начала XVIII ст. она рѣзко отдѣляется отъ военной службы, и Табель о рангахъ вполнѣ опредѣленно фиксируетъ это разграниченіе. Желая имѣть способныхъ должностныхъ лицъ въ сферѣ гражданскаго управленія, Петръ разрѣшалъ дворянамъ поступать въ центральныя и областныя административныя учрежденія. Генеральный регламентъ 1720 г. опредѣлилъ, чтобы шляхетскія дѣти при коллегіяхъ и канцеляріяхъ подъ наблюденіемъ секретареї обучались канцелярскому дѣлопроизводству, дабы со временемъ они по „градусамъ“ могли быть произведены въ высшіе чины. При этомъ прохожденіе канцелярскої службы никто не долженъ былъ „ставить въ укоризну“ лицамъ знатныхъ фамилій. Но, подымая значеніе гражданскихъ должностей, Петръ, тѣмъ не менѣе, не упускалъ изъ вида интересовъ военноі службы. Герольдмейстеръ, въ вѣдѣніи котораго съ 1722 г. находилось все дворянское сословіе, долженъ былъ наблюдать, „чтобы въ гражданствѣ болѣе трети отъ каждой шляхетскої фамиліи не было, чтобы служивыхъ на землѣ и морѣ не оскудить“.

Измѣнивъ юридическое основаніе въ отправленіи служебныхъ обязанностей, Петръ внесъ существенныя перемѣны и въ самый принципъ вознагражденія за службу. Прежнія помѣстныя дачи замѣнены были денежнымъ жалованіемъ. Въ 1711 г. изданы были штаты, опредѣлявшіе размѣры жалованья по военной службѣ, а въ 1715 и 1725 гг.—штаты гражданскаго вѣдомства.

Въ тѣсноі связи съ обязательноі службой находилась новая повинность, возложенная на дворянъ въ эпоху реформъ начала XVIII ст. Для занятія должностей по гражданскому вѣдомству и для службы въ полкахъ регулярнаго строя нужны были люди подготовленные, получившіе школьное образованіе. Указомъ 28 февраля 1714 г. велѣно было устроить повсюду въ провинціи начальныя школы въ монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ для обученія „грамотѣ, цыфири и нѣкоторої части геометріи“. „Этотъ указъ,—говоритъ И. П. Павловъ-Сильванскій,—замѣчателенъ тѣмъ, что имъ впервые возложена была на всѣхъ дворянъ и людей приказнаго чина (дьяковъ и подьячихъ) обязанность начальнаго обученія дѣтеі“. Каждый дворянинъ отъ 10 до 15 лѣтъ долженъ былъ посѣщать школу, а не имѣющимъ аттестата о сдачѣ экзамена по сеі школьноі программѣ запрещено было жениться. Дѣти знатныхъ родителеі 10-ти лѣтъ высылались для обученія въ Петербургъ въ спеціально устроенныя учебныя заведенія повышеннаго типа, при чемъ всѣхъ родителей, укрывавшихъ своихъ дѣтей отъ этоі школьноі повинности, Петръ подвергалъ денежнымъ взысканіямъ. Но въ образованіи Петръ видѣлъ, главнымъ образомъ, прикладную, утилитарную

сторону и старался какъ можно скорѣе опредѣлить на службу образованнаго дворянина. По указу 1723 г. свѣтскихъ чиновъ людей держать въ школахъ долѣе 15 лѣтъ не велѣно, „хотя бы они и сами желали, дабы подъ именемъ тоій науки отъ смотровъ и опредѣленія на службу не укрывались“. Но всѣ эти заботы Петра приводили лишь къ весьма скуднымъ результатамъ: „Многіе дворянскіе дѣти, — читаемъ въ „запискахъ“ маіора Данилова, — грамотѣ съ нуждою могли разумѣть, писать толь-
ко рѣдкіе знали“. Другимъ важнымъ образовательнымъ средствомъ Петръ считалъ поѣздки молодыхъ людей за границу. Начиная съ 1697 г., когда впервые было отправлено въ Западную Европу 60 молодыхъ дворянъ лучшихъ фамилій, эти заграничныя путешествія принимаютъ постоянный характеръ. Изученіе морского дѣла и кораблестроенія стояло при этомъ на первомъ планѣ. Какъ велико было число русскихъ „навигаторовъ“, бывшихъ въ эпоху Петра за границей, можно видѣть изъ того, что въ одномъ только Амстердамѣ въ 1717 г. ихъ училось 69 человѣкъ. Но и отъ этой повинности дворяне старательно укрывались: многіе изъ нихъ, чтобы избѣжать отправленія за границу, принимали даже монашество. Въ какомъ подавленномъ настроеніи предпринимали путешествіе въ Европу дворянскіе недоросли, можно видѣть изъ словъ Василія Головина, который, разсказывая, что въ 1712 г. Петръ отправилъ „за море для морской навигаціонной науки“ нѣсколько молодыхъ людей, прибавляетъ: „въ числѣ ихъ за море и я, грѣшникъ, въ первое несчастіе опредѣленъ“. Оторванные отъ привычной житейской обстановки, безъ знанія иностранныхъ языковъ, эти навигаторы находились за границей въ самомъ печальномъ положеніи. Такъ, кн. Михаилъ Голицынъ, одинъ изъ такихъ недорослей, писалъ своимъ роднымъ: „Наука опредѣлена самая премудрая, хотя мнѣ всѣ дни живота своего къ тоій наукѣ себя трудить, а не принять будетъ;

Петръ Великій. Съ портрета Натье 1717. (По гравюрѣ Чемесова).

для того — незнамо учиться языка, незнамо науки". Но Петръ, не смотря ни на что, продолжалъ отправлять дворянъ въ европейскія государства. Онъ придавалъ этимъ путешествіямъ очень большое значеніе и въ 1721 г. повелѣлъ даже тѣмъ лицамъ, которыя выучатся „правамъ и экономіи" въ Россіи, не побывавъ за границей, „зачитать чины вполы, понеже они вѣдѣнія чужихъ государствъ видѣніемъ лишатся".

Вмѣстѣ съ тѣмъ происходили существенныя перемѣны и въ землевладѣльческомъ положеніи дворянства, такъ какъ образованіе регулярной арміи довершило разрушеніе основъ помѣстнаго владѣнія. Когда дворянская служба стала не только наслѣдственной, но и постоянной, и помѣстье должно было стать не только постояннымъ, но и наслѣдственнымъ владѣніемъ, навсегда сливаясь съ вотчиной. Какъ помѣстныя, такъ и вотчинныя земли образовали одно понятіе недвижимой собственности, право распоряженія которой было, однако, стѣснено закономъ 1714 г. Этотъ законъ въ XVIII в. называли „изящнѣйшимъ благодѣяніемъ, коимъ Петръ Великій помѣстныя дачи въ собственность пожаловалъ". Во введеніи къ этому закону Преобразователемъ выяснены тѣ мотивы, которые явились побудительнымъ стимуломъ къ его изданію: „вслѣдствіе постоянныхъ раздѣловъ имѣній между наслѣдниками, члены знатныхъ фамилій, размножаясь, въ такую бѣдность приходятъ, что сами становятся однодворцами, и знатная фамилія вмѣсто славы превращается въ поселянъ, какъ уже много тѣхъ экземпляровъ есть въ россійскомъ народѣ". Благодаря же новому закону, „фамиліи не будутъ упадать, но въ своей ясности непоколебимы будутъ черезъ славные и великіе домы". Самое содержаніе этого важнаго аграрнаго узаконенія можетъ быть сведено къ слѣдующимъ немногимъ положеніямъ. „Недвижимыя вещи", вотчины, помѣстья, дворы, лавки не отчуждаются, но „обращаются въ родъ"; по духовному завѣщанію все недвижимое имѣніе переходитъ къ одному наслѣднику; остальныя же дѣти надѣляются движимостью по волѣ завѣщателя. При отсутствіи же духовнаго завѣщанія все недвижимое имѣніе переходитъ по закону къ старшему сыну, а все движимое дѣлится между остальными дѣтьми поровну. Такимъ образомъ майоратъ былъ случайностью, наступавшей только при отсутствіи духовнаго завѣщанія. При отсутствіи сыновей тѣми же правилами слѣдовало руководствоваться по отношенію къ дочерямъ. Бездѣтные владѣльцы могли передавать свою недвижимость одному изъ своей фамиліи, „кому похочетъ". Если же они никакого письменнаго распоряженія не оставили, то имѣніе переходитъ къ одному—„по линіи близкому". Послѣдній представитель даннаго рода можетъ передать недвижимость кому-либо изъ своихъ родственницъ съ обязательствомъ, чтобы ея мужъ или женихъ присоединилъ къ своей фамиліи фамилію угасшаго рода. Обдѣленные наслѣдники или „кадеты" могутъ вступать въ купечество или въ какое знатное художество, а по достиженіи 40-лѣтняго возраста—въ бѣлое духовенство.

По мнѣнію нѣкоторыхъ современниковъ, напр., Ѳедора Салтыкова, царь этимъ закономъ 1714 г. хотѣлъ побудить дворянъ къ государственной службѣ и другимъ полезнымъ занятіямъ. Меньшіе сыновья, говоритъ онъ, „не имѣя отеческихъ стяжательствъ, простираться будутъ прилежнѣе къ службамъ и наукамъ“. Но принципъ единонаслѣдія былъ чуждъ русскому юридическому сознанію. Землевладѣльцы, какъ видно изъ сенатскаго доклада 1730 г., стремясь надѣлить равно всѣхъ своихъ дѣтей, „почитаютъ въ деревняхъ обрѣтающіїся хлѣбъ, лошади и всякій скотъ за движимое и отдаютъ меньшимъ братьямъ съ сестрами, и тако у наслѣдника безъ хлѣба и безъ скота деревни въ состояніи быть не могутъ, а у меньшихъ братьевъ безъ деревень хлѣбъ и скотъ пропадаютъ, и какъ наслѣдники, такъ и кадеты оттого въ разореніе приходятъ“. Законъ 1714 г., по словамъ сенатскаго доклада, возбуждаетъ между родственниками „непависти и ссоры и продолжительныя тяжбы, съ великимъ сторонъ убыткомъ и разореніемъ, и не безызвѣстно есть,—говоритъ въ заключеніе Сенатъ,—что не токмо нѣкоторые родные братья и ближніе родственники между собою, но и отцовъ дѣти побиваютъ до смерти“. Современникъ Посошковъ совершенно въ тонъ съ этимъ офиціальнымъ документомъ описываетъ, какъ дворяне послѣ умершихъ своихъ сродниковъ земли, жилыя и пустыя, дѣлятъ на дробныя, со ссорами, даже съ „уголовщиной“ и съ большимъ вредомъ для казны, одну какую-нибудь пустошь или деревню дробя на ничтожныя доли, словно закона о единонаслѣдіи и не существовало. Землевладѣльческое значеніе дворянина, которое Петръ хотѣлъ поднять закономъ 1714 г., чрезвычайно усиливается со времени введенія подушной подати, постепенно вытѣсняя изъ общественнаго сознанія прежнее представленіе о дворянинѣ, какъ о военномъ служиломъ человѣкѣ. Дворяне обязывались уплачивать подушную за принадлежавшихъ имъ крѣпостныхъ. Помѣщикъ такимъ образомъ становился отвѣтственнымъ сборщикомъ податей, ограждая вмѣстѣ съ тѣмъ свои села и деревни отъ разорительныхъ въѣздовъ фискальной администраціи. Недоимка въ сборѣ прямого налога по указу 1727 г. взималась не съ крестьянъ, а съ самихъ помѣщиковъ и ихъ приказчиковъ. Въ помѣщикѣ законодательство Петра Великаго усматривало какъ бы руководителя того самаго труда, который являлся источникомъ подушной подати. Однимъ изъ законовъ 1727 г. помѣщикамъ вмѣнялось въ обязанность приводить крестьянъ „въ лучшее состояніе“. Присутствіе дворянина въ деревнѣ, какъ сборщика подушной подати, теперь становится необходимымъ, тогда какъ его пребываніе въ полку не было столь существеннымъ послѣ введенія рекрутскихъ наборовъ, которыми привлекались въ военную службу представители всѣхъ сословій. Въ связи съ введеніемъ подушной подати сдѣлана была попытка придать уѣздному дворянству фискально-корпоративную организацію. Ежегодно на дворянскомъ съѣздѣ избирался особый агентъ для сбора подати, такъ называемый комиссаръ отъ

земли, отвѣтственный передъ дворянскимъ съѣздомъ, которому давалось право судить и штрафовать комиссара.

Такимъ образомъ изъ военной корпораціи XVII в. уѣздное дворянство эпохи Петра Великаго превратилось въ финансовую организацію для сбора подушной подати. Способствуя корпоративному объединенію дворянъ, податная реформа произвела цѣлый переворотъ въ судьбѣ крестьянской массы. Исходя изъ фискально-полицейскихъ соображеній, Петръ видѣлъ въ крестьянахъ какъ бы основной матеріалъ своей податной системы. Крестьянинъ привлекалъ къ себѣ его вниманіе почти исключительно, какъ плательщикъ прямой подати. Права помѣщиковъ надъ крестьянами въ его царствованіе не были расширены законодательнымъ путемъ, но косвенно въ связи съ реорганизаціей всего податнаго механизма крѣпостное право замѣтно усилилось. Въ глазахъ Петра помѣщичья власть являлась сильнымъ орудіемъ управленія, и онъ пользовался ею для своихъ государственныхъ цѣлей. Въ эпоху Петра Великаго крѣпостническій произволъ уже начиналъ проявляться въ достаточной степени. Господа по собственному усмотрѣнію надѣляли своихъ крѣпостныхъ землею и вмѣшивались въ ихъ хозяйственные порядки, налагали повинности и оброки, сами непосредственно, или же черезъ управителей, приказчиковъ и старостъ, управляли крестьянами, а также разбирали ихъ „въ крестьянскихъ ссорахъ, въ брани, въ бою, въ займахъ между собою и прочихъ тому подобныхъ“ дѣлахъ. Отъ помѣщичьяго насилія, по словамъ одного современника, „крестьяне приходили въ скудостное житье“. Воеводская инструкція 1709 г. говоритъ о томъ, что среди помѣщиковъ есть такіе „непотребные люди“, которые, „налагая на крестьянъ несносныя тягости“, „разоряютъ ихъ“. О своей тяжкой долѣ крестьяне нерѣдко доводили до свѣдѣнія правительства. Такъ, крѣпостные помѣщика Сказина изъ Вологодскаго уѣзда били на него челомъ, что онъ „бьетъ ихъ и мучитъ безпрестанно“, и просили о томъ, чтобы за этимъ помѣщикомъ „впредь имъ во крестьянахъ не быть“. Наряду съ суровыми наказаніями крестьянъ сильно тяготилъ и хозяйственный гнетъ помѣщика, проявлявшійся какъ въ тяжелой барщинѣ, такъ и въ значительномъ оброкѣ. Попадались владѣльцы, у которыхъ крестьяне работали на барщинѣ сплошь всю недѣлю. „А костромскимъ въ недѣлю по два дни для ихъ работы дано имъ, а намъ нѣтъ ни по единому дни“, жалуются крестьяне села Красникова своему владѣльцу кн. П. И. Хованскому. Высокій оброкъ взимался иногда даже крупными землевладѣльцами. Такъ, напр., крестьяне Б. П. Шереметева отъ тяжести денежнаго оброка, издѣлья и всякихъ сборовъ, а также отъ случившагося недорода, „оскудали въ конецъ безъ остатку“. По мнѣнію нѣкоторыхъ современниковъ, крестьяне должны были все время „проводить въ работѣ, лѣтомъ землею управлять неоплошно, а зимой въ лѣсу работать, что надлежитъ про домашній обиходъ или на люди, отъ чего бы какой себѣ прибытокъ учинить“. Если такъ говорилъ

Быкъ и мясникъ. Старинная лубочная картина.

Собраніе Ровинскаго. (Румянцевскій музей.

Содержание документа (Рисунок 1)

ПРИКР И МЯСНИКР. Смешанная хвойная лесная

овца койсная мастерица
веитъ всемъ пастухамъ стричтил
мужикъ цфадаеъ вструе сидитъ · хоктъ страпнхъ суден иподзачихъ судить
осла мужикъ погонаетъ
зато что неспоро онъ выступаетъ
малыя дети старика спеленали
штобы ни плакалъ исачешь забавляли
ученик мастеру дато жоу бьетъ
его что научи драго неперенлаетъ
слепой зрячего ведетъ
ажамъ незнаетъ кудаи бредетъ.
котлин вшапр кожд
иаголове сапогъ ношу.
бынъ незахотелъ бить быкамъ данъ деласа мясникомъ
когда мясникъ сталъ бить в лобъ то нестела его удару тинулъ рогами в бокъ
амясникъ сногъ долой свалился то выхватитъ топоръ и чево потщился
отрубивши ему руки иповесилъ его вверхъ ногами исталъ тащить кишки спотрохом
олень бонтца свиныхъ зубъ
сохотникъ бежитъ изаицевыхъ губъ
попогая мужика вкартно посадилъ
чтобы онъ говорилъ
бабы осла забавляли
посадивъ в карету поулицамъ возили
нищей богатому милостиню даетъ ·
онъ шнего неберетъ
дворянинъ запрашился дома. сверетенолъ сидитъ
ажена его никопиуле снопьемъ стоитъ
осла мамила брилъ
№
176.

Посошковъ, самъ близкій къ крестьянской средѣ, то вполнѣ естественно, что среди дворянъ-землевладѣльцевъ подобнаго рода точка зрѣнія была широко распространена.

Тотъ же крестьянинъ-публицистъ является сторонникомъ суровыхъ, подчасъ даже жестокихъ мѣръ взысканія. Онъ рекомендуетъ помѣщикамъ давать крестьянамъ отдыхъ только въ воскресенье и праздничные дни, „а если какой крестьянинъ станетъ лежебочить, то бы таковыхъ жестоко наказывать, понеже коей крестьянинъ изгуляется, въ томъ уже пути не будетъ, но только уклонится въ разбой и во иныя воровства“. Однако, въ это время владѣльческіе крестьяне не представляли еще вполнѣ безправной массы: они отбывали государственныя повинности наравнѣ съ дворцовыми крестьянами, выбирали цѣловальниковъ и старостъ, вели судебныя дѣла отъ своего имени, подавали челобитныя въ надлежащія правительственныя учрежденія независимо отъ помѣщиковъ. По вмѣстѣ съ тѣмъ въ положеніи владѣльческихъ крестьянъ замѣчается немало рѣзкихъ противорѣчій. Являясь самъ нерѣдко владѣльцемъ крѣпостныхъ душъ, крестьянинъ принадлежалъ помѣщику, со всѣмъ своимъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, на правѣ полной собственности. Подлежа въ многихъ случаяхъ юрисдикціи своего владѣльца, крѣпостной

Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи. Съ портрета неизвѣстн. художника. (По гравюрѣ Де Лармессена 1685 г.).

крестьянинъ могъ въ то же время искать и отвѣчать за себя въ судѣ. Онъ могъ заключать договоры съ посторонними лицами и съ казною, а между тѣмъ имущество его не было обезпечено отъ барскаго произвола. Въ царствованіе Петра эти противорѣчія далеко не были сглажены. Соціальное законодательство эпохи реформъ то раздвигало рамки крестьянскихъ правъ, то изъ фискально-полицейскихъ соображеній усиливало власть и опеку землевладѣльцевъ надъ ихъ крѣпостными.

Подъ вліяніемъ все возраставшей потребности въ новомъ регулярномъ войскѣ, Петръ съ начала Сѣверной войны предпринимаетъ рядъ довольно рѣшительныхъ мѣръ. 31 марта 1700 года холопамъ и крестьянамъ разрѣшено было самимъ записываться въ военную службу. Въ солдаты не принимали только преступниковъ, которые этимъ путемъ хотѣли избавиться отъ наказанія, и крѣпостныхъ крестьянъ, которые бросали свои пашни съ цѣлью поступить въ солдаты.

Въ своей „гисторіи“ кн. Куракинъ говоритъ о первыхъ годахъ Сѣверной войны: тогда „сказана всякому чину воля, кто хочетъ въ солдаты итти, коли хочетъ, тогда поди, и многіе изъ домовъ шли“. Хотя помѣщикъ и могъ ходатайствовать о возвращеніи неправильно записаннаго въ солдаты крестьянина, однако, въ народѣ отъ этого времени сохранилось воспоминаніе, что записью въ солдаты можно избавиться отъ крѣпостного состоянія. Только послѣ Ништадтскаго мира въ 1721 году послѣдовало запрещеніе принимать въ военную службу крѣпостныхъ людей помимо согласія ихъ владѣльцевъ. Въ связи съ осуществляемой военной реформой Петръ началъ стирать вѣковую соціальную грань, отдѣлявшую крестьянъ отъ холоповъ. Въ 1705 и въ 1711 гг. велѣно было брать даточныхъ людей наряду съ крестьянами изъ холоповъ, какъ сидѣвшихъ отдѣльными дворами, такъ и жившихъ во дворѣ своихъ господъ. Съ введеніемъ же правильныхъ рекрутскихъ наборовъ для того, чтобы не пострадали финансовые интересы правительства, съ дворовыхъ людей, не сидѣвшихъ на пашнѣ и не платившихъ, такимъ образомъ, податей, стали брать вдвое, втрое и даже всемеро больше рекрутовъ, сравнительно съ крестьянами и задворными людьми.

Петръ, какъ извѣстно, держался меркантильной точки зрѣнія въ своей экономической политикѣ и считалъ поэтому главнымъ рычагомъ хозяйственнаго механизма въ странѣ торговлю и промышленность. Удѣляя много вниманія поднятію значенія городовъ, какъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ, правительство начала XVIII вѣка стремилось къ насажденію въ Россіи фабрично-заводской индустріи. Въ тѣсной связи съ этими мѣропріятіями Петра Великаго стоитъ рядъ узаконеній, сильно отразившихся на положеніи крестьянскаго сословія. Такъ, напримѣръ, указомъ 4 февраля 1714 г. разрѣшено было заниматься торговлей всѣмъ крестьянамъ безъ различія, подъ условіемъ уплаты ими и торговыхъ, и крестьянскихъ податей. Въ 1723 г.

крестьянамъ разрѣшено было приписываться къ посадамъ, уплачивая владѣльцу подушныя деньги, въ размѣрѣ 80 коп., и обычный крестьянскій оброкъ. „А которые прежде были въ посадахъ,—читаемъ въ томъ же указѣ,—а отданы помѣщикамъ, такихъ взять въ посады“. Такимъ образомъ, крестьянамъ предоставлялось право свободнаго выбора сферы хозяйственной дѣятельности. Но усиленно насаждая въ Россіи фабрично-заводскій индустріализмъ, Петръ стремился обезпечить молодую русскую промышленность даровымъ крѣпостнымъ трудомъ. Въ 1721 году фабриканты и заводчики не дворянскаго происхожденія получили право пріобрѣтать крѣпостныхъ людей, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы эти крестьяне числились не иначе, какъ при фабрикахъ и заводахъ. Такимъ образомъ возникъ новый разрядъ владѣльческихъ крестьянъ, который впослѣдствіи получилъ названіе поссессіонныхъ, чѣмъ количественно увеличилась крѣпостная масса.

Однако, новыя военныя и финансовыя повинности тяжело отражались на народно-хозяйственномъ организмѣ. Уже въ первые годы XVIII вѣка сталъ рѣзко проявляться громадный экономическій кризисъ. Крестьяне массами уходили на новыя мѣста, стараясь укрыться отъ государевыхъ податей и рекрутскихъ наборовъ. Бѣгство и бродяжничество населенія начинали пріобрѣтать хроническую форму. По словамъ одного изъ „доносителей“, крестьянина Ивана Филиппова, бѣгство населенія было явленіемъ повсемѣстнымъ. „И отъ правежа домокъ и отъ разныхъ комендантскихъ и приказныхъ людей налогъ, пишетъ онъ, изо многихъ селъ и деревень крестьянство разбрелось врознь, и тѣ села и деревни опустѣли и пришли въ сущее разореніе и умножилось разбоевъ и татьбы“. По переписнымъ книгамъ 1710 г. наибольшій процентъ пустоты замѣчается среди частновладѣльческихъ крестьянъ. Отъ этой пустоты страдали какъ мелкіе, такъ и крупные вотчинники. Въ 1712 г., напримѣръ, власти Троице-Сергіева монастыря жаловались Сенату: „Въ прошлыхъ годахъ бѣжали изъ монастырскихъ ихъ вотчинъ Переяславскаго, Ростовскаго, Суздальскаго и иныхъ уѣздовъ многіе крестьяне съ женами и дѣтьми и со всѣми крестьянскими животы, покиня свои тяглые дворы и жеребья впустѣ, а сбѣжавъ, живутъ въ Алатырскомъ уѣздѣ на покидныхъ мордовскихъ земляхъ“.

Бѣглецъ, какъ рабочій человѣкъ, за котораго не нужно вносить въ казну никакихъ сборовъ, говоритъ г. Ключковъ, былъ полезенъ и выгоденъ помѣщику, который, конечно, охотно, несмотря на рискъ и отвѣтственность за пріемъ бѣглаго, укрывалъ его у себя, а если не явно, то молчаливо позволялъ приказчику или старостѣ такихъ бѣглыхъ держать въ своей деревнѣ, даже поселяться имъ „своимъ дворомъ“ и жить „во крестьянствѣ“, пользуясь усадьбой, землей и, когда нужно, господской помощью и отбывая всѣ тѣ повинности, какія были положены на другихъ крестьянъ. Такъ, въ 1714 г. игуменъ Переяславль-Залѣсскаго Николаевскаго монастыря Питиримъ „за-

владѣлъ насильствомъ“—селомъ Керженцемъ и деревнями, принадлежавшими Макарьевскому Желтоводскому монастырю; и на ихъ земляхъ, пишутъ въ своей жалобѣ власти Макарьевскаго монастыря, „поселилъ села и многія деревни и починки, напринимавъ, невѣдомо откуда, чужихъ бѣглыхъ крестьянъ, по вѣдомости ихъ желтовскихъ монастырскихъ крестьянъ больше 1.000 дворовъ“.

Правительство боролось съ повальнымъ бѣгствомъ населенія изданіемъ ряда суровыхъ указовъ. За укрывательство бѣглыхъ въ 1704 г. велѣно было виновныхъ подвергать смертной казни. На основаніи новаго указа, изданнаго черезъ два года, у землевладѣльцевъ, уличенныхъ въ укрывательствѣ бѣглыхъ, конфисковалась половина имѣнія на государя, а другая половина отдавалась владѣльцамъ бѣжавшихъ крестьянъ. Особенно удачно, по свидѣтельству Посошкова, укрывались бѣглые въ понизовыхъ и украинныхъ мѣстахъ, гдѣ сплошь и рядомъ попадались крупныя частновладѣльческія села въ 300—400 и болѣе дворовъ. Поэтому въ 1709 г. велѣно было выселить всѣхъ бѣглыхъ изъ Малороссіи; аналогичные указы повторены были въ 1713, 1715 и 1720 гг., но помѣщики, какъ говорятъ современники, опасаясь розыска и наказанія за пріемъ бѣглыхъ, топили скрывавшихся у нихъ крестьянъ, чтобы не платить за нихъ штрафа. При производствѣ первой ревизіи помѣщики, принявшіе къ себѣ чужихъ крестьянъ и бобылей, должны были вернуть ихъ прежнимъ владѣльцамъ въ полуторогодичный срокъ, при чемъ на будущее время установленъ былъ штрафъ—100 руб. за каждую душу мужского пола и 50 руб. за душу женскаго пола. Но всѣ эти суровыя мѣры не помогали. При повѣркѣ переписи 1717 г. обнаружено было полтора милліона утаенныхъ душъ, а по первой ревизіи 1719—1727 гг. бѣглыхъ официально значилось 198.876 душъ.

Правительство издаетъ одинъ указъ грознѣе другого, дабы удержать рабочіе и податные элементы на ихъ прежнемъ мѣстѣ жительства. Но для всѣхъ было ясно, что такими мѣрами трудно было бороться съ повальнымъ бѣгствомъ и разореніемъ населенія. Бѣглыхъ укрывали преимущественно лица, власть имущія, борьба съ которыми была въ высшей степени затруднительна. По словамъ Посошкова, дѣйствующій законъ прямо „смѣху достоинъ“, такъ какъ онъ жестоко обрушивается лишь „на однихъ маломочныхъ“ и мирволитъ „сильнякамъ“ и „высокимъ персонамъ“, у которыхъ бѣглые живутъ, никого не боясь. Такъ, въ 1716 г. владѣлецъ села Студенца, Елецкаго уѣзда, кн. Г. И. Волконскій посылалъ въ сельцо Васильевское, принадлежащее его сосѣду, поручику И. Колюпанову, земскаго дьячка да съ нимъ крестьянъ человѣкъ съ пятьдесятъ, которые, какъ читаемъ въ жалобѣ потерпѣвшаго, въ его, Колюпанова, деревнѣ „взяли у него сильно безъ указа старинныхъ его крѣпостныхъ крестьянъ“ 4 человѣка съ женами, дѣтьми и родственниками съ ихъ „крестьянскими животы“ и, поселивъ въ с.

Студенцѣ, держатъ за собою. Конечно, бывали землевладѣльцы, строго слѣдившіе за тѣмъ, чтобы въ ихъ вотчинахъ не было чужихъ крѣпостныхъ. Въ 1713 г. А. В. Макаровъ далъ своему приказчику Конону Дубасову инструкцію, въ которой, между прочимъ, говорилось: „Бѣглыхъ солдатъ и другихъ никакихъ воровскихъ людей не держать, крестьянамъ безъ прикащичья вѣдома дня на два и на три, и больше—не отъѣзжать". Для борьбы съ повальнымъ бѣгствомъ такіе сторонники реформы, какъ Посошковъ, предлагали правительству осуществить рядъ мѣропріятій. Такъ, по его мнѣнію, всѣ бѣжавшіе за 50 лѣтъ должны быть возвращены на прежнія мѣста жительства въ теченіе одного года, послѣ чего за пріемъ бѣглыхъ слѣдуетъ назначить строжайшее наказаніе. По всѣмъ селеніямъ Посошковъ совѣтуетъ „установить сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ", которые имѣли бы неослабный надзоръ за своими подчиненными, чтобы тѣ безъ вѣдома ихъ „никуда никто ни ѣздили и ночной порой изъ домовъ своихъ не сходили бы". Всѣмъ этимъ нарядовымъ крестьянамъ слѣдуетъ строжайшимъ образомъ предписать, „чтобы они ни по какому образу никакого человѣка—ни бѣльца, ни черница, ни нищаго безъ таковаго отпуска не токмо почевать, но и погрѣться отнюдь не пускали, а кто понахалится, то тѣхъ бы хватали да къ суду отсылали".

Петръ Великій. Съ портр. неизвѣстн. художника. (По гравюрѣ 1717 г.).

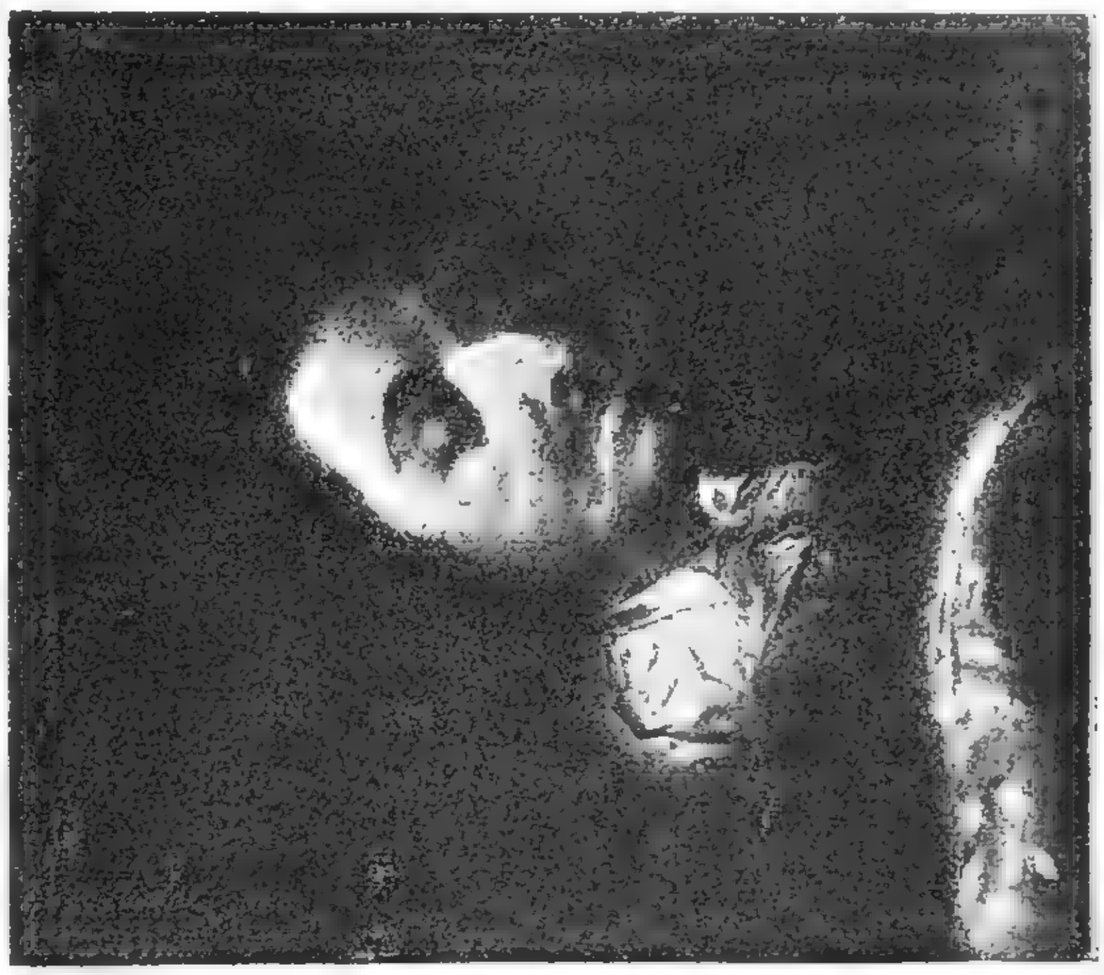
Но эти совѣты мало могли оказать вліянія, такъ какъ само правительство нерѣдко издавало указы, находящіеся въ полномъ противорѣчіи съ узаконеніями о непріемѣ бѣглыхъ: такъ, съ фабрикъ и заводовъ не велѣно было возвращать бѣглыхъ тѣмъ владѣльцамъ, за которыми они записаны по ревизіи, „дабы тѣхъ заводовъ не опустошить". Быть-можетъ, сами обстоятельства заставляли правительственную власть вступать на этотъ путь въ сознаніи полнаго своего безсилія побороть стихійныя массовыя явленія народной жизни. Подъ вліяніемъ колоссальной цифры бѣглыхъ, констатированной во время первой ревизіи

въ 1723 г., изданъ былъ указъ, которымъ повелѣвалось, чтобы всѣ бѣглые оставались на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ застанетъ ихъ этотъ указъ. Съ другой стороны, обнаруживая полную несостоятельность своей прежней фискально-полицейской политики, правительство въ 1724 г. запрещаетъ владѣльцамъ фабрикъ и заводовъ принимать къ себѣ чужихъ бѣглыхъ крестьянъ.

Если подъ давленіемъ насущныхъ военныхъ потребностей Петръ возлагалъ отбываніе рекрутской повинности и на крестьянъ, и на холоповъ, то тѣ же самыя соображенія государственной цѣлесообразности руководили имъ, когда онъ привлекалъ дворовыхъ и дѣловыхъ людей къ несенію подушной подати. Съ переходомъ отъ „дворового числа“ къ подушному обложенію исчезаетъ окончательно юридическая разница между крестьянами и холопами, которые съ этого времени, вмѣстѣ со всѣми разрядами податнаго населенія, отбываютъ натуральныя и денежныя государственныя повинности. Еще въ 80-хъ годахъ XVII вѣка занесены были въ податной окладъ задворные люди, ничѣмъ не отличавшіеся по своему хозяйственному положенію отъ крестьянъ и бобылей. По мѣрѣ того, какъ производилась первая ревизія, исчезали податныя льготы и остальныхъ разрядовъ холопьяго населенія, т.-е. дѣловыхъ и дворовыхъ людей. Въ 1719 г. указомъ 22 января дѣловые люди, которые пахали на своихъ помѣщиковъ, но своей пашни не имѣли, заносились въ сказки особою статьею, только „для вѣдома“; затѣмъ деревенскихъ холоповъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, которые пахали только на господина, тоже велѣно было „класть въ расположеніе“. Наконецъ, 19 января 1723 г. послѣдовала собственноручная резолюція Петра о холопахъ: „писать всѣхъ и служащихъ, какъ крестьянъ, и положить въ поборъ“. Этой резолюціей уничтожалось древне-русское холопство, какъ юридическое состояніе, и все сельское населеніе владѣльческихъ земель сливалось въ одну крѣпостную массу несвободныхъ, но не теряющихъ, однако, своей связи съ государствомъ. Такъ завершился тотъ процессъ сближенія крестьянъ съ холопами, который сталъ намѣчаться еще до Петра, когда въ 1681 г. владѣльцамъ было повелѣно записывать за собой крестьянъ по сдѣлочнымъ записямъ въ Приказѣ холопьяго суда, а въ слѣдующемъ 1682 г.—брать съ нихъ тѣ самыя пошлины, какія взимались съ записи холопьихъ кабалъ.

Превращая холоповъ въ государственныхъ тяглецовъ, первая ревизія раздвигала вмѣстѣ съ тѣмъ рамки крѣпостного населенія Россіи. Она включила въ составъ плательщиковъ подушной подати такъ называемыхъ „гуляющихъ людей“ и дѣтей церковно- и священнослужителей. По указу 1721 г. вносились въ ревизскую сказку дѣти священнослужителей, не состоящія на дѣйствительной службѣ, а также оказавшіеся излишними церковнослужители и ихъ дѣти, при чемъ они записывались крѣпостными людьми за тѣми владѣльцами, на земляхъ которыхъ жили въ моментъ составленія пе-

реписи. Если же церковный погостъ былъ расположенъ особо, не въ чьей-нибудь вотчинѣ, то они могли приписываться къ любому владѣльцу по своему выбору. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ 1722 г. всѣ негодные для военной службы „гулящіе люди“ должны были приписаться къ податному состоянію: къ посадскимъ людямъ, къ государственнымъ крестьянамъ или къ помѣщичьимъ крѣпостнымъ. Такимъ образомъ уничтожался классъ вольныхъ людей потому, что „отъ таковыхъ, которые шатаются безъ службъ, государственной пользы надѣятися не можно, но токмо умножается воровство“. Петръ думалъ о своей казнѣ, а не о народной свободѣ, искалъ не гражданъ, а тяглецовъ, и подушная перепись дала ему не одну сотню тысячъ тяглецовъ, хотя съ большимъ ущербомъ для права и справедливости. Всякихъ чиновъ людямъ разрѣшалось записывать за собой вольныхъ людей, не принятыхъ въ военную службу. Этимъ какъ бы увеличивался контингентъ тѣхъ лицъ, которыя имѣли право владѣть крѣпостными. Всѣ т. н. разночинцы, а также духовныя лица, купцы и горожане стали смотрѣть на своихъ слугъ, какъ на крѣпостныхъ, записывая ихъ за собою. Сенатскимъ указомъ 11 января 1725 г. существенно ограничена была свобода и для крестьянъ-половниковъ поморскихъ уѣздовъ; они должны были вноситься въ ревизскія сказки за владѣльцами, на земляхъ которыхъ сидѣли, и имѣли право переходить отъ одного владѣльца къ другому голько съ предварительнаго согласія своихъ хозяевъ и съ разрѣшенія земскаго и полкового комиссаровъ, вѣдавшихъ сборъ подушной подати.



Петръ Великій въ гробу. Московскій Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.

Въ періодъ 1718—1727 гг., когда производилась ревизія, опредѣлился окончательно составъ крѣпостного населенія. По словамъ А. С. Лаппо-Данилевскаго, записка „души“ въ ревизскую сказку того времени имѣла гораздо болѣе важныя послѣдствія, чѣмъ простое привлеченіе лица, записаннаго въ нее, къ уплатѣ податей. Смѣшавъ въ одну крѣпостную массу крестьянъ и холоповъ, включивъ въ нее бывшихъ гулящихъ людей и нѣкоторые разряды священно- и церковнослужителей, правительство указами о первой

ревизіи способствовало усиленію помѣщичьей власти и умаленію правъ крѣпостного крестьянства. Теперь уже односторонняя воля владѣльца опредѣляла принадлежность къ крѣпостному состоянію путемъ внесенія лица въ ревизскую сказку. Правда, разрѣшалось вчинять искъ объ утраченной свободѣ, но если судебное мѣсто признавало жалобу не подлежащей удовлетворенію, то челобитчика подвергали суровому тѣлесному наказанію за своевольство. Измѣняя юридическое основаніе крѣпостной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ, первая ревизія вносила довольно существенныя перемѣны и въ хозяйственное положеніе русской деревни. Однимъ изъ ея слѣдствій является общинное землепользованіе, такъ какъ покупныя угодья начали передѣляться по ревизскимъ душамъ, а самые передѣлы пріурочивались къ подушнымъ переписямъ, производившимся обыкновенно черезъ двадцатилѣтній промежутокъ времени. Съ другой стороны, послѣ того, какъ подать была оторвана отъ земли и перенесена была на рабочій трудъ, у крестьянъ явилось побужденіе расширять площадь своей запашки. Въ концѣ царствованія Петра, Посошковъ, какъ о чемъ-то идеальномъ, мечталъ о томъ, чтобы полный крестьянскій дворъ пахалъ не менѣе 6 десятинъ во всѣхъ трехъ поляхъ, а въ исходѣ XVIII ст. крестьяне пахали обыкновено по 10 десятинъ на дворъ и даже болѣе.

Хотя приписка къ лицу владѣльца преслѣдовала цѣли податной исправности, а не закрѣпощенія, однако, нѣкоторыя выраженія указовъ о ревизіи: „тому вотчиннику владѣть ими“ или „владѣть ими вѣчно“ вполнѣ опредѣленно говорятъ о связанномъ съ податной отвѣтственностью правѣ владѣнія. Наряду съ податной отвѣтственностью законодательствомъ Петра на помѣщика возложена была забота о сохраненіи порядка въ деревнѣ. Еще въ 1713 г. было постановлено по жалобѣ помѣщика наказывать кнутомъ крестьянъ, возмущавшихся противъ его власти. Расширенію помѣщичьихъ правъ косвенно способствовалъ законъ объ единонаслѣдіи 1714 г., которымъ крестьяне бывшихъ помѣстныхъ земель сливались въ одну массу съ крестьянами земель вотчинныхъ, при чемъ и тѣ, и другіе получили названіе подданныхъ своихъ владѣльцевъ. Съ тѣхъ поръ, какъ подать была оторвана отъ земли и перенесена на душу, владѣльцы могли распоряжаться землей, какъ имъ было угодно, нарѣзая крестьянамъ надѣлы по своему желанію или даже отводя всю землю подъ свою личную запашку, снабжая крестьянъ пропитаніемъ и одеждой. Одновременно съ этимъ гражданскія права владѣльческихъ крестьянъ замѣтно уменьшаются. Въ 1704 г. крестьянамъ, приписаннымъ къ церквамъ и монастырямъ, запрещено было, безъ согласія соотвѣтственныхъ духовныхъ властей, вступать въ казенные подряды. Съ 1707 г. всѣ вообще крестьяне лишены были права брать на откупъ разные сборы ратушскаго владѣнія. Съ 1722 г. крестьяне, отправляющіеся въ городъ для подрядовъ, должны были запастись отъ владѣльцевъ особымъ

свидѣтельствомъ о своемъ имущественномъ достаткѣ. Наконецъ, плакатомъ 1724 г. вводились паспорта или письменные виды на срокъ за подписью владѣльца, безъ которыхъ крестьяне никуда не могли отлучиться. Въ имущественномъ отношеніи крѣпостной вовсе не былъ обезпеченъ отъ посягательствъ со стороны господина. Однако, за крестьянами оставлено было право заниматься различными промыслами, имѣть собственные заводы и торговыя предпріятія, состоя по нимъ въ посадскомъ тяглѣ. Иногда въ глазахъ правительства крестьяне слпвались въ одно цѣлое съ имуществомъ помѣщика: въ 1717 г. велѣно было взыскивать на крестьянахъ излишнее жалованье, забранное ихъ господами-чиновниками.

Въ концѣ царствованія Петра Великаго въ деревнѣ вырабатывается типъ помѣщика - самовластца, столь характерный для русскаго общества XVIII в. Нерѣдко въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ помѣщикъ въ своемъ имѣніи упорно не выполняетъ требованій правительства, господствуя съ полнымъ произволомъ надъ своими крѣпостными крестьянами и открыто возставая, при помощи этого господства, противъ общественной власти. Правительство фактически было безсильно положить предѣлы барскому самоуправству и произволу. На большихъ дорогахъ попадались нерѣдко цѣлыя шайки разбойниковъ, грабившихъ и разбивавшихъ проѣзжающихъ подъ предводительствомъ своихъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ, въ исходѣ царствованія Петра были налицо всѣ элементы крѣпостной неволи, которая стала такъ быстро развиваться въ теченіе XVIII в.

Царевна Екатерина Іоанновна.
Романовская галлерея.

Усиливая тяжесть крѣпостного состоянія, Петръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлалъ рядъ попытокъ смягчить произволъ господъ по отношенію къ ихъ крестьянамъ и дворовымъ людямъ. Еще въ 1722 г. Синоду было велѣно вѣдать дѣла „о бракахъ въ рабахъ по принужденію господъ, безъ произволенія сочетанныхъ“, а два года спустя послѣдовало формальное запрещеніе владѣльцамъ насильственно выдавать замужъ и женить своихъ крѣпостныхъ. Въ огражденіе личности крестьянина законодательство эпохи Петра воспретило владѣльцамъ выставлять своихъ крѣпостныхъ въ судебныхъ мѣстахъ къ присягѣ вмѣсто себя и подвергать ихъ правежу за господскіе долги.

Желая какъ можно скорѣе ликвидировать послѣдствія громаднаго хозяйственнаго кризиса, обнаруживавшагося въ связи съ разореніемъ страны, Петръ предпринимаетъ рядъ мѣръ противъ жестокихъ и разорительныхъ помѣщиковъ. Однимъ изъ мотивовъ къ изданію закона объ единонаслѣдіи было то соображеніе, что „одинъ наслѣдникъ можетъ лучше льготить подданныхъ, а не разорять“. Дѣла о пустотѣ и разореніи обязаны были возбуждать земскіе комиссары и воеводы, выяснивъ предварительно путемъ обыска, „отчего оная пустота явилась и не было ли тѣмъ крестьянамъ отъ помѣщиковъ какого наглаго разоренія“. Что касается помѣщиковъ-разорителей, то они, на основаніи воеводскаго наказа 1719 г., отдавались подъ началъ, а имѣнья ихъ, до исправленія, передавались родственникамъ или свойственникамъ. Конечно, всѣ эти узаконенія вытекали изъ побужденія чисто финансоваго характера, но они, тѣмъ не менѣе, вносили лучъ свѣта въ темное царство деревенскаго произвола. Тѣми же фискально-полицейскими соображеніями отличаются и другія мѣропріятія Петра по крестьянскому вопросу. Такъ, помѣщикамъ вмѣнено было въ обязанность, подъ опасеніемъ денежнаго штрафа, прокармливать своихъ неработоспособныхъ крѣпостныхъ, а въ голодные годы, во избѣжаніе бродяжничества населенія, владѣльцы должны были снабжать необходимымъ продовольствіемъ всѣхъ своихъ крестьянъ и дворовыхъ. Преобразователемъ затронутъ былъ и самый больной вопросъ русской жизни XVIII в., а именно, розничная продажа крѣпостныхъ, „какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится... отъ чего немалый вопль бываетъ“. Довольно рѣшительно онъ высказалъ свою волю по данному вопросу въ перепискѣ съ Сенатомъ въ 1721 г.: „оную продажу людемъ пресѣчь, а ежели невозможно того будетъ вовсе пресѣчь, то бы хоть по нуждѣ и продавали цѣлыми фамиліями и семьями, а не порознь“. Однако, это желаніе государя не получило силы закона. Отъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Петра дошло иноземное извѣстіе, что царю не разъ совѣтовали отмѣнить рабство, пробудить, ободрить большинство своихъ подданныхъ дарованіемъ имъ умѣренной свободы, но царь, въ виду дикой натуры русскихъ и того, что безъ принужденія ихъ ни къ чему не приведешь, отвергалъ эти совѣты.

Однако, въ защиту угнетенной крестьянской массы начинали въ это время раздаваться голоса изъ общества. Такъ, напр., Посошковъ, самъ крестьянинъ по происхожденію, высказывался за составленіе „расположенія указнаго для опредѣленія высоты оброка и продолжительности барщины“. „Для опредѣленія всякихъ крестьянскихъ поборовъ такъ, чтобы крестьянству было не тягостно“, онъ проектировалъ совѣщаніе „высокихъ господъ и мелкихъ дворянъ“, постановленія котораго должны были утверждаться государемъ. Судьямъ же слѣдуетъ вмѣнить въ обязанность „смотрѣть, чтобы помѣщики на крестьянъ излишняго сверхъ указу ничего не накладывали и въ нищету бы ихъ не приводили“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Посошковъ предлагаетъ

обезпечить хозяйственные интересы крестьянъ отъ притязаній со стороны ихъ господъ. Онъ проектируетъ отдѣленіе крестьянскихъ земель отъ помѣщичьихъ: „на каждый крестьянскій дворъ слѣдуетъ, по его мнѣнію, отвести усадебной земли отъ 600 до 720 кв. саж., а пахатной земли 6 десятинъ въ трехъ поляхъ при 1 десятинѣ сѣнокоса“. Хотя крестьянинъ могъ владѣть и меньшимъ количествомъ земли въ зависимости отъ того, „могутенъ“ ли онъ „семьянистъ и лошадистъ“ или „убогъ и маломоченъ“. Но особенно важно отмѣтить, что уже въ то время въ общественномъ сознаніи зарождалась мысль о недолговѣчности крѣпостного права. Въ своей книгѣ „О скудости и богатствѣ“ Посошковъ весьма ярко формулировалъ этотъ взглядъ: „Крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы; того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямой ихъ владѣтель всероссійскій самодержецъ, а они владѣютъ временно. И того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ разорять, но надлежитъ ихъ царскимъ указомъ хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство — богатство царственное“.

Но эти эмансипаціонныя мечты были далеки отъ суровыхъ условій окружающей русской дѣйствительности. Крѣпостной строй желѣзнымъ обручемъ сковывалъ и верхъ, и низъ русскаго общества. Агрессивная внѣшняя политика въ связи съ глубокимъ финансовымъ кризисомъ являлась основнымъ условіемъ закрѣпощенія всѣхъ сословныхъ группъ на служеніе государству.

Такимъ образомъ бурная реформаціонная эпоха начала XVIII в. оставила глубокій слѣдъ въ исторіи русскаго общества. Однако, доводя до наивысшаго напряженія принципъ всеобщаго закрѣпощенія, эта эпоха логически вызывала въ общественномъ сознаніи стремленіе сбросить съ своихъ плечъ невыносимое бремя обязательныхъ службъ и повинностей. Жажда воли и свободы одинаково проявляется и въ дворянской, и въ крестьянской средѣ. Съ конца царствованія Петра, съ момента, когда завершился, наконецъ, періодъ нескончаемыхъ войнъ, зарождается новый процессъ въ нѣдрахъ русскаго общества: государевы холопы всѣми силами стараются превратиться въ привилегированныхъ землевладѣльцевъ, а ихъ крѣпостные подданные—сбросить съ себя барское иго. Въ соціальномъ строѣ Россіи начинается процессъ сословнаго раскрѣпощенія.

В. Бочкаревъ.

Преобразованіе управленія при Петрѣ Великомъ.

I.

Чрезвычайно трудно представить себѣ въ систематическомъ видѣ преобразовательную дѣятельность Петра въ области управленія, потому что именно въ ней менѣе всего законодателю приходилось придерживаться опредѣленной системы.

Чтобы понять смыслъ и движущую силу его начинаній въ этой области, поражающихъ своимъ обиліемъ и разносторонностью не менѣе, чѣмъ безсистемностью, и взаимными противорѣчіями, нужно не упускать изъ виду, что для Петра реформа управленія не была самодовлѣющей цѣлью, а только однимъ изъ средствъ достиженія насущныхъ потребностей минуты. Наилучшимъ способомъ управленія считался такой, при помощи котораго государству можно было извлечь изъ населенія наибольшее количество силъ и средствъ, не считаясь съ его благосостояніемъ, „понеже деньги суть артеріею воїны“, а воїна, какъ извѣстно, была незакрывающеюся раною царствованія Петра. Для этой цѣли правительство Петра шло на всякое измѣненіе въ области управленія, частичнаго или общаго характера, лишь бы его цѣною можно было отсрочить неминуемый дефицитъ, удовлетворить сверхбюджетный расходъ по арміи и флоту и т. п.

Вслѣдствіе этого нельзя указать ни одного года или періода въ царствованіе Петра, про который можно было бы сказать, что строй управленія этого года былъ самымъ типичнымъ выраженіемъ преобразованій Петра въ этой области. Не успѣвало войти въ жизнь одно преобразованіе, какъ черезъ четыре-пять лѣтъ оно замѣнялось другимъ или измѣнялось въ своемъ значеніи вслѣдствіе перемѣнъ въ соприкасающихся учрежденіяхъ, связанныхъ съ даннымъ въ томъ или иномъ отношеніи. Иногда эти перемѣны вводились безъ предварительнаго уясненія ихъ связи съ общимъ строемъ дѣйствующихъ учрежденій. Согласованіе и приспособленіе начинались только тогда, когда обнаруживалось слишкомъ замѣтное треніе въ ходѣ административной машины отъ необдуманно введенныхъ въ нее частей, при чемъ подобное несоотвѣтствіе частей цѣлому замѣчалось только тогда, когда отсутствіе стройности управленія приводило къ ущербу фискальныхъ интересовъ. Впрочемъ, степень зависимости Петровскихъ преобразованій въ области управленія только отъ фискальныхъ интересовъ была неодинакова въ разные періоды царствованія Петра. Въ этомъ отношеніи рѣзко различаются два періода преобразованій Петра: приблизительно первыя пятнадцать лѣтъ XVIII в. и 2) послѣднія десять лѣтъ царствованія Петра (1715—1725 г.г.).

Отмѣченныя отрицательныя стороны преобразованія особенно проявляются въ первомъ изъ указанныхъ періодовъ и замѣтно уступаютъ свое мѣсто положительнымъ пріемамъ преобразовательнаго творчества во второмъ періодѣ. Оно и понятно. Лихорадочная форма веденія войны послѣ Нарвскаго пораженія, когда требовалось чрезвычайное напряженіе силъ и средствъ Россіи для защиты отъ могущественнаго врага, когда подготовка къ рѣшительной встрѣчѣ съ страшнымъ непріятелемъ поглощала все вниманіе Петра и его сотрудниковъ, не давала времени Петру сосредоточиться на пересмотрѣ и организаціи управленія, на спокойномъ обсужденіи учрежденій, отвѣчающихъ назрѣвшимъ потребностямъ государственной и народной жизни. Въ это горячее время Петру приходилось не законодательствовать, а отмахиваться временными мѣрами отъ назойливыхъ запросовъ дѣйствительности, изо дня въ день пробавляясь первыми попавшимися подъ руку средствами, извлеченными изъ архивовъ приказной практики или новеллами, созданными ad hoc. Подъ давленіемъ обстоятельствъ было не до обдуманнаго созданія новой, болѣе пригодной правительственной машины: ограничивались по инерціи нажиманіемъ на сильные испробованные винты старой, то сосредоточивая всю силу правительственной дѣятельности въ центрѣ, то перенося ее въ немногія точки областной периферіи, и, выжавши такими экстенсивными пріемами все, что можно было выжать изъ наличнаго состоянія народныхъ силъ и средствъ, нажимали на новыя еще не разбитыя части машины, пока не привели въ негодность всю систему унаслѣдованнаго отъ XVII в. управленія и не довели народныхъ силъ и средствъ до грознаго кризиса.

Нѣсколько иныя условія для реформы создались въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Петра. Борьба съ Швеціей опредѣленно склонилась въ пользу Россіи. Вопросъ стоялъ теперь не о существованіи, а о болѣе выгодныхъ формахъ ликвидаціи тяжелой войны за счетъ врага. Запросы минуты не были столь остры, иниціатива военныхъ дѣйствій была въ рукахъ Петра, и отъ него зависѣло удѣлить время не только на обдумываніе способовъ удовлетворенія запросовъ дня, но и на болѣе обстоятельное и неторопливое обсужденіе общихъ вопросовъ внутренней жизни Россіи.

Теперь Петръ чаще бываетъ въ своихъ столицахъ и больше засиживается въ нихъ, удѣляя значительную долю вниманія вопросамъ управленія, подбирая матеріалъ и дѣльцовъ для работы въ этой области и лично вникая въ ходъ и суть дѣла. Въ эту же сторону толкали Петра обнаружившіеся печальные результаты экстенсивнаго управленія прошедшихъ лѣтъ: выяснилась необходимость болѣе бережнаго обращенія съ тѣмъ матеріаломъ, изъ котораго было выжато механическимъ прессомъ предшествующаго времени болѣе, чѣмъ это могло пройти безнаказаннымъ для платежныхъ силъ народа: горькимъ опытомъ пріобрѣтается пониманіе связи фискальныхъ интересовъ съ народнымъ благосостояніемъ, не безъ вліянія, впрочемъ, засыпавшихъ Петра проектовъ реформы, проникнутыхъ духомъ западнаго меркантилизма; эти же проекты знакомятъ Петра съ западными системами управленія, вводя его въ пониманіе принципіальной стороны вопроса и давая разработанные планы реформы управленія въ ея стройномъ и цѣльномъ объемѣ. Это было какъ разъ во-время, такъ какъ въ доморощенныхъ, сбитыхъ при Петрѣ на скорую руку учрежденіяхъ обнаружились дефекты и пробѣлы, дѣлавшіе непригодною всю систему управленія. Все это вмѣстѣ взятое привело Петра къ возведенію грандіознаго зданія управленія на новыхъ началахъ, по западному образцу, оказавшагося, впрочемъ, слишкомъ тяжелымъ для фундамента и ставшаго давать трещины уже при своемъ возведеніи, отчасти по неумѣнью строителей приспособить иноземные чертежи къ „ситуаціи сего государства“.

Въ предѣлахъ очерченныхъ общихъ рамокъ мы и разсмотримъ преобразованіе управленія въ отмѣченные два періода царствованія Петра [1]).

II.

Административная реформа началась съ созданія въ 1699 г. особаго вѣдомства городовъ съ Московскою Ратушею во главѣ. Указами отъ 20 октября и 3 ноября приказано было городское купечество и уѣздное

[1]) Вопросъ о преобразованіи управленія при Петрѣ разработанъ въ выдающихся трудахъ: Мрочекъ-Дроздовскаго. „Областное управленіе Россіи XVIII в.“; Милюкова: „Государственное хозяйство въ Россіи въ первой четверти XVIII ст.“; Петровскаго. „О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго“; Богословскаго. „Областная реформа Петра Великаго“; Дитятина. „Устройство управленія городовъ въ Россіи“; Градовскаго. „Высшая администрація и генералъ-прокуроры“ и др.

населеніе поморскихъ городовъ „вѣдать не воеводамъ, а выборнымъ бурмистрамъ“. Этимъ выборнымъ властямъ предоставлено было право вѣдать населеніе судомъ, расправою и казенными повинностями. Съ учрежденіемъ этого самоуправленія власть воеводъ въ городахъ и въ Поморьѣ сама-собою уничтожалась. И самая реформа въ официальныхъ актахъ представлялась, какъ „милость и призрѣніе“ царя къ подданнымъ, что они... будутъ свобожены... отъ обидъ, и налогъ, и поборовъ, и взятокъ“ воеводскихъ: точь въ точь, какъ при введеніи земскаго самоуправленія при Грозномъ. Реформа, какъ видимъ, имѣвшая антецеденты въ прошломъ. Новаго въ ней было, кромѣ терминологіи, то, что эти самоуправляющіеся міры были объединены подчиненіемъ и отчетностью центральному, тоже выборному столичнымъ купечествомъ органу, Московской Ратушѣ. Въ ея вѣдомствѣ сосредоточился теперь не только общій надзоръ за дѣйствіями выборнаго самоуправленія, но и главныя поступленія государственныхъ доходовъ съ городовъ, которые были поставщиками важнѣйшихъ прямыхъ и почти всѣхъ косвенныхъ доходовъ. Эта сторона реформы не только упразднила воеводскую власть въ провинціи, но и нанесла сильный ударъ старому приказному строю. Дѣло въ томъ, что до учрежденія Ратуши упомянутые доходы поступали, главнымъ образомъ, въ областные приказы (Чети, Казанскій, Новгородскій и др.) и въ Приказъ Большой казны, который въ 1680 г. стянулъ въ своемъ вѣдомствѣ косвенные доходы, изъятые изъ четей такъ же, какъ теперь Ратуша въ свой чередъ стянула ихъ къ себѣ изъ вѣдомства Большой казны и другихъ приказовъ финансоваго характера. Въ результатѣ одни приказы совсѣмъ упраздняются (чети); остальные, имѣвшіе, кромѣ финансоваго, другое назначеніе (военное, дипломатическое) теряютъ свое финансовое значеніе и, въ большинствѣ случаевъ, начинаютъ содержаться изъ средствъ Ратуши, которая превращается такимъ образомъ въ центральную государственную кассу, куда стекается около половины всѣхъ государственныхъ доходовъ (1. 302. 016 р.—около 20 милл. рублей на наши деньги). Ратуша, впрочемъ, не только пассивная касса; на ея обязанность была возложена забота о „приборѣ“, объ отысканіи новыхъ доходовъ казнѣ, что она и дѣлала, особенно подъ руководствомъ поставленнаго надъ ней знаменитаго „прибыльщика“ Курбатова, который въ черные дни своей жизни напоминалъ Петру о своихъ заслугахъ, говоря, что „усерднымъ своимъ радѣніемъ въ шесть лѣтъ въ Ратушѣ учинилъ приборовъ передъ прежнимъ бургомистерскимъ правленіемъ близъ полутора милліона“. Но доходы и „приборы“ Ратуши стали быстро поглощаться шведскою войною; для удовлетворенія ея требованій отчасти вновь создаются, отчасти преобразуются приказы съ новымъ значеніемъ (Военный, Адмиралтейскій, Военный морской, Преображенскій, Оружейная палата), которые всею тяжестью своей дѣятельности ложатся на кассу Ратуши. Достаточно сказать, что только Военному

и Преображенскому приказамъ, по окладу 1703—1706 г., Ратуша должна была выплачивать отъ 698 до 998 тысячъ рублей, чтобы понять, что дѣятельность Ратуши не могла удовлетворять потребностямъ войны: скоро ея ежегодные расходы стали превышать сумму поступленій въ ея кассу.

Курбатовъ въ 1709 г. жалуется уже на непреодолимые тормозы дѣятельности Ратуши: „Истинно, государь, оклады ратушскіе растащены врозь“, а потому Ратуша „не только своими годовыми доходами, но и собранными недоимками прошлыхъ лѣтъ не можетъ покрывать возложенныхъ на нее дачъ“. Петру нечего было больше ждать отъ Ратуши, и онъ ищетъ новыхъ источниковъ дохода, создавая для ихъ организаціи новыя вѣдомства, своимъ существованіемъ тормозившія или совсѣмъ упразднявшія старыя учрежденія. Такова Ижорская канцелярія, которой поручено было пересмотрѣть доходность государственныхъ угодій и увеличить количество поступавшихъ съ нихъ оброковъ, при чемъ поступленіе оброковъ, раньше распредѣлявшееся между нѣкоторыми старыми приказами, должно было сосредоточиться въ этой канцеляріи, что наносило рѣшительный ударъ старымъ приказамъ, терявшимъ вмѣстѣ съ доходами и всякій жизненный смыслъ. Съ другой стороны, доходы Ижорской канцеляріи составили самостоятельную, въ личномъ распоряженіи государя состоявшую кассу, поступленія и расходы которой не входили въ общую смѣту государственнаго бюджета.

Но эти и другія преобразованія, связанныя съ финансовыми операціями, не приводили бюджетъ прихода и расхода въ равновѣсіе, и въ смѣтѣ на 1710 г. уже обозначился крупный по тому времени дефицитъ въ полмилліона рублей. Хлопоты Петра о займѣ за границей не удались: Россія не имѣла еще на западѣ кредита. Для предотвращенія кризиса пришлось прибѣгнуть къ отчаянному средству: возложить на областные районы непосредственное удовлетвореніе насущныхъ потребностей государства, минуя передаточныя центральныя учрежденія и пріостанавливая на неопредѣленное время удовлетвореніе мѣстныхъ расходовъ. Это былъ логическій выводъ изъ неудачныхъ результатовъ первой административно-финансовой реформы Петра и палліативной поправкой къ ней. Концентрація и централизація управленія оказались недостаточно гибкими предъ запросами жизни и довольно дорогими для плательщика. Эту мысль и высказываетъ Петръ въ отвѣтъ Курбатову, предостерегавшему объ опасности „разнаго правленія“: „Господинъ Курбатовъ, письмо твое намъ вручено, а что напоминаешь, что въ разныхъ рукахъ не будетъ лучше, о томъ уже мы довольно разсуждали и нынѣшняго порядка не нашли хуже, (при которомъ) каждому курчанину близь двадцати отписей (т.-е. квитанцій въ уплатѣ податей въ разныя мѣста) надлежитъ взять, хотя по полушкѣ, итого 5 коп. Къ тому же,—говоритъ далѣе Петръ въ пользу сосредоточенія управленія на мѣстахъ, — человѣку трудно за очи все разумѣть и править“.

Невревъ. Допросъ княжны Юсуповой.

(Третьяковская галлерея.)

Новгород. — Вопрос книжной торговли. (Типографская таблетка.)

У Петра было и другое важное побужденіе перенести центръ тяжести управленія изъ центра въ области. Полтавская побѣда дала надежду на скорое окончаніе войны. Это обстоятельство возбуждало вопросъ о расквартированіи и содержаніи арміи, ставшей постоянною. Отчасти подъ вліяніемъ шведскихъ порядковъ, Петръ пришелъ къ мысли распредѣлить полки по областямъ и превратить каждую область въ непосредственный источникъ содержанія расквартированныхъ въ ея предѣлахъ полковъ.

Если въ эту сторону толкали Петра непреодолимыя обстоятельства, то, съ другой стороны, не было задерживающихъ препятствій къ переносу силы управленія въ областные центры губерніи: скорѣе многое благопріятствовало этому. Въ самомъ дѣлѣ, центральныя учрежденія могли быть дѣеспособны только въ присутствіи высшей власти, ихъ направляющей; но Петръ большую часть времени двигался по окраинамъ и областямъ, рѣдкимъ гостемъ заѣзжая въ столицу, да и столицы то въ это время опредѣленной еще не было. Съ другой стороны, въ практикѣ московскаго управленія было изстариннымъ фактомъ управленіе крупною областью въ областномъ приказѣ, который, находясь въ столицѣ, сосредоточивалъ въ своемъ вѣдомствѣ управленіе всѣми сторонами жизни даннаго района. Таковы приказы: Казанскій, Сибирскій и др. Простого перенесенія этихъ приказовъ изъ общегосударственнаго центра въ центръ данной области было бы достаточно, чтобы осуществить мысль Петра объ устройствѣ губерній, какъ областныхъ центровъ управленія. Кромѣ того, послѣдней четверти XVII в. были знакомы и крупныя правительственныя образованія въ области съ военно-финансовою компетенціей: я разумѣю „разряды“, крупные военные округа на окраинахъ, съ обширною воеводскою властью надъ всѣми входившими въ разрядъ уѣздами. Наконецъ, еще задолго до учрежденія губерній, бурныя явленія Петровской поры вызвали рядъ экстренныхъ мѣръ и порученій, объединявшихъ крупные районы въ цѣлую областную организацію на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Таково возникновеніе воронежско-азовскаго вѣдомства въ связи съ постройкой флота и азовской гавани; образованіе „губерніи“ Меншикова изъ отнятыхъ у шведовъ областей; расширеніе власти смоленскаго воеводы въ виду грозящаго вторженія Карла XII и т. п. Можно сказать, такимъ образомъ, что Петръ шелъ по проторенному пути, когда указомъ 18 декабря 1707 г. приказалъ боярамъ расписать города къ Кіеву, Смоленску и другимъ областнымъ центрамъ, и 341 городъ былъ подѣленъ между 8 губерніями,—Московской, Ингерманландской, Кіевской, Архангелогородской, Смоленской, Казанской, Сибирской и Азовской, изъ которой въ 1711 г. была выдѣлена еще девятая Воронежская губернія; администраціи каждой губерніи, во главѣ съ губернаторомъ, поручалось „вѣдать тѣ города всякимъ управленіемъ, а именно: судомъ, расправою и въ прочемъ, въ чемъ прежде сего вѣдомы тѣ города были на Москвѣ во

всѣхъ приказѣхъ". Такимъ образомъ, компетенція губернскихъ властей уравнивается съ компетенціей приказовъ: не даромъ такіе приказы, какъ Сибирскій, Казанскій, переводятся въ области, а Московская Ратуша, Ямской приказъ и др. становятся изъ общегосударственныхъ только губернскими учрежденіями.

Съ организаціей губернскаго управленія на губернію накладывается довольно сложная административная сѣть учрежденій. Губернаторы въ большинствѣ случаевъ были очень видные сотрудники Петра и часто отвлекались отъ управленія губерніей посторонними важными дѣлами. Поэтому уже въ 1709 году въ помощь губернаторамъ назначаются ландрихтеры, вначалѣ съ чисто судебной компетенціей, представляя изъ себя высшую судебную инстанцію въ губерніи; но потомъ на нихъ же взваливается обязанность составленія новыхъ переписныхъ книгъ губерніи. Впослѣдствіи рядомъ съ губернаторомъ появляется въ качествѣ его ближайшаго помощника вице-губернаторъ; при чемъ такой, напр., вице-губернаторъ, какъ Курбатовъ, игралъ въ управленіи своей губерніи далеко не вторую роль.

Но Петровскія губерніи были слишкомъ велики по объему, чтобы управленіе ими могло ограничиться одной губернской администраціей; при дѣленіи губерніи на болѣе дробные административные округа Преобразователь воспользовался отчасти старыми учрежденіями.

Введеніе бурмистерскаго управленія въ 1699 г. вытѣснило воеводъ изъ городовъ и поморскихъ уѣздовъ; но воеводы остались въ качествѣ администраторовъ въ уѣздѣ, управляя, главнымъ образомъ, военнымъ служилымъ сословіемъ. Правда, въ помощь воеводъ, и отчасти для контроля надъ ними, въ 1702 г. было указано дворянству каждаго уѣзда выбрать отъ 2 до 4 „добрыхъ и знатныхъ людей изъ помѣщиковъ и вотчинниковъ тѣхъ городовъ", чтобы „вѣдать всякія дѣла съ воеводы"; но эта попытка привлечь уѣздное дворянство къ участію въ областномъ управленіи была обречена на неудачу въ виду того, что Петровская служба выбрала изъ уѣзда все здоровое и трудоспособное, и „добраго и знатнаго" дворянина можно было сыскать въ уѣздѣ только тогда, если онъ уклонялся отъ служебной повинности. Поэтому власть воеводы мало чѣмъ измѣнилась отъ назначенія „воеводскихъ товарищей", и при организаціи губернскаго управленія 1708 г. воевода вошелъ въ его систему, какъ живой элементъ уѣздной власти, переименовавшись въ 1710 году въ коменданта. Впрочемъ, съ перемѣной имени произошли измѣненія и въ объемѣ власти воеводы. Разрушеніе ратуши, какъ центральнаго органа городского самоуправленія, снова подчинило городъ воеводѣ-коменданту, и въ его рукахъ снова была соединена судебно-финансовая власть надъ всѣмъ населеніемъ уѣзда. Но въ то же время воевода понижень былъ на лѣстницѣ субординаціи. Если раньше онъ непосредственно сносился съ центральными приказами (гдѣ не было

„разрядовъ“), то теперь между нимъ и центромъ стоятъ промежуточныя инстанціи. Уѣздъ былъ слишкомъ мелкой ячейкой, чтобъ составлять нормальную единицу губернскаго подраздѣленія: вѣдь на каждую Петровскую губернію среднимъ числомъ приходилось по $42^5/_8$ старинныхъ уѣзда; нѣкоторые изъ уѣздовъ бывали слишкомъ удалены отъ губернскаго центра, чтобъ поддерживать съ нимъ нормальную связь. Это обстоятельство и побудило Петра образовать изъ такихъ отдаленныхъ уѣздовъ промежуточную между губерніей и уѣздомъ административную инстанцію—провинцію, которая была далеко не общимъ явленіемъ. Такъ, въ Московской губерніи было 8 провинцій, въ Архангелогородской же ихъ было только двѣ. Во главѣ провинціи стоялъ оберъ-комендантъ, подчиненный губернатору и ближайшій начальникъ по отношенію къ уѣздному коменданту; гдѣ не было провинціи, тамъ комендантъ былъ второю губернскою инстанціей.

Въ 1714 году вводится крупная реформа въ губернскомъ управленіи: какъ въ 1702 г. при воеводахъ, такъ теперь при губернаторахъ долженъ былъ состоять выбранный дворянствомъ совѣтъ изъ 8 — 12 ландратовъ, который не подчинялся губернатору, а соправительствовалъ съ нимъ. Губернаторъ въ ландратскомъ „консиліумѣ“ долженъ вести себя „не яко властитель, но яко президентъ“, а его совѣтники должны именоваться имъ „товарищами, а не ландратами“. Губернаторъ могъ дать порученіе ландрату только „по приключившейся нуждѣ... съ общаго совѣта, подписавшись руками...“ Это первое административное заимствованіе изъ отнятыхъ у Швеціи провинцій, имѣвшее очень опредѣленный смыслъ контроля и содѣйствія губернскому управленію со стороны дворянскаго общества губерніи. Впрочемъ, судьба этого учрежденія является прекрасной иллюстраціей къ тому, какъ подъ вліяніемъ фискальныхъ интересовъ создававшіяся Петромъ учрежденія принимали совсѣмъ не отвѣчающее ихъ первоначальному смыслу назначеніе.

Въ связи съ подворною переписью 1710 г. Петръ озаботился ввести болѣе точное разложеніе по губерніямъ расходовъ на армію. Была выработана особая платежная единица, приравненная къ 5.536 дворамъ. Цифра эта составляла одну „долю“ участія въ общегосударственномъ сборѣ на содержаніе арміи. Сколько разъ эта цифра содержалась въ общемъ количествѣ населенія губерніи, столько долей падало на губернію въ пеcеніи общей тяжести платежей. Но доля эта не была только счетной единицей раскладки подати; она по указу 28 января 1715 г. стала основаніемъ раздѣленія губерніи на областныя административныя части, подъ названіемъ „ландратской доли“. При дѣленіи губерніи на доли количество дворовъ часто отступало въ ту или другую сторону отъ 5.536, „по разсужденію губернатора“. Новая областная единица, во главѣ съ ландратомъ, упразднила предшествующее дѣленіе губерніи на комендантства и провинціи и образовала болѣе

правильное, всеобщее дѣленіе губерній на подчиненныя ей подраздѣленія, при чемъ ландраты изъ совѣтниковъ губернатора превратились въ подчиненныхъ ему администраторовъ низшей инстанціи, съ финансовой, полицейской и судебной властью.

Соотвѣтственно количеству долей губерніи къ каждой изъ нихъ приписывалось опредѣленное количество полковъ, содержаніе которымъ доставлялось особо назначеннымъ комиссаромъ, ставшимъ подвижною связью между полкомъ и содержащей его областью. Болѣе богатыя губерніи (Казанская, Архангелогородская) должны были изъ своего бюджета высылать обязательныя субсидіи губерніямъ менѣе доходнымъ (Петербургская, Смоленская) и остатки сверхъ смѣты пересылать въ центральныя кассы. На обязанности губернской администраціи лежало изыскивать „приборы“ „безъ тягости народной“, „кромѣ наложенія на крестьянъ“.

Но и губернскою реформой Петръ не могъ остаться доволенъ. Не удалась основная задача реформы, непосредственное удовлетвореніе военныхъ нуждъ изъ мѣстныхъ кассъ, такъ какъ и послѣ Полтавы армія не могла расположиться на мирныя квартиры еще болѣе 12 лѣтъ; связь области съ приписанными къ ней полками черезъ подвижного комиссара была очень шаткою: то комиссаръ не могъ добиться положенной суммы отъ властнаго губернатора, и его били смертнымъ боемъ за оплошность другихъ; то съ полученными деньгами онъ не заставалъ полка на томъ мѣстѣ, гдѣ его оставилъ, и долженъ былъ разыскивать его на необъятныхъ пространствахъ маршей Петровскихъ арміи: и въ томъ и въ другомъ случаѣ голодалъ и холодалъ полкъ. Центральныя военныя учрежденія годами не могли добиться недоимокъ съ губерній, которыя вмѣсто субсидій и „остаточныхъ суммъ“ присылали „отписки“ и требованія „зачетовъ“ за сверхсмѣтные расходы, произведенные иногда по указу свыше. Мѣстныя губернскія кассы, вообще говоря, проявляли тенденцію не выпускать суммъ изъ своихъ сундуковъ и не отказывались отъ удовлетворенія мѣстныхъ расходовъ и даже личныхъ потребностей своего начальства, за счетъ удовлетворенія общегосударственныхъ интересовъ. Губернаторы грабили казну, грабили населеніе, и въ теченіе ряда лѣтъ отъ нихъ нельзя было добиться отчета, какъ это было съ сибирскимъ губернаторомъ Гагаринымъ, повѣшеннымъ по суду за невѣроятныя злоупотребленія. Другіе губернаторы, чтобъ блеснуть своими „приборами“, не останавливались предъ дутыми цифрами въ своихъ отчетахъ и страшнымъ разореніемъ населенія. Таковъ былъ первый казанскій губернаторъ П. М. Апраксинъ. Въ отчетѣ онъ показалъ приходу въ три года своего правленія 398.416 р., когда на самомъ дѣлѣ было прибрано 281.931 р.; да и этотъ приборъ былъ купленъ цѣною„ учиненныхъ впустѣ 32.215 дворовъ ясачниковъ“, и „съ той пустоты“ казна ежегодно теряла „табельныхъ и сверхтабельныхъ доходовъ по 216.021 р.“; зато этотъ губернаторъ „пода-

рилъ“ въ личное распоряженіе царя 120 тыс. рублей... Едва ли и въ другихъ областяхъ преобразованныя учрежденія Петра принесли народу пользу. Уже частая ломка учрежденій и связанная съ нею смѣна лицъ, замѣпательство въ ходѣ дѣлъ не могли не отразиться на населеніи отрицательнымъ образомъ. Кромѣ того, съ перемѣной названій и перетасовкой учрежденій лица, ихъ наполнявшія, не перерождались, оставаясь сами собой со всѣми пороками, унаслѣдованнымп отъ московскаго воеводско-приказнаго строя. Обнаруженная переписями тенденція къ пониженію численности населенія была явнымъ показателемъ тяжести Петровскихъ преобразованій, между прочимъ, и въ области управленія.

Учрежденіе губернскаго управленія имѣло еще и ту свою отрицательную сторону, что имъ окончательно былъ разрушенъ строй центральныхъ учрежденій. Приказы или были перенесены въ области, или стали губернскими учрежденіями Москвы, или совсѣмъ закрылись. Оживилась только подъ вліяніемъ неудачной связи арміи съ областями дѣятельность новыхъ военныхъ приказовъ, ставшихъ, въ концѣ-концовъ, передаточной инстанціей средствъ губерніи въ приписанные къ ней полки. Съ еще большею энергіей дѣйствуетъ учрежденіе, довольно неожиданно появившееся въ 1711 г. Я разумѣю Сенатъ. Его происхожденіе и роль объясняются не столько учредительными актами, которые очень скудны по своему содержанію, сколько условіями правительственной дѣятельности Петра въ этотъ періодъ. Старая Боярская Дума, опиравшаяся на систему приказовъ и на традиціонную практику, постепенно принимала новый видъ, подъ вліяніемъ уже извѣстной намъ ломки приказнаго строя и связанныхъ съ нимъ пріемовъ управленія. Въ силу постоянныхъ отлучекъ Петра изъ столицы Дума принимала характеръ временной комиссіи, изъ довѣренныхъ сановниковъ наличнаго состава „не всегда родовитыхъ и думныхъ чиновъ“, которой поручалось руководить управленіемъ въ отсутствіе государя, объединять дѣятельность сохранившихся или вновь образованныхъ центральныхъ учрежденій. Самое названіе „боярской конзиліи“ или „канциліи министровъ“, которыми Боярская Дума стала обозначаться съ первыхъ же годовъ XVIII в., оттѣняетъ ея составъ и назначеніе въ это время. Чаще всего „министры“ собираются для присутствованія въ „конзиліи“ при „ближней канцеляріи“, ставшей съ 1699 г. государственнымъ контролемъ и вмѣстѣ канцеляріей „канциліи министровъ“. Значеніе этого учрежденія вытекало изъ довѣрія въ силу необходимости, которымъ облекалъ его Петръ. Въ 1706 году Петръ писалъ адмиралу Головину изъ Смоленска: „Уже я... довольно писалъ, чтобы вы ко мнѣ оттоль (изъ Москвы) ради рѣшенія низовыхъ дѣлъ (т.-е. усмиренія Астраханскаго бунта) не писали, а сами бъ и вершили тамъ; ибо мнѣ довольно и здѣшняго, такожъ и времени будетъ продолженіе, что и самъ я, будучи на Москвѣ, приказывалъ, чтобъ вамъ за тѣмъ и прочими дѣлами трудиться, а именно: вамъ, Тихону Никитичу (Стрѣшневу), господину

адмиральтейцу (Ѳ. М. Апраксину) и прочимъ, кого возьмете къ себѣ. И нынѣ о томъ же подтверждаю: извольте распечатывать и дѣлать такъ, какъ вамъ дать отвѣтъ въ день судный". Но до суднаго дня гг. министры могли очень злоупотребить довѣріемъ царя, и Петръ обязываетъ своихъ довѣренныхъ оставлять слѣды своей дѣятельности для сужденія объ ея пользѣ въ этой жизни. Въ 1707 г. было указано, чтобы „всякія дѣла, о которыхъ совѣтуютъ, записывали и каждый министръ своею рукою подписывалъ, что дѣло нужно, ибо симъ всякаго дурость явлена будетъ". Но значеніе канцилій министровъ, какъ центральнаго органа управленія, росло по мѣрѣ того, какъ съ преобразованіемъ Петра приходила въ полное разрушеніе „храмина" приказнаго строя; съ учрежденіемъ же губерній канцилія осталась фактически единственнымъ центральнымъ органомъ общаго управленія, такъ какъ стоявшіе рядомъ съ ней полномочные военные приказы имѣли слишкомъ спеціальное назначеніе, чтобъ они могли конкурировать съ нею въ руководствѣ дѣлами общаго управленія. Но помимо этой, такъ сказать, внутренней необходимости, выдвигавшей фактическое значеніе канцилій въ качествѣ главнаго и единственнаго органа центральнаго управленія, въ 1711 г. явилась экстренная необходимость оформить создавшееся положеніе дѣлъ и официально придать этому органу высокое положеніе въ государствѣ, а вмѣстѣ произвести нѣкоторыя измѣненія въ его организаціи. Начиналась война съ Турціей. Съ береговъ Дуная, куда уносили Петра боевые замыслы, было уже труднѣе руководить управленіемъ, тѣмъ болѣе, что губернская система налаживалась съ большими треніями и далека была отъ возложенныхъ на нее чаяній. Нуженъ былъ полномочный довѣренный, который бы могъ дѣйствовать „вмѣсто присутствія персоны Е. Ц. В.". Вотъ почему указъ объ учрежденіи Сената и начинается словами: „опредѣлили быть для отлучекъ нашихъ Правительствующій Сенатъ для управленія" въ составѣ девяти сенаторовъ и съ обязанностью для подданныхъ всѣхъ чиновъ „быть послушными Управительному Сенату такъ, какъ намъ самому (т.-е. царю) подъ жестокимъ наказаніемъ или смертію, по винѣ смотря". Въ прямую обязанность Сенату вмѣнялось: 1) судъ имѣть нелицемѣрный и неправедныхъ судей наказывать отнятіемъ чести и всего имѣнія; 2) денегъ какъ возможно болѣе собирать, понеже деньги суть артеріею войны; 3) дворянъ собрать молодыхъ для запаса въ офицеры, а наипаче тѣхъ, которые кроются, сыскать; такоже тысячу человѣкъ людей боярскихъ грамотныхъ для того же". Уже изъ этихъ данныхъ слишкомъ ad hoc пунктовъ инструкціи выясняется взглядъ Петра на Сенатъ, какъ высшее финансовое, судебное, административное, военное, надзирающее учрежденіе въ государствѣ. Ученые все еще спорятъ о предѣлахъ власти Сената, одни расширяя его полномочія до компетенціи высшаго правительственнаго учрежденія съ законодательной властью, другіе суживая его значеніе до роли

простого исполнителя порученій государя, при чемъ и тѣ и другіе въ большинствѣ случаевъ подходятъ къ вопросу съ рамками современнаго государственнаго права. Для Петра вопросъ о юридической природѣ Сената не существовалъ; его полномочія опредѣлялись потребностью момента и практикою. Дѣятельность Сената вытекала не изъ опредѣленныхъ основнымъ закономъ правъ, а изъ очень широкихъ по своей общности обязанностей „имѣть о монаршей и государственной пользѣ неусыпное попеченіе, доброе бы простирать, а все, что вредно можетъ быть, всемѣрно отвращать“. Это былъ довѣренный коллективный приказчикъ большой вотчины Петра, во время отсутствія послѣдняго, обязанный ему одному только отчетомъ въ предѣлахъ своей всеобъемлющей компетенціи, по удачному выраженію В. О. Ключевскаго—„alter ego царя въ глазахъ народа, ежеминутно чувствующій надъ собою царское quos ego“. Въ такомъ своемъ значеніи Сенатъ иногда не по праву, а по необходимости, за отсутствіемъ царя, вступалъ въ его верховное право—законодательство, до молчаливой аппробаціи государя или до гнѣвной отмѣны неудачныхъ рѣшеній, вступившихъ уже въ силу, и въ этомъ отношеніи Сенатъ не только издавалъ свои постановленія, имѣвшія силу закона, но отмѣнялъ даже Петровскіе именные указы, опять-таки не по праву, а, лучше сказать, вслѣдствіе отсутствія у Петра самомнѣнія, его мужества всенародно признавать свои ошибки и измѣнять то, что было имъ „не осмотря сдѣлано“. Вооруженный такою бытовою мощью, всегда понукаемый Петромъ къ самостоятельной раціональной инціативѣ, Сенатъ въ то же время былъ лишенъ фактически возможности широко проявлять себя въ управленіи. Этому большому организму недоставало еще сильныхъ и окрѣпшихъ мышцъ, конечностей, которыя бы помогали ему всегда цѣлесообразно и быстро реагпровать на окружающія его явленія. Прежде всего у Сената не было вспомогательныхъ центральныхъ органовъ, которые производили бы предварительную подготовку доходившихъ до него дѣлъ и, выполняя черновую работу вмѣстѣ съ обобщеніемъ поступающаго по спеціальнымъ вѣдомствамъ матеріала, давали бы возможность Сенату заниматься только общимъ направленіемъ, руководствомъ управленія и рѣшеніемъ дѣлъ высокой государственной важности. Въ этомъ отношеніи Петровскій Сенатъ до учрежденія коллегій былъ поставленъ даже въ менѣе выгодныя условія сравнительно съ Боярской Думой, базировавшейся на приказахъ. Ему приходилось размѣнивать свое вниманіе часто на самыя мелкія дѣла, которыя свободно могли исполняться низшими инстанціями. Но заваленный мелочными дѣлами внутри, Сенатъ съ трудомъ могъ проявлять свою власть въ области, такъ какъ у него почти не было средствъ воздѣйствовать на слишкомъ самостоятельныхъ губернаторовъ, которые въ качествѣ областныхъ децентрализованныхъ органовъ управленія были почти недосягаемы для него. Правда, при Сенатѣ присутствовали „всегда безотлучно“ комиссары отъ губерній „для спроса и при-

ниманія указовъ“, но эти агенты области при Сенатѣ были слишкомъ хрупкой и легковѣсной связью центра съ областью и чаще подвергались нещадному битью батогами въ канцеляріяхъ Сената за неисполнительность своего губернскаго начальства, чѣмъ добивались отъ послѣдняго исполненія приносимыхъ ими въ губерніи приказовъ Сената, и это несмотря на то, что комиссаръ въ силу необходимости сталъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ агентовъ власти, занимая въ губерніи положеніе казначея, а при Сенатѣ представляя изъ себя живую справочную канцелярію своей губерніи: простой курьеръ исполнялъ роль областного центра при высшемъ правительственномъ учрежденіи.

Другимъ средствомъ надзора Сената за подчиненною ему администраціею былъ институтъ фискаловъ, „чинъ“ которыхъ, по словамъ Петра, былъ „тяжелъ и отъ всѣхъ ненавидимъ“, потому что былъ основанъ на принципѣ: „лучше доношеніемъ ошибиться, нежели молчаніемъ“, и за свои „ошибки“ пользовавшійся вначалѣ полною безнаказанностью. „Чинъ“ этотъ вѣдалъ „дѣлами безгласными, иже не имѣютъ челобитчика о себѣ“; куда относятся: 1) неисполненіе указовъ; 2) взятки, казнокрадство „и прочее, что ко вреду государственнаго интереса быть можетъ“; 3) дѣла частно-гражданскаго и уголовнаго характера, по которымъ не могло быть челобитчика (напр., убійство пріѣзжаго, выморочныя имущества и пр.). Орудіемъ дѣйствія фискала были заявленіе въ судъ о преступникѣ и доносъ на него по начальству; отъ послѣдняго не избавлялись даже сами „господа сенаты“, которые не только не склонны были пользоваться этимъ оружіемъ своего надзора, но не умѣли даже скрывать своей ненависти противъ этихъ „антихристовъ и плутовъ, уличныхъ судей“, какъ бранили сенаторы Я. Ѳ. Долгорукій и Племянниковъ оберъ-фискала Желябужскаго. Такъ плохо сложенная въ отвѣтъ на запросы жизни административная машина, изъ старыхъ матеріаловъ и по доморощеннымъ образцамъ, естественно, не могла удовлетворить ни этихъ запросовъ жизни, ни Петра.

III.

Мысль объ устройствѣ центральныхъ учрежденій по западнымъ образцамъ начинаетъ занимать Петра уже въ 1715 году. На нее прежде всего наталкивала неудовлетворительная практика губернскаго управленія съ однимъ Сенатомъ въ центрѣ. Пробѣлъ въ организаціи управленія, какъ мы видѣли, самъ напрашивался на заполненіе. Да и переносъ столицы въ Петербургъ вмѣстѣ съ Сенатомъ, поближе къ театру войны, далъ Петру возможность принимать болѣе близкое участіе въ управленіи и почувствовать непосредственно недостатокъ центральныхъ органовъ. Въ ту же сторону склоняли мысль Преобразователя наблюденія надъ управленіемъ въ

Петръ Великій.

Съ портрета *Ванъ-деръ Верфа.* (1697—1698.)

сосѣднихъ европейскихъ государствахъ и особенно проекты иностранныхъ и русскихъ прожектеровъ, всесторонне разбиравшіе недостатки существующаго строя и предлагавшіе планы преобразованія на новыхъ началахъ съ детальною ихъ разработкой [1]). Прежде всего Петръ заинтересовался введеніемъ коллегій, которыя ему и его сотрудникамъ представлялись необходимою принадлежностью хорошаго строя управленія. Достоинства коллегіальной формы управленія заключаются прежде всего во внутренней доброкачественности и въ высшей дѣ-

Гр. Б. П. Шереметевъ. (По гравюрѣ Бекетова).

способности коллегіальнаго веденія дѣлъ: „въ коллегіи предложенную нужду разбираютъ умы многіе, — читаемъ мы въ Духовномъ Регламентѣ, — и что единъ не постигнетъ, то постигнетъ другій, а чего не увидитъ сей, то оный увидитъ“; дѣйствія коллегіи непрерывны и неподкупны, потому что за болѣзнью или смертью одного члена дѣла не пріостанавливаются и ведутся подъ взаимнымъ контролемъ; коллегіи не страшны сильные люди, она же хорошая школа для неопытныхъ членовъ и т. д. Но помимо этой внутренней доброкачественности коллегіальнаго строя, бросалось въ глаза превосходство его высокой систематичности вслѣдствіе распредѣленія дѣлъ между центральными органами по однороднымъ предметамъ вѣдомства и правильности расчлененія центральныхъ органовъ. Это достоинство особенно бросалось въ глаза по сравненію съ приказною системою управленія, съ присущей ей несогласованностью, безсвязностью учрежденій и черезполосицей вѣдомствъ. За образецъ реформы Петръ принялъ шведскія учрежденія, для изученія которыхъ послалъ въ Швецію своего тайнаго агента Фика. Шведскія административныя учрежденія считались въ то время лучшими по своей систематичности и согласованности

---

[1]) Интересующихся этимъ вопросомъ мы отсылаемъ къ книгѣ Павлова-Сильванскаго. „Проекты реформъ“; Милюкова. „Государственное хозяйство“, отд. III, 383 стр. и далѣе; Богословскаго. „Областная реформа II. В.“.

дѣйствіи. Кромѣ того, близкое сосѣдство съ сравнительнымъ сходствомъ бытовыхъ условій Россіи и Швеціи, большее знакомство съ этими учрежденіями, чрезъ наблюденіе надъ отнятыми у Швеціи провинціями, а также чрезъ плѣнныхъ шведовъ и русскихъ, возвратившихся изъ шведскаго плѣна [1]), — все это также имѣло свое рѣшающее вліяніе на выборъ образца. Введенію коллегій предшествовало очень продолжительное обсужденіе ихъ. Отъ первыхъ шаговъ по введенію коллегій до окончательнаго осуществленія ихъ прошло болѣе пяти лѣтъ; слѣдовательно, было меньше риска „неосмотря того сдѣлать“, какъ это заурядно случалось въ предшествующую пору. Кромѣ того, разработка вопроса велась выдающимися знатоками государственнаго права, какими были бар. Люберасъ и Фикъ. Введеніе коллегій не было рабскимъ, механическимъ перенесеніемъ чужихъ учрежденій на русскую почву, какъ это утверждалъ Фоккеродтъ: шведскіе регламенты перерабатывались сообразно „ситуаціи сего государства“, какъ того сознательно требовалъ Петръ. И дѣйствительно, приспособленіе шведскаго административнаго строя къ русской дѣйствительности привело къ крупнымъ передѣлкамъ въ немъ. Два начала проглядываютъ въ устройствѣ русскихъ коллегій. Прежде всего стремленіе создать органы удовлетворенія главнѣйшихъ потребностей государственной жизни, какими были войско и финансы; съ другой стороны, явно проглядываетъ доселѣ невѣдомая забота о народномъ благосостояніи, навѣянная идеями меркантилизма. Первую категорію коллегій составили коллегія иностранныхъ дѣлъ, воинская и адмиралтейская, возникшія на мѣстѣ живыхъ соотвѣтственныхъ приказовъ, начальники которыхъ (канцлеръ Головкинъ, фельдмаршалъ Меншиковъ и адмиралъ Апраксинъ) стали президентами этихъ коллегій. Между камеръ-коллегіей (государственные доходы), штатсъ-коллегіей (расходы) и ревизіонъ-коллегіей (государственный контроль) распредѣлилась финансовая сторона управленія. Коммерцъ-коллегія, мануфактуръ- и бергъ-коллегія являлись уже плодомъ приложенія началъ меркантилизма къ русской государственности. Совершенно новымъ, не имѣвшимъ себѣ образца въ шведской системѣ, учрежденіемъ была юстицъ-коллегія, которая, подобно военнымъ, стянула въ себѣ вѣдомства еще живыхъ доморощенныхъ приказовъ (судныхъ, помѣстнаго, сыскного и земскаго), — дань „ситуаціи сего государства“. Но на этомъ приспособленіе западныхъ чертежей къ русской дѣйствительности не окончилось. Нужно было опредѣлить мѣсто коллегій, поставленныхъ на запустѣвшихъ мѣстахъ и развалинахъ приказовъ, въ ряду живыхъ дѣйствующихъ административныхъ учрежденій: компетенцію коллегій, какъ самостоятельныхъ органовъ центральнаго управленія, нужно было размежевать прежде всего съ вѣдомствомъ Сената, этого универсаль-

---

[1]) Богословскій. „Областная реформа П. В.“ стр. 30 и дал.

наго правительственнаго органа въ центрѣ. Въ Швеціи Сенатъ не стоялъ, подобно русскому, во главѣ управленія, а потому этотъ вопросъ приходилось опять-таки рѣшать сообразно „съ ситуаціей сего государства по своему разсужденію“. Вначалѣ хотѣли было примирить антагонизмъ между Сенатомъ и коллегіями тѣмъ, что президентовъ коллегій сдѣлали сенаторами, не безъ вліянія старыхъ порядковъ Швеціи; но это повело, съ одной стороны, къ полнѣйшему аннулированію самостоятельнаго значенія коллегій, которыя превратились въ канцеляріи при своемъ президентѣ — сенаторѣ; съ другой стороны, Сенатъ фактически пересталъ быть надзирающимъ органомъ, такъ какъ сенаторамъ приходилось надзирать за собою же. Въ 1722 г. Петръ призналъ, что „то неосмотря сдѣлано“, и отнялъ у сенаторовъ президентство въ коллегіяхъ, назначивъ на этотъ постъ менѣе вліятельныхъ лицъ. Такимъ образомъ Сенатъ сталъ надъ коллегіями въ качествѣ высшаго и независимо воздѣйствующаго на нихъ органа центральнаго управленія. Въ то же время ревизіонъ-коллегія была превращена въ столъ при Сенатѣ, „понеже (ея) дѣло едино есть (то же), что Сенатъ дѣлаетъ, и не разсмотря тогда учинено было“.

Но „ситуація сего государства“ требовала, кромѣ того, размежеванія между коллегіями и губерніями, которыя какъ-никакъ были центральными органами управленія въ областяхъ, и ихъ компетенція теперь совпадала въ своихъ частяхъ съ отдѣльными коллегіями. Размежеваніе въ этой области повело къ полному переустройству областного управленія, на совершенно новыхъ началахъ, заимствованныхъ у той же Швеціи. Обсужденіе и введеніе областной реформы происходило въ связи съ реформой центральныхъ учрежденій и тоже продолжалось около трехъ лѣтъ (съ 1718 по 1721 г.). Ужъ одно это предполагаетъ бо́льшую обдуманность общаго плана и согласованность частей. И дѣйствительно, иноземные чертежи и иностранцы-руководители помогли Петру разработать стройную систему управленія, къ тому же въ значительной степени приспособленную къ условіямъ русской жизни. Что̀ особенно замѣчательно было въ этой реформѣ, это — принципъ раздѣленія компетенцій-отдѣленія суда отъ администраціи и расчлененіе администраціи на спеціальные органы управленія. Въ частности, собственно областная администрація приняла такой видъ. Главнымъ ядромъ областного управленія была провинція во главѣ съ воеводою, которому принадлежало общее руководство управленіемъ провинціи. Ближайшими его сотрудниками, исполнявшими, такъ сказать, черновую работу управленія, были: 1) камериръ—завѣдывавшій сборами податей въ провинціи и казенными имуществами; 2) рентмейстеръ—казначей, принимающій и выдающій провинціальную казну по ордерамъ и квитанціямъ строго опредѣленной формы; 3) провіантмейстеръ—завѣдующій натуральными сборами провинціи. Каждый изъ этихъ администраторовъ имѣетъ свою канцелярію и ведетъ дѣла подъ общимъ надзоромъ воеводы. Такъ устроенная провин-

ція подчинена только центральнымъ органамъ управленія — коллегіямъ и Сенату; прежнія губерніи хотя и остались, но онѣ были сокращены въ территоріальномъ объемѣ и уравнены по компетенціи и въ порядкѣ субординаціи провинціямъ, такъ что воевода ни въ чемъ не зависѣлъ отъ губернатора. Всѣхъ такихъ центровъ провинціальнаго управленія было образовано 50 вмѣсто старыхъ 8, позже 10 губерній. Несмотря на эту сравнительную дробность основной областной единицы управленія, каждая губернія и провинція была подраздѣлена на дистрикты, нормальнымъ объемомъ которыхъ считалось 2000 тяглыхъ дворовъ. Такихъ дистриктовъ было разное число въ разныхъ провинціяхъ, въ зависимости отъ населенности ея. Такъ, въ Московской было 19 дистриктовъ, а въ угличской—4. Дистриктъ былъ почти втрое меньше замѣненной имъ „ландратской доли“ (5536 дворовъ). Дистриктомъ управлялъ земскій комиссаръ, назначаемый камеръ-коллегіей и подчиненный непосредственно провинціальному воеводѣ. Комиссаръ былъ главнымъ агентомъ воеводской власти въ дистриктѣ, объединяя въ своихъ рукахъ все управленіе дистрикта, кромѣ суда. Администраціи вообще приказано было „до юстиціи не касаться“. Для суда была устроена самостоятельная система учрежденій. Первой судебной инстанціей были такъ называемые „нижніе“ суды, — единоличные въ малыхъ городахъ и коллегіальные (изъ предсѣдателя — оберъ-ландрихтера и 2—4 асессоровъ) въ большихъ. Эти суды были независимыми одна отъ другой инстанціями; на нихъ можно было апеллировать только въ слѣдующую инстанцію „надворныхъ судовъ“, которые были учреждены въ главнѣйшихъ городахъ Россіи въ количествѣ 11. Суды эти были коллегіальными и состояли изъ президента, вице-президента и нѣсколькихъ асессоровъ (до 6). Президентами чаще всего бывали провинціальные губернаторы и воеводы, — единственное отступленіе отъ принципа отдѣленія суда отъ администраціи. Надворные суды вѣдали поступавшія въ нихъ апелляціи изъ „нижнихъ“ судовъ, въ качествѣ второй инстанціи, и дѣла, неподсудныя „нижнимъ“ судамъ (преступленіе по должности, разслѣдованіе по доносамъ фискаловъ и др.), въ качествѣ первой инстанціи; впрочемъ, надворные суды разбирали въ первой инстанціи и мелкія дѣла, подсудныя „нижнимъ“, если тяжущіеся были обывателями того мѣста, гдѣ находился надворный судъ, — древнерусскій обычай. На рѣшенія дѣла въ надворныхъ судахъ можно было жаловаться въ юстицъ-коллегію, которая такимъ образомъ была третьей судебной инстанціей и вмѣстѣ министерствомъ юстиціи. Зданіе суда увѣнчивалось Сенатомъ, рѣшенія котораго въ порядкѣ апелляціи (а не кассаціи, какъ теперь), были окончательны и не подлежали отмѣнѣ, „понеже,—говоритъ указъ 1718 г.,—тотъ вышній Сенатъ отъ Е. Ц. В. высокоповѣреннымъ есть, и въ (изъ) особахъ честныхъ и знатныхъ состоитъ, которымъ не токмо челобитчиковы дѣла, но и правленіе государства повѣрено есть“.

Якоби.

Свадьба въ Ледяномъ домѣ.

(Музей Александра III.)

Якобы. Сварбад вр Уедяноыр дом.

(Музей Александра III.)

Bonus

Изъ очерченной административно-судебной системы были изъяты и получили самостоятельную организацію управленія: 1) церковное вѣдомство, „синодальная команда“, со времени учрежденія Синода, 2) дворцовое и лѣсное, 3) городское самоуправленіе, получившее въ видѣ городскихъ магистратовъ, во главѣ съ главнымъ магистратомъ, подчиненнымъ Сенату, минуя коллегіи, самостоятельное управленіе по всѣмъ отраслямъ посадской жизни. Если мы прибавимъ къ сказанному, что въ инструкціяхъ предписывалось администраціи заботиться не только объ интересахъ фиска, но и о матеріальномъ и духовномъ преуспѣяніи населенія, а судамъ рекомендовалось „лучше повиннаго оправдать, нежели неповиннаго безразсмотрительно осуждать“, при чемъ вся администрація была переведена съ кормленія на жалованье, то предъ нами предстанетъ очень сложная, стройная и раціональная система управленія, вполнѣ способная создать „регулярное государство“.

Гр. А. П. Румянцовъ. (По гравюрѣ Бекетова).

Но одно дѣло планы и намѣренія, другое — дѣйствительность. Реформа эта оказалась не по плечу Петровской Россіи, какъ это блистательно выяснили въ своихъ трудахъ М. М. Богословскій и П. Н. Милюковъ. У русскаго народа не оказалось ни средствъ, ни подготовленныхъ лицъ, ни достаточно культурной среды, чтобы воплотить эту систему въ жизнь, наполнить ея формы соотвѣтственнымъ содержаніемъ. У государства не было средствъ, чтобы регулярно содержать на жалованьи введенный реформой въ оборотъ административный персоналъ, и послѣднему приходилось или впадать въ „окончательное мизеріе“, или брать взятки — „кормиться“ по старинѣ. Большинство административно-судебнаго персонала приходилось вербовать изъ тѣхъ же старыхъ подъячихъ, дьяковъ, воеводъ, воспитавшихся на старой приказной практикѣ со всѣми ея пороками и косностью, и получившій новое наименованіе старый служилый персоналъ никакъ не могъ проник-

нуться новыми началами реформы. Судебныя и административныя власти съ трудомъ понимали принципъ раздѣленія вѣдомствъ и труда: въ результатѣ губернаторы по привычкѣ „заѣзжали“ въ вѣдомство воеводъ, воеводы и комиссары „по старинѣ“ судили, судьи вмѣшивались въ распоряженія камериpовъ, комиссаровъ и воеводъ и, по словамъ указа юстицъ-коллегіи, власти „съ яростью и презрѣніемъ тщатся“ уничтожать одна дѣла другой, вмѣсто требуемаго отъ нихъ единенія и взаимнаго содѣйствія. Администрація такъ же, какъ и населеніе, знать не хотѣла инстанцій и лѣзла въ Сенатъ и къ государю, по старой уѣздной практикѣ, съ такими мелочами, которыя вполнѣ были подвѣдомственны администраціи дистракта и „нижнихъ судовъ“;—и это несмотря на частые грозные указы и жестокія наказанія, которыми хотѣли разъяснить смыслъ нововведенія; при всемъ томъ не хватало людей, „заобыклыхъ“ въ правленіи, и должности подолгу „ваковали“. Все это заставило Петра забить отбой къ старинѣ, къ доморощенной простотѣ и дешевизнѣ управленія. Въ первую очередь пожертвовали принципомъ раздѣленія властей, и уже въ 1722 г. началась новая ломка въ только что наладившейся въ 1721 г. системѣ: Петръ указалъ „нижніе суды подчинить воеводѣ“. Согласно этому указу „нижніе“, коллегіальные и городскіе суды были „отставлены“, и вмѣсто нихъ сталъ вѣдать судъ воевода съ однимъ или двумя асессорами; а въ городахъ, удаленныхъ на 200 верстъ отъ провинціальнаго центра, воеводѣ предоставлялось назначать подъ своею „командой“ „судебнаго комиссара“. Тормозящее вліяніе на осуществленіе областной реформы 1719—22 гг. оказали также введеніе подушной подати и расквартированіе войскъ среди населенія провинцій.

Организація того и другого дѣла, производившаяся почти одновременно съ областною реформою, ввела въ область новыя власти и учрежденія, съ компетенціей переплетающейся и аннулирующей всякое значеніе областной администраціи. „Генералитету“, производившему долгіе годы повѣрку подушной переписи—ревизію и разбросавшему свои переписныя канцеляріи по всей Россіи, были предоставлены подавляющія полномочія и средства ихъ приведенія на мѣстахъ въ видѣ военной команды. Для постоя и содержанія войскъ были образованы особые „военные дистрикты“, которые ничего общаго не имѣли съ комиссарскими дистриктами провинціи. Въ главной квартирѣ полка, ставшей центромъ военнаго дистрикта, выросла власть полкового командира, который не хотѣлъ знать провинціальной администраціи и пускалъ въ дѣло послушную ему силу тамъ, гдѣ у него не было права вторгаться въ вѣдомство воеводы и комиссара. „Трудно себѣ представить,—говоритъ М. М. Богословскій,—болѣе униженное и зависимое положеніе, чѣмъ то, въ какомъ очутилась провинціальная администрація 1717 г. Сфера дѣятельности ея сужена; свобода ея дѣйствій была стѣснена. Сверху ее

Петръ Великій. Музей Семеновскаго полка.

давилъ властный и требовательный переписчикъ, съ боковъ ее сжимали полковые командиры. Наконецъ, существенныя измѣненія потерпѣли и самыя орудія ея дѣйствія на мѣстахъ — земскіе комиссары. Значительная доля ихъ обязанностей, а именно, сборъ подушной была передана другому, новому институту — выборнымъ комиссарамъ при полкахъ, не подчиненнымъ провинціальнымъ властямъ".

Что же удивительнаго, что новая администрація, уже въ своей природѣ носившая элементы разложенія и парализованная въ своихъ дѣйствіяхъ посторонними ей силами и учрежденіями, далеко не оправдывала возложенныхъ на нее надеждъ, съ трудомъ „волоча" не только дѣла своихъ челобитчиковъ, но и прямыя свои обязанности предъ центральными учрежденіями. Тщетно Петръ изощрялся въ изобрѣтеніи способовъ и должностей, подтягивающихъ и подгоняющихъ ея агентовъ. Всѣ эти фискалы, исподтишка слѣдившіе за беззаконіями, прокуратура (съ 1722 г.), обязанная открыто въ учрежденіяхъ пресѣкать безпорядки, гвардейскіе солдаты, „понукатели", получавшіе право сажать воеводъ и другихъ чиновниковъ на цѣпь и закованными присылать ихъ въ коллегіи, за неисправность, въ какомъ бы чинѣ они ни были, — все это только вело къ осложненію административнаго механизма, къ дискредитированію его въ глазахъ общества и къ отягощенію этого общества новыми „командирами" и взяточниками, которые, пресѣкая преступленія по службѣ другихъ, считали ихъ позволительными для себя. Процессы оберъ-фискаловъ и оберъ-прокурора Скорнякова-Писарева съ Шафировымъ показали, какъ далека была Петровская бюрократія отъ пониманія тѣхъ высокихъ требованій, которыя ей предъявляла идейная сторона реформы.

Всѣ эти преобразованія, непрерывнымъ потокомъ слѣдовавшія одно за другимъ, разрушавшіяся и вновь созидавшіяся на народномъ тѣлѣ, искусственно пристегиваемыя къ живымъ мѣстамъ его, не только не вели населеніе къ матеріальному и нравственному преуспѣянію, но были гнетомъ, мало чѣмъ уступавшимъ войнѣ Петровскаго времени. Не удивительно, что со смертью Петра его преемники и сотрудники поспѣшили сбросить съ народнаго тѣла реформированныя областныя учрежденія, считая старый воеводскій строй панацеей всѣхъ болѣзней современной имъ Россіи.

Не удивительно и то, что эти преобразованія были однимъ изъ стимуловъ оппозиціоннаго настроенія въ народѣ, выраженія котораго мы показали въ статьѣ: „Петръ и оппозиція".

В. Улановъ.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦІЙ III ТОМА.

А) на отдѣльныхъ листахъ.

А) геліогравюры:

	Стр.
1. Таннауэръ. Петръ Великій въ гробу	16
2. Шарлемань. Петръ Великій въ домѣ Цыклера	32
3. Суриковъ. Меншиковъ въ Березовѣ	64
4. Невревъ. Допросъ кн. Юсуповой	224
5. Якоби. Свадьба въ Ледяномъ домѣ	240
6. Зеркало царицы Натальи Кирилловны	176
7. Воронокъ царицы Евдокіи Ѳедоровны	192
8. Быкъ и мясникъ	208

Б) цвѣтныя, въ нѣсколько красокъ и дуплексъ:

1. Венеціановъ. Петръ Великій.	48
2. Какъ мыши кота хоронили	56
3. Мясоѣдовъ. Сожженіе протопопа Аввакума	80
4. Тарелка царицы Натальи Кирилловны	128
5. Опахало царицы Натальи Кирилловны	144

В) одноцвѣтныя:

1. Коцебу. Битва подъ Лѣснымъ	8
2. Рябушкинъ. Потѣшные Петра Великаго въ кружалѣ	24
3. Шебуевъ. Подвигъ купца Иголкина	40
4. Ге. Допросъ царевича Алексѣя Петровича	72
5. Петръ Великій (Кнеллеръ)	96
6. Петръ Великій (Кнеллеръ)	112
7. Петръ Великій (неизв. художн.)	160
8. Петръ Великій (Ванъ-деръ-Верфъ)	232
9. Петръ Великій (Семеновскаго полка)	248

Б) въ текстѣ.

1. Клааръ. Взятіе Нотебурга	3
2. Шапка Петра Великаго	5
3. Рѣпинъ. Великій полководецъ	7
4. Петръ Великій	9
5. Корбъ. Казнь стрѣльцовъ	11
6. Медаль на рожденіе Петра Великаго	14
7. Петръ Великій	17
8. Маска Петра Великаго	19
9. Рѣпинъ. Петръ Великій	21
10. Петръ Великій	23
11. Шкиперское платье Петра Великаго	25
12. Петръ—отецъ отечества	27

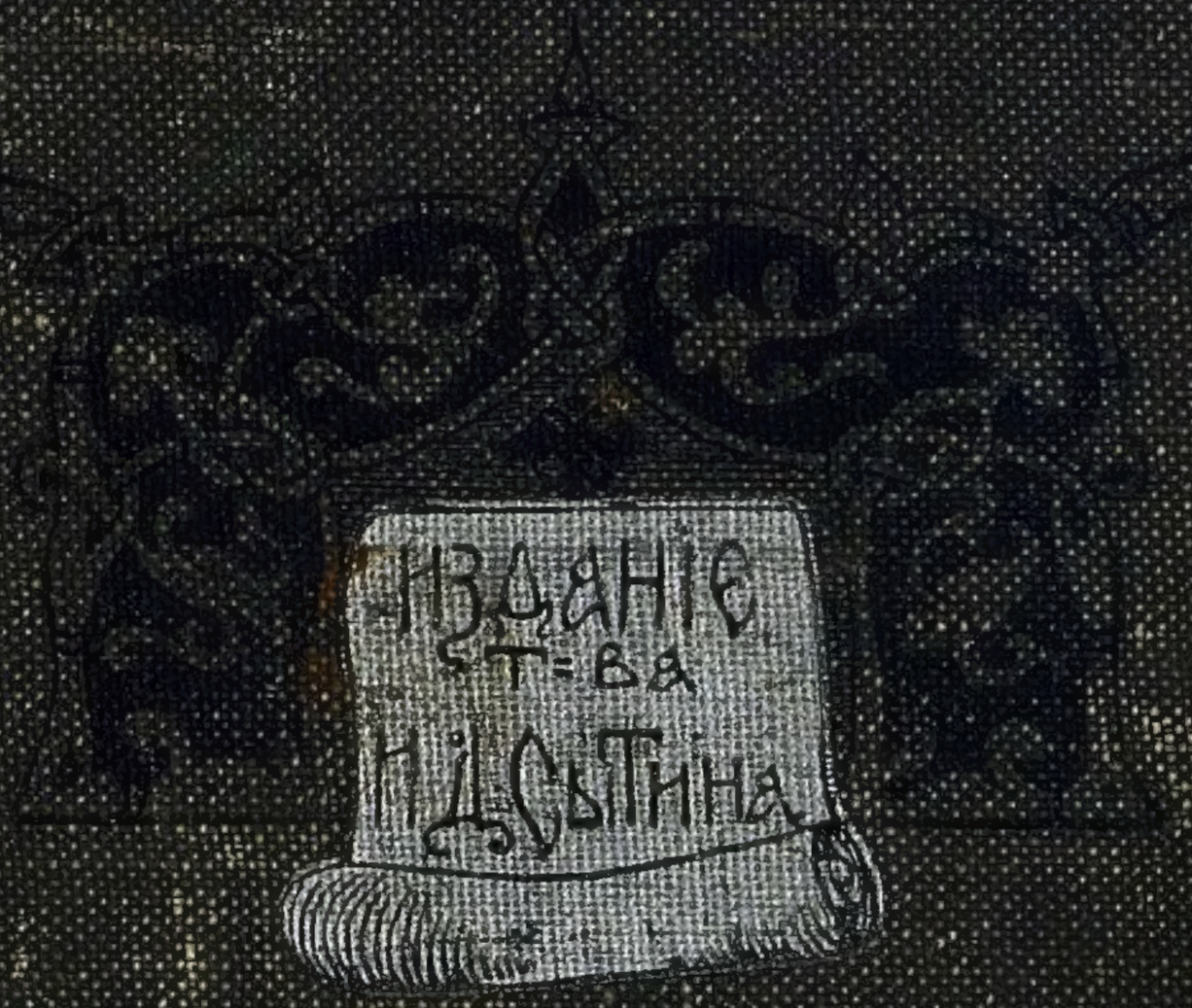
	Стр.
13. Екатерина I.	28
14. Коронаціонное платье Екатерины I	29
15. Корбъ. Торжество водоосвященія.	31
16. Брачный пиръ Петра Великаго .	32
17. Печатный станокъ Петра Великаго	34
18. Геометрія съ поправками Петра Великаго.	37
19. Автографъ Петра Великаго . . .	39
20. „Вѣдомости“.	41
21. Русская азбука съ поправками Петра Великаго.	45
22. Печатный станокъ Петра Великаго	47
23. Петръ Великій	51
24. Петръ Великій	55
25. С.-Петербургъ.	61
26. Букварь царевича Алексѣя Петровича.	65
27. Царица Евдокія (Лопухина) . . .	67
28. „ „ „ . . .	69
29. Царевичъ Алексѣй Петровичъ . .	71
30. Шеръ. Отреченіе царевича Алексѣя Петровича	73
31. Петръ Великій	77
32. Принцесса Шарлотта	79
33. Царевичъ Алексѣй Петровичъ . .	82
34. Царица Евдокія Лопухина. . . .	83
35. Апоѳеозъ Меншикова	89
36. Кн. А. Д. Меншиковъ.	91
37. Кн. Ѳ. Ю. Ромодановскій	93
38. Лефортъ	95
39. Кн. Б. И. Куракинъ.	96
40. Гр. П. А. Толстой.	97
41. Гр. Ѳ. А. Головинъ.	99
42. Кн. Г. Ѳ. Долгоруковъ	101
43. Баронъ П. П. Шафировъ	102
44. Гр. Ѳ. М. Апраксинъ	103
45. Гр. В. В. Долгоруковъ	105
46. Гр. П. И. Ягужинскій.	106
47. И. И. Бутурлинъ	108
48. Кн. Я. Ѳ. Долгорукій.	109
49. Петръ Великій	113
50. Царевичъ Петръ Петровичъ. . .	115
51. Царевна Анна Петровна.	119
52. Петръ Великій	123
53. Восковой бюстъ Петра Великаго.	125
54. „Конклюзія“	129
55. Носилки Карла XII	139
56. Зауэрвейдъ. Сраженіе при Нарвѣ	143
57. Мазуровскій. Битва подъ Лѣснымъ.	149
58. Гетманъ Мазепа.	151
59. Полтавская битва.	153
60. Бой при Гангудѣ	157
61. Ѳеофанъ Прокоповичъ	165
62. Кн. Б. И. Куракинъ.	167
63. Кн. Я. Ѳ. Долгорукій.	169
64. Гр. Г. И. Головинъ	173
65. П. И. Яковлевъ.	177
66. Печать Петра Великаго	179
67. Петръ Великій	183
68. Петръ Великій и Слава.	187
69. Полковое знамя Семеновскаго полка.	191
70. Полтавская битва.	193
71. Ѳеодосій Яновскій.	197
72. Петръ Великій	201
73. „ „	205
74. Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи . .	209
75. Петръ Великій	213
76. Петръ Великій въ гробу.	215
77. Царевна Екатерина Іоанновна . .	219
78. Гр. Б. П. Шереметевъ.	233
79. Гр. А. И. Румянцовъ	237

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ III ТОМА.

Стр.

1. XVII вѣкъ и реформа Петра Великаго. *В. Я. Уланова* 1
2. Петръ Великій (опытъ характеристики). *Проф. М. М. Богословскаго* 15
3. Петръ-писатель. *К. В. Сивкова*. 34
4. Оппозиція Петру Великому. *В. Я. Уланова* 58
5. „Птенцы Петровы“. *К. В. Сивкова* 87
6. Петровская эпоха и литература проектовъ. *В. Н. Сторожева* 111
7. Внѣшняя политика Петра Великаго. *В. В. Нечаева* 132
8. Петръ Великій какъ законодатель и „Правда воли монаршей“. *Д. А. Жаринова* 163
9. Церковная реформа Петра. *Н. М. Никольскаго* 180
10. Дворянство и крестьянство при Петрѣ Великомъ. *В. Н. Бочкарева* 198
11. Преобразованіе управленія при Петрѣ Великомъ. *В. Я. Уланова* 220


ГВДЯНІЄ
ЄТ=ВѦ
НДЄЫТІНѦ